

МАЙН РИД

МАЙН РИД

МАРОНЫ

МАРОНЫ

МАШИНА РИД

МАРОНЫ

Приключения на Ямайке послужили темой романа классика английской приключенческой литературы Томаса Майн Рида (1818—1883), включенного в эту книгу. Свободолюбивые мароны помогают главному герою противостоять козням жестокого рабовладельца Джесюрона и жреца культа негритянского бога Оби Чакры. Том продолжает цикл произведений писателя, начатый издательством в 1985 году книгой «Отважная охотница. Белый вождь».

Печатается по изданию:
Т. Майн Рид. Собр. соч. в 6 т. Т. 6.—
М.: Детгиз, 1958.

Перевод с английского Н. А. Дехтеревой

Художник Н. Горбунов

Литературно-художественное издание

ТОМАС МАЙН РИД

МАРОНЫ

Редактор А. Лукашин, художественный редактор С. Можаява,
технический редактор В. Чувашов, корректор Л. Крамаренко

ИБ № 2195

Сдано в набор 25.03.92. Подписано в печать 30.07.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. копир.-множ. техн. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,9. Уч.-изд. л. 19,364. Тираж
200 000 экз. Заказ № 2985. С 35.
Издательство «Пермская книга». 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Типография АО «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Рид Томас Майн

Р 49 Мароны/Пер. с англ. Н. А. Дехтеревой; худ.
Н. Горбунов.—Пермь: Пермская книга, 1992.— 336 с.

Р $\frac{4703000000-35}{M152(03)-92}$ Без объявл.

ББК 84.4Вл
Р 49

Пролог ОСТРОВ РОДНИКОВ

Скитаясь, как бездомный бродяга, по морям вест-индских островов, я случайно оказался в бухте Монтего-Бей, на северо-западном побережье Ямайки. Передо мной раскинулся величавый полукруглый залив, по берегам которого зеленым полумесяцем протянулись высокие лесистые горы. Внутри этого полумесяца расположился город. Его белые стены и окна с жалюзи весело блестели среди гущи зелени, где сплеталась листва пальм и бананов, лимонных и тутовых деревьев, папайи и клещевины. На склонах гор я без труда разглядел сахарную и кофейную плантации, загоны скотоводческой фермы. Дома владельцев этих поместий стояли на самом виду под сенью апельсиновых рощ, среди зарослей душистого ямайского перца; с обеих сторон каждого дома шли крытые веранды.

Тишиной и покоем веяло от этой картины, и город можно было бы принять за мирную деревушку, если бы высо-

кие мачты, пересекавшие горизонтальную линию берега, не указывали на то, что Монтего-Бей — морской порт. Их было не больше двадцати, этих мачт, тонких и прямых, как свечи. Их малочисленность и полный покой в заливе (наш корабль был единственным судном, бороздившим его воды) отнюдь не свидетельствовали о процветании порта.

Попади я сюда на полстолетия раньше, передо мной открылось бы иное зрелище. Я увидел бы сотни кораблей у причала или на якорях в гавани: одни только что прибыли, другие уходят в открытое море, а те подняли паруса и готовятся отплыть; по заливу проворно снуют шлюпки и баркасы, на берегу толпятся и снуют люди, — короче говоря, я заметил бы ту кипучую деятельность, которая обычно наблюдается на пристанях процветающего порта.

То была пора напряженной духовной жизни, когда народы, в чьих сердцах долго росло и зрело стремление к освобождению, как растет и копит силы пламя в жерле вулкана перед могучим взрывом, восстали наконец во имя свободы, чтобы разбить по обе стороны Атлантического океана тысячи и тысячи оков. Кроме того, на Ямайке, как и повсюду, это была пора расцвета. Вскоре, однако, процветание острова достигло своего апогея, и наступил кризис, за которым быстро последовал упадок. Но кто станет оплакивать падение торговли, основным товаром которой был человек?

Да возрадуется человечество ее гибели!

По мере того как наш корабль приближался к берегу и мы могли различать отдельные предметы, открывавшееся перед нами зрелище становилось все заманчивее. Животные и люди на берегу и в близлежащих полях, пестрые, красочные одежды, богатство оттенков яркой тропической зелени, стройная симметрия пальм и папайи — все сливалось в единую картину, заслуживающую названия восхитительной.

Но взгляд мой недолго задерживался на ней. Гораздо сильнее манили меня голубые вершины, еле видимые в отдалении и легким силуэтом вырисовывающиеся на еще более ярком голубом небе, — я знал, что это горы Трелони. Не сами горы привлекали меня, хотя я люблю смотреть на эти величавые черты лика Земли. Я слишком часто любовался Кордильерами, чтобы меня мог поразить вид Голубых гор Ямайки. Однако с ними связана одна история, хотя и малоизвестная свету, но от этого не менее волнующая. Романтический интерес ее по меньшей мере равен тому, который

вызывают исчезнувшие храмы Монтесумы¹ или разрушенные дворцы перуанских инков². В анналах истории различных рас и народов Нового Света, по-моему, нет ничего более увлекательного и захватывающего, чем повесть о ямайских маронах.

Тот, кто любит свободу, кто ратует за равенство людей, не может не испытывать искреннего восхищения перед мужественными людьми с темной кожей, которые в течение двух столетий боролись за свою независимость против белого населения всей Ямайки. Глядя на горы Трелони, я невольно вспомнил отважных «охотников за кабанами»³, нашедших себе пристанище среди этих далеких вершин. Там ютились их скрытые в банановых рощах хижины. Там в мирное время, сидя в тени тамаринда, темнокожие матери следили за состязаниями своих сыновей, обучая их охотничьему искусству отцов, которые тем временем преследовали диких кабанов в чаще леса. Там тихим тропическим вечером перед живописными хижинами собирались веселые группы их обитателей, слушали воинственную песнь племени короманти или грустные напевы племени эбо и плясали, как некогда в Конго, под манящие звуки гумбоя и мериванга. И там же, когда их вынуждали к войне, совершали мароны свои доблестные подвиги. В этих лесистых горах таились их своеобразные, самой природой созданные крепости, которые мароны стойко защищали, хотя противники в десять раз превышали их численностью. И каждая тропа была орошена кровью побежденных врагов, каждое ущелье освящено подвигами величайшего мужества.

Не восхваляйте Фермопил⁴, не превозносите Вильгельма Телля и долину Грютли⁵ и почтите молчанием ямайских маронов! Среди горстки темнокожих, двести лет живших свободно среди Голубых гор Ямайки, найдутся герои, столь же достойные славы, как герои Спарты и Швейцарии. Ма-

¹ Монтесума (ок. 1466—1520 гг.) — вождь индейского племени ацтеков. Убит во время завоевания Мексики испанцами.

² Инки — индейское племя, обитавшее в Перу (Южная Америка); завоевано испанцами в XVI веке.

³ Так звали маронов.

⁴ Фермопилы — название горного прохода в Греции, который в 480 году до н. э. отряд спартанцев во главе с царем Леонидом героически оборонял против войска персидского царя Ксеркса.

⁵ Вильгельм Телль — легендарный герой эпохи освободительной войны швейцарского народа против австрийского владычества. В 1307 году представители всех кантонов Швейцарии собрались в долине Грютли и образовали союз против тирании австрийских феодалов, которым тогда принадлежала значительная часть нынешней Швейцарии.

ронов не удалось сломить. Их гордый дух не изведal позо-
ра поражения.

Неудивительно, что, предавшись воспоминаниям об этом замечательном народе, я не мог отвести взора от цепи гор Трелони, и неудивительно также, что, едва ступив на землю Ямайки, я тотчас направился в Голубые горы.

Я шел туда не только затем, чтобы испить из сладостного источника великого прошлого,— я хотел удостовериться, сохранились ли в местах, освященных геройскими подвигами, потомки этого замечательного племени. Меня не постигло разочарование. Я убедился, что в горах Трелони мароны не забыты, хотя после отмены рабства они смешались с остальным темнокожим населением острова. Я встретил многих потомков маронов. Мне даже посчастливилось близко узнать одного из старейших участников великих событий, настоящего, подлинного марона, семидесятилетнего, седовласого ветерана, который в те далекие годы был неустрашимым воином.

Окидывая взглядом все еще внушительную, почти гигантскую фигуру старика, я без труда поверил в его геройские подвиги. «Каким, должно быть, величественным зданием были когда-то эти руины!» — подумалось мне невольно.

Некоторые обстоятельства, о которых здесь говорить излишне, сблизили меня с этим необыкновенным старцем, и я стал желанным гостем в его горной хижине, где выслушал не одну повесть о далеком прошлом. Рассказы старика равно волновали нас обоих. Помимо многих увлекательных эпизодов, услышанных мною от старого марона, я узнал от него ряд подробностей той истории, которую ныне здесь предлагаю. И, если читатель сочтет ее достойной внимания, этим он будет обязан не столько мне, сколько почтенному марону Квэко.

Глава I

ПОМЕСТЬЕ ГОРНЫЙ ПРИЮТ

Одна из богатейших сахарных плантаций на Острове родников принадлежит поместью Горный Приют. Она расположена в десяти милях от Монтего-Бей, в широкой долине между двумя пологими горными хребтами, которые тянутся параллельно больше чем на милю, постепенно становясь все выше, а потом вдруг сближаются и круто взды-

маются вверх. В месте их соединения образуется высокая гора — отсюда и название поместья. Склоны почти сплошь зеленеют глянцевиной листвой пимента — душистого ямайского перца; ниже они покрыты рощицами и кустарниками, которые порой перемежаются веселыми лужайками.

Дом владельца стоит у подножия горы, как раз там, где сходятся два хребта. Архитектора, по-видимому, соблазнила естественная ровная площадка, возвышающаяся на несколько футов над уровнем долины. Здание мало отличается от обычных построек такого рода. Это типичный дом ямайского плантатора. Нижний этаж — из камня, второй, он же и последний, — простой деревянный, крыша из дранки. Собственно, заднюю и боковые стены верхнего этажа едва ли можно назвать стенами, ибо они почти сплошь состоят из жалюзи. Из-за этого дом напоминает клетку, но зато в нем прохладно, что очень важно в тропическом климате.

Широкая наружная лестница с каменными ступеньками и крепкими железными перилами ведет прямо на второй этаж, так как первый занят только под склады и различные служебные помещения. Дверь с лестницы открывается непосредственно в большой крестообразный зал, дважды пересекающий все здание из конца в конец — вдоль и поперек. Жалюзи свободно пропускают потоки свежего воздуха и в то же время защищают от ослепительного солнечного света, который в тропиках почти так же невыносим, как и жара. Пол из твердых местных пород дерева ежедневно тщательнейшим образом протирается и не застелен коврами, что помогает сохранять в помещении приятную прохладу.

Просторный зал — главная комната в доме. Это и столовая и гостиная одновременно. Буфеты и шифоньеры стоят там бок о бок с кушетками, креслами и оттоманками, а с потолка свисает великолепная люстра. Угловые комнаты служат спальнями. В них также окна с жалюзи, одновременно впускающими свежий воздух и защищающими от знойных солнечных лучей.

В Горном Приюте, как и в любом загородном ямайском доме, сразу бросается в глаза несоответствие между внешним видом здания и внутренним его убранством. Постройка кажется грубоватой и даже недостаточно прочной. Но именно эта архитектурная особенность — отсутствие дорогих, прочных материалов — и делает дом пригодным для местных климатических условий. В то же время богатство обстановки: массивные столы из дерева ценных пород, резные полированные буфеты, обилие серебра и хрусталя, эле-

гантные диваны и кресла, сверкающие люстры и канделябры — все говорит о том, что мнимая убогость жилища ямайского плантатора ограничивается стенами дома. Футляр, может быть, и скромнен, но содержащиеся в нем драгоценности сто́ят немало.

Все же и снаружи дом выглядит довольно внушительно. Широкий фасад, белизна которого приятно контрастирует с темно-зелеными жалюзи, каменная лестница и на заднем плане высокая лесистая гора; прекрасная аллея, идущая от дома на целую милю и обсаженная двойным рядом тамариндов и кокосовых пальм,— все это придает дому величие почти дворца. Впечатление это не рассеивается, даже если подойти ближе. На площадке, где расположен дом, остается место для сада, простирающегося почти до подножия горы, от которого его отделяет высокая каменная ограда.

Самая заметная черта пейзажа — гора. Не потому, что она особенно высока, ибо неподалеку имеются и другие, равные ей, а в отдалении вырисовываются силуэты и значительно более высоких гор. Можно даже различить знаменитый Голубой пик, на сотни футов возвышающийся над окружающими его вершинами. Гора приметна и не потому, что стоит особняком. Наоборот, это всего лишь один из отрогов длинной горной цепи. Разрезанная глубокими и узкими, похожими на ущелья долинами, та возвышается на тысячи футов над уровнем Карибского моря и известна под названием Голубых гор Ямайки. Вся площадь острова покрыта этими гигантскими складками земной коры, и потому поверхность Ямайки неровна, морщиниста, как испещренный прожилками капустный лист. «Остров гор» было бы для нее более подходящим именем, чем ее древнее индейское название — Остров родников.

Гора, о которой идет речь, возвышается всего на две тысячи футов над уровнем моря, но она примечательна геометрической точностью своих очертаний и необычайной формой вершины. Если смотреть на гору снизу, она кажется совершенно правильным и довольно острым конусом, стороны которого, ярдах в пятидесяти от вершины, становятся почти вертикальными и неожиданно резко обрываются, завершаясь ровной квадратной площадкой футов пятидесяти в диаметре. По общему виду эта срезанная вершина несколько напоминает знаменитую гору Кофр ди Пероте в Мексике.

Как уже говорилось, вся гора покрыта густыми первобытными лесами, особенно склон, обращенный к долине. И только самая вершина ее совсем лишена растительности,

как макушка францисканца. Эта квадратная, похожая на огромный сундук вершина, эта голая скала как будто не подпускает к себе зеленых великанов, толпящихся у самого ее основания. Некоторые из них протягивают к ней свои огромные сучья, словно руки, готовые не то задушить, не то обнять ее. Лишь одному-единственному дереву удалось взобраться на крутую, как крепостные валы, стену. Подвиг этот совершила благородная арековая пальма. Она стоит на плоской вершине, и ее перистые листья гордо колышутся в вышине, как победное знамя на башне захваченного замка. Венчающая гору скала являет собой причудливое зрелище. Покрытая трещинами и рубцами, поверхность ее и при солнечном свете и даже под мягкими лучами луны сверкает темным тусклым блеском, как металлическая кольчуга.

Жители долины называют эту скалистую вершину Утесом Юмбо. Это имя рождено связанными с ним суевериями. Хотя гора всегда перед глазами и до ее вершины можно за час добраться по лесной тропе, в окрестностях не сыщется негра, который осмелился бы один отправиться на утес. Большинство, если не все они, знают об Утесе Юмбо не больше, чем о вершине Чимборасо¹.

Но я рассказываю о том, что происходило полстолетия назад. В ту пору страх перед этой скалой имел своим источником не одно лишь суеверие. Отчасти он был вызван ужасным происшествием: вершина горы послужила местом казни, по своей бесчеловечной жестокости граничившей с преступлением.

Эта плоская вершина, подобно орошенным кровью храмам Монтесумы, стала алтарем, на который была возложена человеческая жертва. Сделано это было не в столь отдаленные времена и не кровожадными жрецами ацтеков, а европейцами, людьми с белой кожей, избравшими своей жертвой чернокожего африканца. Случай этот, иллюстрирующий правосудие на Ямайке в мрачные дни рабства, заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробно.

Глава II СЛУЖИТЕЛЬ КУЛЬТА ОБИ

За несколько лет до отмены рабства немало тревог в Вест-Индии вызывало широкое распространение обиизма — настолько широкое, что почти в каждом крупном ямайском

¹ Чимборасо — потухший вулкан в Андах (Южная Америка).

поместье был свой проповедник этого мрачного культа. Впрочем, термин «проповедник», хотя этих знахарей часто так называли, не совсем точен, так как открыто проповедовать обизм было опасно — по крайней мере, в присутствии белых: это каралось смертью.

Эти таинственные колдуны обычно были мужчинами и чаще всего уроженцами Африки — как правило, преклонного возраста и устрашающе уродливые. Внешнее безобразие весьма способствовало успеху их преступной деятельности. Они занимались ворожбой и знахарством и якобы обладали способностью воскрешать мертвых. Во всяком случае, их невежественные чернокожие собратья верили в это, не подозревая, что «воскресший» находился всего-навсего в глубоком обмороке, хотя и действительно похожем на смерть, ибо вызван он был сильным ядом одного из видов каладиума, которым опоил несчастного сам колдун.

Я не стану подробно описывать таинства культа Оби, который, в сущности, очень незамысловат. Я сталкивался с подобными верованиями повсюду, где мне приходилось путешествовать. И, хотя верования эти распространены главным образом среди дикарей, их можно найти в темных закоулках цивилизованного мира. «Служитель культа Оби» — это примерно то же, что шаман североамериканских индейцев, «пиуче» в странах юга, «низвергающий дожди» на мысе Доброй Надежды, колдун на побережье Гвинеи. Короче говоря, имеется столько названий служителей подобных культов, сколько существует на свете нецивилизованных племен.

Повторяя уже сказанное, а именно, что в каждом большом поместье имелся среди негров-рабов свой служитель Оби, надо добавить, что поместье Горный Приют не являлось исключением. Судьба тоже наградила, или, вернее сказать, наказала его служителем Оби. Это был старый негр из племени короманти. Звали его Чакра. Благодаря свирепому, устрашающему облику он пользовался большим влиянием среди последователей обизма. Чакру давно подозревали в том, что он отравил своего господина, прежнего владельца поместья, скончавшегося скоропостижно и таинственно. Его, впрочем, никто не оплакивал: это был жестокий рабовладелец. Во всяком случае, теперешний собственник Горного Приюта имел меньше всего оснований для сожаления, так как в результате он получил поместье, о котором мечтал.

Гораздо больше огорчений доставило ему другое обстоя-

тельство: с тех пор как он стал владельцем желанного поместья, несколько из его самых ценимых рабов окончили свое существование столь неожиданно и при столь таинственных обстоятельствах, что это могло объясниться только вмешательством колдуна Чакры. Он был обвинен и предан суду. Судили его трое судей, все мировые судьи округа. Суд такого состава имел право вынести смертный приговор рабу. Председателем был владелец подсудимого, плантатор Лофтус Воган, хозяин Горного Приюта.

Чакру обвиняли в «отправлении культа Оби». О смерти бывшего хозяина Чакры в обвинении не было сказано ни слова. Доказательства преступлений были не очень ясны, но они показались суду достаточно убедительными, и Чакре был вынесен смертный приговор.

Как ни странно, хозяин Чакры — председатель суда — был заинтересован в этом больше всех. Чтобы добиться такого приговора, он пустил в ход все свое влияние. Один из судей, надо заметить, высказался сначала за оправдание, но, пошептавшись с мистером Воганом, отказался от первоначального мнения и подал голос за смертную казнь.

Ходили слухи, что Лофтус Воган руководствовался более низменными мотивами, нежели неподкупная справедливость и желание положить конец культу Оби. Поговаривали о фамильных тайнах, которые были известны Чакре, и о некоей сделке, единственным живым свидетелем которой он был, — сделке столь предосудительного характера, что даже показания негра-раба могли быть достаточно компрометирующими. Подозревали, что именно поэтому, а вовсе не за колдовство, предстояло Чакре поплатиться жизнью. Так или иначе, но он был осужден на смерть.

Столь же незаконным, как и судебное разбирательство, был и способ казни, избранный судьями, облеченными неограниченной властью. Он был и причудлив и жесток: несчастного преступника должны были приковать цепями к пальме на вершине Утеса Юмбо и оставить там.

Почему был избран такой необычный вид смертной казни? Почему Чакру не повесили, не сожгли на костре, что обычно проделывали с преступниками такого рода? Ответ на это прост. Как уже было сказано выше, распространение обизма заставляло трепетать всю Ямайку. Таинственная смерть настигала часто не только черных рабов, но и белых рабовладельцев и даже их жен. Африканский бог был вездесущ, но невидим. Необходимо было дать жестокий урок его почитателям. Это было единодушное требование

всех плантаторов, и Чакра должен был послужить примером для остальных: страшная казнь колдуна повергнет в трепет всех его последователей. Расправу над преступником решили учинить на Утесе Юмбо, и прежде нагонявшем страх на негров. Судьи полагали, что это окажет требуемое воздействие на суеверных рабов и навеки сокрушит их веру в силу Оби.

И вот осужденного отвели на вершину утеса и приковали там, подобно новому Прометею¹. Стражи не поставили никакой, да ее и не требовалось. Цепи и тот ужас, который должна была вызвать казнь, считались достаточными, чтобы воспрепятствовать всякой попытке спасти Чакру. По истечении нескольких дней жажда, голод и грифы довершат роковую церемонию так же верно, как веревка или топор палача.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем Лофтус Воган сам поднялся на гору убедиться в гибели несчастного раба. Когда, подстрекаемый любопытством, а может быть, и более сильным чувством, он наконец решился подняться на вершину утеса, то увидел, что не ошибся в своих расчетах. В цепях, прикованных к стволу пальмы, висел человеческий скелет, дочиста обглоданный стервятниками. Ржавая цепь, обвивавшая скелет, не дала ему рассыпаться.

Лофтус Воган не имел ни малейшего желания задерживаться там дольше. Это зрелище заставило его содрогнуться. Он только взглянул и поспешил обратно. Но гораздо страшнее, гораздо ужаснее было то, что, как ему показалось, он увидел, спускаясь с горы,— привидение, дух Чакры, а может быть, и самого Чакру, живого и невредимого.

Глава III

ЗАВТРАК В ЯМАЙСКОМ ПОМЕСТЬЕ

Прекрасным майским утром — а май на Ямайке прекрасен, как и повсюду,— колокол в просторном зале поместья Горный Приют возвестил час завтрака. Однако в зале пока не было видно никого, кроме пяти-шести чернокожих слуг, которые только что явились из кухни, принеся подносы и блюда с различными кушаньями. Хотя к столу были при-

¹ Прометей — в греческой мифологии титан, похитивший с неба огонь для людей и в наказание за это прикованный Зевсом к скале.

двинуты всего два стула и приборы на нем ясно указывали, что завтрак сервирован на двоих, обилие блюд, расставленных на белоснежной дамасской скатерти, могло навести на мысль, что ожидается большое общество. Тут были и котлеты с соусом, и маринованная рыба, и закуски из дичи, и лососина, и еще многое другое. Центр стола занимали два больших блюда — одно с окороком, другое с копченым языком.

Из «хлебных изделий» на столе находился пудинг из ямса, печеные бананы, горячие булочки, поджаренные хлебцы, пирожки и сладкий картофель. Если бы не великолепный кофейный сервиз и небольшой сверкающий серебряный кофейник, можно было бы предположить, что стол накрыт к обеду, а не к первой утренней трапезе. Ранний час — только что пробило девять — так же опровергал предположение об обеде. Но, для кого бы ни предназначалось все это угощение, оно было весьма обильным. Так повторялось каждое утро: роскошная сервировка, разнообразие блюд — все это было обычным для дома богатого ямайского плантатора.

Едва затихли удары колокола, как явились те, кого они призывали к столу. Пришедших было двое, и вошли они с противоположных концов зала.

Первым появился пожилой дородный джентльмен, крепкий и румяный. На вошедшем был просторный нанковый костюм. Открытый сюртук позволял видеть широкие складки белой, как кипень, сорочки тончайшего льняного полотна. Отложной воротник оставлял открытым шею и красный, чисто выбритый подбородок. Из кармашка на поясе брюк спускалась массивная золотая цепь, на одном конце которой висела целая связка печаток и ключей от часов. На другом ее конце были прикреплены большие старомодные золотые часы с крупными черными цифрами на белом циферблате. Войдя в зал, владелец часов вынул их, проверяя пунктуальность слуг. В этих вопросах его требовательность доходила до педантизма.

Таков был Лофтус Воган, плантатор, владелец поместья Горный Приют, мировой судья и председатель окружного суда. Испытующе осмотрев расставленные на столе яства и, очевидно, удовлетворенный их видом, хозяин дома уселся за стол. Его лицо расплылось от предвкушения приятного завтрака.

Едва мистер Воган опустился на стул, как в комнату впорхнула очаровательная молодая девушка, свежая и розовая, словно первые лучи зари. Легкий белоснежный пе-

нюар из тонкого батиста плотно облегал ее спину. На груди ткань лежала свободными складками, спадающими до самого пола, позволяя видеть лишь самые кончики крохотных атласных туфелек, которые, словно белые мышки, поочередно мелькали из-под края платья, пока юная красавица легко скользила по блестящему паркету. Прелестную шейку обвивала нить янтарных бус. В густые волнистые волосы был воткнут алый цветок. Темно-каштановые кудри были расчесаны на пробор и обрамляли щеки, окраской своей соперничающие с цветком. Лишь очень опытный глаз мог бы заметить, что в венах девушки течет не только европейская кровь. Легкая волнистость волос, скорее округлое, чем овальное лицо, темно-карие глаза с необычайно блестящими зрачками, на редкость яркий, словно нарисованный, румянец — все говорило об этом.

Красавица была единственной дочерью Лофтуса Вогана и составляла всю его семью: владелец Горного Приюта был вдов.

Войдя в зал, девушка не сразу села за стол. Порхнув, как бабочка, к отцу, она нежно обняла его и поцеловала в лоб. Это обычное ее утреннее приветствие показывало, что сегодня они еще не виделись. Впрочем, оно не означало, что они только что встали с постели. Как принято на Ямайке, и отец и дочь поднялись спозаранку, вместе с солнцем. Мистер Воган вошел в зал, держа в руке соломенную шляпу и трость. Он, как видно, уже успел совершить утренний обход своих владений, проверил, хорошо ли идут работы в сахароварнях, посмотрел, как обстоят дела на плантации. Дочь полчаса назад вернулась домой с хлыстом в руке: она совершила утреннюю верховую прогулку.

Поздоровавшись с отцом, молодая девушка села перед кофейником и приступила к обязанностям хозяйки. Ей помогала девушка приблизительно одного с ней возраста, но совершенно на нее не похожая. Это была ее горничная. Она вошла в зал следом за мисс Воган и тотчас встала за стулом своей госпожи.

Во внешности второй девушки — в лице, фигуре, цвете кожи — сразу бросалось в глаза что-то необычное, своеобразное. У нее были те пластичные, изящные линии, которые мы находим в классических статуях и которые ничем не напоминают негроидный тип. Цвет ее кожи был иной, чем у негритянок; еще менее напоминал он окраску кожи мулаток и квартеронок. Это был цвет каштана или красного дерева. Смуглый румянец отнюдь не нарушал общего прият-

ного впечатления. Лицо ее также было совсем не таким, как у негритянок. Тонко очерченные губы, овальное лицо, почти орлиный нос — подобные лица можно видеть на египетских барельефах и в странах Аравии.

Волосы у девушки были не курчавые, но и не такие, как у европейцев. Прямые, гладкие, иссиня-черные, они свободно падали на плечи, придавая смуглянке совсем юный вид. Нет, она отнюдь не казалась безобразной. По-своему она была очень красива. Тонкая фигура, изящество которой подчеркивала легкая туника без рукавов, чалма из мадрасской шали на голове, непринужденные, грациозные движения, быстрый взгляд прекрасных пламенных глаз, жемчужные зубы — все это дышало очарованием. Молодая красавица была рабыней. Ее звали Йолой.

Глава IV ДВА ПИСЬМА

Накрытый к завтраку стол помещался не в центре комнаты, а был придвинут вплотную к открытому окну, где было прохладнее и откуда открывался поистине великолепный вид. Почти прямо от дома шла длинная, обсаженная пальмами аллея, вдали виднелась река Монтего, за ней — городские крыши и шпили, корабли, бухта и лазурное Карибское море.

Мистер Воган, однако, и не думал любоваться прекрасным ландшафтом. Его внимание было целиком поглощено блюдами на столе, а когда он все же на мгновение выглянул в окно, то посмотрел лишь туда, где находилась его сахарная плантация. Он только хотел убедиться, исправно ли идет работа на полях, усердно ли выполняют свои обязанности надсмотрщики.

Взгляд мисс Воган чаще обращался к открытому окну. Обычно к этому часу из города возвращался слуга с утренней почтой. В поведении девушки ничто не выдавало особенного нетерпения. Просто она испытывала то легкое волнение, которое обычно чувствуют все молодые девушки, ожидающие прихода почтальона. Всегда есть надежда получить «короткое» письмецо страниц на двенадцать, покрытых тесными, то и дело перечеркнутыми строчками, расшифровать которые стоит немало труда. Чтение таких писем заманчивее самого увлекательного модного романа.

Но вот в конце аллеи показался темный силуэт, напоминающий кентавра, и спустя несколько минут к подъезду подскакал на лохматой, невзрачной лошаденке черномазый, похожий на бесенка мальчуган. Это был Квеша, юный почтальон Горного Приюта.

Если мисс Воган рассчитывала получить какое-нибудь нежное послание, то ей предстояло разочароваться. В сумке Квеша лежали всего два письма и газета с английскими марками, и все это было адресовано ее отцу. Узнав почерк на одном из конвертов, мистер Воган просиял от удовольствия. Улыбка не сходила с его лица, пока он ломал печать и вскрывал письмо. Он улыбнулся еще шире, когда через несколько минут ознакомился с его содержанием.

Встав со стула, мистер Воган зашагал по комнате, прищелкивая пальцами и восклицая довольным голосом:

— Превосходно! Впрочем, я так и предполагал.

Дочь смотрела на него с удивлением. Отец отличался сдержанным, порой доходящим до суровости нравом. Такой взрыв веселья был необычен для Лофтуса Вогана.

— Приятные новости, папа?

— Да, плутовка, весьма приятные.

— А мне можно узнать, в чем дело?

— Да... Впрочем, нет, позже, не теперь.

— С твоей стороны просто жестоко скрывать их от меня, папа. Мне хочется разделить твою радость.

— Ну конечно! Если ты не обрадуешься, то, значит, ты просто дурочка...

— Дурочка?! Я не позволю, чтобы меня так называли!

— Я хочу сказать, ты будешь дурочкой, если не обрадуешься, когда узнаешь, что... Нет, я все расскажу тебе в свое время, дитя мое... Отлично! Превосходно! — продолжал он восклицать в неудержимом восторге. — Я знал, я был уверен, что он приедет!

— Значит, ты кого-то ждешь, папа?

— Да. Угадай — кого?

— Как я могу угадать? Я ведь не знаю твоих друзей в Англии.

— Однако я не раз тебе о них рассказывал, ты видела их письма ко мне.

— Ах да, ты часто упоминал мистера Смизи. До чего смешное имя! Ни за что на свете не хотела бы иметь такую фамилию!

— Ну-ну, дитя мое, Смизи — прекрасная фамилия! Особенно, когда перед ней стоит Монтегю. Монтегю! Это зву-

чит великолепно! Кроме того, мистер Смизи — владелец замка Монтегю.

— Ах, папа! Разве от этого его фамилия звучит хоть капельку лучше?.. Так это его приезда ты ожидаешь?

— Да, моя дорогая. Он пишет, что отправляется со следующим кораблем — «Морской нимфой». Значит, в ближайшие дни следует ожидать его приезда. Бог ты мой! Надо успеть подготовиться к приему гостя! Ты ведь знаешь, замок Монтегю в настоящее время не пригоден для жилья. Поэтому мистер Смизи временно остановится у нас. И, выслушай меня, Кэтрин, — продолжал плантатор, наклоняясь к дочери и приглушая голос, чтобы его слова не долетели до ушей слуг, — тебе следует полюбезнее принять мистера Смизи. Говорят, это весьма благовоспитанный, светский молодой человек и к тому же, как мне известно, богатый. В моих интересах сохранить с ним дружеские отношения, — добавил мистер Воган еще тише и как бы про себя, но все же так, что дочь могла его слышать.

— Дорогой папа, — ответила она, — разве я позволю себе нелюбезность в отношении гостя? Уже ради тебя...

— Ради себя самой, — прервал ее отец, смеясь и хитро поглядывая на дочь. — Но, дорогая Кэтрин, — продолжал он, — у нас еще хватит времени обсудить все как следует. Сейчас мне нужно прочесть второе письмо. От кого оно, ума не приложу. Почерк совершенно незнакомый.

Известие о предполагаемом визите мистера Монтегю Смизи, сопровождаемое восхвалениями его многочисленных достоинств, о которых Кэт слышала уже не впервые, по-видимому, не вызвало в сердце девушки особой радости. Она отнеслась к нему с полнейшим равнодушием. Если в ней и шевельнулось какое-нибудь чувство, то разве только неприязнь. То, что ей довелось слышать о мистере Смизи, не располагало Кэт в его пользу. Говорили, что он самодовольный щеголь, а таких людей она не терпела.

Зародившаяся в сердце Кэт антипатия к владельцу замка Монтегю объяснялась также и поведением отца. Говоря о мистере Монтегю Смизи, он то и дело на что-то намекал, говорил недомолвками, которые она, впрочем, отлично понимала.

Ни одна девушка не любит, когда ее сердцем распоряжаются без ее ведома. Мистер Воган, не зная этой довольно простой истины, чинил препятствия собственным планам, воображая, что успешно расчищает путь от всех предпола-

гаемых преград. Он был никуда не годным сватом, хотя и задумал сватовство.

— Нет, почерк совершенно незнакомый,— повторил мистер Воган, ломая печать на втором конверте.

Если содержание первого письма привело его в восторг, то чтение второго вызвало совершенно противоположную реакцию.

— А, черт возьми! — воскликнул он, комкая письмо и снова нервно вскакивая со стула.— Мой неудачник братец как будто задался целью досаждать мне и при жизни и после смерти! Пока был жив, ему вечно требовались деньги, а теперь, после смерти, навязал мне на шею своего сына. Конечно, такой же бездельник, как и отец, можно не сомневаться. Теперь только и жди от него всяческих неприятностей, а то и позора!

— Что случилось, отец? — Кэт поразили не столько сами слова, которые она не вполне расслышала, так как они были произнесены вполголоса, сколько тон их.— В письме плохие вести?

— Да, хуже не придумаешь. Вот! Н^а, читай сама.

Снова усевшись, он перекинул ей через стол злополучное письмо и опять жадно принялся за еду, словно надеясь восстановить этим душевное равновесие. Кэт взяла письмо и, разгладив мятый листок, стала читать. Чтение не заняло много времени. Письмо, совершившее столь длинное путешествие, само было весьма кратким.

«Дорогой дядя!

Я вынужден сообщить Вам печальную весть: Ваш брат, а мой дорогой отец, скончался. Перед смертью он выразил настойчивое желание, чтобы я ехал к Вам. Поступая согласно его воле, я отправляюсь на Ямайку. Мой корабль — «Морская нимфа» — отплывает восемнадцатого. Не знаю, сколько времени мы будем в пути, но, надеюсь, не слишком долго.

Все имущество отца пошло на уплату долгов, и мне приходится ехать третьим классом. Говорят, это далеко не роскошный способ путешествовать, но я молод, здоров и способен вынести любые неудобства.

Любящий Вас

Герберт Воган».

В девушке это письмо не вызвало негодования. Наоборот, на ее лице появилось выражение сочувствия, с губ сорвалось еле слышное восклицание: «Бедный!»

О Герберте Вогане ей было известно лишь, что он ее кузен. Слово «кузен» всегда приятно для слуха молодой девушки, порой даже приятнее, чем «брат».

Как ни тихо прошептала она «бедный», мистер Воган услышал и бросил на дочь недовольный взгляд.

— Ты поражаешь меня, Кэт,— сказал он.— Говоришь тоном сожаления о том, кого совершенно не знаешь, кто ничем не заслужил твоего сострадания! Ленивый бездельник, точно такой же, как его отец. Подумать только — едет третьим классом! И на том же корабле, что и мистер Монтегю Смизи. А, черт возьми! Какой стыд! Мистер Смизи, конечно, узнает, кто он такой, хоть и не будет якшаться с подобным сбродом. Но все же мистер Смизи, наверно, заметит его... А когда снова увидит здесь, то, уж конечно, сразу вспомнит. Нет, необходимо принять меры. Нельзя допустить, чтобы это случилось. «Бедный»! Да, он действительно бедный — жалкий бедняк! В точности как отец. Тот всю жизнь возился с красками да палитрами, вместо того чтобы заняться путным делом. И все для того, чтобы называться художником. «Бедный»! Как бы не так! Чтобы я больше не слышал от тебя подобных глупостей!

Произнеся этот гневный монолог, мистер Воган сорвал с газеты бандероль и попытался чтением отвлечь мысли от автора злосчастного письма.

Его дочь, изумленная и расстроенная непривычно резкими упреками, сидела молча, опустив глаза. Краска залила ее щеки. Но, несмотря на обиду, ее сострадание к бедному неизвестному кузену не стало меньше. Вместо того чтобы заглушить или уничтожить это чувство, отец своим поведением только разжег его. Мистер Воган забыл поговорку: «Запретный плод сладок».

Глава V

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ

Жаркое вест-индское солнце быстро склонялось к Карибскому морю, как будто спеша окунуть свой огненный диск в прохладные голубые воды, когда, обогнув мыс Педро, в бухту Монтего-Бей вошел корабль. Это было трехмачтовое судно водоизмещением в триста — четыреста тонн. Судя по косому парусу бизань-мачты, это был барк.

Дул легчайший бриз, и корабль шел на всех парусах. Их потрепанный непогодой вид красноречиво говорил о

том, что судно проделало немалый путь по океану. О том же свидетельствовали облупившаяся краска на бортах и темные пятна возле клюзов¹ и шпигатов².

Кроме флага владельца судна, развевавшегося на мачте, как вымпел, на корме реял второй флаг. Когда порыв ветра развернул его полотнище во всю ширь, стало видно голубое, усеянное звездами поле и чередующиеся алые и белые полосы. Полосы и самый цвет их были на этом флаге как нельзя более уместны. Хотя этот флаг называли флагом свободы, здесь он прикрывал собой позорное рабство. Это был невольничий корабль.

Дойдя почти до середины бухты, но все еще держась на значительном расстоянии от берега, где находился город, корабль неожиданно лег на другой галс и, вместо того чтобы идти к пристани, повернул к южному незаселенному берегу залива. На расстоянии мили от него на корабле убрали паруса. Грохот цепи в клюзе возвестил, что якорь брошен. Несколько секунд корабль дрейфовал, но вот якорный канат натянулся, и барк замер.

Почему невольничий корабль не зашел в гавань, почему он стал на якорь вдали от нее?

Догадаться об этом было нетрудно, стоило лишь подняться на борт судна. Однако привилегия эта не была дарована посторонним зрителям. На палубу допускались лишь посвященные — те, кто был заинтересован в покупке груза.

Издали казалось, что жизнь на корабле замерла. Но в действительности на палубе его разыгрывалась страшная драма. Груз судна состоял из двухсот человек, или «штук» — на профессиональном языке работорговцев. «Штуки» эти были не вполне одинаковы. Это был, как острил корабельный шкипер, «разносортный товар» — его набирали вдоль всего африканского побережья, и, естественно, здесь попадались представители различных темнокожих племен. Тут были светло-коричневый, живой и сметливый мандинг и рядом с ним черный, как смола, йолоф. Свирепый, воинственный короманти был скован с кротким, послушным поупо, желтокожий, похожий на павиана, унылый эбо — с каннибалом моко или же беспечным, веселым уроженцем Конго или Анголы. Однако сейчас никого из них нельзя было назвать ни беззаботным, ни веселым. Ужасы

¹ К л ю з — труба для пропуска якорной цепи.

² Ш п и г а т — отверстие для удаления воды с палубы,

путешествия в трюме сказались на каждом. Жизнерадостный уроженец Конго и угрюмый лукуми равно пребывали в состоянии полнейшего уныния. Яркая картина, открывавшаяся их глазам, пейзаж, сверкающий всеми оттенками тропической флоры, не вселяли в их сердца радостных чувств. Одни смотрели на берег равнодушно, другим он напоминал родную Африку, откуда их силой увезли грубые, жестокие люди. Некоторые поглядывали на него со страхом, думая, что это Куми, страна великанов-людоедов, и что их привезли сюда на съедение.

Беднягам стоило лишь немного поразмыслить, и они сообразили бы, что едва ли таковы были намерения белых мучителей, привезших их сюда из-за океана. Твердый, неочищенный рис и грубые зерна кукурузы служили невольникам единственной пищей за все время плавания. Такими яствами едва ли кого откормишь для пиршества людоедов. Когда-то гладкая и блестящая кожа пленников стала сухой и дряблой от болячек и рубцов, оставленных страшным бичом, «кра-кра», как они его называли. Самые темнокожие за время пути стали пепельно-серыми; более светлая, коричневая кожа других приобрела болезненный, желтоватый оттенок. И мужчины и женщины — среди живого груза на корабле было немало и женщин — носили на себе следы бесчеловечного обращения и длительного голодания.

На корме стоял шкипер — долговязый, тощий субъект с нездоровой кожей, а рядом с ним его помощник — отталкивающего вида чернобородый человек. По кораблю сновало еще десятка два негодяев рангом пониже, находившихся в подчинении у этих двух. Время от времени один из них, расхаживая по палубе, раздражался гнусной бранью или из одной лишь жестокости осыпал ударами какого-нибудь несчастного.

Тотчас после того, как был брошен якорь, развернулось следующее действие этой отвратительной драмы. Живой товар, находившийся внизу, был выведен — вернее, вытасчен — на палубу. Рабов тащили по двое, по трое. Каждого, едва он показывался из люка, грубо хватал матрос, стоявший тут же с большой мягкой кистью, которую он обмакивал в ведро с черной жидкостью — смесью пороха, лимонного сока и пальмового масла. Этой смесью обмазывали покорного пленника. Другой матрос втирал эту жидкость в черную кожу африканца, а затем тер ее щеткой до тех пор, пока она не начинала блестеть, как начищенный сапог.

Подобная процедура могла бы вызвать недоумение у всякого непосвященного. Но для всех присутствующих на корабле подобное зрелище было привычным. Не первый раз эти бесчувственные скоты подготавливали к продаже несчастных чернокожих рабов.

Одна за другой жертвы человеческой алчности появлялись из люка, и их тут же подвергали обработке дьявольской смесью. Пленники всему подчинялись с видом покорного смирения, словно овцы в руках стригальщиков. На лицах многих можно было прочесть страх: что, если это подготовка к ужасному жертвоприношению?

Глава VI

ДЖОУЛЕР И ДЖЕСЮРОН

Едва барк стал на якорь, как небольшой ялик отчалил от пустынного берега и направился к кораблю. В ялике находилось три человека. Двое сидели на веслах — это были негры, и весь наряд их состоял из грязных холщовых штанов и шляп.

Третий сидел на корме и правил лодкой. Ни цветом кожи, ни костюмом он ни в малейшей степени не походил на двоих гребцов. Впрочем, во всем мире вряд ли отыскался бы похожий на него человек.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был белый, но вест-индское солнце и грязь в складках и морщинах щек придали его коже цвет табачного листа. От природы узкое лицо с возрастом высохло и заострилось так, что фас почти исчез. Чтобы разглядеть лицо как следует, требовалось встать сбоку и смотреть на него в профиль. Зато профиль в полном смысле слова был выдающийся: особенно примечателен был нос, напоминавший клешню омара. Прибавьте к этому острый, выступающий вперед подбородок и глубокий провал на месте рта — все это придавало ему разительное сходство с попугаем. Когда страшный, провалившийся рот раскрывался в улыбке, — что, кстати сказать, случалось весьма редко, — обнаруживалось всего два далеко отстоящих друг от друга зуба — словно два часовых, стерегущих мрачную, темную пещеру.

Эту своеобразную физиономию освещали два черных слезящихся глаза, сверкающих, как глаза выдры. Сверкали они постоянно и закрывались, лишь когда их облада-

тель погружался в сон — состояние, в котором его почти никогда не заставляли.

Глаза казались особенно блестящими по контрасту с густыми седыми бровями, сросшимися на узкой переносице. На голове волос не было — вернее, их не было видно, так как всю ее закрывал надвинутый на уши грязновато-белый полотняный колпак. Поверх него красовалась белая касторовая шляпа, продавленная тулья и обтрепанные поля которой красноречиво свидетельствовали о долголетней службе. На горбатом носу сидели огромные зеленые очки — очевидно, чтобы защищать глаза от солнца, но, может быть, и для того, чтобы скрывать светившуюся в них злобную хитрость. Светло-синий, выцветший от долгой носки полотняный сюртук с когда-то яркими золотыми, а теперь тусклыми, словно оловянными, пуговицами, короткие засаленные штаны из казимира, длинные чулки и нечищенные сапоги — таков был костюм этого странного субъекта. На коленях у него лежал голубой полотняный зонт. Нарисованный здесь портрет — или, вернее, профиль — изображает работорговца Джекоба Джесюрона. Гребцы были его рабами.

Лодка неслась с необычайной быстротой. Джесюрон то и дело понукал чернокожих гребцов, и те изо всех сил налегали на весла. Время от времени он оборачивался и с опаской поглядывал в сторону города.

По-видимому, работорговец боялся конкурентов и стремился во что бы то ни стало попасть на корабль первым.

Намерения его увенчались успехом. Утлому суденышку понадобилось немало времени, чтобы покрыть расстояние от берега до корабля, хотя оно было не больше мили, но все же, когда ялик прибыл на место, на волнах залива еще не было видно ни одной лодки.

— Эй, на барке! — закричал Джесюрон, как только лодка приблизилась к левому борту судна.

— Эге-гей! — ответил голос с корабля.

— Капитан Джоулер?

— Я! Кому я там понадобился? — откликнулся голос с кормы, и минуту спустя над бортом показалась бледная, землистая физиономия капитана Аминадаба Джоулера. — А, мистер Джесюрон! Решили первым взглянуть на моих черномазых? Ну что ж, первым пришел, первым получай. Такое уж у меня правило. Рад видеть вас, старина! Как живете?

— Превосходно! Превосходно! Надеюсь, и вы благопо-

лучно здравствуете, капитан Джоулер? Хорош ли нынче товар?

— Первый сорт, приятель! На этот раз товар отличный. Всех цветов и размеров! Ха-ха-ха! Выбирайте любых по вкусу. Давайте-ка, карабкайтесь на борт! Гляньте на мой товарец!

Получив такое приглашение, работорговец ухватился за спущенный ему веревочный трап и, взобравшись по нему с проворством обезьяны, мигом оказался на палубе.

Обменявшись рукопожатиями и другими приветствиями, показывающими, что торговец и покупатель — старые дружки и отлично понимают друг друга, Джесюрон поправил очки и принялся осматривать «товар».

Глава VII ФУЛАХСКИЙ ПРИНЦ

Из каюты вышел и остановился неподалеку от люка молодой человек, своей внешностью резко выделяющийся среди всех других на корабле. Костюм, манера держаться, целый ряд мелочей — все свидетельствовало о том, что он не относится ни к белым, составлявшим команду судна, ни к темнокожим, составлявшим его груз. Он не был невольником, поскольку мог свободно расхаживать по кораблю. Однако одежда и цвет кожи заставляли отказаться от предположения, что это белый, — и то и другое указывало на африканское происхождение. Но черты лица не были типичны для африканца. Характер их был скорее азиатским, точнее, арабским. В сущности, лицо было бы почти европейским, если бы не бронзовый, с красноватым оттенком цвет кожи.

На вид молодому человеку было лет восемнадцать — девятнадцать. Он был хорошо сложен и красив. Тонкие дуги бровей над большими глазами, нос с легкой горбинкой, правильной формы губы, белоснежные зубы, кажущиеся особенно белыми рядом с темным пушком на верхней губе, густые, черные, как смоль, слегка выющиеся, но отнюдь не курчавые волосы — такова была его внешность.

Но особенно резко выделялся он среди нагих черных невольников своим роскошным одеянием. На нем было нечто вроде желтой атласной туники без рукавов и короткая, едва прикрывающая колени юбка. Талию охватывал алый китайского шелка кушак с золотой бахромой. Через левое

плечо был перекинут синий шарф, наполовину скрывающий в своих складках кривую саблю в богатых ножнах и с резной рукояткой слоновой кости. Костюм довершали тюрбан и кожаные сандалии.

Несмотря на азиатский характер его одеяния, несмотря на то, что внешностью он больше всего походил на индуса, это был чистокровный африканец, хотя и не принадлежал к обычному, всем знакомому типу, заключающему в себе явные негроидные черты. Молодой человек принадлежал к великому воинственному пастушьему племени фулахов, населяющих области от Дарфура до побережья Атлантического океана. Около него стояло четверо человек, тоже отличавшихся по виду от остальной массы невольников. Более скромная одежда и ряд других признаков говорили о том, что это слуги молодого фулаха. Почтительные позы, внимание, с каким они ловили каждый его взгляд и жест, указывали на привычное раболопное повиновение.

Богатая одежда фулаха и сквозившая в его поведении надменность показывали, что он — человек не простой и, может быть, даже вождь какого-нибудь африканского племени. И действительно, это был фулахский принц с берегов Сенегала. Там, на родине, его лицо и костюм не привлекли бы к себе слишком большого внимания, но здесь, у западного берега Атлантического океана, на борту невольничьего корабля присутствие роскошно одетого принца требовало объяснения. Было совершенно очевидно, что он здесь не в качестве пленника. Напротив, с ним обходились почтительно.

Каким образом очутился он на барке, везущем черных невольников? Может быть, в качестве пассажира? И что за люди составляют его свиту? Такие вопросы задал работоровец Джесюрон, когда, вернувшись с палубы, где происходил осмотр живого товара, впервые увидел молодого фулаха.

— Лопни мои глаза! — воскликнул он, всплеснув руками и в изумлении уставившись на живописную группу в восточных тюрбанах. — Лопни мои глаза! Это еще что такое? Бог ты мой! Да неужто это тоже рабы, капитан Джоулер?

— Да нет. Вон у того, в шелках и атласе, у самого есть рабы. Это принц.

— Принц?

— Ну да. Что, не верится? А мне не впервые приходится перевозить африканских принцев. Этот вот — его высочество принц Сингуес, сын великого султана Фута-Торо.

А вокруг него — свита, или... как их там?.. придворные. Тот, с желтым тюрбаном на голове, зовется «золотой слуга», а с голубым — «серебряный слуга». А вон тот — «первый камердинер».

— Султан Фута-Торо! — От изумления Джесюрон забыл опустить вздетые кверху руки, в одной из которых был зажат голубой линиялый зонт. — Царь Каннибальских островов? Ого, куда хватили! Но шутки в сторону... Зачем вы их так разрядили, капитан Джоулер? За яркие перья вам не очень-то надбавят.

— Да говорю же вам, они не продаются! Ей-богу, это самый настоящий африканский принц.

— Африканский принц! Так я и поверил! — Джесюрон недоверчиво пожал плечами. — Ну-ну, милейший мой капитан, объясните, что это за маскарад?

— Да право же, хотите — верьте, хотите — нет, этот черномазый — принц и мой пассажир. Только и всего. Он оплатил свой проезд по-царски, как полагается.

— Но что ему нужно здесь, на Ямайке?

— А, это любопытная история, мистер Джесюрон. Вам ни за что не угадать.

— Так расскажите ее, милейший капитан!

— Ну что ж, слушайте. С год назад отряд мандингов напал на столицу старого Фута-Торо и разграбил ее. При этом утащили одну из дочерей султана, родную сестру вот этого самого принца, что перед вами. Ее продали какому-то вест-индскому работорговцу, а тот, конечно, привез ее сюда, на один из островов. Только неизвестно на какой. Старый Фута-Торо думает, что всех рабов везут в одно место. Он был сам не свой из-за пропажи дочки. Она была его любимицей и вроде первой красавицей при дворе. И вот султан послал на поиски ее брата, чтобы тот выкупил ее и привез обратно. Вот вам и вся история.

Во время рассказа капитана на физиономии старого Джесюрона появилось выражение, которое нельзя было объяснить простым любопытством. Но в то же время он старался не выдать своих чувств.

— Господи, боже ты мой! — воскликнул он, как только капитан закончил свой рассказ. — Клянусь, презанятная история! Но как он думает разыскать сестру? С таким же успехом можно найти иголку в стоге сена.

— Да, верно, — согласился капитан. — Но уж это не моя забота, — добавил он с полнейшим хладнокровием. — Мое дело было переправить его через океан. Я готов хоть сей-

час везти красавчика обратно за ту же цену, если у его высочества есть чем заплатить.

— А он порядочно вам заплатил? — осведомился Джесюрон с явным интересом.

— По-царски, я же вам сказал. Видите вон там толпу мандингов возле кабестана¹?

— Да-да!

— Их там всего сорок человек.

— Да? Ну и что же?

— А то, что два десятка из них я получаю в оплату за перевозку принца. Дешево они мне достались, а?

— Куда уж дешевле, милейший капитан! Ну, а остальные двадцать?

— Принадлежат принцу. Он захватил их, чтобы отдать как выкуп за сестру, если разыщет ее.

— Да, в этом-то все и дело — если разыщет. Нелегкая это будет задача, капитан Джоулер!

— Клянусь Христофором Колумбом! — воскликнул вдруг Джоулер, как будто его внезапно осенила какая-то мысль. — Знаете, что мне пришло в голову? Ведь как раз вы и можете помочь принцу в розысках? Уж кто лучше вас сумеет указать ему верную дорожку. Вы же здесь все вдоль и поперек знаете. Принц вам щедро заплатит, можете не сомневаться. Да мне и самому хочется, чтобы он отыскал сестру. Султан Фута-Торо — главный мой поставщик. Если девочка сыщется и я доставлю ее отцу, черномазый не забудет услуги, когда я в следующий раз приеду к нему за черным товаром.

— Ах, достойнейший мой капитан, право, не знаю! Боюсь зря обнадеживать его высочество. Ведь я теперь уже не такой проворный, как бывало. Но для вас-то постараюсь. Может, мне что-нибудь и удастся... Но мы все это потом обсудим как следует. Сперва покончим со сделкой, а то скоро сюда явятся десятки покупателей. Так вы говорите, принц дает выкуп в двадцать рабов?

— Да, двадцать мандингов.

— А больше у него ничего не имеется?

— Наличными? Ни гроша. Люди — вот их ходовая монета. У него еще, как видите, свита из четырех человек. Тоже невольники, как и остальные.

— Значит, двадцать четыре человека. Господи, боже ты мой! Счастливчик этот принц! Может, мне все-таки удаст-

¹ Кабестан — приспособление для подъема якоря.

ся помочь ему. Вот в каюте за стаканчиком вина обо всем и переговорим. Я бы не прочь выпить винца, достойнейший мой капитан. Ах! — воскликнул он, когда, обернувшись, заметил несколько темнокожих девушек. — Господи, боже ты мой! Вот это красотки! Как раз подойдут для горничных. И сколько же их у вас, капитан?

— Добрая дюжина, — ухмыльнулся тот.

— Ценный товар, что и говорить... Ну, пока спустимся вниз, — продолжал Джесюрон, направляясь к люку. — Да, красотки первый сорт. Ценный, очень ценный товар.

Прищелкивая пальцами и причмокивая, старый негодяй спустился в каюту. Капитан шел следом за ним.

Мы можем лишь догадываться о подробностях разговора в каюте. Условия сделки, как это обычно бывает, когда торгуются капитан невольничьего корабля с работорговцем, остались в тайне. В результате весь груз был закуплен оптом.

Очень скоро, едва солнце скрылось за морем, с корабля спустили на воду баркас, гичку и катер. И под покровом ночи живой товар переправили на берег. Среди перевезенных с корабля оказались и двадцать человек мандингов, и слуги принца, и все молодые темнокожие девушки.

Вслед за судовыми лодками плыл ялик Джесюрона. Но теперь в нем находился еще один пассажир. Он сидел на корме лицом к хозяину лодки. По яркому наряду, сверкавшему даже в темноте, было нетрудно узнать в нем фулахского принца. Волк и ягненок плыли в одной лодке.

Глава VIII

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

На следующий день после прибытия в бухту невольничьего корабля мистер Воган, случайно выглянув рано утром в окно, заметил на ведущей к дому аллее одинокого всадника. Вскоре он разглядел, что четвероногое — мул, а его хозяин — старик в синем сюртуке с металлическими пуговицами и огромными боковыми карманами, в казимировых штанах и порыжевших от долгой носки высоких сапогах. Потрепанная касторовая шляпа, из-под которой виднелся край грязно-белого колпака, зеленые защитные очки на носу и огромный голубой зонт в правой руке, которым всадник пользовался вместо хлыста, позволили мистеру Вогану тут же узнать одного из своих ближайших сосе-

дей, Джекоба Джесюрона, владельца скотоводческой фермы, плантатора и работорговца.

— Старый мерзавец! — пробормотал мистер Воган тоном, в котором явно сквозило неудовольствие. — Что ему понадобилось в такую рань? Должно быть, хочет навязать партию рабов. Вчера в бухте стало на якорь какое-то судно — наверно, привезли новый груз невольников. И, уж конечно, Джесюрон не зевал. Ну, здесь ему их не продать! У меня, к счастью, и своих хватает... Доброе утро, мистер Джесюрон! — крикнул он старику, когда тот слез с мула у подъезда. — Как всегда, на ногах чуть свет. Что вас привело? Дела?

— Да-да, мистер Воган. Дела всегда в первую очередь. В теперешние трудные времена бедняк, вроде меня, не может позволить себе спать допоздна.

— Ха-ха-ха! «Бедняк»! Вы охотник пошутить, мистер Джесюрон. Входите. Вы уже завтракали?

— Да, благодарю вас, мистер Воган, — ответил работорговец, поднимаясь по лестнице. — Я всегда завтракаю в шесть.

— Так рано? Тогда стакан прохладительного?

— Благодарю вас, мистер Воган, вы очень добры. Стаканчик прохладительного будет очень кстати. Утро сегодня жаркое.

Чаша «прохладительного» — смеси рома, сахара, воды и лимонного сока — стояла на буфете. Поперек нее лежала серебряная разливательная ложка, вокруг были расставлены стаканы. В доме любого ямайского плантатора всегда найдется такая чаша. Это, можно сказать, неиссякаемый или, во всяком случае, постоянно восполняемый источник.

Подойдя к буфету, возле которого стоял чернокожий слуга, Джесюрон проворно опрокинул в рот стакан «прохладительного». Затем, причмокнув и бросив на ходу: «Отличная штука!» — он вернулся к столу, где для него уже поставили стул рядом со стулом хозяина.

Посетитель снял кастановую шляпу, оставив, однако, на голове свой не слишком опрятный колпак.

Как человек воспитанный, или, во всяком случае, имевший претензии считать себя воспитанным, мистер Воган любезно предоставил гостю первому начать разговор.

— Так вот, мистер Воган, — заговорил тот, — у меня к вам небольшое дельце. Совсем маленькое — даже неловко беспокоить вас по таким пустякам...

Тут говоривший умолк, как будто подыскивая слова.

— Что, наверно, есть свежий товар? — спросил мистер Воган. — Вчера, я слышал, пришел корабль с грузом. Небось не один десяток штук закупили, а?

— Да, кое-что купил, только очень мало. Не на что покупать, денег нет. Господи, боже ты мой! Рабы с каждым днем все дорожают. Откуда же мне деньги взять? Эта болтовня о запрещении работорговли, того и гляди, всех нас разорит. Как по-вашему, мистер Воган?

— Уж вам-то бояться нечего. Если даже парламент издаст такой закон, он останется только на бумаге. Разве можно уследить за всем африканским побережьем, да и ямайским тоже! Да, я думаю, вы, мистер Джесюрон, при всех обстоятельствах ухитритесь переправить сюда партийку черномазых, а?

— Что вы, что вы, мистер Воган! Нет-нет! Я ни за что не пойду против закона. Если запретят торговлю невольниками, мне придется прикрыть дело. Слишком дорого станет вести такое предприятие. Оно и сейчас-то мне не по карману!

— Да это все вздор, будто негры подорожают. Впрочем, вы-то это недаром говорите, мистер Джесюрон. Наверно, пришли предложить что-нибудь?

— Не сейчас, мистер Воган, не сейчас. Может, денька через два у меня будет небольшая партия, а пока нет ни одной продажной штуки. Я и сегодня пришел не за тем, чтобы продать, а за тем, чтоб купить.

— Купить? У меня?

— Да, мистер Воган, если вы не возражаете.

— Это что-то новое, сосед. Я знаю, вы всегда не прочь продать, но в первый раз слышу, что вы скупаете негров с плантаций.

— Сказать вам по правде, мистер Воган, у меня есть покупатель, которому требуется красивая молодая негрятка прислуживать за столом. Среди моего товара не нашлось ничего подходящего. Вот я и вспомнил, что у вас есть одна рабыня, как раз такая, как нужно. Я бы купил ее у вас, если вы ничего не имеете против.

— О ком это вы?

— Я говорю о молодой фулахской девушке, которую я сам продал вам в прошлом году осенью.

— А, вы имеете в виду Йолу?

— Да, кажется, так ее зовут. Она досталась вам от меня почти даром, так я готов накинуть вам наличными... ну, скажем, фунтов десять.

— Да нет, что вы! — Плантатор пренебрежительно пожал плечами. — За такую сумму? Да у меня и нет ни малейшего желания продавать девушку.

— Ну, ладно, пусть будет не десять, а двадцать фунтов придачи. Согласны?

— Нет, сосед. Даже если вы предложите мне дважды двадцать. Ни при каких обстоятельствах за эту девушку меньше чем двести фунтов взять нельзя. Она оказалась превосходной служанкой, а я...

— Двести фунтов! — Джесюрон даже подпрыгнул на стуле. — Ах, мистер Воган, что вы только говорите! На всей Ямайке не сыщется девушки, за которую стоило бы отдать даже половину таких денег! Двести фунтов! Господи, боже ты мой! Вот так цена! Да я бы за двести фунтов отдал двух своих лучших рабов!

— Вот как, мистер Джесюрон! А мне показалось, будто вы жаловались, что рабы нынче сильно вздорожали?..

— Да, конечно, но это уж слишком дорого. Вы просто шутите, мистер Воган.

— Я говорю вполне серьезно. Даже если бы вы предложили мне двести фунтов...

— Ни слова больше! — прервал его работоровец. — Ни слова! Я согласен. Двести фунтов! Господи, боже ты мой! Я вконец разорюсь!

— Напрасно волнуетесь. Я ведь не дал согласия продать Йолу за двести фунтов. И даже за сумму вдвое больше.

— Мистер Воган! Да вы просто смеетесь надо мной! Почему бы вам не согласиться на двести фунтов? Почему? У меня и деньги с собой.

— Мне жаль отказывать вам, сосед, но дело в том, что я решительно не могу продать Йола ни за какие деньги без согласия дочери. Йола — ее горничная. Дочь моя очень к ней привязана. Нечего и думать, что она захочет продать Йола.

— Право, мистер Воган, я не понимаю... Неужели вы допустите, чтобы дочь помешала вам заключить выгодную сделку? Двести фунтов — немалые деньги, очень даже немалые! Эта невольница не стоит и половины такой цены. Я бы, во всяком случае, и столько не дал бы. Но не хочется упускать хорошего покупателя, который не постоит за ценой.

— Вашему покупателю, как я вижу, что-то уж очень приглянулась наша Йола! — Мистер Воган бросил испытыва-

ющий взгляд на гостя.— Неудивительно: она хороша собой. Но если он именно поэтому так стремится приобрести ее, то я тем менее склонен с ней расстаться. А если и моя дочь заподозрит подобную возможность, всех ваших денег, мистер Джесюрон, не хватит, чтобы купить Йолу!

— Мистер Воган, вы ошибаетесь, уверяю вас! Покупатель, о котором идет речь, никогда и в глаза не видел Йолы. Ему просто нужна хорошенькая горничная прислуживать за столом. Вот я и подумал, что ваша Йола подойдет как нельзя лучше. И почему вы думаете, что мисс Воган непременно откажется продать рабыню? Я обещаю вашей дочери достать другую молодую невольницу, еще лучше Йолы.

— Ну что ж,— подумав немного, сказал плантатор, которого, очевидно, все же соблазняла высокая цена.— Раз уж вам так хочется приобрести Йолу, я поговорю с дочерью. Но я мало надеюсь на успех. Я знаю, она очень дорожит своей молоденькой служанкой. Я слышал, что Йола — дочь какого-то туземного царька... Нет, я совершенно уверен — Кэт ни за что не согласится расстаться с ней.

— Даже если таково будет ваше желание, мистер Воган?

— Если я буду настаивать, Кэт, разумеется, не послушается меня. Но я пообещал ей не продавать Йолу без ее согласия, а я никогда не нарушаю данного слова, мистер Джесюрон, в особенности слова, данного собственной дочери.

Произнеся эту несколько высокопарную тираду, плантатор вышел из комнаты, предоставив Джесюрона собственным размышлениям.

— Воган просто спятил, провалиться мне на этом месте! — бормотал старик, оставшись один.— Совершенно спятил с ума. Отказаться от двухсот фунтов за какую-то черномазую девчонку! Господи, боже ты мой!

— Ну, что я вам говорил? — сказал мистер Воган, возвращаясь в комнату.— Дочь моя неумолима. Она наотрез отказалась продать Йолу.

— Прощайте, мистер Воган,— проговорил работорговец. Схватив шляпу и зонт, он направился к двери.— Прощайте, сэр. На сегодня у меня к вам больше дел не имеется.

Нахлобучив шляпу и с нескрываемой злобой сжав ручку зонта, Джесюрон быстро спустился по лестнице, вскарабкался на своего мула и хмурый, как туча, отправился восвояси.

— Что-то он сегодня расщедрился,— сказал плантатор, глядя вслед Джесюрону.— Я, по-видимому, помешал осу-

ществлению очередной гнусной затеи. Ну что ж, очень рад, что досадил старому скряге. Сколько раз он сам мне досаждал...

Глава IX

ЮДИФЬ ДЖЕСЮРОН

Работорговец ехал по широкой, обсаженной пальмами и тамариндами аллее в самом скверном расположении духа. Он был так рассержен неудачным исходом переговоров, что забыл раскрыть зонт, хотя солнце уже сильно пекло. Вместо этого он то и дело принимался колотить им по бокам мула, словно желая выместить досаду на ни в чем не повинном животном. Всю дорогу старик не переставал поносить человека, чей кров он только что покинул. Не пощадил он и дочери плантатора, и брань его перемежалась угрозами:

— Чтоб тебе провалиться! Будь ты трижды проклят! Было время, когда ты с радостью ухватился бы за эти двести фунтов. «Ни за какие деньги!» Ну, погоди! Какая, подумаешь, важная особа твоя мисс Воган! «Мисс Воган!» Как бы не так! Мисс Квашеба — вот она кто! Я кое-что знаю, кое-что знаю... Когда-нибудь эта гордячка будет рада, если за нее самое дадут такую цену! Ха-ха-ха! Я заплатил бы и вдвое за то, чтобы увидеть это. Нет, Лофтус Воган, ноги моей больше у тебя в доме не будет! А ведь стоило мне только намекнуть кое на что, и ты бы даром отдал мне девчонку. Ну, подожди, придет еще мое время!

Он приподнялся в стременах и, полуобернувшись, мстительно погрозил зонтом в сторону дома Вогана, сопровождая свой жест злобным взглядом.

Едва Джесюрон снова погнал мула, как на дороге показалась всадница, которая быстрой рысью ехала ему навстречу. Поравнявшись со стариком, она повернула коня и поехала обратно бок о бок с ним.

Всадница, молодая женщина редкой красоты, казалась ангелом рядом с похожим на самого дьявола старым работорговцем.

Очевидно, она ожидала его за поворотом, так как непринужденность, с которой они заговорили, доказывала, что в это утро они уже виделись.

Кто же была эта прекрасная амазонка?

Посторонний наблюдатель не преминул бы задать себе

такой вопрос, глядя на нее со смешанным чувством: восхищаясь ее редкой красотой и удивляясь странному обществу, в котором она оказалась. И в самом деле, она была поразительно красива. Высокий благородный лоб, черные дуги бровей, сверкающие темно-карие глаза, нос с легкой горбинкой, изящные раздувающиеся ноздри — поистине полный контраст с безобразным стариком, который ехал рядом. Так несхожи меж собой колючий терновник и роза, на кусте которого она цветет. И эта прекрасная роза, эта красавица была дочерью старого Джесюрона. Грустно признаться, но разница между ними ограничивалась внешностью. В отношении духовного их облика можно было бы сказать: «Яблочко от яблоньки недалеко падает». По виду сущий ангел, душой Юдифь Джесюрон была достойной дочерью своего отца.

— Не выгорело? — тотчас осведомилась красавица. — Да нечего и спрашивать, по лицу видно. Хотя, надо заметить, твоя прекрасная физиономия не очень-то выдает мысли. Ну, так как же отнесся к твоему предложению чванливый Воган? Согласен продать рабыню?

— Нет, отказался наотрез.

— Так я и думала. Сколько же ты ему предложил?

— Мне даже совестно тебе признаться, Юдифь.

— Ну-ну, старый плут, от меня тебе таиться нечего. Сколько же?

— Двести фунтов.

— Двести фунтов? Да, сумма изрядная. Если верить тому, что ты мне рассказывал, так его собственная дочь столько не стоит. Ха-ха-ха!

— Тише, Юдифь, тише! Умоляю тебя, молчи об этом. Ты можешь расстроить все мои планы.

— Не бойся, почтенный мой родитель. Я, кажется, еще ни разу не расстраивала твоих планов.

— Да-да, ты всегда была хорошей дочерью.

— Ну, говори же, почему судья не пожелал продать рабыню? Он любит деньги не меньше, чем ты. Двести фунтов — высокая цена за медно-красную девчонку. Вдвое больше того, что она стоит.

— От них отказался не Лофтус Воган, а его дочь.

— Как! Она? — воскликнула Юдифь, скривив губы и раздувая ноздри, от чего ее лицо сразу стало отталкивающим. — Она, ты говоришь? Этого еще недоставало! Возмнившая о себе метиска! Сама-то она не лучше рабыни!

— Тише, тише, Юдифь! — остановил ее отец, беспокой-

но оглядываясь.— Помолчи об этом до поры до времени. Даже у деревьев могут быть уши.

Приступ неудержимой злобы помешал красавице возразить отцу, и некоторое время они ехали молча.

Первой снова заговорила дочь:

— Ты простофиля, отец, ты старый простофиля! Тебе вовсе незачем покупать эту девчонку.

— Бог ты мой! Как это — незачем?

— Что с тобой, почтенный мой родитель? Обычно ты бываешь понятливей. Ну скажи, на что она тебе понадобилась?

— Ты сама знаешь. Принц отдаст мне за нее двадцать мандингов. Она его сестра, это несомненно. Два десятка сильных, здоровых мандингов стоят две тысячи фунтов. Бог ты мой! Целое состояние!

— Разумеется, целое состояние. Ну и что же?

— Как «ну и что же»? Ты рассуждаешь о двух тысячах фунтов, как будто это сор.

— Достойный мой родитель, ты меня плохо понял. Я ценю две тысячи фунтов больше, чем ты полагаешь. Поэтому-то я и хочу, чтобы ты непременно их получил.

— Но ведь именно этого я и добиваюсь!

— Да, а сам повел дело так глупо, что рискуешь упустить их.

— А как бы ты поступила на моем месте?

— Просто взяла бы их.

Старик дернул за уздечку, остановил мула и бросил на дочь недоумевающий взгляд. Юдифь тоже придержала коня.

— Отец, ты становишься бестолковым. Пока я дожидалась тебя у ворот этого надутого плантатора, я задавала себе вопрос: чего ради, собственно, ты к нему поехал? И ответ на это очень прост: ты поехал попусту.

— Да, ты права. Дело не вышло. Двадцать мандингов — ты только подумай!

— Чепуха!

— Чепуха? Что ты только говоришь, Юдифь!

— Я говорю, что мог бы завладеть мандингами без малейших хлопот. Полагаю, возможность эта еще и теперь не упущена. А в придачу нам достанется еще и сам принц.

— Объясни, Юдифь, я ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь. Ты ведь сам говорил, что капитан Джоулер имеет причины не появляться на берегу — не так ли?

— Капитан Джоулер? Да он скорее высадится на Каннибальских островах, чем в бухте Монтего! Ну и что?

— Отец, у меня скоро лопнет терпение! Подумай — принц уже на берегу, а капитан Джоулер боится сойти на берег.

— Да-да,— сказал старик. Он начинал догадываться, куда клонит дочь.

— Так кто же, скажи на милость, помешает тебе распорядиться и принцем и его мандингами как тебе заблагорассудится?

— Бесценная дочь моя! — воскликнул старик, вскинув вверх руки и восхищенно глядя на Юдифь. — Бесценная дочь моя! Ну конечно! А мне это и в голову не пришло.

— К счастью, отец, пока еще не поздно наверстать упущенное. Я все обдумала. Я заранее знала, что Кэт Воган ни за что не отпустит Йолу. Я ведь тебя предупреждала. Кстати, надеюсь, ты не выболтал, зачем тебе понадобилась Йола? Если ты проговорился, то...

— Нет-нет, ни словом, ни намеком.

— Смотри же, не проболтайся. А что касается капитана Джоулера...

— Джоулер не осмелится и носа показать на берег. Вот почему он разгружал товар в море. А кроме того, мы с ним отлично понимаем друг друга. Ему наплевать, что случится с принцем, раз тот сошел с корабля. Да и корабль-то через сутки уйдет в море.

— Значит, через сутки мандинги будут твоими и владетельный принц со всей своей свитой — тоже. Но времени терять нельзя. Поспешим домой: надо общипать пышные перья с его высочества, пока их еще не успели высмотреть наши не в меру любопытные соседи. Ты понимаешь, могут пойти слухи... Что касается нашего управляющего...

— Ах да, Рэвнер! Ему все известно. Пришлось рассказать, когда мы перевозили товар на берег.

— Ну конечно. Тебе придется поступиться одним, а то и двумя мандингами, чтобы Рэвнер держал язык за зубами. Остальное нетрудно. А что скажут эти дикари — неважно. Кто станет слушать, что болтает какой-то черномазый!

— Дорогая моя дочь! — восклицал отец. — Тебе просто цены нет, ты — чистое золото! Получить даром двадцать пять рабов! И еще при этом один из них — чистокровный принц! Две тысячи фунтов стерлингов! Вот это доход! За год столько не заработаешь! Боже ты мой!

С этим благочестивым восклицанием старый работерговец, погоняя мула, последовал за своей «бесценной» дочерью, которая, хлестнув коня, быстрой рысью направилась к дому.

Глава X «МОРСКАЯ НИМФА»

На третий день после того, как невольничий корабль бросил якорь в бухте Монтего, на взморье показалось большое судно, на всех парусах направлявшееся к пристани. На его мачте развевался английский флаг. Всевозможные ящики, тюки, чемоданы и саквояжи, вынесенные перед выгрузкой на палубу, открытые, простодушные лица корабельной команды — все убеждало в том, что прибывает обычное добропорядочное торговое судно. На корме красовалась надпись: «Морская нимфа», Ливерпуль». Это действительно был торговый корабль, но, судя по тому, что на палубе находилась целая группа людей, одетых не так, как моряки, на нем, очевидно, перевозили и пассажиров.

Большинство из них были местные плантаторы, которые, погостив на родине, вместе с семьями возвращались обратно. Одни везли домой сыновей, окончивших английские университеты, другие — дочерей, завершивших образование в модных английских пансионах. Тут, возможно, находились два-три адвоката, неперемные члены английского общества в Вест-Индии. Тут же были, вероятно, два молодых врача. Врачи и адвокаты ехали сюда, с полным основанием рассчитывая разбогатеть в стране беззаконий и нездорового климата. Кроме того, на палубе стояло еще несколько лиц, профессию и положение которых нельзя было определить с первого взгляда.

Среди них находился молодой человек, внешность которого сразу бросалась в глаза. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать в нем лондонского щеголя. Ему недавно исполнился двадцать один год, но его лицо, носившее на себе печать разгульной жизни, казалось старше. Белокурые волосы молодого человека были старательно завиты и казались темнее от душистой помады. Тщательно подстриженные и приглаженные усики и бачки того же соломенно-го цвета явно составляли предмет особой гордости их владельца. Белесые брови были цветом вполне под стать волосам. Цвет глаз определить было не так-то легко, ибо один

из них был постоянно закрыт, а другой скрывался за моноклем в черепаховой оправе. Через стекло монокля, впрочем, глаз казался зеленовато-серым и напоминал поросячий.

Черты лица молодого человека были, в общем, довольно правильны, но ничем не примечательны. Чаще всего его физиономия выражала презрительное высокомерие, и он старался улыбаться как можно более скептически. Завитым напомаженным волосам и моноклю вполне соответствовал и его щегольский наряд: сюртучок из тонкого, песочного цвета сукна, крылатка, едва прикрывавшая плечи, белая касторовая шляпа, безупречные жилет и панталоны из дымчато-серого казимира, лайковые перчатки и необычайно блестящие лакированные сапожки. Все это было чрезвычайно модно, и обладатель изысканного туалета держался с развязностью, которая сразу выдавала столичного франта. Это подтверждалось и нарочитым грусированием, когда он снисходил до беседы со спутниками.

Хотя большинство пассажиров смотрели на него с плохо скрываемым презрением, многие все же почти заискивали перед ним. А раболепие стюардов «Морской нимфы» не оставляло сомнений в том, что от молодого джентльмена можно ждать хороших чаевых. И действительно, он мог щедро раздавать чаевые, ибо мистер Монтегю Смизи — а это был именно он — был отпрыском знатной и состоятельной семьи и собственником великолепных ямайских сахарных плантаций, оставленных ему в наследство одним из родственников. Посещение этих владений и являлось целью поездки мистера Монтегю Смизи на Ямайку. Он никогда еще не видел своего поместья, ибо ему впервые приходилось пересекать Атлантический океан. Но он нисколько не сомневался в существовании своей земельной собственности. Солидный доход, получаемый им уже в течение нескольких лет и позволявший вести самую широкую жизнь и вращаться в самых фешенебельных кругах лондонского общества, являлся достаточно веским доказательством того, что замок Монтегю на Ямайке — отнюдь не воздушный замок. До совершеннолетия мистера Монтегю Смизи имением управлял опекун — некий мистер Воган, владелец сахарных плантаций, граничивших с плантациями замка Монтегю.

Мистер Смизи вовсе не собирался поселиться в своем ямайском поместье. Такая идея, как он сам выразился, ему никогда и в голову не приходила. Променять Лондон и все

его развлечения на жизнь среди каких-то негров — брр! Он даже и не помышлял о таком добровольном изгнании. Нет, он положительно умер бы там со скуки. Ему просто захотелось побывать в тропиках. Ему рассказывали о них столько занятного. И кстати взглянуть на свои сахарные плантации. И на негров тоже. И, кроме того, ему хотелось одним глазком поглядеть на креолочек — они, говорят, чертовски хорошенькие!

Так мистер Монтегю Смизи объяснял цель своего путешествия тем из пассажиров, кого это интересовало.

В третьем классе «Морской нимфы» пассажиров было немного. Беднякам нечего делать в Вест-Индии, где тяжелую, черную работу выполняют рабы. На борту «Морской нимфы» таких пассажиров было всего четверо, но одному из них предстояло сыграть весьма значительную роль в нашем повествовании.

Тот, о ком идет речь, был ровесником мистера Смизи, но во всем остальном полной его противоположностью. Он был среднего роста, статный и крепкий. Хотя молодого человека и нельзя было назвать брюнетом, цвет его волос для англичанина был довольно темен. В чертах его лица сквозило благородство, и весь его облик привлек бы внимание даже самого равнодушного зрителя. У него были красивые темно-карие глаза, вьющиеся каштановые волосы и задорные завитки на висках. В общем, он вполне заслуживал названия красивого молодого человека. На нем был самый лучший его костюм, впервые за все время плавания надетый им по случаю прибытия к месту назначения. Темно-синий короткий сюртук с черными отворотами, плотно облегающие ноги лосины и высокие сапоги придавали ему изящный вид, несмотря на то, что ткань в швах была несколько потерта.

Занятие, в которое был погружен молодой человек, свидетельствовало об известной степени утонченности натуры. Стоя возле брашпиля, он на листке альбома делал набросок пристани, к которой приближался корабль. Рисунок обнаруживал недюжинные способности юноши, но тем не менее он не был профессиональным художником. К его крайнему сожалению, у него не было никакой профессии. Бедный студент, он приехал в Вест-Индию, как многие едут в колонии, с неопределенной надеждой, что в чужих краях фортуна окажется к нему благосклоннее, чем на родине. Но надежды юноши, очевидно, были не слишком радужны. Его обычно жизнерадостное лицо то и дело омрачала тень.

Но вот корабль уже подошел к берегу, молодой человек закрыл альбом и теперь стоял, окидывая взглядом роскошный тропический пейзаж, впервые представший его взору.

Хотя подобная картина могла вызвать только приятные чувства, на лице юноши отражалось волнение. Пожалуй, даже тревога: как-то его встретят в этом прекрасном краю? Но уже в следующее мгновение его мысли были прерваны голосом, раздавшимся у него над самым ухом. Обернувшись к говорившему, он узнал великолепного пассажира первого класса, мистера Монтегю Смизи.

Так как всю дорогу от Ливерпуля до Ямайки сей джентльмен ни разу не решился переступить ту черту, которая отделяет священные пределы привилегированных пассажиров первого и второго классов от плебейского третьего, появление щеголя возле кабестана было несколько неожиданным. Впрочем, это легко объяснялось тем обстоятельством, что «Морская нимфа» подходила к пристани, и пассажиры всех рангов сбились на носу, чтобы иметь возможность лучше полюбоваться развернувшейся перед ними величественной картиной. Невзирая на неоднократно выраженное им отвращение к «мерзкому запаху смолы», мистер Смизи все же, естественно, поддался охватившему всех любопытству и вместе с остальными оказался на плебейской части палубы.

Заняв удобную позицию наверху кабестана, он поправил монокль и принялся разглядывать берег, приблизившийся уже настолько, что стали различимы многие детали пейзажа. Впрочем, мистер Смизи недолго предавался созерцанию природы. Он не мог долго хранить молчание, сосредоточенность не была свойственна его натуре. Красота тропической природы, по-видимому, вызвала в нем некий поэтический трепет, который нашел свое выражение в следующей речи:

— Чертовски красиво, честное слово! Нет, серьезно, превосходные театральные декорации! Как по-вашему, любезный?

Последние слова были обращены к молодому пассажиру третьего класса, который во все время пути так же старательно избегал аристократической кормы, как мистер Смизи избегал плебейского носа. Поэтому услышанный теперь голос был ему совершенно незнаком, так как он впервые видел нашего изысканного денди. Поняв, что последний адресуется к нему, он почувствовал себя несколько задетым покровительственным тоном, но раздражение его

мигом улетучилось, едва он увидел, с кем имеет дело. Он посмотрел на франта добродушно, хотя и несколько презрительно.

— Ах, это вы, милейший! — произнес мистер Смизи, только теперь заметив, кому он, собственно, задал свой вопрос. — Да-да, припоминаю, я вас часто видел с кормы. Честное слово, вы странная личность. Нет, серьезно, положительно странная. Прошу простить вольность: каким ветром вас занесло сюда? На Ямайку, я хочу сказать.

— Тем же, что и вас, — ответил пассажир третьего класса, которого опять слегка уязвили тон и форма вопроса. — Тем самым, который надувал паруса нашей «Морской нимфы».

— Как? Ах, да... Остроумно, очень остроумно. Но, милейший, я имел в виду другое. Я хотел узнать, зачем вы приехали на Ямайку. Может быть, у вас есть какая-нибудь профессия, и вы...

— Нет, у меня нет профессии, — коротко ответил молодой человек, подавляя желание оборвать бесцеремонного щеголя.

— Тогда, может быть, вы знаете какое-нибудь ремесло?

— Тоже нет, к сожалению.

— Ни профессии, ни ремесла? Что же, черт возьми, вы предполагаете делать на Ямайке? Рассчитываете получить место счетовода на плантациях или надсмотрщика за рабами? Полагаю, обе эти должности не требуют особого опыта. Мне говорили, что счетоводу здесь, собственно, и не приходится вести счетов. Ха-ха-ха! И, уж конечно, любой неуч сумеет командовать неграми. На такую должность вы, вероятно, и рассчитываете, милейший?

— Я ни на что не рассчитываю, — ответил тот беззаботно. — А род занятий моих будет зависеть от воли другого.

— Вот как! От кого же, если не секрет?

— От моего дяди.

— Ага. Значит, у вас на Ямайке есть дядя?

— Да, если только он жив.

— Как! Вы даже не знаете точно, жив ли ваш дядя? Как интересно! У вас давно нет от него известий?

— Уже много лет, — ответил молодой человек, которого это напоминание о неопределенности его положения заставило отказаться от иронического тона. — Уже много лет, — повторил он. — Но я все-таки написал дяде, что еду.

— Чрезвычайно странно! И, простите, могу я осведомиться, кто ваш дядя?

— Кажется, плантатор. ...

— У него сахарные плантации?

— Да, как будто.

— В таком случае, он может подыскать для вас работу получше, чем присматривать за черномазыми. Скажем, сделает вас своим управляющим. Простите, могу я узнать ваше имя?

— Сделайте одолжение. Меня зовут Герберт Воган.

— Воган? — повторил щеголь, и в тоне его почувствовался какой-то новый интерес. — Ваше имя — Воган? А имя вашего дяди?

— Тоже Воган. Он брат моего покойного отца...

— Неужели Лофтус Воган, плантатор, владелец усадьбы Горный Приют?

— Да, дядю зовут Лофтус Воган, и поместье его, кажется, носит именно такое название.

— Чрезвычайно странно! Непостижимо! Представьте себе, милейший, мы, очевидно, направляемся в одно и то же место. Лофтус Воган — мой прежний опекун и ныне доверенное лицо по моим владениям на Ямайке. Я именно к нему и направляюсь. Как странно, просто чертовски странно, что вы и я окажемся гостями под одной и той же кровлей!

Последнее замечание сопровождалось высокомерным взглядом, не ускользнувшим от внимания собеседника. Взгляд этот, не оставлявший сомнения в подлинном смысле сказанного, был воспринят Гербертом Воганом как прямое оскорбление. Он готов уже был дать резкий ответ, когда фронт неожиданно повернулся и пошел прочь, проямлив что-то на прощанье и выразив надежду, что они еще встретятся. Секунду Герберт Воган стоял, глядя ему вслед с презрительной усмешкой. Но через мгновение лицо его приняло прежнее добродушное выражение, и он спустился на нижнюю палубу подготовить к выгрузке свой довольно скудный багаж.

Глава XI

ЛОФТУС ВОГАН ЖДЕТ

Со дня получения двух писем из Англии Лофтуса Вогана можно было ежедневно видеть у окна с подозрительной трубой, направленной на взморье. Он хотел как можно раньше заметить «Морскую нимфу», чтобы еще до того, как судно войдет в гавань, отправить туда карету и достойно

встретить многоуважаемого Смизи, едва тот ступит на берег.

В ту пору еще не существовало пароходов, которые могут ходить точно по расписанию. Хотя письмо было отправлено за несколько дней до отплытия «Морской нимфы» из Англии, никто не мог сказать, когда она придет на Ямайку — все зависело от ветра. Поэтому корабль, везший Монтегю Смизи, можно было ожидать с часу на час.

Домочадцы Горного Приюта все уже знали, что ожидается приезд важного гостя. Из города ежедневно привозили дорогую мебель, и в доме были заново отделаны все комнаты. Горничные и вся домашняя прислуга получили новые платья, а некоторых слуг нарядили в ливреи — большая редкость для Ямайки. Слуг даже заставили надеть обувь. Большинство из них впервые в жизни познакомились с ней и охотно отказались бы от мучительной чести щеголять в чулках и башмаках.

Едва ли нужно пояснять, что владелец Горного Приюта пошел на это мотовство исключительно для того, чтобы подобающим образом принять мистера Монтегю Смизи. Все это проделывалось ради него одного. Если бы дело шло о приезде племянника, само собой разумеется, Лофтус Воган и не подумал бы высматривать его в подзорную трубу и устраивать все эти пышные приготовления.

Также едва ли нужно пояснять, какими соображениями руководствовался при этом мистер Воган. Читатель, наверно, уже и сам обо всем догадался. У Лофтуса Вогана была дочь-невеста, и, на его взгляд, мистер Монтегю Смизи был не только подходящим, но весьма желанным для него зятем. Молодой человек был владельцем превосходного поместья, что было известно мистеру Вогану лучше, чем кому бы то ни было. Почтенный плантатор являлся не только окружным судьей, но и опекуном владельца поместья замка Монтегю и знал его стоимость с точностью до одного шиллинга.

Границы поместий Горного Приюта и замка Монтегю соприкасались. Лофтус Воган давно уже завистливо поглядывал на обширные плантации и толпы черных рабов соседа, и в конце концов желание заполучить в свои руки замок Монтегю, хотя бы в качестве тестя хозяина, перешло у него в настоящую манию. Если объединить оба поместья, получилось бы великолепное имение, одно из богатейших на всей Ямайке. Давно уже это стало заветной мечтой Лофтуса Вогана.

Не будем скрывать, что у мистера Вогана была и другая, более благородная причина желать этого брака. Как ни прекрасна была Кэт, как ни образованна, как ни любил ее отец,— а надо отдать ему справедливость, отцовские чувства в нем были очень сильны,— все же он знал, что мать ее была квартеронкой и дочь его поэтому тоже не считается настоящей белой. Пусть в ней лишь ничтожная доля «цветной» крови, пусть это ничуть не заметно по ее внешности,— он знал, что ни один подходящий жених из местных плантаторов никогда не сделает ей предложения. Он знал также, что молодые англичане в первое время пребывания на Ямайке склонны не считаться с такими «пустяками»; но, пожив здесь, они тоже проникаются взглядами ямайского «светского общества».

За это желание устроить судьбу своей дочери мистера Вогана можно упрекнуть не больше, чем сотни других родителей,— как в Англии, так и в иных странах. Он был даже менее грешен, чем многие другие. Любовь к дочери, желание создать ей прочное положение в обществе,— ибо такой брак как бы смывал с нее «пятно»,— вот главные мотивы, побуждавшие мистера Вогана проявлять особое внимание к мистеру Монтегю Смизи. Но, к сожалению, необычайно пышный прием, который он готовил владельцу замка Монтегю, был совсем не похож на ту нелюбезность, с какой он собирался встретить молодого родственника.

Узнав из письма Герберта, что тот едет третьим классом, Лофтус Воган преисполнился горькой досады. Его очень мало удручало бы это обстоятельство, если бы племянник плыл на любом другом корабле. Однако мистера Вогана чрезвычайно беспокоило, что Монтегю Смизи проведает о родственных отношениях между ним, Лофтусом Воганом, и этим нищим. Чего доброго, мистер Смизи усомнится в респектабельности своего бывшего опекуна. Плантатора так терзала мысль об этом компрометирующем его родстве, что он охотно вовсе бы от него отсекся, если бы это было возможно. Он надеялся, впрочем, что молодые люди не успеют познакомиться во время пути, зная, как высокомерно относится лондонский щеголь к тем, кого считает ниже себя. А уж здесь, на Ямайке, он постарается, чтобы знакомство это так и не состоялось. Дабы не подвергать себя никакому риску в этом отношении, мистер Воган задумал план, одновременно ребяческий и жестокий: он решил убрать своего племянника куда-нибудь подальше от глаз высокородного мистера Смизи.

Этот план он продумал задолго до прибытия «Морской нимфы». Он решил встретить мистера Монтегю Смизи прямо на пристани и немедленно увезти в Горный Приют. Там же намеревался он отправить и Герберта, но уже не в карете, и по прибытии его в пределы поместья тут же переправить по другой дороге к управляющему, домик которого стоял в укромном уголке, в полумиле от господского дома. Здесь Герберт будет жить в качестве гостя управляющего до того времени, пока дядя не придумает способ избавиться от племянника, подыскав ему какое-нибудь место в Монтего-Бей или устроив счетоводом где-нибудь на отдаленной плантации. Всесторонне разработав этот «остроумный» план, мистер Воган поджидал приезда обоих молодых людей.

* * *

Только на третий день после получения писем, когда время уже близилось к полудню, плантатор, наведя, как обычно, на море подзорную трубу, увидел у входа в бухту большое трехмачтовое судно, направлявшееся прямо к пристани. Это могла быть и «Морская нимфа» и любой другой корабль. Во всяком случае, плантатор решил не рисковать и немедленно приступил к выполнению своего плана.

Зазвонили звонки, созывающие слуг, загудел рог, призывая мистера Трэсти, управляющего, и через какие-нибудь полчаса семейное ландо — превосходный экипаж, запряженный парой отличных, холеных лошадей, — уже катил по дороге к пристани. Сзади скакал верхом сам управляющий. Поодаль ехал фургон, который тащили восемь крупных быков, а за фургоном, замыкая шествие, плелся на прескверной лошаденке уже знакомый нам почтальон Горного Приюта, чернокожий Квеша. Но сейчас он направлялся не за почтой. На этот раз ему было дано поручение гораздо более деликатного свойства.

Большой зал Горного Приюта в этот час являл собой зрелище довольно любопытное для того, кто незнаком с вест-индскими обычаями.

На полу, на некотором расстоянии друг от друга, стояли на коленях шесть или семь молодых негритянок, и около каждой из них лежал разрезанный пополам апельсин, кусок воска и что-то вроде мочала из волокнистой оболочки кокосового ореха. Пол был не просто дощатый. Это был мозаичный паркет, составленный из кусочков твердого де-

рева, различных по цвету, среди которых можно было узнать красное дерево и хлебное дерево. Черные рабыни должны были придать блеск этому великолепному мозаичному полу с помощью апельсинного сока и воска.

Для жителей Ямайки это повседневная, хорошо знакомая картина. Паркет зала в доме плантатора — предмет семейной гордости, как ковер в лондонской гостиной. Каждый день в один и тот же час в зале появляются чернокожие служанки и восстанавливают блеск паркета, несколько потускневший за предыдущий вечер. Обычно это происходит перед обедом, часа в три или четыре. И, чтобы не испортить блеска паркета, босоногая служанка прибегает к способу, заслуживающему внимания благодаря своей оригинальности. Расстелив на полу две холщовые или полотняные тряпки, она становится на них. Пальцы ног у вест-индской служанки столь же ловки и подвижны, как и пальцы рук, и для нее не составляет никакого труда удерживать тряпку между большим пальцем ноги и его непосредственным соседом. В такой своеобразной обуви она может скользить по полу, ни в малейшей степени не опасаясь испортить блеск только что натертого паркета.

Иная, но столь же кипучая работа шла на кухне. Кухня находилась несколько в стороне от дома и была соединена с его нижним этажом крытой галереей. По этой галерее непрестанно сновали взад и вперед черные и коричневые служанки, каждая со своей ношей: куском оленины, окороком дикого кабана, черепахой, домашними голубями, крабами — со всем тем, что предназначалось для вертела, кастрюли и сковородок. Подобную сцену можно было наблюдать здесь ежедневно, но обычно разнообразие и обилие продуктов были не столь разительны, так же как и количество служанок, спешащих в кухню и обратно. Их поспешность и суетливость также указывали на то, что им нынче предстояло пустить в ход все умение и приготовить необычайно пышный пир.

Все эти приготовления шли под личным наблюдением самого хозяина. С того момента, как корабль был замечен на горизонте, мистер Воган успел побывать повсюду: в конюшне дал указания конюхам и грумам; на кухне распорядился относительно всех деталей, касающихся угощения гостя; в большом зале проверил, как натирают пол. И наконец, вновь вооружившись подозрительной трубой, он стал всматриваться в обсаженную тамариндами аллею, на которой в любую минуту могло показаться ландо с дорогим гостем.

Глава XII

КЭТ И ЙОЛА

В левом крыле дома, наиболее отдаленном от кухонного шума и стука, находилась небольшая комната, обставленная элегантно и со вкусом. Свет проникал в нее через жалюзи двух больших окон с балкончиками. Одно из окон выходило в сад, за которым виднелись покрытые лесами уступы горы; из другого был виден тянувшийся до самого хребта густой кустарник.

Если бы даже в комнате никого не было, по обстановке сразу можно было бы догадаться, что здесь живет особа прекрасного пола. В углу стояла кровать из светлого дерева, украшенного резьбой. Над кроватью висел белый, будто кисейный, полог, который, однако, при ближайшем рассмотрении оказывался тончайшей, как газ, москитной сеткой.

В одной из оконных ниш стоял туалетный стол, инкрустированный перламутром. На нем помещалось круглое зеркало в раме из великолепного испанского красного дерева. Перед зеркалом лежало и стояло множество туалетных принадлежностей различных форм и фасонов, говоривших об изящном женском вкусе. В комнате стояло несколько китайских стульев, небольшой столик с инкрустацией, черепаховая рабочая шкатулка на черепаховой же подставке и небольшое бюро черного дерева. Ни камина, ни печи здесь не было — вечное ямайское лето делало их ненужными. Кисейные занавески на окнах были расшиты розовыми цветами и украшены бахромой из розовых и белых кистей.

Ветерок, напоенный ароматом тысяч цветов, проникая через поднятые створки жалюзи, колыхал легкие занавеси, навевая приятную свежесть. Прохладой дышал и гладкий паркетный пол, сверкающий, словно зеркало. Всякого, заглянувшего в эту прелестную девичью комнатку, поразило бы своеобразное сочетание богатства и скромности. Комната была достойна брильянта, которому она служила оправой.

Это была спальня и будуар Лили Квашебы, наследницы Горного Приюта. Немногие удаивались чести заглянуть в эту изящную комнату. Кроме хозяйки комнаты, входить сюда без приглашения могла лишь Йола, горничная мисс Кэт.

В описываемый день, вскоре после того, как колокол возвестил о прибытии английского судна и вся челядь кинулась готовиться к парадному приему, в комнате Кэт находилась сама юная хозяйка и ее горничная. Первая сидела на китайском стульчике у окна, вторая стояла позади госпожи, расчесывая ее волосы.

— Она только что принялась за дело, если так можно назвать то, что многие почли бы за удовольствие. Разложив на столе целую коллекцию гребней, щеток и шпилек, Йола распустила длинные каштановые волосы своей госпожи. Они упали свободными волнами на бархатистые плечи, белые, как снег, без малейшего намека на смуглость. Йола невольно остановилась, залюбовавшись.

— Вы красавица, мисс! — воскликнула она вполголоса. — Вы такая красавица!

— Что ты, Йола, ты просто льстишь мне. Ты и сама очень хороша собой, только по-иному. У себя на родине ты, наверно, слыла первой красавицей.

— Ах, мисс, а вы везде будете первой красавицей — и у белых и у черных!

— Спасибо за комплимент, Йола, но, право, мне не очень по душе быть предметом всеобщего восхищения. Я пока еще не знаю ни одного мужчины, которому мне хотелось бы понравиться.

— Может, мисс заговорит иначе, когда приедет кавалер из Англии.

— Какой кавалер? Мы ожидаем двоих.

— Йола слышала только об одном. Хозяин говорил только про одного.

— Вот как! Только про одного? А ты слыхала, как он его называл?

— Да-да, очень важный господин, султан Монгю. У него есть еще и другое имя, только язык Йола не может его выговорить.

— Ха-ха-ха! Ничуть не удивительно, мой язык тоже произносит его с трудом. Не то Смизси, не то Смизи.

— Да-да, мисс, он самый. Хозяин говорит: прекрасный джентльмен, красавец.

— Ах, Йола, твой хозяин, как все мужчины на свете, плохой судья мужской красоты. Может быть, султан Монгю, как ты его называешь, вовсе не такое совершенство, каким описывает его папа. Но мы очень скоро сможем со-

ставить о нем собственное мнение. А о втором «кавалере» папа ничего не говорил?

— Нет, мисс, ничего. Только об одном он говорил — вот об этом султанине Монгю.

С губ юной креолки сорвалось легкое восклицание досады. Она задумчиво смотрела на блестящий паркет. Трудно объяснить, почему она так расспрашивала Йола. Может быть, она заподозрила намерения своего отца... Во всяком случае, она чувствовала, что за его поступками скрывается какая-то тайна, и хотела ее разгадать.

На тонком смуглом лице Йола, по-прежнему любовавшейся мисс Кэт, вдруг появилось удивление, словно ей в голову пришла странная мысль.

— Аллах! — тихонько воскликнула она, не спуская глаз с госпожи.

— Почему ты вдруг призываешь аллаха, Йола? — осведомилась та, взглянув на служанку. — Что тебе пришло на ум?

— Ах, мисс, вы совсем как один мужчина!

— Я — как один мужчина? Ты хочешь сказать, что я похожа на какого-то мужчину? Верно я тебя поняла?

— Да-да, мисс. Йола только сейчас это заметила. Очень, очень похожа.

— Ну, Йола, теперь ты безусловно мне не льстишь. Кто же этот мужчина?

— Горный марон, мисс.

— Час от часу не легче! Я похожа на марона? Господи помилуй! Право, ты, наверно, шутишь, Йола.

— Ах, мисс, он очень красивый! У него круглые черные глаза, они блестят, как светлячки в лесу ночью. У него глаза, как у вас, — очень, очень похожи!

— Что ты только болтаешь, глупая! — произнесла девушка тоном притворного упрека. — Разве ты не знаешь, что не следует сравнивать меня с мужчиной, да еще с каким-то мароном!

— Ах, мисс, но ведь он красавец! Право же, настоящий красавец!

— Ну, в этом я сильно сомневаюсь. Но даже если так, все равно ты не должна сравнивать меня с ним.

— Простите, мисс, простите! Больше я так говорить не буду.

— Смотри же, глупышка, а то я возьму и скажу папе, чтобы он продал тебя!

Это было сказано мягким, шутливым тоном — несом-

ненно, мисс Кэт не собиралась приводить эту угрозу в исполнение.

— Кстати, Йола,— продолжала девушка,— я могла бы получить за тебя много денег. Как ты думаешь, сколько мне предлагали на днях?

— Не знаю, мисс. Аллах не допустит, чтобы мне пришлось расстаться с вами. Я тогда и жить не хочу...

— Спасибо, Йола,— сказала Кэт, тронутая искренним тоном девушки.— Не бойся, я тебя никогда не отдам. Вот тебе доказательство: мне за тебя давали очень большие деньги, а я отказалась. Один человек предлагал за тебя целых двести фунтов.

— Кто же это, мисс?

— Да тот самый, кто продал тебя папе,— мистер Джесурон.

— Аллах да поможет бедной Йоле! Ах, мисс, это очень злой господин, дурной человек! Йола умрет. Кубина убьет ее. Йола сама себя убьет, Йола ни за что не пойдет к этому злому человеку! Добрая госпожа, прекрасная госпожа, не продавайте меня ему!

Охватив голову руками, девушка упала к ногам мисс Кэт и несколько мгновений оставалась неподвижной.

— Не бойся, не бойся, я не продам тебя, и уж во всяком случае не ему. Ты правильно сказала: он очень гадкий человек. Ну, Йола, не бойся. Повтори, какое имя ты назвала,— Кубина, кажется?

— Да, мисс.

— Кто же этот Кубина, скажи на милость?

Девушка медлила с ответом. На ее смуглых щеках показался румянец.

— Если это секрет, можешь не говорить, я не настаиваю,— сказала Кэт, заметив смущение Йола.

— Нет, мисс, у меня нет от вас секретов. Кубина — молодой марон, он живет в горах.

— Не тот ли это марон, на которого я похожа?

— Да, мисс.

— Теперь понятно, почему ты считаешь меня красивой. Наверно, он твой возлюбленный, этот Кубина?

Йола молчала, опустив голову. Румянец на ее щеках заиграл ярче.

— Хорошо, можешь не отвечать,— сказала юная креолка, лукаво усмехнувшись.— Я уже сама догадалась. Мне кажется, я что-то слышала про твоего Кубину. Но будь осторожна, Йола. Мароны — не то что негры с плантациями...

Так мы с ним похожи? Ха-ха-ха! — И юная красавица кокетливо взглянула в зеркало. — Нет, Йола, я не сержусь на тебя за твое сравнение. В глазах влюбленной милый ее всегда прекрасен. Разумеется, на твой взгляд Кубина — настоящий Аполлон... Ну, Йола, — прибавила она, весело встряхнув волосами, — мы и так уже потеряли много времени. Папа рассердится, если я не буду готова к приезду нашего важного гостя. Причеши меня так, как приличествует молодой хозяйке Горного Приюта.

Залившись веселым смехом при мысли о том, как напыщенно прозвучала эта последняя фраза, Кэт поручила свои прекрасные шелковистые волосы ловким рукам служанки.

Глава XIII КВЕШИ

Через какие-нибудь полчаса после краткой беседы между мистером Монтегю Смизи и молодым пассажиром третьего класса «Морская нимфа» вошла в порт и встала у пристани. С берега перекинули сходни, и по ним мужчины и женщины всех цветов кожи двинулись, толпясь, на борт корабля. А пассажиры, уставшие от корабельной качки и всех неудобств, связанных с путешествием по морю, поспешили сойти на сушу. Возле багажа засуетились полунагие темнокожие носильщики, таща куда попало, но только не туда, куда следовало, сундуки, саквояжи и баулы и болтая между собой, как сороки. Приехавших уже поджидали на пристани экипажи — не наемные повозки, как в европейских портах, а экипажи частных владельцев: элегантные ландо, запряженные парой и с черным кучером в ливрее на козлах; одноконные коляски и совсем уж скромные двуколки — все это в зависимости от богатства тех, за кем был выслан экипаж. Неподалеку, у пристани, стояли запряженные быками фургоны для багажа. Полунагие черные возницы слонялись тут же, иногда обращаясь к своим четвероногим, называя их по именам и разговаривая с ними так, будто те действительно их понимали.

Среди экипажей особое внимание привлекало щегольское ландо, запряженное парой великолепных буланых рысаков. На козлах восседал мулат в блестящей светло-зеленой ливрее с золотыми позументами. Возле ландо наготове, чтобы открыть дверцу, стоял лакей в ливрее того же цвета.

Герберт все еще медлил на палубе, не решив окончательно, стоит ли сходить на берег сейчас. Но тут он заметил этот великолепный экипаж. Пока он разглядывал его, к экипажу подошли два джентльмена. За ними следовал белый слуга, а сзади шли еще двое «цветных» слуг, которые несли массу каких-то свертков и пакетов. В одном из джентльменов Герберт без труда узнал мистера Монтегю Смизи. И тут он вспомнил, что его спутник «направляется», как он сам выразился, в поместье Горный Приют.

Как только мистер Монтегю Смизи уселся в ландо, а лакей взобрался на козлы, предоставив запятки своему английскому собрату, экипаж быстро покатил по дороге. Второй джентльмен — по-видимому управляющий — последовал за ними верхом в качестве эскорта. Герберт, не двигаясь с места, следил за удалявшимся экипажем, пока тот не скрылся за поворотом. В голове у него шевелились не очень-то веселые мысли.

А вот его никто не приветствовал на чужом берегу. Тень грусти омрачила лицо молодого человека. Он уставился в пространство невидящим взглядом.

— Господин! — прервал его размышления чей-то голос, и Герберт увидел возле себя чернокожего подростка.

— Что тебе? — спросил Герберт, заметив, что тот смотрит на него во все глаза. — Что тебе надо, мальчуган? Денег? У меня их нет.

— Зачем Квеша деньги? Квеша выполняет приказание хозяина. Молодой господин готов ехать?

— Ехать? Куда? О чем ты толкуешь?

— Ехать в Горный Приют.

Герберт с недоумением смотрел на негритенка.

— Откуда ты знаешь, что мне надо в Горный Приют?

— Квеша знает. Ему управляющий сказал. Управляющий с пристани показал Квеша молодого господина на палубе. Управляющий велел привезти молодого господина в Горный Приют. Молодой господин готов ехать?

— Так, значит, ты оттуда?

— Да, Квеша помогает там на конюшне и еще привозит письма и газеты. Управляющий повез в ландо важного английского господина. Багаж поедет в фургоне.

— Где же лошадь для меня?

— На пристани, господин. Вы готовы ехать, господин?

— Ну что ж, поедем, — сказал Герберт, начиная понимать, в чем дело. — Возьми-ка этот саквояж, брось его в фургон. Куда же мне ехать, по какой дороге?

— Дорога простая, господин, заблудиться нельзя. Ехать все время прямо по берегу реки, потом будет брод — и там свернуть. Только не влево. Оттуда уже виден большой дом.

— Далеко это?

— Миль семь-восемь, господин. До заката доедем. Это очень быстрая лошадь. Только пусть молодой господин не сворачивает влево после брода.

Получив все эти указания, пассажир третьего класса покинул корабль, предварительно попрощавшись с добродушными матросами, так дружелюбно относившимися к нему во все время тягостного путешествия. Вскинув на плечо охотничью одностволку, Герберт спустился по сходням на пристань. Там, подойдя к лошади, привязанной позади фургона, он отвязал ее, вскочил в седло и легкой рысью поехал по дороге, указанной ему темнокожим Квешу.

Шум улиц, новые впечатления на каждом шагу заставили Герберта на время позабыть о себе. Но едва лишь юный путник миновал город и очутился в полном одиночестве под темным шатром лесной зелени, как его опять охватили мрачные предчувствия. Теперь дорога вилась по сырой, болотистой местности, и Герберт совсем загрустил. Нетрудно было догадаться, о чем он угрюмо размышлял. Он заметил — да и как было не заметить? — разницу в приеме, оказанном ему и его спутнику. Того встречали с почетом, богатого гостя ждал великолепный экипаж, а за ним выслали плохонькую лошадь — и только.

— Клянусь памятью отца, — бормотал Герберт сквозь зубы, — я не забуду этого оскорбления, задевающего его даже больше, чем меня! Я должен выполнить последнее желание умирающего, а то я бы и шагу не ступил дальше.

Он даже приостановил неказистого коня, как будто в самом деле готовясь привести в исполнение свою угрозу, но тут же снова тронул поводья.

«Впрочем, — раздумывал он с новым проблеском надежды, — возможно, это просто ошибка? Да нет, нет! Какая тут может быть ошибка! Этот пустой хлыщ — любимый сын судьбы, а я... а я ее пасынок... — Герберт горько усмехнулся своему сравнению. — Да, вот почему нас встретили по-разному. Ну что ж... Пусть я беден, но мой надменный родственник узнает, что я горд не менее, чем он. На презрение я отвечу презрением. Я потребую объяснения его поступка — и немедленно!»

Словно подгоняемый обидой и решением защитить свою честь, молодой «пасынок судьбы» стегнул хлыстом неказистого конька и галопом поскакал вперед.

Глава XIV НА КОНСКОМ ХВОСТЕ

Почти целый час скакал конь Герберта, ни разу не остановившись, не замедлив бега. Дорога была широкая, изрезанная глубокими колеями, и шла все время прямо, никуда не сворачивая. Герберт решил поэтому, что едет правильно. Время от времени за деревьями сверкала полоска воды — несомненно река, о которой упоминал чернокожий Квеша. Вот наконец и брод. Герберт придержал коня, готовясь переехать реку. Воды было всего по колено, и лошадь не колеблясь вошла в реку.

Выехав на противоположный берег, Герберт остановился и задумался. Здесь дорога разветвлялась. Правда, Квеша предупредил его об этом и говорил, что не надо ехать влево. Но отсюда шли не два, а три пути! Ясно было только, что влево ехать не следует, но какую выбрать из двух других дорог? Обе были совершенно одинаковы, любая из них могла вести к Горному Приюту. А что, если положитьсь на коня? Он, наверно, выберет правильный, уже знакомый ему путь.

Так Герберт, вероятно, и поступил бы, если бы не сообразил вдруг, что надо проверить, на какой из дорог есть свежие колесные следы — ведь здесь должен был только что проехать экипаж. Но в это мгновение он совсем рядом услышал как будто уже знакомый ему голос. Обернувшись, Герберт, к немалому своему удивлению, увидел Квеша.

— Влево нельзя ехать, господин, — это дорога на ферму старого Джесюрона. И вправо не ездите — это в замок Монтегю. А средняя дорога — в Горный Приют, она идет прямо к большому дому.

Некоторое время Герберт от изумления не мог вымолвить ни слова. Ведь он оставил Квеша на палубе присмотреть за багажом! Герберт готов был поклясться, что, отъезжая от пристани, собственными глазами видел мальчишку все еще на палубе. И ведь всю дорогу лошадь скакала галопом! Какому пешеходу под силу догнать скачущего коня? Как очутился здесь Квеша?

Несколько опомнившись от неожиданности, Герберт задал ему этот вопрос.

— Квеша бежал за господином.

Это мало что объяснило Герберту. Он никак не мог себе представить, что кто бы то ни было мог бежать со скоростью скачущей лошади.

— Бежал? Подожди-ка... Ты хочешь сказать, что бежал за мной всю дорогу без остановки от самой пристани?

— Да, господин, всю дорогу.

— Но ведь ты еще не сошел с корабля, когда я отъехал! Как же ты меня догнал?

— Это было совсем нетрудно, господин. Квеша положил вещи господина в фургон и побежал догонять. Господин сперва ехал медленно, его легко было догнать, а потом надо было только не отставать. Это нетрудно.

— «Нетрудно!» Ах ты, чертенок, да ведь я ехал со скоростью десяти миль в час! Как же это ты ухитрился не отставать? Ну, скажу тебе, ты первоклассный скороход! Я держал бы за тебя пари против кого угодно... Так ты говоришь, ехать по средней дороге?

— Да-да. Скоро покажутся ворота.

Герберт двинулся вперед. Мысли его все еще витали вокруг случившегося. Немного отъехав, он почувствовал искушение обернуться назад и проверить, следует ли за ним Квеша. Его ждала новая неожиданность — негритенка и след простыл!

— Куда же, черт возьми, провалился мальчишка? — недоуменно сказал Герберт, оглядываясь по сторонам.

— Я здесь, здесь! — слышалось вдруг сзади, совсем близко.

И тут Герберт увидел за крупом коня курчавую голову Квеша. Теперь все стало ясно: мальчишка бежал, держась за хвост лошади.

Зрелище было до такой степени комично, что молодой англичанин забыл на мгновение все свои невзгоды и разразился неудержимым хохотом. Мальчуган присоединился к его веселью и смеялся, раскрыв рот до ушей, хотя понятия не имел, что так рассмешило молодого господина. Сам он не видел ничего смешного в своем способе путешествия, к которому прибегал далеко не впервые.

Проехав еще с полмили, Герберт увидел ворота поместья. От ворот был уже виден и дом: его белые стены и зеленые жалюзи четко рисовались в конце длинной, обсаженной пальмами и тамариндами аллеи. Великолепие это

не явилось для Герберта неожиданностью. Он знал, что брат его отца — человек чрезвычайно богатый. Собственно, только это и было известно о Лофтусе Вогане как отцу, так и сыну. Ландо, высланное за важным гостем и проехавшее, очевидно, по этой самой аллее за час до появления на ней Герберта, также свидетельствовало о роскоши поместья. Богатым выглядел и дом. У Герберта не оставалось сомнения, что дядя — важная персона в здешних краях.

Эта мысль была скорее неприятна молодому человеку. Гордость его была задета еще раньше, и теперь, когда он глядел на дом в конце величественной аллеи, его охватило предчувствие, что впереди можно ждать лишь еще больших унижений.

— Скажи мне, Квеша,— обратился он к мальчугану после минутного тягостного раздумья,— тебе сам хозяин велел привезти меня сюда?

— Хозяин не говорил с Квеша, господин. С Квеша говорил управляющий.

— Что же именно он велел тебе сделать? Повтори как можно точнее. А я постараюсь в ближайшее же время отблагодарить тебя.

— Слушаю, господин. Я расскажу все, как было. «Квеша,— говорит он мне,— ступай на большой корабль, там ты увидишь молодого господина. Забирай его багаж, клади в фургон, а его самого сажай на Коко,— так зовут коня,— и пусть господин едет прямо к моему дому». Вот как сказал управляющий.

— К его дому? Может, он сказал — к хозяйскому дому?

— Нет-нет, господин. Надо ехать к дому управляющего... Вон как раз и дорога к нему. Вон туда, туда!

Квеша указал на тропу, ответвляющуюся от главной аллеи,— она уходила к боковому хребту и терялась где-то в гуще леса.

Герберт придержал лошадь и в изумлении посмотрел на своего чернокожего проводника.

— Туда, господин, туда! — повторил Квеша.— Вон дымок над теми высокими деревьями. Это и есть дом управляющего.

— Но к чему мне дом управляющего?

— Мы должны туда ехать, господин.

— Почему «мы»? Ты должен ехать.

— Мы оба, господин, и Коко тоже.

— Ты в своем уме, черномазый чертенок?

— Квеша только выполняет приказание, господин. Так ему велели.

— Слушай, мальчуган, ты что-то напутал... Мне надо к самому хозяину. Это поместье моего дяди — понимаешь?

— Нет, господин. Квеша ничего не напутал. Управляющий сказал — не везти молодого господина в большой дом, а везти в его дом. Это чистая правда, господин.

Получив такой категорический ответ, молодой англичанин некоторое время стоял, не двигаясь с места. Он был потрясен. Грудь его высоко вздымалась, он еле сдерживал бушевавшие в нем чувства. Но тут Квеша схватил коня под уздцы и повел было его к боковой тропе...

— Нет! — воскликнул Герберт гневно. — Пусти, слышишь? Не то отведаешь хлыста! Вот моя дорога!

Вырвав повод из рук Квеша и сильно хлестнув коня, Герберт галопом поскакал прямо к «большому дому».

Глава XV СКОЛЬЗКИЙ ПАРКЕТ

Ландо, в котором сидел мистер Монтегю Смизи, подъехало к дому за час до того, как Герберт Воган на своем жалком скакуне и в сопровождении Квеша добрался до ворот усадьбы. Мистер Смизи прибыл в половине четвертого, а в доме обедали ровно в четыре. Оставалось всего полчаса на то, чтобы лакей мистера Смизи успел распаковать вместительные сундуки и чемоданы своего хозяина и переодеть его к обеду.

Мистеру Вогану хотелось, чтобы Кэт и мистер Смизи при первой встрече произвели друг на друга как можно более выгодное впечатление. Он был достаточно умудрен жизненным опытом и знал, насколько это важно. Поэтому он оттянул знакомство молодых людей вплоть до обеда, когда оба они должны были появиться к столу в парадных костюмах. Что касается дочери, то здесь расчет мистера Вогана удался вполне: она явилась поистине в полном блеске, свежая и яркая, как цветок, алеющий в ее волосах. Элегантный туалет еще больше оттенял ее красоту.

Сердце лондонского щеголя дрогнуло — может быть, впервые в жизни — от чувства искреннего восхищения. Даже не отличавшийся особой наблюдательностью Лофтус Воган и тот заметил, что творилось в душе мистера Смизи. Но долго ли может цвести цветок любви на столь неподхо-

дящей почве? Чтобы ответить на подобный вопрос, потребовался бы более тонкий психолог, чем Лофтус Воган.

Плантатор мысленно поздравил себя с успехом. Сомневаться не приходилось: Смизи был сражен. Но если бы мистер Воган поинтересовался бы, насколько это впечатление взаимно, он был бы разочарован. Холодность или, во всяком случае, полное равнодушие Кэт было столь же явным, как восхищение мистера Смизи.

Надо заметить, что уже при церемонии знакомства столичного франта постигла весьма досадная неудача. В тот решающий момент, когда его представляли молодой хозяйке дома, с ним случился досадный конфуз. Мистер Воган сделал тактическую ошибку, допустив, чтобы церемония знакомства состоялась в зале. Паркет был скользкий, как лед. Последствия были неизбежны. Едва галантный мистер Смизи собрался принять грациознейшую позу, как немедленно растянулся на полу у ног той, кому намеревался всего-навсего отвесить поклон. Это была катастрофа. Теперь у него не оставалось ни малейшего шанса завоевать сердце Кэт Воган. Тысячи доказательств ловкости, тысячи героических поступков уже не помогли бы ему после рокового падения. Положение его было безнадежным.

Мистер Смизи, однако, был настолько самоуверен, что не обнаружил заметного смущения по поводу такого, на его взгляд, пустяка. Лакей поднял его на ноги в одно мгновение. Издав громкое «ха-ха-ха!» и заметив, что пол «дьявольски скользкий», мистер Смизи, осторожно ступая, добрался до стула и прочно на него уселся.

Столичному жителю не в диковинку были пышные обеды, но все же роскошное пиршество, которое устроил мистер Воган, не могло не вызвать у него удивления. В те времена, когда дела ямайских плантаторов процветали, их обеды поистине заслуживали названия пиров. Черепаховый суп считался самым обычным кушаньем. Стол бывал заставлен всевозможными лакомыми блюдами. И пили за столом не какой-нибудь портвейн или херес, а старую мадеру, шампанское, кларет и искрящийся рейнвейн. Вина подавались в больших графинах и в таком изобилии, словно обыкновенное пиво.

То были неплохие времена для вест-индских плантаторов, дни пиров и разгула, когда у белых рабовладельцев еще не отняли черную опору их богатства и роскоши.

Таким превосходным обедом в добром старом стиле и угощал Лофтус Воган гостя из Англии. По паркету бес-

шумно скользили десятки черных слуг. Они двигались из зала в зал непрерывным потоком, принося и унося блюда, тарелки, винные графины в серебряных ведерках с холодной водой. За креслами обедавших стояли темнокожие рабыни с опахалами из павлиньих перьев. Монтегю Смизи был в восторге. Даже в любезной его сердцу столице не доводилось ему присутствовать на таком роскошном обеде.

— Шикарно! Нет, честное слово, шикарно! Обед просто царский! — то и дело раздражался он комплиментами по адресу хозяина.

После множества изысканных, ароматных кушаний на стол был подан десерт. Здесь было представлено все, что дарит щедрый юг, как если бы Помона¹ опрокинула на стол свой золотой рог изобилия. Со стола удалили скатерть и на его блестящую полированную поверхность поставили сверкающие хрустальные графины. Вина были превосходны. Лофтус Воган успел уже изрядно выпить в честь дорогого гостя. Он был в самом безоблачном настроении.

Но в это время на ясном небе показалась тучка. Это была очень маленькая тучка и еще очень далеко на горизонте, но внимательный наблюдатель не преминул бы заметить, что тень ее тотчас омрачила чело хозяина. Переходя с языка поэтических метафор на язык прозы, надо лишь сказать, что в дальнем конце аллеи показался всадник. Он направлялся к дому. И по мере того как он приближался, плантатор все чаще и чаще бросал украдкой в окно беспокойные взгляды.

Сперва лицо мистера Вогана не слишком выдавало его внутреннюю тревогу. Во всяком случае, ни дочь, ни гость вначале ничего не заметили. И только когда всадник, несколько задержавшись у боковой тропы, решительно поехал дальше, оба они обратили внимание на странное поведение мистера Вогана.

Его волнение стало так очевидно, что Кэт не удержалась от тревожного восклицания, а мистер Смизи тут же спросил:

— Что с вами, сэр?

— Ничего, пустяки, — ответил тот, запинаясь. — Просто... просто некоторая неожиданность.

— Неожиданность, папа? Ах, понимаю, к нам кто-то

¹ Помона — в древнеримской мифологии богиня древесных плодов.

приехал! Какой-то молодой человек... Послушай, папа, он на нашей лошади! И за ним бежит Квеша. Ничего не понимаю... Объясни, папа!

— Тише, тише, дитя мое! Сядь и успокойся.— В голосе мистера Вогана чувствовалось явное замешательство.— Сядь, слышишь? Кто бы он ни был, мы всё в свое время узнаем. Послушай, Кэт, это неприлично! Ты вскакиваешь из-за стола, когда мы еще не закончили с десертом!.. Мистер Смизи, прошу вас — стакан мадеры!

— Мерси.

И мистер Смизи вновь обратил свое благосклонное внимание на графин.

Кэт повиновалась, но с лица ее не исчезло недоуменное выражение. Она была немного испугана — не столько строгими словами, сколько почти свирепым взглядом отца. Девушка молчала, вопросительно поглядывая на него, а тот болтал с гостем, как будто не замечая ее.

Вновь прибывший, очевидно, уже подъезжал к дому, о чем извещал стук подков, становившийся все более громким. Мистер Воган старался казаться спокойным и силился поддерживать беседу, но было совершенно ясно, что спокойствие это напускное. В конце концов он совсем умолк. За столом воцарилось тягостное молчание.

Стук подков оборвался. С лестницы донеслись голоса, довольно громкие и резкие. Затем раздались шаги — кто-то поднимался по каменным ступеням. На лице мистера Вогана отразилось полное смятение. Все его так тщательно продуманные планы рушились. В них оказался маленький недочет — Квеша провалил свою роль.

— Ах! — облегченно воскликнул плантатор, когда в дверях показалась вкрадчивая холеная физиономия управляющего.— Очевидно, мистеру Трэсти нужно поговорить со мной. Прошу извинить, мистер Смизи,— одну минуту...

Мистер Воган встал из-за стола и поспешил навстречу управляющему, как будто желая помешать ему войти в комнату. Но Трэсти уже успел перешагнуть порог и, будучи плохим дипломатом, тут же принялся докладывать о случившемся. Правда, он говорил приглушенным голосом, но все же достаточно громко, чтобы кое-что из сказанного донеслось до стола. Вся обратившись в слух, Кэт явственно разобрала слова «ващ племянник». Она частично слышала и ответ отца: «Отведите его в павильон. Пусть пождет».

Мистер Воган вернулся к столу несколько успокоенный. Он полагал, что ему удалось хотя бы на время отсрочить неприятность. Но выражение лица дочери вновь вызвало в нем тревогу. Он почувствовал, что не все сошло гладко. Кэт тут же подтвердила его опасения, радостно воскликнув: — Что я слышу, папа! Неужели приехал наконец кузен? Я слышала, как мистер Трэсти сказал «ваш племянник». Значит, это он...

— Кэт, дитя мое, — торопливо прервал ее отец, как будто не расслышав вопроса, — можешь идти к себе. Мы с мистером Смизи хотим выкурить по сигаре, а ты ведь не носишь табачного дыма. Ступай, дитя мое, ступай!

Девушка немедленно встала из-за стола, охотно выполняя приказание отца, хотя мистер Смизи принялся усиленно упрашивать ее остаться, явно предпочитая сигаре общество юной красавицы. Но отец настойчиво повторял: «Ступай, дитя мое, ступай», сопровождая свои слова все тем же строгим взглядом, который уже раньше напугал и обидел Кэт. Но, еще не выйдя из комнаты, она повторила вполголоса вопрос, на который ей так и не ответил отец:

— Неужели это приехал кузен?

Глава XVI В ПАВИЛЬОНЕ

Как уже говорилось, позади дома был разбит сад с прекрасными, редкими растениями. Посреди него, неподалеку от дома, стояла небольшая беседка, или павильон, выстроенный из красного дерева, которым так богаты леса Вест-Индии. Павильон был украшен богатой резьбой и напоминал миниатюрный храм с куполом, увенчанным позолоченным флюгером. Внутри была всего одна комната. Окна закрывались жалюзи из красного дерева. Пол устлала китайские циновки; бамбуковый столик и с полдюжины таких же стульев составляли почти всю обстановку. На столике стояла серебряная чернильница тонкой ювелирной работы, возле нее лежали гусиные перья, писчая бумага, облатки, сургуч и печатка. К стене был придвинут секретер, на котором лежало несколько десятков книг. Еще с десятка книг были разбросаны по стульям — все вместе они составляли библиотеку Горного Приюта. Посреди стола лежали также журналы и стоял ящик с гаванскими сигарами — очевидно, павильон служил иногда и курительной. Он на-

звался «кабинетом», хотя мистер Воган использовал его для самых разных целей и иногда принимал здесь деловых посетителей, которых не удостаивал чести приглашать в «большой дом». Вот сюда-то как раз в ту минуту, как Кэт покидала столовую, и вошел вновь прибывший в сопровождении управляющего. Этим вновь прибывшим был не кто иной, как Герберт Воган.

Узнав от Квеша, какой прием приготовил ему дядя, Герберт, оскорбленный и разгневанный, направился прямо к дому. Встретив у лестницы мистера Трэсти, охранявшего вход, Герберт заявил, что он родственник Лофтуса Вогана и желает с ним переговорить. Требование свое он предъявил в такой категорической форме, что поколебал обычную невозмутимость управляющего и заставил его подняться наверх и доложить о нем дяде.

Герберт был так возмущен, что готов был сам, без дальнейших церемоний, подняться наверх, если бы мистер Трэсти не пустил в ход самые вкрадчивые, самые мягкие увещевания, стремясь любой ценой предотвратить катастрофу.

— Подождите немного, сэр, прошу вас,— уговаривал он Герберта, загородив собой лестницу.— Мистер Воган непременно примет вас, но только чуть позже. Сейчас он занят, у него гости. Они обедают.

Этот последний довод отнюдь не подействовал на Герберта успокаивающе. Наоборот, это было новой горькой обидой. Обедают с гостями! Конечно, это тот пассажир первого класса. Даже не родственник! А он, Герберт, родной племянник... Да, это новое, и умышленное, унижение!

Взяв себя в руки, Герберт поборол искушение и отказался от намерения подняться наверх. Пусть он беден, но он джентльмен. Он не будет врывать в дом непрошеным гостем. Но как теперь поступить? Герберт был уже готов повернуться и уйти, не заходя в дом.

Но в конце концов он решил все же остаться и подождать.

Его провели в павильон и оставили там одного. Ему не захотелось даже присесть, и он нервно расхаживал из угла в угол. Он почти не обратил внимания на окружающую обстановку, хотя ему все же бросились в глаза роскошь и элегантность дома и сада с его аллеями и великолепными цветниками. Но вся эта красота не доставила ему радости. Она только еще острее дала ему почувствовать все свалив-

шися на него невзгоды, подчеркнула, как велико расстояние между ним, одиноким бедняком, и спесивым богачом дядей.

Мельком посмотрев через открытое окно на живописный ландшафт, Герберт устремил взор на выходявшее в сад заднее крыльцо дома, в сердитом нетерпении ожидая появления дяди.

Если бы он увидел чудные глаза, рассматривавшие его в эту минуту сквозь жалюзи из окна напротив, может быть, гнев, царивший в его душе, утих бы. Но Герберт и не подозревал, что на него с любопытством и даже с восхищением устремлена пара самых прелестных глаз на всей Ямайке. Не переставая шагать, он, уже по крайней мере на двадцатом повороте, чтобы убить время, досадливым жестом поднял одну из лежавших на стуле книг и раскрыл ее. Том, попавшийся ему в руки, едва ли способен был умиротворить взволнованную душу Герберта. Это был свод законов, печально знаменитый «черный кодекс» Ямайки. Герберт прочел в нем, что человек может мучить другого человека, может даже запытать его до смерти и за это будет наказан всего-навсего пустяковым штрафом; что человек с черной кожей или даже с белой, если в его жилах есть хоть капля африканской крови, лишен права владения недвижимым имуществом, лишен права занимать общественные должности, лишен права давать свидетельские показания в суде, даже если он был очевидцем убийства; он не имеет права владеть лошадью, не имеет права носить оружие, не имеет права защищаться, если на него напали, не имеет права защищать своих близких. Короче говоря, Герберт прочел, что человеку с темной кожей остается одно право — уподобиться во всем покорному, безропотному скоту!

Гневно топнув ногой, он швырнул мерзкую книгу на прежнее место. И как раз, когда возмущение его достигло апогея, Герберт услышал легкий шум — это в доме скрипнула входная дверь.

Разумеется, он ожидал увидеть хмурого, старого дядю и решил встретить его не менее хмурым взглядом. Можно себе представить, как он опешил, когда вместо Лофтуса Вогана в дверях появилась очаровательная молодая девушка, смотревшая на него приветливо, как на старого знакомого. В одно мгновение в его душе пронесся целый вихрь чувств. Гнев на его лице уступил место восхищению, и, будучи не в состоянии произнести ни слова, Герберт замер на месте, не спуская глаз с прелестного видения.

Глава XVII

СМЕЛОЕ РЕШЕНИЕ

Для мистера Вогана,— во всяком случае, для успеха его планов,— было бы лучше обойтись с племянником по-родственному, пригласить его к столу, представить прямо и открыто дочери и важному гостю. Он бы, конечно, так и поступил, если бы предвидел, какой оборот примут события. Это избавило бы его от неприятной необходимости выслушивать рассказ мистера Смизи о встрече с Гербертом на корабле. Мистер Смизи завел разговор на эту тему тотчас же, как Лофтус Воган так бесцеремонно выпроводил дочь из зала.

Смизи также кое-что уловил из ответа управляющего, во всяком случае и до его слуха долетели слова «ваш племянник». И тут он вспомнил молодого пассажира третьего класса. Он с неудовольствием припомнил также насмешливый, иронический тон его ответов. Секрет, таким образом, открылся, и спесивому плантатору пришлось выпутываться из затруднительного положения.

Было уже невозможно более поддерживать обман, и Лофтус Воган вынужден был признать свое родство с Гербертом, что еще больше настроило его против племянника. Стараясь выйти из неловкого положения, он сказал, что Герберта не ожидали так скоро. Смизи знал, что это ложь, но промолчал. На этом разговор о Герберте и закончился.

Лофтус Воган, как показывало все его трусливое поведение, был человеком столь же недалеким, как и эгоистичным. Недостойное отношение к племяннику наделило оскорбленного юношу в глазах Кэт романтическим ореолом, чего при других обстоятельствах вовсе не произошло бы, или, во всяком случае, произошло бы не в такой степени. Гонимый всегда вызывает сочувствие в благородном сердце, а сердце у Кэт было благородное. Кроме того, уже самая таинственность, с какой было обставлено появление Герберта в доме, то, что его прятали, словно тюк с контрабандой,— уже одно это должно было подстрекнуть любопытство тех, от кого предполагалось скрыть его приезд. Поэтому, едва покинув зал,— что, надо признаться, она сделала с большим удовольствием,— и вернувшись к себе, Кэт немедленно подбежала к окну, выходявшему в сад, и стала с живейшим любопытством глядеть сквозь жалюзи в сторону павильона.

Кэт расслышала слова отца, обращенные к мистеру Трэсти: «Отведите его в павильон!» Ее непреодолимо потянуло посмотреть на новоявленного кузена. Любопытство девушки было удовлетворено — прямо перед собой она увидела расхаживавшего по павильону Герберта. Сюртук с отворотами, плотно застегнутый на груди, блестящие высокие сапоги на стройных ногах, красивая треуголка, слегка надвинутая на темные кудри, выгодно оттеняли его внешность, которая была не из тех, что способны испугать или оттолкнуть молодую девушку. Гневное, даже яростное выражение лица, отражавшее негодование, кипевшее в его душе, не портило, по мнению Кэт, привлекательной наружности молодого человека. Да, кузен не внушил ей ни страха, ни отвращения. Наоборот, лицезрение незнакомого родственника, по-видимому, доставило ей удовольствие. Иначе зачем бы смотреть на него, не отрывая глаз?

Некоторое время Кэт продолжала молча смотреть, затем, не отводя глаз от окна, воскликнула вполголоса и как будто невольно:

— Йола, ты только посмотри, как он хорош собой!

— Кто, мисс? — спросила Йола, еще не видевшая предмета восхищения своей госпожи.

— Как — кто? Ну конечно, мой кузен! Видишь? Вон он! Встречала ты когда-нибудь такого красавца?

— Правда, мисс, правда, красавец. Только сердитый.

— Сердитый?

— Очень сердитый. Все ходит и ходит, взад и вперед, взад и вперед. Словно гиена в клетке.

— Это от нетерпения, ему надоело ждать. Но, право, ему к лицу быть сердитым. Смотри, как сверкают его глаза! Ах, Йола, как он обаятелен, как не похож на здешних молодых людей! Ну, согласишься, Йола, — он необычайно хорош собой.

— У него кудри, как у Кубины.

— У Кубины? Ха-ха-ха! Твой Кубина не только Адонис¹, но и Протей². А больше ты ни в чем не усмотрела между ними сходства?

— У Кубины темнее кожа, мисс.

— Ха-ха-ха! Весьма вероятно!

— Но Кубина такого же роста и такой же статный.

— Тогда можно поверить, что твой Кубина действительно

¹ Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша.

² Протей — в древнегреческой мифологии морское божество, которому приписывалась способность произвольно менять свой вид.

но строен. Я не видела мужчины стройнее моего кузена. Посмотри, какие у него сильные руки. Кажется, этими руками он смог бы вытащить с корнем вон тот высокий тамаринд... Боже, он, кажется, это и собирается сделать! Да, он и в самом деле полон нетерпения. Ведь он приехал так издалека, а папа заставляет его столько времени ждать. Помоему, мне следует самой пойти к нему. Как ты думаешь, Йола, прилично мне пойти поздороваться с ним? Он мой кузен.

— А что такое кузен, мисс?

— Это вроде как брат, только не совсем. Но почти как брат — понимаешь?

— Брат? Ах, мисс, если бы он был брат Йола, Йола побежала бы к нему бегом, пусть он даже сердитый.

— Да, и я бы так поступила, будь у меня родной брат, но, увы, у меня его нет. Кузен — это не совсем то же, что родной брат. Вот я и колеблюсь. И потом, папа почему-то его невзлюбил. Не понимаю, что он может иметь против него... Я, во всяком случае, ничего против него не имею. И раз он мой родственник, я пойду и поговорю с ним. И потом, — уже как бы про себя продолжала Кэт, — видно, что терпение его истощается. А папа может заставить его прождать бог знает сколько времени. Он так увлечен этим Монтегю... как, бишь, его дальше?.. Может быть, я поступаю неправильно, и папа на меня рассердится? А может, он ничего об этом и не узнает. Как бы то ни было, я иду!

Схватив шарф, висевший на спинке кресла, юная крелолка накинула его на плечи и неслышно выскользнула в коридор, ведущий к двери в сад.

Глава XVIII

ВСТРЕЧА

Кэт открыла дверь и неуверенно остановилась на пороге. Она вдруг почувствовала смущение и робость, мешавшие ей поступить согласно принятому несколько второпях решению. Но колебания ее длились одно мгновение. Она решительно вышла в сад и, слегка покраснев, направилась к павильону. Герберт еще не успел прийти в себя, когда нежный голос спросил:

— Вы мой кузен?

Вопрос, заданный столь наивно, некоторое время оставался без ответа. Приветливый тон был для Герберта но-

вой неожиданностью. Молодой человек слишком смутился и не смог сразу ответить. Впрочем, он скоро снова обрел дар речи:

— Если вы дочь мистера Лофтуса Вогана...

— Да, я его дочь.

— В этом случае я счастлив назваться вашим кузеном. Я — Герберт Воган из Англии.

Все еще памятуя о нанесенной ему обиде, Герберт произнес последние слова несколько сухо, что не ускользнуло от внимания молодой девушки. Между ними как будто пробежал холодок, и Кэт, которую привела сюда только доброжелательность, была смущена резкостью его тона, причины которой не понимала. Это не помешало ей, однако, вежливо продолжать начатый разговор.

— Отец получил ваше письмо, и мы вас ждали. Но не сегодня. Папа сказал, что вы придете не раньше завтрашнего дня. Добро пожаловать на Ямайку, кузен!

Герберт отвесил глубокий поклон. И вновь юная креолка почувствовала, что ее сердечный порыв не нашел отклика. Покраснев от растерянности, Кэт стояла, не зная, как вести себя дальше. Герберт, сердце которого таяло, как снег под тропическим солнцем, почувствовал, что он говорит с несвойственной ему грубостью, которая к тому же стоит ему некоторых усилий. Почему за грехи отца должна отвечать дочь?

Молодой человек поспешил отбросить натянутый, холодный тон.

— Спасибо за добрый прием, — признательно сказал он. — Но, кузина, я еще не знаю вашего имени.

— Кэтрин. Хотя обычно меня называют Кэт.

— Кэтрин? Наше семейное имя. Мать моего отца — и вашего тоже, конечно, — в общем, нашу бабушку также звали Кэтрин. А ваша мать носила это же имя?

— Нет. Ее звали Квашеба.

— Какое необычное имя!

— Старики на плантации, знавшие мою мать, и меня иногда называют Квашебой — Лили Квашебой. Но папа им это запрещает.

— Ваша мать была англичанкой?

— О нет, она здешняя уроженка. Она умерла, когда я была еще совсем маленькой. Я не помню ее. Сказать правду, я даже не знаю, что такое иметь мать.

— Я тоже. Моя мать умерла рано. Но скажите, вы моя единственная кузина? У вас есть сестры или братья?

— К сожалению, нет.

— Почему к сожалению?

— Ах, как вы можете спрашивать? Конечно, потому, что мне не хватает общества сверстников.

— Я полагаю, милая кузина, стоит вам только пожелать, и вы сыщете себе сколько угодно друзей на этом чудесном острове.

— Да, разумеется. Но мне здесь никто не нравится. Во всяком случае, нет никого, к кому я относилась бы, как к сестре или брату. Да,— прибавила Кэт задумчиво,— порой я чувствую себя очень одинокой! Впрочем, теперь, когда у нас гости, может быть, все изменится. Мистер Смизи такой забавный!

— Мистер Смизи? Кто это?

— Как! Вы не знаете мистера Смизи? Разве вы не ехали с ним на одном корабле? Папа мне так сказал. Только он думал, что вы приедете к нам не раньше завтрашнего дня. Он был, по-моему, просто поражен, что вы прибыли сегодня. Но почему вы не приехали с мистером Смизи? Он опередил вас всего на час и только что отобедал с нами. Они с папой остались в зале курить. Но, простите, кузен, может быть, вы еще не пообедали?

— Нет,— ответил Герберт довольно уныло.— И не очень надеюсь, что мне придется сегодня пообедать.

Бесхитростные расспросы Кэт разбередили утихшую было обиду.

— Но почему же? — спросила Кэт удивленно.— Если вы еще не успели пообедать, это не поздно исправить. Ведь вы пообедаете у нас?

— Нет! — Молодой человек гордо выпрямился.— Я предпочту остаться голодным, чем обедать там, где я — нежеланный гость.

— Что вы, кузен!

Но в этот момент скрипнула дверь, и из дома вышел Лофтус Воган.

— Кэт! — сурово крикнул плантатор.— Мистер Смизи выразил желание послушать твою игру на арфе. Я заходил к тебе в комнату, я искал тебя по всему дому. Что ты здесь делаешь?

Его манеры были вульгарны, и чувствовалось, что за обедом он много пил.

— Ах, папа, приехал кузен Герберт!

— Кэт, немедленно возвращайся в дом, мистер Смизи

ждет тебя! — сказал отец повелительно и, круто повернувшись, исчез за дверью.

— Кузен, я должна вас оставить.

— Да, конечно, другой гость, более достойный, требует вашего общества. Поторопитесь же! Терпение мистера Смизи иссякнет!

— Ах, это все папа!

— Кэт! Где ты? Что ты мешкаешь? — вновь послышался голос мистера Вогана.

— Идите же, мисс Воган. И прощайте!

— «Мисс Воган»? «Прощайте»?

Удивленная и огорченная, молодая девушка несколько секунд стояла в нерешительности, но новый сердитый зов отца заставил ее покориться. С упреком и недоумением посмотрев на Герберта, Кэт неохотно покинула павильон.

Глава XIX

НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Юная креолка скрылась в дверях, а Герберт остался стоять, не зная, как ему поступить. Ему уже не хотелось разговаривать с дядей, требовать у него объяснений. Теперь нечего было и сомневаться в том, что он нежеланный гость в доме дяди, и никакие извинения не заставили бы его забыть те обиды, которые ему пришлось здесь вынести. Юноше хотелось уехать немедленно, не сказав никому ни слова, и в то же время он испытывал потребность расквитаться за все. И он решил остаться хотя бы только затем, чтобы, оказавшись с глазу на глаз с Лофтусом Воганом, высказать ему в лицо все, что он о нем думает. А что из этого получится, Герберту было совершенно безразлично. Скорее всего, грубую натуру дяди не проймают упреки. Пусть так, но Герберту просто необходимо было высказать все начистоту, чтобы хоть этим удовлетворить уязвленное самолюбие.

Из дома донеслись приглушенные звуки арфы. Они не оказали на Герберта умиротворяющего действия. Наоборот, музыка еще больше разожгла его гнев. Она казалась насмешкой над его жалким, униженным положением. Но он тут же откинул подобные мысли. Нет, не может быть, чтобы его намеренно терзали этими сладкими звуками — ведь это играла Кэт!

Мелодия была знакома Герберту — она как нельзя более соответствовала его печальному положению. Вскоре к

звукам арфы присоединился женский голос. Герберт сразу узнал голос прелестной кузины.

Он внимательно вслушался, и ему удалось разобрать слова: Как подходили они к его думам!

«Печален мой жребий,— поведал мне горестно странник.—
И зверю лесному найдется приют в непогоду.
Один лишь я крова не ведаю, бедный изгнанник,
И нет мне защиты в дни тяжелой и горькой невзгоды».

Слова романса проникли в самую глубину его души, преисполнив его грусти и нежности. Может быть, певица выбрала этот романс, чтобы выразить ему сочувствие?

Но очарование длилось недолго. Едва замерли последние аккорды, как раздался громкий хохот плантатора и его гостя. Может быть, оба потешаются на его счет, смеются над «бедным изгнанником»?

Вскоре послышались тяжелые шаги. Дядя наконец решил почтить племянника своим присутствием. На лице его не было и следа веселости, которой он предавался всего минуту назад. Всегда красное, сейчас оно казалось почти багровым — очевидно, он выпил слишком много вина. Тяжелый, массивный лоб его был зловеще нахмурен, что не сулило любезного приема бедному родственнику.

Первые произнесенные им слова были оскорбительно холодны и грубы:

— Так, значит, ты сын моего брата?

Он не подал племяннику руки, даже не потрудился придать лицу сколько-нибудь приветливое выражение.

Герберт подавил возмущение и коротко ответил:

— Да.

— Каким это ветром, скажи на милость, занесло тебя на Ямайку?

— Если вы получили мое письмо,— а вы его получили, я полагаю,— вы должны были найти в нем ответ на этот вопрос.

— Ах, вот как! — Мистер Воган не ожидал, очевидно, такого решительного и даже дерзкого ответа.— И чем же ты собираешься здесь заняться?

— Понятия не имею,— ответил Герберт с нарочитой небрежностью.

— Есть у тебя профессия?

— К сожалению, никакой.

— Ну, владеешь ты хоть каким-нибудь ремеслом?

— Тоже нет.

— На какие же средства ты рассчитываешь существовать?

— Как-нибудь проживу.

— Попрошайничеством займешься, наверно, как твой отец. Всю свою жизнь он клянчил у меня.

— В этом отношении я ему не уподоблюсь. Вы — последний человек, к которому я обращаюсь за помощью.

— Ты что-то уж очень заносчив! И это еще в довершение к тому позору, какой ты навлек на меня своим приездом. Ехал, словно нищий, третьим классом! И еще хвастал своим родством со мной, всем разболтал, что ты мой племянник!

— Хвастал родством с вами? — Герберт презрительно рассмеялся. — Вы, очевидно, имеете в виду мой ответ на расспросы этого огородного пугала, которому вы расточаете любезности. Хвастать родством с вами! Знай я тогда, что вы такое, я постыдился бы признаться, что вы мой дядя!

— Ах, вот как! — совсем побагровев от злости, загремел Лофтус Воган. — Вон отсюда! Чтобы ноги твоей в моем доме не было!

— Это вполне совпадает с моими намерениями. Я только хотел перед уходом высказать вам свое мнение о вас.

— Как ты смеешь, дерзкий мальчишка! Как ты смеешь!

Взбешенный юноша уже собирался бросить дяде в лицо самые обидные слова, какие только мог вспомнить, но, взглянув случайно вверх, увидел в окне напротив обворожительное личико юной креолки. Кэт смотрела на отца и кузена. Она слышала весь разговор — об этом свидетельствовал ее взволнованный вид. «Он ее отец, — подумал Герберт. — Нет, ради нее я смолчу».

И, не добавив больше ни слова, он вышел из павильона.

— Подожди! — крикнул ему вслед плантатор, несколько огорошенный непредвиденным оборотом дела. — Прежде чем уйти...

Герберт остановился.

— В письме ты писал, что остался без средств. Пусть не говорят, что родственник Лофтуса Вогана вышел из его дома, не получив помощи. Вот, возьми кошелек, в нем двадцать фунтов. Только при одном условии: никому не рассказывай, что здесь произошло. И не болтай, что ты племянник Лофтуса Вогана.

Герберт молча взял протянутый ему кошелек, но через мгновение послышался звон золотых монет о гравий, и кошелек упал на дорожку к ногам Лофтуса Вогана. Смерив

изумленного плантатора уничтожающим взглядом, Герберт повернулся на каблуках и, высоко вскинув голову, пошел прочь.

Брошенное ему вслед «Вон!» он оставил без всякого внимания. Возможно, он даже ничего не слышал, ибо выражение его лица явно говорило, что мысли его заняты другим. Он шел, глядя на окно, в котором только мелькнуло прекрасное лицо. Но жалюзи были опущены, за ними никого не было видно.

Герберт обернулся. Дядя стоял нагнувшись, подбирая рассыпавшиеся по дорожке золотые монеты. Кусты скрывали от него Герберта. Молодой человек уже собирался подойти к окну, чтобы окликнуть кузину, как вдруг услышал, что кто-то совсем рядом, как будто за углом дома, шепотом произнес его имя.

Герберт поспешил на голос. Едва он завернул за угол дома, как в ту же минуту наверху открылось окно и в нем показалась та, кого он искал.

— Ах, кузен, не уходите от нас так! — умоляющим тоном сказала Кэт. — Папа поступил плохо, очень плохо, я знаю. Но он выпил лишнее за обедом. Он не такой уж бессердечный. Кузен, не сердитесь, простите его!

Герберт хотел было ответить, но Кэт снова заговорила:

— Я знаю, у вас нет денег, и вы отказались взять их у папы. Но ведь вы не откажетесь принять помощь от меня? Здесь немного — это все, что у меня есть. Возьмите!

Какой-то блестящий предмет со звоном упал к ногам Герберта. Он увидел, что это шелковый кошелечек. Герберт поднял его. В нем лежала одна золотая монета.

Герберт постоял, раздумывая, готовый, казалось, принять дар, но затем пришел к иному решению.

— Спасибо, — сказал он. И прибавил более сердечно: — Спасибо, кузина Кэт. Вы были добры ко мне, и хотя, может быть, мы никогда больше не встретимся...

— Не говорите этого! — прервала его молодая девушка, умоляюще на него глядя.

— Да, нам едва ли суждено встретиться, — продолжал он. — Ваш дом для меня чужой. Мне остается только покинуть его. Но, где бы я ни был, я не забуду вашей доброты. Как знать, удастся ли мне отплатить вам за нее — чем может быть полезен вам такой бедняк, как я? Но, если вам понадобятся сильная рука и преданное сердце, помните, Кэт Воган, — на свете есть человек, на которого вы можете твердо положиться. Спасибо вам за все!

Оторвав от кошелька голубую ленту, Герберт кинул его вместе с монетой обратно в окно. Затем, прикрепив ленту к пуговице на груди сюртука, он сказал:

— С этой лентой я буду чувствовать себя богаче, чем если бы мне подарили все имение вашего отца. Прощайте, милая кузина, и да благословит вас бог!

Кэт не успела сказать ни единого слова совета и утешения, как Герберт повернулся и скрылся за углом.

Глава XX ФЕРМА ДЖЕСЮРОНА

Пока в доме Вогана разыгрывались только что описанные сцены, еще более волнующие события происходили на плантации Джесюрона.

У работорговца Джекоба Джесюрона, помимо «загона» в укромном месте в бухте, где он держал рабов, предназначавшихся для продажи, имелось большое поместье, в котором он проживал вместе с дочерью. Оно находилось по соседству с сахарными плантациями Горного Приюта и отделялось от них грядой лесистых холмов. Когда-то, до того, как земля оказалась в руках Джесюрона, на ней также были сахарные плантации, но теперь поля, на которых прежде под легким южным ветерком колыхался золотистый сахарный тростник, поросли сорняками. С быстротой, характерной для тропической растительности, здесь в самый непродолжительный срок успели вырасти и огромные деревья — сандаловые, хлебные, тыквенные, сейбы. Лишь кое-где сохранились открытые лужайки, но на них ничего не выращивали. Они были покрыты посеянными самой природой дикорастущими цветами: мексиканским маком, ласточкиным цветом, вест-индской вербеной и мелким страстоцветом. Порой среди гущи зелени виднелся кусок ограды, сложенной из камней, не скрепленных ни известью, ни цементом и потому большей частью развалившейся. Руины эти были почти сплошь увиты всевозможными ползучими растениями. И, все собой оплетая, как паутина гигантского паука, буйно разрослась желтая безлистная американская повилика.

Посреди плантации, вновь почти отвоеванной у человека природой, находился «большой дом». В сущности, это было не одно, а несколько строений, скучившихся под общей крышей: самое жилище владельца и бывшие сахаро-

варни. Неподалеку стояли хижины невольников, конюшни, сарай, и все это было окружено высокой стеной, что придавало усадьбе вид тюрьмы или казармы. Стена была возведена уже при новом владельце и служила целям, не имеющим ни малейшего отношения к производству сахара.

Сада не было, но повсюду имелись признаки того, что когда-то он существовал. Еще сохранились фруктовые деревья — полудикие лимоны и груши, манго, гуавы, папайи. Одни были увешаны роскошными плодами, другие стояли все в цвету, источая аромат. И кокосовые пальмы высоко вздымались над более скромными обитателями одичавшего сада свои подобные коронам верхушки, изогнув книзу длинные перистые листья, как будто оплакивая окружающее запустение.

Возле дома росло несколько необычайно мощных деревьев. По узловатым сучьям, в это время года лишенным листвы, легко было узнать сейбу. Сучья, каждый толщиной в ствол большого дерева, были сплошь оплетены различными паразитическими растениями. Испанский мох, длинными фестонами развевающийся по ветру словно седая борода, напоминал белый саван, что служило как нельзя более подходящим пологом для гнезда черных грифов, постоянно восседавших в мрачном молчании почти у самых вершин деревьев.

В давние времена поместье именовалось «Счастливой Долиной», но, когда оно оказалось в руках Джесюрона, название это, казавшееся уж очень малоподходящим, постепенно вышло из употребления. Он устроил там скотоводческую ферму, и теперь поместье иначе не называли, как «ферма старого Джесюрона». Плантации, ныне заросшие ценными кормовыми травами, служили прекрасным пастбищем для скота.

Разводя лошадей и коров на продажу плантаторам, а также поставляя их на городской рынок, старый делец обнаружил, что это приносит не меньший доход, чем его прежнее занятие,— хотя он и не оставил торговлю рабами, но теперь она стала для него второстепенной статьей дохода. К старости у него сильно развилось честолюбие, он жаждал занять видное место в обществе. Он надеялся, что более почетная торговля скотом заставит забыть о торговле людьми, и действительно вскоре добился того, что стал мировым судьей. На Ямайке, как и повсюду, должность эта всегда оказывается в руках не наиболее достойного, а наиболее богатого.

Свои доходы Джесюрон пополнял также разведением пряностей,— вернее, их сбором, ибо заросли ямайского перца, покрывавшие холмы в пределах поместья, не требовали никакого ухода — оставалось только собрать и просушить душистые перечные зерна.

На ферме целый день кипела работа. И неподалеку от дома и на более отдаленных пастбищах — повсюду слышалось конское ржание и мычание стад полудикого рогатого скота. По полям носились на лошадях черные, почти нагие пастухи. На холмах, в рощах ямайского перца, постоянно раздавались возгласы и болтовня негритянок, собиравших перечные стручки. Наполнив большие корзины, негритянки ставили их себе на голову и, распевая песни, шли к сушильням.

За воротами, на широкой аллее, выходящей к большой проезжей дороге, негры-невольники ежедневно объезжали только что пригнанных из табуна двухлеток. В огромном загоне ежедневно закалывали тучных быков для рынка в Монтего-Бей. На куче отбросов с бойни пировали тощие псы, а чернокожие мясники, обнаженные по пояс, ходили по загону, размахивая окровавленными топорами, ножами и другими орудиями своей кровавой профессии.

Подобные зрелища были обычными на ферме Джесюрона. Но на следующий день после того, как работороговец безуспешно побывал в Горном Приюте, на ферме должна была разыгаться иная сцена.

Прямо перед широкой, но запущенной и грязной верандой хозяйского дома тянулся большой двор. В конце его против веранды стояло второе здание. От обеих сторон каждого из них шли высокие, массивные стены, образуя квадратный двор, двумя другими стенами которого служили сами здания. В середине одной из стен были крепкие двойные ворота, выходящие в наружный двор.

Отсутствие окон и дверей и весьма примитивная архитектура второй постройки могли дать повод думать, что это сарай или склад для зерна. Но стоило заглянуть внутрь, чтобы убедиться в ошибочности такого предположения. Там находились люди — десятки людей с темной кожей всех оттенков; от черной, как эбен, до цвета охры. Они сидели, стояли и лежали; многие были скованы попарно.

Выражение лиц несчастных и их позы не отличались разнообразием. Почти все здесь были печальны и хмуры. Некоторые пугливо осматривались, словно только что очнулись от кошмарных сновидений и еще не вполне пришли

в себя. Иные смотрели перед собой бессмысленным взглядом. Другие, сбившись в кучку и, очевидно, откинув всякие помыслы о прошлом, будущем и настоящем, беспечно болтали на неведомых наречиях.

Да, это был склад, но хранившимся в нем товаром были люди. «Запасы» были только что пополнены грузом с невольничьего корабля. От прежнего «запаса» оставалось всего несколько человек. Они в качестве хозяев знакомили новичков с местными порядками. Гостеприимство их было по необходимости скудным, о чем свидетельствовали пустые тыквенные бутылки и дочиста выскребанные деревянные миски, расставленные прямо на полу. От жалких порций грубой пищи не осталось ни единой крошки, ни единой капли. Хоть бы зернышко риса, хоть бы ложка перечной похлебки или огрызок банана!

Некоторым посчастливилось избежать духоты тесного помещения — их разместили прямо во дворе. После корабельного трюма и это казалось привольем. Новички небольшими группами теснились возле ранее попавших сюда земляков, которые уже испытали горести рабства и могли поведать, какая участь ждет здесь каждого. Все то и дело настороженно поглядывали в сторону веранды, очевидно чего-то ожидая.

Во дворе находилось и трое белых. У двоих из них кожа была весьма смуглой; многие из толпившихся здесь невольников были не темнее их. Один из них сидел на ступеньках веранды, другой стоял рядом. У ног каждого лежала свора псов, привязанная веревкой к поясу. Костюмы обоих были незамысловаты: клетчатые рубашки, холщовые штаны, широкополые шляпы из пальмового листа, грубые короткие сапоги. На боку у каждого в ножнах висел длинный нож — мачете. У обоих волосы на голове были коротко острижены, лицо гладко выбрито и только на подбородке оставлен клочок волос — так называемая эспаньолка. Их худые лица с правильными чертами производили бы приятное впечатление, если бы не лежавшая на них печать жестокости и порока. Они перебрасывались короткими испанскими фразами, а одежда, оружие и собаки указывали на то, что это уроженцы острова Куба, «касадоры», охотники за неграми.

Третий находившийся во дворе белый заметно отличался от первых двух не столько цветом кожи, ибо она была у него не светлее, сколько внешностью, костюмом и родом занятий. На ногах у него были высокие, достигающие до бе-

дер, сапоги из конской кожи, а на них — тяжелые шпory с колесиками в три дюйма диаметром. Он был в куртке из толстого сукна, весьма неподходящей для местного климата. Под ней виднелся жилет из алого плюша с потускневшими металлическими пуговицами. Шею окутывал шарф того же огненного цвета. Довершая наряд, на голове красовалась фетровая шляпа, которая, как и остальные принадлежности туалета, недвусмысленно говорила о том, что ей приходилось выдвигать виды, что она знала и солнце, и дождь, и пыль, и ветер. Густая копна совершенно черных курчавых волос, черная как смоль борода, почти скрывающая рот, ярко-желтые глаза, всегда горящие зловещим огнем, губы неестественно красного цвета, заметные даже сквозь бороду, орлиный нос — вот полный портрет Рэвнера, управляющего фермой Джесюрона.

Он всегда носил с собой символ своей власти — длинный бич. Он не расставался с ним ни днем, ни ночью, ибо и ночью и днем находил применение гнусному орудию истязания. И жертвами его страшных ударов были не лошади, не рабочий скот, — нет, люди: мужчины и даже женщины! Пощады не было никому. С утра до вечера, а порой и ночью раздавалось его громкое щелканье. Говорили, что управляющий Джесюрона никогда не спит.

Вот и теперь он расхаживал по двору, очевидно наслаждаясь возможностью показать свою власть новоприбывшим невольникам и без всякого повода раздавая удары направо и налево.

Глава XXI

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Наступил полдень. Джесюрон с дочерью вышли на веранду и встали возле балюстрады. На их лицах, как и на лицах толпившихся за их спинами слуг, был написан интерес — очевидно, во дворе должно было произойти нечто не совсем обычное.

Внизу у крыльца находилась небольшая железная жаровня с раскаленными углями. Около нее в выжидательных позах стояли несколько негров и мулатов свирепого вида. Вот один из них наклонился над жаровней и повернул лежавший на углях железный прут. Это было страшное клеймо. Большинство темнокожих уже испытали прикосновение раскаленного металла. Они объясняли новоприбывшим,

что их ожидает, и те в молчаливом страхе следили за приготовлениями к ужасной процедуре.

Негры племени короманти не выражали страха перед тем, что должно было произойти, и беспечно болтали между собой, иногда даже раздражаясь смехом, как будто им предстояло развлечение. Этим храбрых воинов, чья черная кожа была покрыта множеством шрамов от старых ран, не мог испугать простой ожог.

Вскоре началась бесчеловечная церемония. Появление Джесюрона с дочерью послужило сигналом. Бородатый управляющий знал по опыту, что и хозяин и хозяйская дочь любят присутствовать при этом чудовищном спектакле.

— Начинайте, мистер Рэвнер! — крикнул ему Джесюрон. — Сперва вот этих.

Он указал на дрожавших в углу двора негров племени эбо. По знаку управляющего, не любившего тратить лишних слов, несколько невольников Джесюрона схватили несчастных и потащили к жаровне.

Едва те увидели раскаленное докрасна железо на пылающих углях, как лица их исказил невообразимый ужас. Несколько юношей закричали и рванулись прочь; их остановили крепко державшие руки. Мольбы, жалобные взгляды были встречены жестокими шутками и взрывами хохота, к которым присоединился и сам хозяин и, увы, — сколь ни покажется это невероятным, — его дочь. Да, на лице Юдифи появилась не только улыбка — красавица звонко рассмеялась, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов.

Пленников одного за другим подводили к жаровне, крепко держа за плечи. На мгновение в воздухе сверкало раскаленное железо и в ту же секунду с глухим стуком опускалось на влажную человеческую кожу. Слышалось шипение, кожа дымилась, воздух наполнился запахом горелого мяса. Несчастные жертвы пытались вырваться, дико кричали, но все было тщетно. Каждому невольнику, одному за другим, поставили клеймо с инициалами владельца, которое ему суждено было носить до самой могилы.

Всех эбо, получивших страшное крещение огнем, увели прочь, а на их место поставили других — несколько человек племени поупо из Видо. Они вели себя совсем иначе, чем их собратья. Они не проявляли ни особого страха, ни особого мужества. Они покорно подчинялись тому, что считали неизбежным. Им быстро поставили клеймо; ни жалобами, ни проявлениями страха — ничем не дали они повода для безжалостного глумления зрителей. За эту смирен-

ную покорность особенно ценили невольников из Видо.

Подошла очередь короманти. Их смелая, воинственная осанка говорила о том, что они совсем не похожи ни на пугливых эбо, ни на покорных поупо. Не дожидаясь, чтобы их повели силой, они прошли вперед и подставили обнаженную грудь удару раскаленного прута, на который глядели с высокомерным презрением. Один молодой короманти даже выхватил из рук палача страшное орудие, сам прижал его к груди и держал, пока задымившаяся кожа не показала, каким глубоким получился ожог. Затем, швырнув прут обратно на угли, он пошел прочь с видом гладиятора-победителя.

Гнусную процедуру на некоторое время приостановили, но это был еще не конец драмы, а лишь перерыв после первого акта. Рэвнер поднялся на веранду и, подойдя к хозяину, сказал ему что-то вполголоса, но не потому, что боялся быть услышанным,— оба касадора в эту минуту были заняты своими собаками; негров на их глазах клеймили не впервые, и это зрелище не занимало их.

— Кого теперь? — спросил управляющий. — Мандингов?

— Их или принца, безразлично, — ответил Джесюрон.

— Начните с принца, — предложила Юдифь с улыбкой, как бы предвкушая удовольствие. — Ведите его, мистер Рэвнер. Мне любопытно, как его высочество выдержит испытание огнем.

Управляющий пошел выполнять приказание молодой хозяйки. Он пересек двор и зашел в дверь отдельного помещения, в котором находился принц. Несколько минут спустя Рэвнер появился вновь, ведя за собой невольника, в котором, если бы не особое благородство черт, трудно было узнать молодого фулаха, принца Сингуеса, которого читатели видели на борту невольничьего корабля. Великолепный его наряд: тюрбан, богатая шелковая туника, сандалии, сабля — все исчезло. Он был одет теперь, как все негры на плантации, — в грубые холщовые штаны и рубаху. Вид у юноши был несчастный, но, казалось, он все же не пал духом. Он бросал на Рэвнера и Джесюрона взгляды, полные едва сдерживаемого гнева и возмущения. С губ его, однако, не сорвалось ни единого слова упрека или протеста — что толку было протестовать? Свое негодование он уже высказал тогда, когда с него срывали дорогие одежды и оружие. Теперь оставалось лишь подчиниться грубой силе.

Сингуес хранил мрачное молчание, стараясь сдерживать гнев. Он еще не подозревал, что в этот момент готовила

ему судьба. В его клетушке не было окон, и он не видел того, что происходило во дворе. Догадываясь, что ему предстоит нечто ужасное, он все же не знал, что именно. Но он недолго оставался в неведении.

Рэвнер рванул пленника за руку и потащил его к жаровне. Над несчастным занесли раскаленный прут. Принц понял все, но не дрогнул. Он смотрел не на орудие пытки — нет, он впился взглядом в старого Джесюрона. Затем он перевел взгляд на ангелоподобного демона, стоявшего рядом. Пламенные глаза обманутого фулаха горели гневом и ненавистью. Старый работороговец отпрянул, не выдержав этого взгляда, но его дочь продолжала насмешливо улыбаться.

Мгновение — и раскаленный железный прут с шипением опустился на грудь фулаха: принц Сингуес стал рабом Джесюроба Джесюрона. До его сознания как будто только теперь дошла страшная истина. С громким криком он одним прыжком очутился на веранде и вцепился в горло старика. Оба упали. Сингуес продолжал душиить Джесюрона. К счастью для последнего, противник его был безоружен, но и голыми руками он прикончил бы своего мучителя, не подоспей на помощь хозяину Рэвнер и оба касадора. Но даже им едва удалось вырвать старика из крепких, как сталь, рук принца.

— Убейте его! — завопил Джесюрон, как только снова обрел способность дышать. — Нет-нет! — тут же спохватился он. — Сперва я придумаю ему наказание... И уж такое наказание, что...

— Выпороть дикаря! — крикнула прекрасная Юдифь. — Пусть это послужит примером для остальных, чтобы знали, как поднимать на нас руку!

— Да-да, выпороть! Дать ему сотню плетей для начала, слышите, Рэвнер?

— Не беспокойтесь, — заверил его достойный управляющий, стаскивая жертву вниз по ступеням. — Все сполна получит!

Последовавшая за этим расправа превзошла даже только что описанные ужасы клеймения. Молодого фулаха привязали к столбу, специально поставленному во дворе для подобных целей. Началось истязание. И, когда в воздухе просвистел последний, сотый удар, залитое кровью бесчувственное тело скользнуло к подножию столба.

Стоявшие на веранде не проявили ни малейших признаков жалости. Наоборот, и отец и дочь, глядя на муки своей

жертвы, казалось, испытывали удовольствие. Они оставались на веранде, пока не были заклéймены все захваченные хитростью мандинги.

Глава XXII НОЧЛЕГ В ЛЕСУ

Расставшись с прекрасной кузиной, а также с домом негостеприимного дяди, Герберт Воган углубился в густой кустарник и зашагал к правой цепи холмов. Как ни велико было его душевное смятение, он все же подумал о том, что не следует возвращаться прежней дорогой. Он не хотел встречаться ни с кем из обитателей плантации. Оскорбленному юноше казалось, что все уже осведомлены о том, каким унижениям он здесь подвергся, какой прием оказал ему дядя. Дойдя до конца сада, он перепрыгнул через невысокую ограду и стал подниматься по лесистому склону.

Сначала он никак не мог успокоиться. В душе его боролись два чувства, столь же противоположные, как тьма и свет, горе и радость, ненависть и любовь. Но он был слишком одинок и беззащитен, чтобы долго предаваться бесплодным переживаниям — для него они были слишком большой роскошью. И понемногу буря, кипевшая в нем, утихла. Добравшись до гребня холма, Герберт, прежде чем войти в лесную чащу, начинавшуюся на противоположном склоне, обернулся и сквозь просвет между деревьями в последний раз взглянул на белые стены и зеленые жалюзи Горного Приюта. В его взгляде можно было прочесть скорее сожаление, чем досаду. И когда, наконец, он отвернулся и вступил под мрачные своды леса, на душе его стало еще безотраднее.

Вернуться в Монтего-Бей, поискать себе там скромного пристанища, дожидаться, когда вернут ему скудный багаж, все еще находящийся на пути к Горному Приюту, — таков был незамысловатый, сам собой напрашивающийся план ближайших действий. Герберт был еще слишком взволнован, чтобы обдумывать дальнейшее. Он шел по лесу, почти не замечая, куда несут его ноги. Со стороны можно было подумать, что он заблудился. На самом деле Герберт полагал, что, свернув влево, он рано или поздно выйдет на дорогу, по которой еще так недавно подъезжал к воротам Горного Приюта. Во всяком случае, он рассчитывал, что без труда разыщет речку, через которую переправлялся

вброд, и, идя вниз по течению, доберется до города. Но он был так поглощен происшедшим, что действительно вскоре сбился с дороги.

Деревья скрывали от него солнце, уже клонившееся к закату. Но, если бы Герберт его и видел, он не сумел бы найти по нему путь, так как по дороге не обратил внимания, в каком направлении от бухты лежит Горный Приют. Однако все это не слишком беспокоило молодого человека. Куда было ему спешить? Что ждало его в Монтего-Бей? Он не мог даже твердо рассчитывать на то, что там для него найдется лучшая крыша над головой, чем огромные, густые ветви гигантских сейб здесь, в лесу.

Солнце спустилось совсем низко. Герберт остановился на краю открывшейся за деревьями поляны и заметил, что небо уже начинает лиловеть. Близились сумерки. Найти дорогу в темноте не представлялось возможным, и Герберт решил переночевать в лесу. Для него было готово и ложе — под огромной сейбой мягкие, как пух, древесные семена покрывали толстым светло-коричневым ковром всю почву, и под пологом вост-индского неба это могло служить отличной постелью. Нельзя ли раздобыть здесь и ужин? Герберт сильно проголодался. Со времени завтрака, состоявшего из заплесневелого сухаря и куска свинины, он не проглотил ни крошки. Голод давал себя знать. У Герберта было с собой ружье, и он все время, пока шел, посматривал, не видно ли подходящей дичи. Попадись она ему на глаза, Герберт не упустил бы добычи, — он был метким стрелком. Но нигде не было видно ни пернатых, ни четвероногих. Правда, до слуха юноши долетали незнакомые птичьи голоса и среди листвы мелькали крылатые создания с ярким оперением, но ни одна из птиц не приблизилась на расстояние выстрела.

Остановившись передохнуть, Герберт вглядывался в расстилающуюся перед ним поляну, надеясь, что покажется какая-нибудь птица, перелетающая с дерева на дерево в поисках корма.

Наступал час, когда вылетают на охоту совы. Герберта так разбирал голод, что он готов был поужинать даже совой. Однако и совы не показывались. Но тут он вдруг заметил нечто съедобное, что сразу могло утолить муки голода.

Неподалеку от сейбы стоял другой густой великан, не уступающий по высоте первому, но в остальном несколько на него не похожий. Прямое, как копье, дерево поднима-

лось на высоту в добрую сотню футов. Оно было совершенно лишено сучьев, и ствол его напоминал малахитовую или мраморную колонну. И только на самом верху качались изогнутые длинные зеленые листья, похожие на пучок страусовых перьев. Даже ребенок определил бы, что это пальма, но Герберт знал больше: он сообразил, что перед ним благородная арека, которую на Ямайке называют «горной капустой». Он знал, что в самой сердцевине раскидистой кроны находится сокровище ценнее золота и алмазов, ибо оно не раз служило спасению человеческой жизни.

Но как раздобыть это сокровище? Крона пальмы находилась на недоступной высоте. Как ни молод и ловок был Герберт, как ни хорошо умел он лазить на деревья, он все же не смог бы взобраться по высокому гладкому стволу ареки. Без лестницы высотой в сотню футов об этом нечего было и думать. Но пальма стояла не одна — огромная черная лиана протянулась от земли до самой верхушки дерева. Конец лианы затерялся где-то в листьях — казалось, что огромный дракон, обвив свою жертву, пожирает ее. Герберт некоторое время разглядывал этот прочный, самой природой сплетенный канат. Вот нашлась и лестница! Голод подгонял его. Прислонив ружье к стволу сейбы, он начал карабкаться по лиане.

Без особых усилий Герберт добрался до верхушки и стал пробираться через огромные резные листья, каждый зубец которых был длиной в несколько футов. Выбрав самый молодой, еще свернутый у основания в трубочку лист, Герберт срезал ножом его верхушку, сбросил ее вниз и затем, спустившись с дерева, поужинал сырыми, но сладкими и сочными побегами «горной капусты».

Подкрепившись таким образом, он набрал охапку рассыпанных по земле пушистых семян сейбы и, уложив их между выступавшими, словно щиты, огромными корнями, устроил себе постель. Если бы не мрачные мысли, ему спалось бы на ней с таким же комфортом, как на пуховой перине.

Глава XXIII ДЕРЕВО-ВОДОЕМ

Ночь была тепла, постель мягка. Но заботы о будущем не давали ему уснуть. Несколько раз его будили кошмары. Когда Герберт окончительно проснулся, он увидел, что воз-

дух над его головой насыщен мягким голубоватым светом, а в колышущихся листьях трепещут первые солнечные лучи. Вокруг, в чаще деревьев, еще царил предрассветный серовато-голубой полумрак.

Не надеясь больше уснуть, Герберт поднялся со своего ложа, намереваясь немедленно отправиться в путь. Сборы его были несложны — надо было только стряхнуть приставшие к одежде шелковистые хлопья семян и, вскинув на плечо ружье, пуститься в дорогу. Но голод мучил его еще сильнее, чем накануне вечером, и, хотя сырая «горная капуста» была не слишком соблазнительным завтраком, он решил закусить ею на дорогу, благоразумно следуя пословице «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Утолив голод остатками вчерашнего ужина, Герберт почувствовал, что его начинают терзать муки более сильные, чем голод; — его одолевала жажда. Она становилась невыносимой. «Горная капуста», содержащая в себе довольно едкий сок, не утолила, а только усилила ее.

Герберт хотел было поискать воду в лесу. Он надеялся найти реку. Но тут ему пришло в голову, что незачем искать воду, что она должна быть где-нибудь поблизости. Но где? Пока он не заметил ни ручья, ни источника, ни пруда, ни реки. И все же ему смутно вспоминалось, что он видел воду где-то неподалеку. Вдруг он вспомнил — он видел ее на верхушке огромной сейбы!

Накануне, взобравшись на пальму, он мельком взглянул сквозь ее листья на верхушку соседней сейбы. Как и все большие деревья тропического леса, она была сплошь увита эпифитами — ползучими растениями с воздушными корнями. Особенно разрослась, обвивая сучья в самой гуще листвы, тилландсия. Казалось, корни ее питает плодороднейшая почва — так пышна была ее зелень. Повсюду среди широких трубчатых листьев выглядывали ярко-алые цветы с острыми лепестками. Вот в углублении этих огромных листьев с загнутыми внутрь краями Герберт и заметил вчера, как ему показалось, воду. Убедиться в этом было делом нескольких секунд — следовало только взобраться на сейбу. Весь ее ствол обвивали толстые лианы; подгоняемый жаждой, Герберт полез на дерево.

Вскоре он добрался до главной развилины сейбы, где росла тилландсия. Да, он не ошибся — в глубине широких листьев хранилась живительная влага, скопившаяся от рос и дождей. Солнечные лучи никогда сюда не добирались.

Едва Герберт коснулся одного из этих водоемов, как из

него выпрыгнула зеленая древесная жаба. Перескакивая с листа на лист и не боясь упасть, так как ее лапки снабжены особыми губчатыми присосками, она скоро исчезла среди листвы. Голос этого странного создания Герберт слышал всю ночь. Когда к нему присоединялся еще целый хор подобных же голосов, Герберту вспоминались стоны, скрип и потрескивание «Морской нимфы» во время бури.

Присутствие древесной жабы в ее законном убежище не отпугнуло Герберта. Палящая жажда заставила его забыть о брезгливости; нагнувшись над листом тилландсии, он припал губами к прохладной воде и пил не отрываясь, пока не напился вдоволь. Влезая на дерево, Герберт несколько устал и, прежде чем спуститься, решил немного отдохнуть на широком суку сейбы.

«Ну,— подумал он,— если люди тут негостеприимны, этого нельзя сказать о здешних деревьях. Вот два дерева, первые, к которым я обратился, и они дали мне все самое необходимое для существования: еду, питье и убежище. Да еще в придачу отличную постель, какую найдешь далеко не во всякой гостинице. Что еще нужно человеку? К чему стены и крыша над таким небом? Право, спать в лесу — одно наслаждение. И, честное слово, если бы не страх перед одиночеством,— ведь человек не может обходиться без общества себе подобных,— я готов был бы провести всю жизнь в этих дивных лесах, без труда и забот. Здесь, несомненно, водится дичь, и мне говорили, что на Ямайке она не охраняется законом. Я могу охотиться сколько душе угодно... Но что я вижу? Неужели лань? Нет, это свинья. Ну да, конечно, свинья. Но почему у нее такой странный вид — острые уши, рыжая щетина, длинные ноги, клыки? Да ведь это, кажется, дикий кабан!»

Это действительно был дикий кабан ямайских лесов, прямой потомок кабана Канарских островов, завезенного сюда испанцами.

Молодой человек, никогда не видавший кабана в его естественной, природной обстановке, некоторое время еще сомневался, но уже в следующую минуту сомнения его рассеялись. Короткие торчащие уши, длинные ноги, морда и туловище, заросшие косматой щетиной, рыжей, как мех лисицы, быстрые, резкие движения, свирепые глазки — да, это был настоящий дикий кабан, а не домашнее животное. Когда он захрюкал — отрывисто, громко, свирепо, — это очень мало напоминало поросячье хрюканье на скотном дворе.

Дикий кабан! И так близко! Как пожалел Герберт, что оставил ружье внизу на земле, а сам в эту минуту сидит высоко на дереве! Но спуститься за ружьем, не спугнув зверя, было трудно: легкий шум, треснувший сучок — и кабан немедленно скроется в лесу. Герберт решил пока оставаться наверху и молча наблюдать за зверем, с которым его так неожиданно свел случай.

Глава XXIV ОХОТНИК ЗА КАБАНАМИ

Кабан стоял под сейбой, приюхиваясь к лежавшей на земле «горной капусте» — остаткам завтрака Герберта. Дернув поросшим щетиной хвостом и отрывисто, удовлетворенно хрюкнув, зверь принялся уничтожать разбросанные листья, перетирая их могучими зубами.

И вдруг, в мгновение ока, мирная картина изменилась. Кабан подпрыгнул и, подняв кверху морду, издал особый, пронзительный визг, в котором одновременно звучали тревога и угроза. Щетина на его спине встала дыбом.

Герберт посмотрел вокруг, стараясь понять, что вспугнуло зверя, и ничего не заметил. Но кабан, очевидно, что-то увидел или услышал; он уже готов был обратиться в бегство, но в то же мгновение прогремел ружейный выстрел, просвистела пуля, кабан с диким визгом перевернулся в воздухе и упал на спину. Из раны на передней ноге брызнула кровь. Однако зверь тут же снова вскочил. Ярость удержала его от бегства. Он отступил немного ближе к стволу дерева, встав как раз между толстыми корнями там, где молодой англичанин провел ночь. Тут, защищенный с боков и с тыла, грозно хрюкая, он поджидал врага.

Тот не замедлил появиться. Из лесной чащи выскочил человек, вооруженный длинным прямым ножом. Несколькими прыжками он пересек поляну и схватился с раненым зверем.

Несмотря на полученную рану, кабан был опасным противником. Требовалась исключительная ловкость, чтобы уклоняться от его страшных клыков. Враги попеременно бросались друг на друга. Охотник старался пронзить зверя длинным ножом, а кабан, раскрыв пасть, яростно кидался на противника, пытаясь проткнуть его острыми клыками.

Простреленная нога мешала зверю, но он продолжал отчаянно защищаться и нападать. Высокие корни служили

ему защитой. Враги стояли прямо друг против друга. Выставленный вперед нож охотника не раз скользил по твердому черепу зверя, не причиняя ему никакого вреда, и не раз с лязгом стучался о его клыки. Битва длилась уже несколько минут. Герберт следил за ней с живейшим интересом, ничем не выдавая своего присутствия. Все произошло так неожиданно, зрелище было столь волнующим, что он забыл обо всем на свете. Но вот борьба человека и зверя подошла к концу. Охотник, обладавший, по-видимому, необычайной силой и ловкостью, пустил в ход прием, позволивший ему прикончить кабана. Прием этот таил в себе определенную опасность и для человека, но тот был так быстр и проворен, что Герберт, сам охотник, почувствовал изумление и восхищение.

Кидаясь на противника, кабан неосторожно вышел из-под прикрытия высоких корней — вернее, охотник умышленно выманил его оттуда — и таким образом потерял выгодную позицию. Не успел еще зверь разгадать намерений врага, как охотник ринулся вперед, наперегонки все силы, подпрыгнул высоко в воздух и буквально перелетел через кабана, очутившись теперь позади него. Одно мгновение положение охотника казалось критическим, но он рассчитал точно: не успело расшарившееся животное повернуться и наброситься на него, как он взмахнул длинным ножом и всадил его по рукоятку между ребрами зверя. Взревев от боли, кабан свалился замертво. Из бока у него хлынула кровь, залив устроенную накануне Гербертом постель.

До сих пор Герберт сидел неподвижно. Теперь он решил спуститься, поздравить охотника с удачей и выразить свое восхищение его ловкостью. Но тут у него мелькнула мысль, заставившая его несколько помедлить. Уж очень необычна была внешность охотника, особенно на взгляд англичанина, незнакомого с типами и костюмами Вест-Индии. Помимо весьма живописной одежды, в лице и движениях незнакомца было действительно что-то из ряда вон выходящее.

В целом он, безусловно, производил приятное впечатление. Он не был белым, но не походил и на негра; его нельзя было принять даже за мулата. Кожа у него была почти светлой, на щеках сквозил румянец. Может быть, именно румянец и красивый разрез блестящих глаз придавали лицу особую привлекательность. Охотник был молод. Герберт решил, что они ровесники. Сходство было и в росте и в сложении, но цвет волос, цвет кожи, самые черты лица — все

было иное. Лицо у молодого англичанина было овальным — у незнакомца почти круглым. Но оно не казалось ни безвольным, ни бесхарактерным благодаря твердо очерченному, решительному подбородку. Наоборот, это лицо дышало энергией и решимостью. Судя по цвету кожи, в жилах молодого охотника текла смешанная европейская и африканская кровь. О том же свидетельствовали слегка вьющиеся иссиня-черные волосы. Густую копну их прикрывал головной убор, который Герберт Воган скорее ожидал бы увидеть на Востоке, чем здесь, так как сначала принял его за чалму. Но, взглядевшись, он убедился, что это яркий клетчатый платок, ловко обернутый вокруг головы.

На охотнике было нечто вроде блузы из светло-голубой ткани. Из-под нее виднелась открытая на груди нижняя сорочка тонкого белого полотна, отделанная рюшем. Костюм довершали штаны из того же материала, что и блуза, и бурые сапоги из невыделанной кожи. С плеч охотника спускались, перекрещиваясь на груди, узкие ремни; справа на них болтались большая тыквенная бутылка, оплетенная прутьями, кожаный мешочек для дробы и изукрашенный резьбой рог для пороха. На левом боку висел на ремне второй, коровий, рог, служивший, очевидно, для других целей, так как он был открыт с обоих концов. Пониже, на бедре, висели черные кожаные ножны для оружия, по которому все еще стекала кровь убитого кабана. Оружие это — не то меч, не то охотничий нож, с длинным лезвием и роговой рукояткой — можно найти в любом доме Латинской Америки — от Калифорнии до Огненной Земли. Его называют «мачете». Даже там, где испанцев давно нет, как на Ямайке, мачете можно увидеть и в руке охотника и в руке крестьянина как постоянное напоминание о колонистах-завоевателях.

Глава XXV БЕГЛЕЦ

Пока распростертый на земле кабан не дернулся в последний раз и не замер, охотник был слишком поглощен борьбой со свирепым зверем, чтобы обращать внимание на окружающее. Только нанеся врагу последний, смертельный удар, он выпрямился и огляделся вокруг. В то же мгновение он заметил прислоненное к дереву ружье Герберта и разбросанные по земле светлые листья «горной капусты».

— Ружье? — удивленно воскликнул охотник, все еще тяжело дыша.— Откуда оно? Беглый раб украл его у хозяина? Но почему он оставил его здесь?.. Да вот и он сам...

Охотник, крадучись, пробрался поближе к дереву и спрятался между его корнями. Герберт сверху хорошо видел человека, которого охотник счел за владельца ружья.

У вновь появившегося была кожа цвета меди и прямые черные волосы, растрепанные и свисающие на лоб. Лицо, чрезвычайно красивое, несмотря на темный цвет, было все в кровоподтеках; на теле виднелись следы бесчеловечных пыток. Грубая холщовая рубаша была пропитана кровью, поперек спины шли длинные алые полосы, как будто рубцы от плетей.

Человек не шел, но полз, передвигаясь, однако, с необычайной быстротой. Очевидно, его преследовали, и он принял эту позу, чтобы стать менее заметным. Добравшись до поляны, он поднялся и, пригибаясь, побежал к сейбе, на которой сидел Герберт.

Герберт подумал, что он хочет укрыться на сейбе; но охотник, который не догадывался о сидящем на дереве владельце ружья, решил, что беглец вернулся за своим оружием.

Еще несколько секунд — и беглец добрался до подножия дерева.

— Стой! — крикнул охотник, выходя из засады навстречу ему.— Ты беглый, и ты мой пленник!

Беглец упал на колени, скрестил руки на груди и произнес несколько слов на незнакомом языке, из которых Герберт разобрал только одно — «аллах».

Охотник, по-видимому, тоже ничего не понял, но поза, жесты и выражение лица несчастного не оставляли сомнения в том, что он молил о пощаде.

— Черт возьми! — воскликнул охотник, наклонившись и вглядываясь в грудь беглеца: на ней красными рубцами горели инициалы «Д. Д.».— Немудрено, что с таким клеймом на коже ты удрал от хозяина. Бедняга! Я вижу, на спине они наставили тебе клейма еще почище.

Охотник приподнял рубашку раба и некоторое время смотрел на его обнаженную спину. Вся она вдоль и поперек была покрыта багрово-красными кровавыми рубцами.

— Милосердный христианский бог! — вырвалось у охотника: он кипел негодованием.— Если так дозволено поступать по твоим законам, так уж лучше поклоняться африканским богам моих предков!

Но тут пленник вновь начал молить его на незнакомом языке. Жестами он красноречиво просил защиты от преследователей. Сочувствие на лице охотника вызвало доверие беглеца.

— Понимаю, за тобой погоня,— проговорил охотник.— Пусть только явятся сюда! На этот раз их дело не выгорит, ты им не достанешься! Правда, закон велит мне вернуть тебя хозяину... Чу! Это они! И с ними собаки. Это подлые касадоры со своими псами. Я знаю, что у Джесюрона состоят на службе два самых отъявленных негодяя. Сюда, скорее!

Охотник почти потащил за собой своего пленника и спрятав его между могучими корнями сейбы.

— Стой здесь, а я встану впереди. Вот твоё ружьё. Оно, я вижу, заряжено. Надеюсь, стрелять ты умеешь? Смотри стреляй, только когда будешь уверен, что не промахнешься. Нам понадобятся и пули и сталь, чтобы защититься от кровожадных псов. Им что я, что ты — все одно!.. Вот они!

Он едва успел произнести последние слова, как два огромных пса, очевидно, мчавшихся по следу беглеца, выпрыгнули из чащи по ту сторону поляны. Морды у них были словно изранены — вероятно, собак недавно поили свежей кровью. Она успела засохнуть и почернела, и от этого особенно белыми казались острые клыки раскрытых пастей. Оба пса были помесью гончей с мастифом, но по следу они шли, как чистокровные гончие. В одну секунду они домчались до сейбы, где стояли беглый раб и его защитник.

У этих псов не был развит инстинкт самосохранения, они умели только отыскивать и уничтожать. Не остановившись, не залаяв, даже не замедлив бега, они оба бросились на свою добычу. Первый пес наткнулся на выставленный вперед мачете охотника, с воем свалился наземь и тут же издох. Второй пес, кинувшись к беглецу, получил в морду весь оружейный заряд и также покотился бездыханный на землю.

Глава XXVI

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СХВАТКА

Зрителю, сидевшему наверху, начинало казаться, что он грезит. За какие-нибудь двадцать минут он оказался очевидцем стольких необычайных происшествий! У себя на родине ему не довелось бы увидеть подобное и за долгие годы. Но драма, очевидно, не приблизилась к развязке. Судя

по жестам беглеца и его спасителя, в ней предстоял по меньшей мере еще один акт.

Молодой англичанин резонно рассудил, что ему лучше оставаться зрителем, чем стать участником происходящей внизу вест-индской драмы. Не его дело, если какой-то меднокожий охотник убил дикого кабана, захватил беглого раба, а затем вместе с ним стал обороняться от нападения свирепых псов. Единственное, что касалось лично его, Герберта,— это бесцеремонное обращение с принадлежащим ему ружьем. Но, что говорить, он и сам охотно одолжил бы его им.

Нет, Герберт не собирался вмешиваться. Он предпочел пока оставаться на своем наблюдательном посту.

И тут появилось еще трое новых действующих лиц. Первым шел рослый чернобородый человек, в красном плюшевом жилете и высоких сапогах из конской кожи. Его спутники, худощавые и гибкие, были в клетчатых рубашках, холщовых штанах, в широкополых шляпах из пальмового листа, бросавших тень на физиономии с резкими чертами, выдававшими в них испанцев. Чернобородый нес ружье, сбоку у него висело два пистолета. Двое других, по видимому, не имели при себе никакого огнестрельного оружия, но на бедре у каждого висели ножны, а в руке сверкала мачете — точно такой же, каким только что так искусно орудовал молодой охотник.

Завидев его, вновь прибывшие остановились, и во взглядах их можно было прочесть удивление, тут же сменившееся злобой и возмущением, едва они заметили бездыханные трупы своих ищеек. Чернобородый — очевидно, начальник — первым нарушил молчание.

— Что все это значит? — гаркнул он, побагровев от бешенства. — Кто ты такой, что осмеливаешься вмешиваться в наши дела?

— Карамба! Он убил наших собак! — завопил один из испанцев.

— Дьявол, ты заплатишь за это своей жизнью! — присоединился к нему второй, угрожающе поднимая мачете.

— Ну, и что из того, что я прикончил ваших псов? — ответил охотник с полным хладнокровием, вызвавшим восхищение у зрителя наверху. — Мне что ж, надо было дать им прикончить себя?

— Они бы тебя не тронули, — возразил один из испанцев. — Карамба! Они гнались вот за ним. Зачем ты вме-

шался? Чего ради ты вздумал брать его под защиту? Тебя это вовсе не касается.

— Тут ты ошибаешься, приятель, — сказал охотник, насмешливо улыбаясь. — Как же мне было не защищать его? Ведь это в моих интересах. Он мой пленник, моя добыча.

— Твоя добыча? Это почему же?

— Ну, разумеется, моя! Как же я мог допустить, чтобы его загрызли собаки? За мертвого я получил бы всего два фунта, а за живого — вдвое, да еще за доставку. Хотя, судя по буквам «Д. Д.», за доставку заплатят немного. Ну, какие еще у вас ко мне претензии, уважаемые джентльмены?

— Что это мы слушаем тут всякий вздор? — рявкнул чернородый. — Мне на тебя наплевать — я уже догадываюсь, кто ты такой. Но, повторяю, лучше не вмешивайся в наши дела! Я — управляющий Джесюрона, а это его беглый раб. Он захвачен на земле его господина. Значит, ты не имеешь права считать его своим пленником и должен вернуть его нам.

— Да, черт возьми! — выкрикнули испанцы оба разом, и все трое двинулись к беглецу.

— Попробуйте! — воскликнул охотник насмешливо и сделал знак беглецу приготовиться к защите. — Ну что же вы, нападайте! Но первого, кто поднимет на него руку, я уложу на месте. Вас трое, а нас двое, и один при этом еле живой от вашей бесчеловечной жестокости.

— Трое против двух? Нет, это нечестно! — воскликнул Герберт, спрыгивая с дерева и присоединяясь к меньшинству. — Вот теперь нас поровну!

Он вытащил пистолет и взвел курок — очевидно, с твердым намерением пустить оружие в ход, как только того потребуют обстоятельства.

— Кто вы такой, сэр? — надменно спросил управляющий. — Кто вы такой, что нарушаете ямайские законы?

— Если я нарушил закон, то, конечно, должен буду отвечать перед судом. Но пока мне еще неизвестно, в чем состоит мое преступление, и, во всяком случае, не вы будете моими судьями.

— Вы помогаете укрывать беглого раба...

— Неправда, — прервал охотник. — Я уже поймал раба. Я уверен, что молодой джентльмен, которого я, как и вы, вижу впервые, не собирается способствовать побегу моего пленника.

— Чепуха! — заорал управляющий.— Все, что ты мешешь,— чепуха! Ты не имел права захватывать этого раба и мешать нам. Наши собаки выследили его, мы бы захватили его и без твоего участия. Это наша добыча. Я требую, чтобы ты его немедленно нам выдал!

— Как бы не так! — насмешливо отозвался охотник.

— Я требую именем Джекоба Джесюрона! Я его управляющий!

— Да будь ты хоть сам Джекоб Джесюрон — что из того? — снова ответил охотник совершенно невозмутимо и без всякой бравады.

— Значит, ты отказываешься выдать его?

— Отказываюсь,— последовал решительный ответ.

— Ну ладно, ты раскаешься в этом... И вы, сэр, также.— Управляющий бросил свирепый взгляд на Герберта.— Вы ответите перед судьей. Нечего сказать, отличное поведение для белого на Ямайке! Если появятся еще такие, как вы, то как, спрашивается, будем мы управляться с черномазыми? Но погодите, мы с вами еще встретимся!

— Не имею особого желания,— насмешливо улыбнулся Герберт.— Честное слово, мне еще не доводилось видеть более отталкивающей физиономии. Любоваться ею вторично не доставит мне ни малейшего удовольствия.

— Ах, вот вы как! — закричал управляющий.— Вы пожалеете еще, подождите! Месяца не пройдет, как вы заплатите за это оскорбление, будь я проклят!

И негодяй в бешенстве пошел прочь. Оба испанца последовали за ним.

— А мои собаки? — завопил вдруг один из них.— Ты заплатишь мне за них по двести песо за каждую, ни одним песо меньше!

— И гроша не дам ни за ту, ни за другую! — засмеялся охотник.— Разве я не доказал, что обе они никуда не годятся? Хвастаете своими ищейками, а взгляните-ка на них!.. Идите-ка, мои красавчики, восвояси, охотьтесь за беглыми у себя на родине, если угодно. А здесь предоставьте это тем, кто половчее вас,— нам, маронам!

Герберт заметил, что при этих словах охотник выпрямился и, гордо вскинув голову, с презрением взглянул на приунывших касадоров.

— Черт бы тебя побрал! — прошипели они и поплелись вслед за чернобородым.

Глава XXVII

МАРОНЫ

Едва все трое скрылись из виду, охотник повернулся к Герберту. В глазах его светилась признательность.

— Господин! — Он отвесил низкий поклон. — После того, что вы сделали, нельзя словами выразить вам благодарность. Если отважный белый джентльмен, рискнувший жизнью ради бесправного темнокожего, соблаговолит назвать свое имя, марон Кубина его не забудет.

— Марон Кубина? — машинально повторил Герберт, пораженный странным именем, равно как и внешностью и поведением незнакомца. — Ну, а я англичанин, и зовут меня Герберт Воган.

— Может быть, господин, вы в родстве с владельцем Горного Приюта?

— Он — мой дядя.

— Тогда едва ли вам сможет быть полезным бедный марон-охотник. Но простите за дерзкий вопрос: почему вы оказались в лесу в такой ранний час? Солнце только что показалось, а Горный Приют в трех милях отсюда. Неужели вы добирались сюда в темноте? Это не так просто в наших лесных дебрях.

— Я провел ночь в лесу, — ответил Герберт, улыбнувшись. — Я спал там, где сейчас лежит кабан.

— Значит, это ваше ружье, а не его? — Охотник кивнул в сторону беглеца. Тот стоял в нескольких шагах от них, бросая на своих спасителей взгляды, преисполненные признательности, к которой, однако, примешивалась некоторая доля страха.

— Да, это мое ружье, — подтвердил Герберт. — Очень рад, что оно оказалось заряженным и дало возможность прикончить эту свирепую тварь. Иначе пес, конечно, перегрыз бы несчастному горло. Вид у бедняги жалкий, но оружием он владеет недурно. Кто он и что собиралась сделать с ним та тройца?

— Ваш вопрос, мистер Воган, показывает, что вы чужеземец. Вы хотите знать, кто этот человек, избитый до полусмерти? Я думаю, не требуется большой учености, чтобы прочитать знаки на его спине. А на груди у него клеймо «Д. Д.». Следовательно, он раб, собственность Джекоба Джесюрона. А мое мнение о нем лучше не спрашивать.

— Что же это они с тобой сделали, бедняга? — Герберт, полный сострадания, смотрел на раба.

Тот, видя, что обращаются к нему, принялся что-то долго и горячо объяснять, но ни Герберт, ни молодой марон ничего не поняли. Герберт разобрал лишь два слова: «фулах» и «аллах», которые беглец повторял особенно часто.

— Должно быть, нездешний, как и вы, мистер Воган,— сказал марон.— Хотя, как видите, его уже успели познакомиться с нашими порядками. Клеймо у него совсем свежее, кожа вокруг букв вся красная. Наверно, он совсем недавно из Африки. А знаки на спине — следы игрушки, которой так любят забавляться плантаторы, их управляющие и надсмотрщики. Его нещадно били плетью.

Марон осторожно приподнял на беглеце окровавленную рубашку. Глазам Герберта предстала ужасная картина. Он не выдержал и, содрогаясь, отвернулся.

— Вы говорите, он из Африки? На негра он не похож.

— Не все африканцы — негры. Я думаю, он фулах.

— Фулах! Фулах! — закричал беглец и снова принялся что-то пространно рассказывать, стараясь жестами сделать свой рассказ понятнее.

— Жаль, что я не знаю его языка,— сказал охотник.— Он действительно фулах. Поэтому-то мне его особенно жалко.

Он умолк на минуту, задумавшись, потом заговорил снова:

— Не очень-то мне хочется возвращать его хозяину.

— А это необходимо?

— Да. Мы, мароны, не имеем права укрывать беглых рабов. Если откроется, что я... А ведь эти негодяи Джесюрона уже всё знают. Но мне трудно будет его выдать. Притом он так похож на нее...

— На нее? О ком вы? — с недоумением спросил Герберт.

— Прошу прощения, меня уж очень удивило его сходство с одной девушкой... Но скажите, как вы все-таки очутились в лесу ночью? — Казалось, ему хотелось переменить тему.— Наверное, охотились допоздна и заблудились?

— Да, я действительно заблудился, но не на охоте.

— Так это остатки от вашего завтрака? — Марон указал на валявшиеся вокруг листья «горной капусты».

— И завтрака и ужина. А за питьем я взобрался на дерево, и тут появился кабан и принялся подъедать то, что осталось от моей вечерней и утренней трапезы.

Марон улыбнулся.

— Ну,— сказал он,— если вы не очень торопитесь до-

браться до Горного Приюта, минут через пять я смогу угостить вас кое-чем получше сырой «горной капусты».

— Нет, я не спешу туда. Скорее всего, я больше никогда туда не вернусь.

Тон, каким это было сказано, не ускользнул от наблюдательного марона. «Здесь что-то кроется»,— подумал он, но деликатность не позволила ему настаивать на дальнейших объяснениях. «Меня это не касается»,— решил он про себя.

— Так не желаете ли отведать моего лесного завтрака, мистер Воган? — предложил он Герберту.

— Весьма охотно.

— В таком случае, я сейчас позвоню моим слугам.

Охотник поднес к губам украшенный резьбой рог, и по лесу прокатился протяжный, вибрирующий звук.

— Сейчас у нас будет и угощение и хорошее общество,— сказал охотник.— А вот и мои приятели! — продолжал он почти в ту же минуту.— Я знал, что они неподалеку.

Из леса с разных сторон донеслись ответные звуки рогов.

— Вот, мистер Воган,— сказал охотник скромно, но с ноткой торжества,— те трое стервятников были, в сущности, не так уж нам страшны — мои соколы находились поблизости! Конечно, это не уменьшает моей благодарности вам. Но я знал, что трусливые негодяи дальше пустых угроз не пойдут, и не считал необходимым звать на помощь своих людей. Смотрите! Вот они!

— Кто?

— Мароны!

На дальнем конце поляны зашуршали кусты, и в ту же минуту оттуда показалось больше десятка вооруженных людей, быстро направлявшихся к месту, где стояли охотник и Герберт.

Глава XXVIII ЗАВТРАК В ЛЕСУ

Герберт с интересом следил за приближавшимся к ним отрядом. Он состоял из десятка негров и одного или двух мулатов. Среди них он не заметил ни одного малорослого, тщедушного — все они были отлично сложены, высокого роста, сильные, мускулистые. В глазах их светилось чувство собственного достоинства. Какой твердой, какой смелой была их поступь, каким уверенным шаг! Все убеждало Гер-

берта, что перед ним свободные и независимые люди. Во всем их обличье не было ничего рабского. И притом они были вооружены — ружьями, ножами, а некоторые — копьями. У рабов оружия не бывает. Да и снаряжение их ясно говорило, что это охотники, а если потребуется, то и воины. У каждого был рог и перекинутая через плечо сумка. И, так же как у марона Кубины, у каждого на ремне висела оплетенная прутьями тыквенная бутылка для воды. У некоторых за спиной висела небольшая корзинка из ивовых прутьев или пальмового волокна. Корзинка держалась на двух ремнях: один пересекал грудь, другой шел вдоль лба. В корзинках, вероятно, находилась провизия и все необходимое для странствий по лесу.

Костюмы их были довольно разнообразны — среди них нельзя было бы найти и двух одинаковых, — но чрезвычайно живописны. И в то же время между ними было много общего. На головах у одних были шляпы из пальмового листа, у других — платки, свернутые в виде чалмы. Лишь на нескольких были рубахи и штаны; большинство были без рубашек. А двоим или троим единственной одеждой служила белая набедренная повязка. Но обувь имелась у всех: каменные, усыпанные колючками лесные тропы не позволяли ходить босиком. Эта обувь у всех была одинакова: плотно охватывающие ногу сапоги из грубой рыжей кожи, щетина на которой указывала, что это шкура дикого кабана, снятая с задней ноги животного и натянутая на ногу еще теплой. Постепенно засыхая, она обтягивала ногу, как чулок. Потом ее немного подравнивали ножом, и таким образом получались своеобразные мокасины, которые снимались с ног лишь тогда, когда пронашивалась подошва: ямайскому охотнику за кабанами не приходится ежедневно надевать и стаскивать сапоги.

Неудивительно, что Герберт во все глаза смотрел на прибывших. Их мгновенный, как эхо, отклик на призыв рога и затем такое же мгновенное появление — все это произошло, как на сцене театра. Будь охотник белым, а люди, вынырнувшие из лесной чащи, одеты в зеленые куртки, молодой англичанин мог бы вообразить, что он в Шервудском лесу и перед ним Робин Гуд и его веселые товарищи¹.

¹ Робин Гуд — легендарный разбойник, герой английского фольклора. По преданию, жил в XII—XIII веках; стойко боролся против норманнов-захватчиков и был главарем ватаги «изгнанников» — людей, объявленных вне закона. Народные баллады рисуют Робина Гуда врагом феодалов, защитником бедняков.

— Скажи, Квэко, что там у вас в корзинах? Молодой господин еще не завтракал.

Слова эти Кубина адресовал высоченному, черному, как смоль, негру с серьезным и в то же время несколько лукавым выражением лица. По-видимому, это был помощник, правая рука Кубины,— так сказать, Маленький Джон¹ лесного отряда.

— Если у господина хороший аппетит, то кое-что для него найдется.

— Так что же у вас там? Дай-ка я посмотрю,— сказал Кубина, заглядывая в корзинки.— Ага, копченый кабань окорок! Белым господам обычно по вкусу наши копченые кабаньи окорока. Еще что?.. Связка раков. Ну что ж, не так уж плохо! О, тут еще пара голубей и дикая цесарка! А у кого сахар и кофе?

— Здесь, Кубина! — отозвался один из негров, ставя свою корзину на землю и вынимая из нее кульки с кофе и сахаром.

— Развести огонь, да поживее! — скомандовал Кубина.

Охотники достали кремень и огниво, собрали в кучу сухие листья и ветки, и вот вспыхнули искры и затрещал огонь. Воткнули в землю рядом две толстые палки с развилинами на концах, на эти развилины положили поперечную палку, и вскоре на ней повисли два котелка. Поваров было много, и приготовление завтрака отняло мало времени. Голубей и цесарку немедленно ощипали, опалили над костром, выпотрошили и бросили в больший из котелков. Раков постигла та же участь; туда же отправились и несколько кусков копченого окорока. Затем в котелок кинули пригоршню соли, бататы, несколько ломтиков банана и немного красного перца — все это было извлечено из корзин.

Сильное пламя костра быстро нагрело котел, вода в нем бурно закипела. Квэко, который, по-видимому, исполнял также обязанности шеф-повара, неоднократно попробовав содержимое котелка, заявил наконец, что перечная похлебка готова. На свет были извлечены тарелки, миски, чашки различных форм, все сделанные из тыквы. И как только Герберт и Кубина первыми получили свою порцию, остальное было разделено между другими. Не забыли и пленника. Квэко позаботился о том, чтобы тот получил свою долю. Рассевшись на земле, все с такой жадностью принялись

¹ Маленький Джон — помощник и товарищ Робина Гуда, силач огромного роста.

за еду, что было очевидно, это их первый утренний завтрак.

За перечной похлебкой последовало жаркое, приготовленное из мяса только что убитого кабана. Хлеба не было, но его отлично заменили испеченные в золе ломтики банана и бобы какао. Во втором котелке, кипевшем над огнем, варился кофе. Пили его из тыквенных чашек, но он не был бы вкуснее и ароматнее, даже если бы его подавали в чашках севрского фарфора.

Молодому англичанину очень хотелось побольше разузнать о своих лесных хозяевах, но осторожность удерживала его от прямых вопросов. Может, это просто разбойники, шайка чернокожих грабителей? Их одежда и оружие невольно наталкивали на такое предположение. Они называли себя маронами, но Герберт не знал, что это такое. «Однако если это разбойники,— думал он,— то самые добродушные разбойники на свете».

* * *

Покончив с завтраком, мароны собрали всю утварь и припасы и приготовились уходить. Кабан был уже весь зарублен на небольшие части и разложен по сумкам.

Кровавые рубцы на спине беглеца Квэко смазал какой-то целебной мазью и затем жестами объяснил, что тот должен следовать за отрядом. Бедняга не только не протестовал, но повиновался с живейшей радостью. Они обошлись с ним так хорошо, что все его опасения улеглись. Мароны, из почтения к своему начальнику Кубине, к которому относились с большим уважением и которому повиновались беспрекословно, отошли немного в сторону, чтобы он мог наедине побеседовать с гостем-англичанином. Герберт, вскинув ружье на плечо, начал прощаться.

— Вы, должно быть, недавно поселились у вашего дяди, мистер Воган? — полувопросительно сказал Кубина.

— Да,— ответил Герберт,— вчера я встретился с ним впервые в жизни.

— Как! — удивленно воскликнул охотник.— Значит, вы только что приехали на Ямайку? В таком случае, мистер Воган, вы едва ли сможете сами найти дорогу в Горный Приют. Потому-то я и спросил, давно ли вы здесь. Один из наших людей проводит вас.

— Нет, спасибо. Я как-нибудь доберусь сам.

Герберту не хотелось говорить, что он не собирается возвращаться в поместье дяди.

— Дорога туда очень путаная. По ней просто идти лишь тому, кто ее хорошо знает. Вас проводят, но только не до самого дома, хотя ваш дядя позволяет нашим людям ходить по его земле, не то что другие плантаторы. А без проводника вы заблудитесь.

— Сказать вам правду,— решил признаться Герберт,— мне не нужен проводник, потому что я иду не в Горный Приют.

— Вы не хотите туда возвращаться?

— Нет.

«Вчера только прибыл, всю ночь провел в лесу и теперь не хочет возвращаться к дяде — странно!» — быстро промелькнуло в голове у Кубины. Он уже и раньше заметил на лице Герберта тень озабоченности и печали. И потом, почему у него в петлице сюртука голубая лента? Что все это значит?

Марон Кубина был в том возрасте и в том душевном состоянии, когда всякий намек на нежные чувства привлекает особое внимание. А печальный взгляд и голубой бант уже говорили о многом. Кубина знал довольно много об обитателях Горного Приюта. Не объясняется ли загадочное поведение молодого англичанина какой-нибудь семейной ссорой?

Но вежливость не позволяла охотнику высказать свои догадки.

— Куда бы вы ни шли, мистер Воган, вам необходим проводник. Вокруг этой поляны широкой полосой тянутся почти непроходимые леса. Дороги здесь нет.

— Вы очень добры,— ответил Герберт, который был тронут вниманием и любезностью лесного охотника.— Мне нужно добраться до Монтего-Бей. Если кто-нибудь из ваших людей поможет мне выйти на проезжую дорогу, я буду чрезвычайно признателен. Но, к сожалению, мне нечем будет его вознаградить, кроме слов благодарности.

— Мистер Воган,— проговорил марон, вежливо улыбаясь,— не будь вы чужестранцем, я мог бы обидеться. Вы говорите так, будто я сейчас представляю вам счет за завтрак. Разве вы позабыли, что всего час назад подставляли грудь под дуло пистолета, защищая жизнь марона, темнокожего, отщепенца с гор!

— Простите меня. Уверяю вас...

— Ни слова больше, мистер Воган. Я вижу, ваше сердце не отравлено кастовыми и расовыми предрассудками. Сохраните его таким подольше. Встретимся мы еще или

нет — помните, там, в Голубых горах, — марон показал на лиловые очертания горного хребта, видневшегося за верхушками деревьев, — живет человек... правда, с темной кожей, но умеющий чувствовать благодарность не хуже любого белого. И, если вы пожелаете почтить этого человека своим посещением, под его скромной кровлей вы найдете дружбу и гостеприимство.

— Благодарю! — воскликнул молодой англичанин, взволнованный искренностью и великодушием охотника. — Может быть, наступит день, когда мне придется воспользоваться вашим любезным предложением. Прощайте!

— Прощайте! — ответил марон, горячо пожимая протянутую ему руку. — Квэко! — крикнул он своему помощнику. — Проводи господина до проезжей дороги на Монтего-Бей... Прощайте, мистер Воган! От всей души желаю вам удачи!

Глава XXIX

КВЭКО

Герберт не без сожаления расстался с новым другом. И, пока он шел следом за Квэко, мысли его долго еще были заняты происшедшим — всем тем, что привело его к такому необыкновенному знакомству. Квэко, по натуре не особенно разговорчивый, не пытался прерывать размышления Герберта.

Они прошли уже мили две.

— Отсюда расходятся две дороги, господин, — сказал вдруг марон, остановившись. — Можно идти по любой, но вон та короче и удобнее.

— Так по ней и пойдем.

— Лучше не стоит.

— Вот как! Почему же?

— Видите вон там крышу за вершинами папайи?

— Да. Ну и что же?

— Это ферма Джесюрона. Нам тогда придется проходить мимо нее. Кто-нибудь из его людей заметит нас, а Джесюрон — мировой судья, мы можем попасть в беду.

— А, из-за этого беглого раба! Кажется, ваш начальник Кубина сказал, что раб — собственность какого-то Джесюрона?

— Больше из-за собак. Кубина имел право считать беглеца своей добычей — ведь он его поймал. Но эти прокля-

тые испанцы поднимут шум из-за убитых псов. Они скажут, что Кубина убил их назло. И присягнут в этом. Конечно, им поверят. Все знают, что мы, мароны, не любим тех, кто вмешивается в наши дела.

— Но ведь ни ты, ни я не убивали собак!

— Ах, господин, вы помогли! Ведь убили-то вашим ружьем! Кроме того, вы встали на сторону марона.

— За свои поступки я готов отвечать перед судьей, будь то Джесюрон или кто угодно другой,— сказал молодой англичанин, уверенный в своей правоте.

— От Джесюрона справедливости ждать нечего, господин. Мой совет — держаться подальше от правосудия. А потому лучше пойти по левой дороге.

— А нам тогда придется сделать не очень большой крюк? — спросил Герберт. Доводы Квэко показались ему не слишком убедительными, и он не захотел шагать лишнюю милю.

— Нет-нет! — заверил его Квэко. Но он кривил душой: предложенная им дорога была значительно длиннее той, которая вела мимо фермы Джесюрона.

— В таком случае,— заявил Герберт,— мне безразлично. Веди по какой хочешь.

Не тратя лишних слов, Квэко двинулся вперед, по левой дороге, и Герберт так же молча последовал за ним.

Путь их лежал через сплошную лесную чащу. Порой стоило немалого труда пробраться через колючий кустарник, порой приходилось подниматься на неожиданные кручи или спускаться со столь же неожиданных, почти отвесных обрывов. Но в конце концов они вышли на вершину гряды, и дальше дорога пошла рощами пимента, где деревья уж не стояли сплошной стеной.

С вершины хребта Герберт увидел большой белый дом с зелеными жалюзи и узнал Горный Приют. Но они направлялись не прямо к дому, а наискось к центральной аллее.

Герберт попросил проводника остановиться. Ему не хотелось выходить на аллею — он опасался встретить там кого-нибудь из слуг, которые не преминут затем рассказать об этом дяде. Поэтому он попросил Квэко взять немного правее, чтобы, миновав аллею, выйти на проезжую дорогу, не будучи замеченным никем из обитателей поместья. Квэко согласился, но с видимой неохотой.

— Надо бы держаться подальше от Джесюрона,— проворчал он.

Они снова углубились в лес, и довольно скоро Герберт с удовольствием увидел, что они подошли к дороге на Монтего-Бей. Он больше не нуждался в проводнике, и Квэко готов был уже его покинуть, когда из-за поворота неожиданно показалось человек семь всадников. Они ехали довольно быстро, словно по какому-то важному делу. Квэко, едва заведя их, бросился в чащу, крикнув Герберту, чтобы тот последовал его примеру. Но молодой англичанин счел ниже своего достоинства прятаться и остался стоять посреди дороги. Тогда Квэко вернулся и встал рядом, вслух высказывая недовольство поведением своего подопечного.

— Мне что-то не нравится эта компания,— сказал марон, с опаской поглядывая на приближающихся всадников.— Что, если это... Так и есть! Среди них злодей Рэвнер, управляющий Джесюрона! Мы пропали! Теперь уж от них не скроешься!

Всадники подъехали ближе и остановились в двух шагах от них.

— Вот он! — закричал тот, что был впереди остальных. (По черной бороде Герберт тотчас узнал в нем Рэвнера.) — Сам явился! Ну-ка, мистер Сарпи, не теряйте времени. Посмотрим, как-то молодчик станет выворачиваться перед судом!

— Именем закона, вы арестованы! — заявил Герберту тот, кого Рэвнер назвал мистером Сарпи.— Я здешний главный констебль.

— Какое же обвинение мне предъявляется? — спросил Герберт негодуя.

— Мистер Рэвнер изложит свои обвинения перед судом. Мое дело — представить вас судье... Кто из судей этого округа живет поближе? Мистер Воган? — обратился констебль к спутникам.

Он сказал это негромко, но Герберт расслышал. Он пришел в ужас. Как! Вновь оказаться лицом к лицу с дядей, с которым у него только что произошло такое резкое столкновение? И в качестве нарушителя закона? Чтобы свидетелями его унижения были престальная кузина и этот лондонский франт? Нет, это уж слишком!

Поэтому он вздохнул с облегчением, когда Рэвнер, к мнению которого констебль, очевидно, прислушивался, предложил отправить арестованного не к Вогану, а к другому судье, также живущему поблизости, — к Джекобу Джесюрону, владельцу Счастливой Долины. Посоветовавшись между собой, они согласились, что данный случай действи-

тельно подлежит компетенции мирового судьи Джесюрона.

Арестованных Герберта и Квэко повели под конвоем. Квэко бурно протестовал и грозил расквитаться и с Рэвнером и с констеблем, осмелившимися незаконно задержать свободного марона.

Глава XXX ЯМАЙСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Джесюрон чинил суд на той же довольно неопрятной веранде, с которой накануне наблюдал гнусную процедуру клеймения. Но теперь он восседал в кресле за небольшим столом, покрытым зеленым сукном. На столе лежали перья, бумага, чернильница, золотая табакерка и два толстых тома. На переплете одного из них можно было прочесть громкое название: «Ямайское судопроизводство». Черный кожаный переплет как бы символически указывал, кого главным образом касались изложенные в книге законы, ибо добрые четыре пятых всех законоположений и правил относились только к людям с темной кожей.

Ради такого случая судья облачился в парадный костюм — в синий сюртук с золочеными пуговицами, синие панталоны и высокие сапоги. Порыжевшая касторовая шляпа была снята: священное таинство судопроизводства неукоснительно требовало, чтобы даже судья обнажил голову. Однако белый полотняный колпак все-таки остался на голове почтенного мистера Джесюрона. Ямайские судьи не так уж строго придерживались буквы закона.

Нацепив очки на нос и придав своей костлявой физиономии важное, надменное выражение, судья Джесюрон выжидал, пока рассядутся по местам все участники разбирательства. Собственно, в его лице был представлен весь суд... Впрочем, предстоял только «предварительный допрос». Для вынесения приговора над белым требовалось присутствие присяжных и среди них — окружного судьи. Джесюрон располагал лишь правом заключить предполагаемого преступника в тюрьму до формального судебного процесса.

Герберта подвели к столу. Позади него выстроились констебль и его помощники. Справа от него стал Рэвнер, за ним — оба касадора.

Квэко оставили во дворе и без стражи, поскольку против него не было выдвинуто никакого обвинения.

На суде присутствовал и зритель. Прекрасная Юдифь не пропускала ни одного важного дела, где участвовал ее многоуважаемый родитель. Но теперь она держалась на заднем плане. Она села у окна, выходящего на веранду, и ее красивое лицо скрывалось за кисейной занавеской. Таким образом, Юдифь отлично видела все происходившее на веранде. Хотя считалось, что ее никто не видит, но ажурная занавеска не вполне скрывала белый гладкий лоб и блестящие черные глаза, — полупрозрачная кисея делала их еще более загадочными и привлекательными.

Да прекрасная дочь Джесюрона, очевидно, и не хотела остаться незамеченной. Вместе с констеблем пришли несколько помогавших ему красивых молодых плантаторов, которым только того и надо было, что поглазеть на нее. С той минуты, когда они появились во дворе, молодая хозяйка Счастливой Долины уже больше не отходила от окна.

Но лишь когда разбирательство уже началось, она села за занавеской и принялась разглядывать присутствующих. Сперва взгляд ее, насмешливый и небрежный, блуждал от одного лица к другому, но вдруг он стал более напряженным. Презрительная усмешка исчезла с ее губ.

Кто же так привлек внимание красавицы?

Не кто иной, как сам «подсудимый», молодой Герберт Воган.

Что выражал ее взгляд? Сочувствие? Неужели в груди прекрасной Юдифи шевельнулось благородное чувство жалости к молодому незнакомцу, историю которого она уже знала от Рэвнера? Нет, ее душа едва ли была способна на высокие порывы. И, однако, в ней впервые заговорило какое-то особое, новое чувство. Она даже отдернула занавеску и во все глаза смотрела на подсудимого, нимало не беспокоясь о том, какое впечатление это может произвести на окружающих.

Джесюрон, сидевший к ней спиной, ничего не видел, но от остальных это не ускользнуло. Молодой англичанин, как ни мало он был склонен в этот момент предаваться размышлениям о чем бы то ни было, кроме своего плачевного положения, не мог не заметить прелестного лица прямо перед собой. Заметил он и взгляды, которые бросала на него красавица.

«Не дочь ли это старика, сидящего за судейским столом?» — подумал он.

Рэвнер изложил суть обвинения, после чего начался допрос обвиняемого.

— Ваше имя, молодой человек? — обратился к нему судья.

— Герберт Воган.

Джесюрон поправил очки и удивленно взглянул на обвиняемого.

Констебль и все остальные были не менее поражены. Квэко, чей огромный рост позволял ему видеть все, что происходило на веранде, удовлетворенно пробормотал что-то, услышав фамилию, хорошо известную всей округе. Но у дочери Джесюрона это имя вызвало не только удивление: черные глаза ее метнули искры, выражение сочувствия сменилось злобой. Было очевидно, что это имя ей ненавистно.

— Герберт Воган? — переспросил судья.— Уж не родня ли вы мистеру Вогану, владельцу Горного Приюта?

— Я его племянник,— последовал лаконичный ответ.

— Племянник? Да неужели? Нет, вы действительно доводите его племянником?

В голосе судьи слышалась радость: Он, Джекоб Джесюрон, будет судить родного племянника Лофтуса Вогана, обвиняемого в серьезном преступлении!

Вот когда представился случай поквитаться с тайным недругом, отомстить за десятки обид, которые ему пришлось вытерпеть от высокомерного, заносчивого соседа!

Работорговец потер костлявые руки, взял понюшку табаку и злорадно усмехнулся.

Некоторое время он сидел молча, продолжая усмехаться, погруженный в размышления. Затем стал внимательно разглядывать обвиняемого.

— Первый раз слышу, что у мистера Вогана есть племянник. Вы приехали из Англии, молодой человек?.. А еще у мистера Вогана есть племянники в Англии?

— Насколько мне известно, я его единственный племянник — во всяком случае, в Англии.

Проницательный Джесюрон понял, что молодой человек плохо осведомлен о семье дяди.

— Давно вы на Ямайке?

— Вот уже приблизительно сутки.

— Только-то? Как же это вы не в поместье у дяди?.. Вы виделись с ним?

— Да, конечно,— ответил Герберт небрежно.

— Вы остановились у него?

Герберт промолчал.

— Вы у него ночевали? Прошу прощения, молодой человек, но в качестве судьи я обязан...

— Я готов ответить, ваша милость.— Герберт иронически подчеркнул это официальное обращение.— Нет, я не ночевал в доме дяди. Я провел эту ночь в лесу.

— В лесу?! — воскликнул Джесюрон вне себя от изумления.— Вы провели ночь в лесу?

— Да, я спал в лесу под деревом. И не могу пожаловаться на постель,— добавил Герберт шутливо.

— А дяде вашему известно, где вы ночевали?

— Полагаю, что нет. Да, я думаю, это мало его интересует,— ответил Герберт, не задумываясь над тем, какое впечатление произведут его слова.

Небрежность его тона не ускользнула от пронизательного старика, и он заподозрил, что между дядей и племянником не все ладно.

В его глубоко сидящих глазках вспыхнула радость. Он вдруг прекратил допрос и, знаком подозвав к себе Рэвнера и констебля, начал с ними шептаться.

Ни Герберт, ни остальные присутствующие не догадывались, о чем идет разговор, и поэтому результат его для всех был полной неожиданностью.

Когда Джесюрон вновь обратился к обвиняемому, в тоне и выражении лица старика произошла резкая перемена. Перед Гербертом был уже не сурово нахмурившийся судья, а скорее друг и покровитель — приветливый, улыбающийся, почти заискивающий.

— Мистер Воган! — Джесюрон приподнялся со своего судейского кресла и протянул обвиняемому руку.— Прошу прощения, если мои люди обошлись с вами грубо. Видите ли, в наших краях помощь беглому рабу — большое преступление. Но, раз вы приезжий и не знаете наших законов, суд должен отнестись к вам снисходительно. Да к тому же беглецу — одному из моих рабов — не удалось скрыться. Его захватили мароны, и они обязаны мне его выдать. Я ограничусь наложением на вас штрафа. Вы обязаны его уплатить. А штраф вот какой: вам придется у меня отобедать. Полагаю, это достаточное для вас наказание... Мистер Рэвнер! — крикнул он управляющему, указывая на Квэко: — Отведите-ка его в дом да накормите как следует... А вас, мистер Воган, прошу пожаловать ко мне. Разрешите представить вас моей дочери.

Было бы противоестественно, если бы Герберт не обрадовался неожиданно приятному обороту дела. И предстоящее знакомство с дочерью судьи, конечно, не умалило его радости. Всякий, даже самый нечувствительный человек,

взглянув на эти прелестные глаза, испытал бы желание познакомиться поближе с их обладательницей. Презрительное выражение в них давно исчезло. И, когда молодой англичанин, приняв приглашение своего бывшего судьи, пошел с ним к двери в дом, очаровательное лицо у окна засияло нежнейшей, лучезарнейшей улыбкой.

Глава XXXI НЕОЖИДАННЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ

Таким образом, события, приведшие Герберта на скотоводческую ферму Джекоба Джесюрона, приняли совершенно неожиданный оборот. Но этим дело не кончилось. Впереди его ждало еще много сюрпризов.

Герберт был поражен. Он не понимал, почему отношение к нему вдруг так круто переменилось. Может быть, фермер-скотовод сменил гнев на милость из-за добрососедского отношения к владельцу сахарных плантаций? «Они с дядей в приятельских отношениях, вот и все»,— решил Герберт.

Сображение это, однако, не было для него приятно. Напротив, Герберт чувствовал, что попал в неловкое положение. Ведь гостеприимство, собственно, оказывается не ему, а его обидчику и даже врагу, хотя он ему и родня. Дядя, конечно, не замедлит узнать всю эту историю и еще обвинит Герберта в том, что он воспользовался своим родством с ним. Все это очень беспокоило самолюбивого, щепетильного юношу. Если бы еще дело касалось только дяди! Но кратковременное и малоприятное пребывание в Горном Приюте дало ему возможность познакомиться с Кэт. Ее образ не исчез из его памяти, хотя сейчас ему приветливо улыбались другие столь же алые губки и, может быть, не менее прекрасные глаза.

В его воображении Кэт стояла как живая, в ушах все еще звучал ее милый, задушевный голос. Упасть в ее мненин? Нет! Он все скажет Джесюрону, объяснит начистоту, в каких отношениях он со своим чванным родственником.

Однако только после обеда, когда дочь хозяина, улыбаясь, встала из-за стола и ушла к себе в комнату, Герберт, несколько разгоряченный вином, ничего не утаивая, рассказал Джесюрону все, что произошло между ним и дядей. Может быть, выпитое вино, которым его усердно потчевали, помешало ему заметить на лице собеседника хотя бы

ть неудовольствия. Будь молодой человек понаблюдательнее, он подметил бы в лице старика даже нечто совсем иное: темные, глубоко сидящие, скрытые зелеными очками глаза сверкали радостью.

— Очень, очень сожалею, мистер Воган,— заговорил он наконец.— Искренне сожалею, что вы в таких отношениях с вашим дядюшкой. Будем надеяться, что со временем все переменится к лучшему. Я, со своей стороны, постараюсь помочь уладить эту маленькую семейную ссору. Вы не собираетесь вернуться обратно в Горный Приют?

— После того, что произошло? Никогда!

— Ну, не следует быть таким злопамятным. Мистер Воган — человек гордый и, надо признаться, поступил с вами нехорошо, очень нехорошо, но все-таки он ваш родственник.

— Он вел себя не по-родственному.

— Да-да, совершенно верно, почтенный джентльмен был неправ. Но почему же он так плохо обошелся с родным племянником?.. Да, очень печально. И что же вы думаете теперь делать? Я полагаю, вы человек состоятельный?

— Нет, мистер Джесюрон.

— Как, у вас совсем нет денег?

— Ни гроша! — подтвердил Герберт, беспечно рассмеявшись.

— Да, это скверно. Куда же вы предполагаете направиться, раз не хотите возвращаться в Горный Приют?

— Да вот думал вернуться в город,— ответил Герберт все тем же шутливым тоном.— Я туда и направился, когда меня — к счастью, на полпути — перехватили ваши люди. Я говорю — «к счастью», иначе я, вероятно, остался бы сегодня без обеда и уж во всяком случае не попал бы на такой роскошный пир.

— Ну что вы, что вы! Разве мой жалкий обед может идти в сравнение с тем, какой вам подали бы в доме мистера Вогана, вашего дяди? Я ведь только бедный, скромный фермер. Но все, чем я располагаю,— к вашим услугам.

— Благодарю,— сказал Герберт.— Право, мистер Джесюрон, не знаю, как я сумею отплатить вам за ваше гостеприимство... Не буду, однако, злоупотреблять им. Я вижу по солнцу, что мне давно пора отправляться в Монтего-Бей.

Герберт поднялся, готовясь уйти.

— Что вы, куда? — Хозяин насильно усадил его в кресло.— Уж во всяком случае не сегодня. Не могу обещать вам постель столь же удобную, как в доме вашего дядюшки, но

все-таки она будет получше той, на которой вы спали прошлой ночью. Ха-ха-ха! Вы проведете эту ночь под моим кровом. А вечером Юдифь вам поиграет... Нет-нет, ни слова! Я не принимаю отказа!

Искушение было велико, и после непродолжительных уговоров Герберт сдался. Он знал, что в городе его ждет самый нищенский ночлег. Соблазняла его и обещанная музыка.

Разговор вернулся к прежней теме: как Герберт думает устроиться дальше, есть ли у него надежда получить место в Монтего-Бей и какое именно.

— Не знаю, удастся ли мне там обосноваться... Да я и сам не знаю, какого места искать,— сказал Герберт мрачно.

— У вас нет профессии?

— Увы, никакой. Отец умер, когда я еще был в колледже. А там меня обучали главным образом латыни и греческому.

— Да, от этого толку мало,— согласился практичный Джесюрон.

— Я умею немножко рисовать... Рисую пейзажи,— скромно добавил молодой человек.— Но пишу и портреты — довольно сносно. Этому я научился от отца.

— Ах, мистер Воган, на Ямайке эти таланты ничего не стоят! Здесь вам от них не будет ни малейшего проку. Вот если бы вы умели покрасить дом или фургон или написать вывеску лавочнику — дело другое. Тут можно было бы кое-что заработать, во всяком случае побольше, чем писанием портретов. А что вы скажете насчет должности счетовода?

— К несчастью, я ничего не смыслю в счетоводстве. Этой полезной специальности меня не обучили.

Джесюрон рассмеялся:

— Вы еще зелены, мистер Воган, как у нас говорят. В нашем деле на Ямайке счетоводу незачем вести бухгалтерские книги. Ему даже не приходится и браться за перо.

— Как это так? Я уже не впервые здесь об этом слышу, но не понимаю...

— Я вам объясню, мистер Воган. По закону, рабовладелец обязан на каждых пятьдесят негров держать одного белого служащего. Глупый закон, но закон. Этих белых служащих мы зовем счетоводами, хотя, как я вам сказал; никаких счетов они не ведут. Теперь вам понятно, как обстоит дело?

— Но в чем же все-таки заключаются обязанности этого так называемого счетовода?

— Зависит от обстоятельств. Присматривать за неграми, то да се... А знаете ли, ведь мне самому как раз нужен такой человек. Я только что купил новую партию невольников и не хочу нарушать закон. Обычно я плачу счетоводу пятьдесят фунтов в год на всем готовом, но вам, из уважения к вашему дядюшке, я эту сумму удвою. Что вы на это скажете, мистер Воган: согласны вы принять такое место?

Неожиданный оборот дела вызвал у Герберта сомнения и колебания. Впрочем, они длились недолго. У него не было ни гроша в кармане, не было даже крыши над головой — все эти обстоятельства настойчиво требовали определенного решения. Короче говоря, Герберт согласился и принял столь великодушное, как ему казалось, предложение. И с этого часа Счастливая Долина стала его домом.

Глава XXXII; ЗАБОТЛИВЫЙ ОТЕЦ

Но Джекоб Джесюрон не был способен на бескорыстное великодушие. Никогда еще не истратил он и гроша без расчета вернуть потом свое в многократном размере. Но какую выгоду мог он извлечь, оказывая благодеяния молодому англичанину — бездомному, нищему, не способному ничем отплатить за поддержку и гостеприимство? Почему он назначил столь щедрое жалованье человеку, который явно не годился для такой работы? Ведь, говоря по правде, какой надсмотрщик за невольниками мог получиться из Герберта? А именно в этом и заключается суть обязанностей «счетовода» на ямайской плантации. Несомненно, Джесюрон что-то замыслил, но, как обычно, держал свои замыслы в тайне. Даже его «драгоценная Юдифь» была не вполне осведомлена на этот счет, хотя кое-что и поняла из разговора с отцом, происшедшего на следующее утро после появления Герберта в Счастливой Долине.

— Будь полюбезнее с молодым человеком, Юдифь. Не жалея усилий, постарайся во что бы то ни стало понравиться ему.

— Почему я должна проявлять к нему какую-то особую любезность, мой достойный родитель?

— Тише, тише, Юдифь! Бога ради, тише! Вдруг он услышит! Молодой англичанин очень щепетилен. У меня есть причина добиваться его расположения.

— Потому что он племянник спесивого Лофтуса Вогана? Только поэтому?

— Тише, говорю тебе! Он в соседней комнате, может услышать. Одно неосторожное слово — и все мои планы рухнут.

— Ну, если желаешь, можем говорить шепотом... Но что ты затеял? Надеюсь, ты не собираешься передо мной скрытничать?

— Нет, конечно, нет. Все скажу, только попозже, не теперь. У меня возникла идея — блестящая идея. Если все сойдет гладко, моя Юдифь станет самой богатой женщиной Ямайки!

— Быть самой богатой женщиной Ямайки и чтобы у меня лакеем был принц — ничего не имею против. Кто не позавидует тогда Юдифи Джесюрон, дочери работорговца!

— Тсс... Помни, Юдифь, в его присутствии надо поменьше упоминать о рабах. И чтобы не вздумали на его глазах наказывать плетью и тому подобное. Пусть сперва попривыкнет. Надо будет предупредить Рэвнера, чтобы он сдерживался. Я знаю немало случаев, когда вот такие молодые люди из-за подобной ерунды бросали место. Надо, чтоб ему вовсе не приходилось иметь дела с рабами на плантации. Я позабочусь об этом. Но помни, Юдифь, все зависит от тебя. А я знаю: ты всего добьешься, стоит тебе пожелать.

— Да о чем ты, отец?

— От тебя зависит, захочет ли Герберт Воган остаться у нас.

Эти слова сопровождались многозначительным взглядом. Но Юдифь сделала вид, что понимает их буквально.

— Я думаю, ты напрасно беспокоишься. Если он действительно так беден, как ты говоришь, он будет только рад получить выгодное место и, уж конечно, постарается удержать его.

— Как знать... Он горд и запальчив. Ведь ушел же он от богатого дяди, да еще наговорил ему всяких дерзостей! А у самого в кармане пусто. Признаться, порядочный глупец этот родственничек Лофтуса Вогана. Надо его приручить — понимаешь, Юдифь? — приручить! Вот эта задача тебе и предстоит.

— Право, отец, послушать тебя, так можно подумать, что речь идет не о каком-то нищем юнце, а о богатом поместье, которое может принести большие доходы.

— Вот именно! Он и есть вроде как богатое поместье. Посмотрим, может...

— Если бы речь шла о госте, который осчастливил своим присутствием Горный Приют,— продолжала Юдифь, как будто не слыша отца,— если бы ты просил меня приручить владельца замка Монтегю, это мне было бы еще понятно...

Она многозначительно улыбнулась.

— Нет, Юдифь, это безнадежно.

— Что безнадежно? — резко оборвала его дочь.

— Ну, понимаешь...— замялся Джесурон.

— Что, боишься сказать? Ничего, дражайший родитель, говори. Я и так вижу, куда ты клонишь. Ты думаешь, что у меня, дочери старого работорговца, нет никакой надежды пленить аристократа Монтегю Смизи — так, что ли?

— Ты ведь знаешь, Юдифь, Воган припасает его для своей дочки. Она, как тебе известно, считается первой красавицей, и нам нечего и думать...

— Первой красавицей? — Юдифь гордо вскинула голову и раздула ноздри.— Во всяком случае, на последнем городском балу не она была признана первой красавицей, могу тебе поручиться! И полагаю, дочь работорговца ничем не хуже дочери рабыни. В конце концов, сама-то она всегo-навсего простая рабыня...

— Тише, Юдифь, об этом ни слова, даже шепотом! Ну, вдруг он услышит? Ты ведь знаешь, он ее двоюродный брат, и...

— Хотя бы и родной, что из того? — гневно прервала его дочь. Тон Юдифи ясно говорил, какую злобную зависть питает она к красоте Кэт Воган.— Будь он ее братом, ему у нас пришлось бы не сладко. Но, к его счастью, он всегo-навсего кузен. И притом рассорился с ее отцом — значит, и с ней также... А он что-нибудь тебе о ней говорил? — спросила вдруг Юдифь, и по голосу чувствовалось, что она ожидает ответа с волнением.

— О ком? О Кэт Воган?

— О ком же еще? — грубо отрезала Юдифь.— Кажется, в Горном Приюте нет другой молодой особы, о которой он мог бы говорить. Или у тебя еще в голове эта медно-красная девчонка Йола? Разумеется, я говорю о Кэт Воган. Что он о ней рассказывал? Как ни короток был его визит, а уж наверно он успел с ней встретиться. Вы сидели за вином вчера так долго, что могли бы перебрать все местные сплетни.

Она говорила деланно-небрежным тоном, но сама от волнения наклонилась вперед, и в глазах ее была тревога, выдававшая зарождающуюся любовь.

— Да, действительно, разговор зашел и о дочери Вогана. Я сам спросил у него, какого он о ней мнения. Я надеялся, что он успел и с ней поссориться, но, увы, нет, отнюдь нет!

— А тебе-то что за дело?

— Очень даже большое дело, дочка, очень!

— Ты говоришь что-то уж очень таинственно, отец. Кажется, за двадцать лет я успела тебя достаточно изучить, но сейчас ничего не понимаю... Так что же он все-таки сказал о Кэт Воган? Видел он ее?

— Да. И говорит, она отнеслась к нему необычайно сердечно. На нее он не обижен, нет!

Ответ не доставил, очевидно, удовольствия прекрасной Юдифи. Опустив глаза, она некоторое время молчала.

— Отец,— сказала она вдруг,— что это за голубая лента у него в петлице? Ты ее заметил, конечно. Может быть, это какой-нибудь орден? Он тебе об этом ничего не говорил?

— Нет, но ленту я заметил. Это не орден. Откуда у него орден? Отец у него был нищий художник. Да ты спроси у него сама, это вполне удобно.

— Вот еще! Мне-то что за дело?

Она даже в лице изменилась, словно устыдившись, что невольно обнаружила женскую слабость, выказав любопытство.

— Да это неважно, Юдифь. Главное, если ты сумеешь понравиться ему...

— Ты что, хочешь, чтобы он в меня влюбился?

— Да, именно.

— Чего ради, скажи на милость?

— Не спрашивай пока. У меня есть определенные соображения. В свое время все узнаешь. Да, Юдифь, постарайся, чтобы он влюбился в тебя по уши.

Эта просьба не была неприятна Юдифи. Глаза ее выражали что угодно, только не возмущение. Подумав немного, она засмеялась и сказала:

— А что, если, увлекая его, я и сама попадусь в любовные сети? Говорят, иногда паук запутывается в собственной паутине.

— Ты только поймай мушку, мой милый паучок, остальное неважно. Но сперва надо поймать муху. Пусть струны твоего сердца помалкивают, пока его сердце еще не в твоих руках. Ну, а потом влюбляйся сколько душе угодно... Но тише... кажется, он идет!.. Смотри же, Юдифь, поласковее с ним, поласковее! Не жалея улыбок!

И Джесюрон пошел навстречу гостю, чтобы пригласить его в зал.

«На этот раз, достойный мой родитель...— со странным выражением глядя вслед отцу, сказала про себя красавица,— на этот раз я буду послушной дочерью. Но не ради твоих, а ради моих собственных планов — они для меня важнее. Говорят, с огнем играть опасно, но именно поэтому я буду с ним играть... А вот и наш гость! Какая гордая у него поступь! Можно подумать, что он здесь хозяин, а мой отец — его счетовод. Ха-ха-ха! Но у него в петлице по-прежнему эта голубая лента! — Красавица нахмурилась.— Почему он носит ее на груди?.. Ничего, я все разузнаю, я сорву тайну с этого шелкового лоскутка, пусть даже разорвется на лоскутки мое собственное сердце!»

Глава XXXIII. ПОЧТИ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

А в это самое время в Горном Приюте происходила сцена, поразительно похожая на только что описанную. Лофтус Воган, как и Джекоб Джесюрон, вел беседу с дочерью. Тема разговора была сходной, и родительские хитрости диктовались столь же низменными мотивами.

— Ты посылал за мной, папа? — спросила Кэт, входя в зал.

— Да, Кэтрин.

Мистер Воган говорил с дочерью непривычно торжественным тоном. Уж одно то, что отец назвал ее полным именем, ясно говорило, что он настроен чрезвычайно серьезно.

Он указал ей на кресло напротив себя:

— Выслушай меня, дочь моя. Я должен поговорить с тобой о важном деле.

Девушка послушно опустилась в кресло. На лице ее появилось то выражение, какое бывает у пациента перед врачом или у нашалившего ребенка, выслушивающего родительские нотации. Но не так-то легко было подавить присущую Лили Квашебе жизнерадостность. Напыщенность отца, вместо того чтобы настроить на серьезный лад, произвела на нее совершенно иное действие. Уголки ее губ слегка дрогнули, как будто она силилась сдержать невольную улыбку.

Отец это заметил.

— Послушай, Кэтрин,— сказал он уже тоном упрека,—

я позвал тебя не для шуток. Я хочу, чтобы ты отнеслась к тому, что я тебе сейчас скажу, с полной серьезностью.

— Ах, папа, но я же понятия не имею, что именно ты собираешься мне сказать! Что случилось? Надеюсь, ты здоров?

— Мое здоровье не имеет никакого отношения к теме нашей беседы. На состояние нашего здоровья нам с тобой, слава богу, жаловаться не приходится. Но речь идет не о нем. Речь идет о нашем благосостоянии, о наших денежных делах,— ты понимаешь, Кэтрин?

Он произнес последние слова с особой внушительностью.

— Неужели, папа, у тебя денежные неприятности? Ты потерпел убытки?

— Нет, дитя мое,— отечески сказал мистер Воган.— По счастью,— а может быть, и благодаря моим стараниям,— у нас все благополучно. Нет, Кэтрин, речь идет о барышах, о выгоде, а не об убытках. И тут ты можешь мне помочь.

— Я? Что ты, папа! Я ничего, совсем ничего не смыслю в делах.

— Для тебя, Кэтрин, это не дела, а одно развлечение,— рассмеялся мистер Воган.— По крайней мере, я так надеюсь.

— Развлечение? Ах, папа, скажи скорее, какое развлечение? Ведь я до них большая охотница!

— Кэтрин, ты знаешь, сколько тебе лет?

Отец снова принял торжественный вид.

— Ну, разумеется, папа. Мне уже исполнилось восемнадцать.

— А известно ли тебе, о чем полагается думать девушке в таком возрасте?

Кэт не понимала или делала вид, что не понимает, на что намекает отец.

— Ну, Кэт, ты же отлично знаешь, что я имею в виду,— шуточно сказал мистер Воган.

— Право, папа, ума не приложу, о чем ты говоришь. Я бы сказала прямо, если бы знала. У меня нет от тебя секретов.

— Я знаю, Кэт, ты у меня хорошая дочь. Но есть девичьи секреты, которые даже отцу не открывают.

— Папа, но, право же, мне нечего скрывать. Объясни, о чем ты спрашиваешь.

— Послушай, Кэт. Обычно девушки твоего возраста... и это вполне понятно и естественно... ну, в общем, они начинают думать о молодых людях.

— Ах, вот ты о чем! Тогда могу ответить тебе: да, папа, я думаю об одном молодом человеке.

— Вот как! — Мистер Воган был приятно удивлен. — Он уже занимает твои мысли?

— Да, папа, — наивно ответила Кэт. — Я все время думаю о нем.

— Гм... — Мистер Воган несколько опешил от такой полной откровенности. — С каких же пор это началось?

— С каких пор? — повторила Кэт задумчиво. — Со вчерашнего дня — сразу, как только я увидела его после обеда.

— Во время обеда, ты хочешь сказать, — поправил ее отец. — Впрочем, очень может быть, что в первые минуты знакомства ты еще ничего не почувствовала. Это бывает. Мешает неловкость, смущение. — Отец радостно потирал руки, не замечая озадаченного выражения на лице Кэт. — Значит, он тебе нравится? Скажи, Кэт, нравится?

— Ах, папа, очень! Еще никто никогда мне так не нравился, если, конечно, не считать тебя, милый папа!

— Это совсем другое дело, глупышка. Дочерняя привязанность — одно, а любовь к молодому человеку — другое. Всякому свое. Ну, раз ты у меня такая умница, то слушай: я приготовил тебе приятный сюрприз.

— Скажи, скажи скорее, папа!

— Уж не знаю, говорить ли... — Мистер Воган шутливо потрепал дочь по щеке. — Во всяком случае, не сейчас, а то ты от радости бог знает что натворишь.

— Ну, папа! Ведь я ответила тебе на твой вопрос, теперь твоя очередь. Ну скажи, что за сюрприз?

— Хорошо, дочка, скажу. — Мистер Воган наклонился к дочери и произнес почти шепотом: — Он отвечает тебе взаимностью, ты ему нравишься.

— Боюсь, что нет, — сказала вдруг Кэт грустно.

— Уверяю тебя! Он влюблен по уши. Это было видно сразу. Слепой бы и то заметил. Но влюбленные девушки, должно быть, видят хуже слепых. Ха-ха-ха!

Лофтус Воган разразился долгим хохотом, довольный собственной шуткой. Он был в восторге. Его заветная мечта близилась к осуществлению. Монтегю Смизи влюблен в его дочь, а Кэт призналась, что равнодушна к Смизи, что он ей нравится. Но что значит «нравится»? Она тоже влюблена, это ясно!

Насмеявшись вдоволь, Лофтус Воган снова заговорил:

— Да, детка, ты просто слепа, если ничего не заметила.

Ведь по всему видно, какое ты произвела на него впечатление.

— Нет, отец, по-моему, мы произвели на него плохое впечатление. Он слишком горд, чтобы...

— Что ты еще выдумала! «Слишком горд»! Просто у него такая манера держаться. Я уверен, что он никакой гордости перед тобой не выказывал.

— Я его не обвиняю... — Кэт продолжала говорить все с той же серьезностью. — Он не виноват. Твое обращение с ним... — теперь я могу сказать тебе это прямо, папа, я знаю, ты не рассердишься, — твоё обращение задело его самолюбие, оскорбило его гордость.

— Ты просто бредишь, Кэт! Обойтись с ним лучше, чем я, просто невозможно! Я сделал все, чтобы оказать ему самое широкое гостеприимство. А относительно его гордости — это все чепуха. Напротив, он вел себя очаровательно. Право, трудно вести себя любезнее и обходительнее, чем мистер Смизи!

— Мистер Смизи?

Появление в эту минуту самого мистера Смизи помешало Лофтусу Вогану заметить, каким тоном дочь произнесла это имя и какое выражение было у нее на лице. Если бы разговор их не был так неожиданно прерван, мистер Воган услышал бы от Кэт совсем не то, что ожидал, и сел бы завтракать не с таким превосходным аппетитом. Повернувшись к гостю, он не только не заметил тона и выражения лица девушки, но даже пропустил мимо ушей то, что она проговорила вполголоса:

— А я была уверена, что мы говорим о Герберте!

Глава XXXIV В ОЖИДАНИИ ЛЮБИМОЙ

После ухода Герберта и Квэко отряд Кубины по команде своего начальника разбился на группы по два и по три человека, которые разошлись в различных направлениях, исчезнув в зеленых зарослях так же бесшумно, как и появились. На поляне остались лишь Кубина да беглец, сидевший, скорчившись, на бревне под деревом. Несколько минут предводитель маронов стоял, опершись о ружье, которое ему принес один из людей его отряда, и озабоченно смотрел на пленника. Кубину терзали сомнения: как поступить с несчастным? Это была сложная проблема. Беглец

с самого начала понравился Кубине, а теперь, когда он как следует рассмотрел благородные черты молодого фулаха, для него все более нестерпимой становилась мысль, что он обязан вернуть раба в руки жестокого хозяина, клеймо которого было выжжено на груди страдальца.

Закон повелевал вернуть беглого раба господину. Несоблюдение этого закона грозило марону суровым наказанием. Были времена, когда мароны не очень-то боялись идти против властей, но теперь они утратили прежнюю силу, и, хотя еще сохраняли независимость и свои поселения в горах, им приходилось подчиняться не только закону, но и произволу любого мирового судьи. Поэтому Кубина, укрыв у себя беглого раба, подвергал опасности собственную свободу. Он отлично знал это.

— До чего похож на Йолу! — не переставал он удивляться. — Да, наверное, они одного племени. Цвет кожи, волосы, лицо — все, как у Йолы. Конечно, он тоже фулах.

— Фулах! Фулах! Не раб, не раб! — воскликнул вдруг пленник, ударяя себя в грудь.

— Не раб? — повторил за ним изумленный марон. — Кто-то успел научить его этому гнусному слову. Что он хочет мне сказать?.. Что он не раб? Странно... Ведь на нем клеймо. Может, пытается объяснить, что у себя на родине он был свободным? Бедняга, скоро он убедится, что здесь это не имеет значения. Нет, просто позор возвращать его этим зверям! — Во взгляде марона сверкнула благородная решимость. — Пожалуй, все-таки рискну, попробую помочь ему спастись. Если бы хоть не знали, что он в моих руках! Но и надсмотрщик и эти негодяи испанцы видели... Ну и пусть! Во всяком случае, я ничего не буду делать, пока не покажу его Йоле. Если он фулах, она сумеет с ним поговорить, и все выяснится. Узнаем, кто он такой... — Тут Кубина поднял глаза и взглянул на солнце. — Скоро она будет здесь. Надо пока спрятать его куда-нибудь. Да и дохлых псов тоже. А то моя робкая пташка перепугается. Здесь пролито столько крови, всюду следы борьбы... Йола не узнает наше обычное место встреч... Послушай, фулах! — поманил он пленника. — Иди-ка сюда. Сядь вон там и сиди, пока не позову.

Пленник понял его жест и послушно спрятался между корнями. Марон, схватив за хвост сперва одного, а потом и второго пса, оттащил оба трупа в кусты. Затем, еще раз приказав фулаху сидеть тихо в своем убежище, он стал ждать Йолу.

Глава XXXV

СВИДАНИЕ ПОД СЕЙБОЙ

Тот, кого любят, может не бояться разочарования. Точно в назначенный час на поляне показалась возлюбленная Кубины. Робкой, но грациозной походкой приближалась она к сейбе. Улыбка, доверчивая и немного кокетливая, светилась в ее темных глазах, играла в уголках хорошеньких губок — все говорило об уверенности во взаимной любви. Кубина пошел навстречу девушке и, влюбленные остановились посреди поляны. Присутствие постороннего, скрытого, впрочем, от взоров, не помешало Кубине расцеловать возлюбленную и на мгновение заключить ее в объятия.

Первой заговорила Йола:

— Ах, Кубина, я должна тебе что-то сказать...

— Говори, дорогая. Что-нибудь неприятное? У тебя такой встревоженный вид.

— Плохие новости, Кубина.

— Наверное, Синтия что-нибудь тебе наговорила. Ты ее не слушай.

— Нет, Кубина, я не обращаю внимания на ее слова. Я знаю, что Синтия скверная, злая девушка. Нет, это мисс Кэт мне кое-что рассказала.

— Вот не думал, что тебя может обидеть мисс Воган! Но, милая Йола, что же все-таки произошло? Может, какие-нибудь пустяки?

— Ах, Кубина, боюсь, что нашим встречам с тобой конец...

— Что ты говоришь! Неужели мисс Кэт против?

— Нет-нет, другое. Я боюсь, что...

— Да говори же, Йола! — Кубина видел, что девушка колеблется, не решаясь договорить, и даже порозовела от волнения. — Ведь мы с тобой обручены, у нас не должно быть секретов друг от друга. Ну, что ты хотела сказать?

— Я боюсь, что-нибудь помешает нам пожениться, — еле слышно пролепетала девушка, с любовью глядя в глаза Кубины.

— Вот что тебя тревожит! Успокойся, Йола, дорогая. Я уже накопил почти сотню фунтов. Уж конечно, судья не потребует за тебя больше. — Кубина нежно взглянул на Йолу. — Но пока, увы, тобой распоряжаются другие. А от этих извергов можно ожидать чего угодно. Ах, Йола, мне даже страшно подумать, на какие злодеяния они способны!

Сегодня утром я лишний раз убедился в их бесчеловечной жестокости. Я не могу забыть, что и ты во власти одного из них, и каждый час ожидания той минуты, когда я наконец тебя выкуплю, кажется мне вечностью. Я всегда боюсь: а вдруг мне что-нибудь помешает? Хотя, как я уже сказал тебе, у меня накоплено почти сто фунтов, и я полагаю...

— Милый Кубина, одной сотни не хватит! — Девушка вздохнула. — Вот это и есть мои дурные новости. Два дня назад за меня предлагали двести фунтов.

— Двести фунтов? — Марон нахмурился. Он знал, что никто не станет платить за рабыню такую сумму. Разве только красота Йола... Он сразу почувствовал недоброе. — Кто?

— Тот злой старик, который купил меня у капитана корабля и продал мистеру Вогану.

— Как? Джекоб Джесюрон? Старый негодяй! Проклятие! Зачем ты ему понадобилась? — Лицо Кубины все более мрачнело. — И что же мистер Воган?

— Мисс Кэт не дала ему меня продать. Она сказала: «Никогда, ни за какие деньги не продам мою Йола этому скверному человеку».

— Так и сказала? Да, если бы не она, судья не упустил бы выгодной сделки. Двести фунтов! Большие деньги. Ну что ж! Буду трудиться день и ночь, пока не соберу столько. А если судья мне откажет? Что тогда?

Кубина умолк, но, казалось, он не ждал ответа и задал этот вопрос только самому себе.

— Ничего! — На лице Кубины вновь появилось выражение надежды и непреклонной решимости. — Не бойся, Йола. Что бы ни случилось, ты будешь моей! Пусть даже нам придется скрываться. Ты уйдешь со мной в горы.

— Что ты, Кубина! — воскликнула девушка, испуганная горящим взглядом и гневным тоном возлюбленного. И как раз в эту минуту она увидела на земле лужу крови, там, где прежде лежали убитые псы. — Что это? Кровь?

— Это кровь животных, Йола. Здесь были убиты кабан и две собаки. Успокойся, родная! Тебе надо учиться мужеству, если ты решила стать женой марона. Жизнь маронов полна опасностей.

— С тобой, Кубина, я ничего не боюсь. Я пойду за тобой куда хочешь — далеко в горы и даже на Утес Юмбо!

— Спасибо, дорогая. Как знать... может быть, настанет время — и нам придется бежать, скрываться в горах. Пока постараемся найти иной выход. Но если твой хозяин взду-

мает тебя продать, для нас выбора нет: надо бежать. Ты согласна, Йола?

— Йола всегда будет рядом с Кубиной.

Обещание это было скреплено поцелуем. Помолчав немного, Кубина сказал:

— Будем надеяться на лучшее. Мои товарищи — люди надежные, они мне помогут. Наверное, я еще не скоро смогу назвать тебя своей женой, но ничего, пока будем почаще встречаться. А теперь запомни, Йола: если какой-нибудь белый вздумает тебя обидеть или если тебя захотят продать — тогда беги на эту поляну и жди меня здесь. Я сам или кто-нибудь из моих товарищей непременно будет на месте. Я буду каждый день посылать сюда одного из наших. Не бойся, Йола, я пойду на все, я сумею защитить тебя!

— Ах, Кубина, какой ты храбрый! — восхищенно воскликнула девушка. — Ты совсем не страшишься опасностей!

— Опасность не столь велика, — заверил ее Кубина. — Если мы решимся на бегство, то не так уж трудно будет скрыться от преследования. А зато потом будем жить, не трепеща перед белыми тиранами! Но я не хочу, чтобы меня травили, как дикого зверя. Лучше всего выкупить тебя. Тогда мы поселимся неподалеку от плантации и будем жить спокойно. Как знать... может быть, со мной судьба будет более сговорчив, чем со старым Джесюроном. Твоя молодая госпожа добра, она нам может помочь.

— Она меня любит, Кубина, и не захочет никому отдать.

— Она не отдаст тебя никому против твоей воли. Но если предложу тебя выкупить я — дело другое. Не признаться ли ей во всем? Впрочем, сперва я еще должен кое-что разузнать... Лучше пока не говори ей ни слова. А теперь, — продолжал марон уже другим тоном и поворачиваясь к себе, — я хочу показать тебе одного человека. Тебе когда-нибудь приходилось видеть беглых?

— Беглых? Нет, Кубина, никогда.

— Тут неподалеку находится беглый, я захватил его сегодня утром. Знаешь, мне кажется, он похож на тебя.

— На меня?

— Да, и поэтому мне стало особенно жалко возвращать его хозяину. Он принадлежит бессердечному негодяю, Джекобу Джесюрону. Насколько я понял, бедняга фулах — значит, твой соплеменник, и ты можешь поговорить с ним. Мне интересно узнать, кто он и как попал на Ямайку. Он вон там, за деревом.

— Ты думаешь, он фулах? — Глаза девушки загорелись, она обрадовалась возможности повидаться и поговорить с земляком.

Кубина подвел ее к дереву; беглец сидел скорчившись, укрывшись за корнями. При их приближении он поднял голову и, завидев Йола, с радостным криком вскочил на ноги. Йола ответила ему таким же радостным криком. Обменявшись несколькими словами на незнакомом Кубине языке, Йола и захваченный им беглый раб кинулись в объятия друг друга.

Кубина застыл, онемев от удивления. Что же все это значит? Кто этот человек? Йола его знает. Ее прежний возлюбленный?

В его сердце вспыхнула жгучая ревность. Но вот Йола, высвободившись из нежных объятий незнакомца, обернулась к Кубине и произнесла сразу успокоившие его слова:

— Это мой брат!

Глава XXXVI

ОХОТНИЧИЙ КОСТЮМ МИСТЕРА СМИЗИ

Вот уже несколько дней мистер Монтегю Смизи гостил в поместье Горный Приют, и хозяин не жалел ни трудов, ни издержек, чтобы доставить гостю всевозможные развлечения. К его услугам всегда были лошади для верховой езды, коляска для прогулок, в его честь давались обеды и приглашалось самое избранное общество. Вся знать города и окрестных поместий была представлена молодому богачу, владельцу огромных сахарных плантаций, к которым, как уже начали поговаривать, вскоре должно было присоединиться и соседнее, тоже немалое имение. Матримониальные планы судьи Вогана, о которых все подозревали с самого начала, стали теперь предметом самых оживленных толков. Нечего и говорить, что подобные надежды питал не один мистер Воган. Немало других плантаторов, которых судьба наградила хорошенькими дочерьми, посматривали на владельца замка Монтегю, как на весьма желанного зятя. Стараясь перещеголять друг друга, они задавали пышные званые обеды в честь молодого богача, приманивая светского льва своими невинными овечками. Столичный денди весьма благосклонно принимал все эти знаки лестного внимания, расценивая их как нечто само собой разумеющееся, как должную дань своей особе.

Так весело и беспечно прошли первые две недели пребывания мистера Смизи на Ямайке.

В одно прекрасное утро в лучшей комнате Горного Приюта, предназначенной для особо почетных гостей, неотразимый мистер Смизи прихорашивался перед зеркалом: камердинер облачал своего господина в особый туалет. В богатом гардеробе щеголя имелись костюмы на всевозможные случаи жизни: утренние, дневные и вечерние; костюм для охоты пешком и особый костюм для верховой охоты; матросский костюм для катания на лодке и великолепный бальный фрак.

В описываемое утро камердинер облачал августейшую персону своего хозяина в костюм для охоты пешком. Английский сквайр или настоящий вест-индский охотник, наверно, высмеяли бы этот шутовской наряд. Он состоял из отделанной мехом куртки зеленого бархата, шапочки в форме шлема и пурпурового жилета, расшитого золотым шнуром. Высоким сапогам мистер Смизи предпочел лосины — длинные узкие панталоны из тонкой оленьей кожи палевого цвета, мягкие, словно замша. Они плотно облегли ноги, которыми, впрочем, мистеру Смизи не следовало бы особенно хвастаться. Панталоны заканчивались штрипками, застегивавшимися поверх блестящих лакированных сапожек. Да, заправский охотник только усмехнулся бы, поглядев на подобный «охотничий костюм», но сам мистер Смизи был чрезвычайно удовлетворен своим нарядом, считая его «именно тем, что требуется».

— Дьявольски удачный костюм для охоты! Как вы находите, Томс? — обратился он к лакею.

— Клянусь богом, сэр, костюм преотличный! Вы одеты, как на картинке!

Но зачем понадобился мистеру Смизи такой наряд? Куда он собрался?

Мистер Смизи решил испробовать новое развлечение: отправиться в горы с ружьем, дабы произвести смятение и опустошение в царстве пернатых. Ему говорили, что голу-би и цесарки водятся здесь в изобилии.

Предполагаемая экспедиция не носила продуманного характера — нет, это была импровизация, мгновенное решение. Наш охотник отправлялся один. Судья Воган с утра уехал в город по неотложному делу, и мистеру Смизи пришлось в голову, что недурно до завтрака побродить с ружьем в соседнем лесу. Для этой экскурсии ему нужен был только темнокожий проводник.

— Право... — заметил вдруг щеголь, вдоволь налюбовавшись на себя в зеркало, — право, Томс, здешние креолочки — премиленькие создания, честное слово! Таких не сыщешь ни в балете, ни в опере. Какие глаза! Какие дивные фигуры! И как нетрудно их пленить! Нет, честное слово, я уже могу насчитать по крайней мере дюжину побед! — Он самодовольно хихикнул. — Впрочем, тут, собственно, нет ничего удивительного, не правда ли, Томс?

— Совершенная правда, сэр. Такой красавец, как вы...

— Ха-ха-ха! Да, признаться, устоять им мудрено!

То ли великий сердцеед рассчитывал увеличить число своих жертв до «чертовой дюжины», то ли не был вполне уверен в окончательной победе над одной «прелестной креолочкой», но он вдруг обратился к Томсу уже в более серьезном тоне:

— Послушайте, Томс, вы малый сообразительный, — нет, честное слово!

— Благодарю вас, сэр. Находясь все время около вас, сэр...

— Да-да, конечно. И я хочу воспользоваться вашей смекалкой. Вы знаете молодую темнокожую служанку — ту, что с тюрбаном?

— Горничную мисс Воган?

— Ну да. Ее зовут не то Эла, не то Ола — что-то в этом роде. Я думаю, для вас не составит труда вступить с ней в разговор?

— Да я уж не раз с ней разговаривал.

— Отлично! При первом же случае постарайтесь кое-что из нее выкачать.

— Выкачать, сэр?

— Ну да, вытянуть из нее.

— Вытянуть, сэр?

— До чего вы бестолковы, Томс!

— Находясь все время около вас, сэр...

— Что вы хотите этим сказать? Что поэтому вы?..

— Я хочу сказать, сэр, что, находясь все время около вас, я непременно стану толковее.

— Ну, это другое дело. Но слушайте внимательнее, сейчас вы все поймете. Мне надо, чтобы вы выведали у служанки одну маленькую тайну.

— Ага, понял... — протянул Томс, приложив палец к кончику носа. — Все понял, сэр. Только — какую тайну?

— Выпытайте у нее, что она обо мне говорит, — не служанка, конечно, а ее госпожа.

— Что служанка говорит о госпоже?

— Да нет, Томс! Вы сегодня просто тупоголовы! Вы должны узнать, что молодая госпожа говорит обо мне. Обо мне — понимаете?

— Понимаю, сэр, понимаю! Все разужнаю, все до единого словечка!

— Получите гинею. А если проведете дельце ловко, то и две. Поняли?

— Это я отлично понял, сэр. Не беспокойтесь, сэр, уж я заставлю девчонку все выболтать, если даже для этого придется подергать ее за язык.

— Что вы, Томс! Никакой грубости! Помните, мы здесь в гостях, это вам не трактир. Надо не силой брать, а стратегией, как сказал Шекспир или какой-то другой писака. Стратегией добьешься большего.

После сего туманного назидания — то ли Томсу, то ли самому себе — мистер Смизи счел разговор оконченным.

Томс подал ему охотничью шапочку — последний штрих безупречного туалета — и перекинул через плечо несколько ремешков, на которых болтались сумка с дробью, медный пороховой рожок, фляга, кружка и охотничий нож в кожаных ножнах. Вооружившись таким образом, бравый охотник величественно прошествовал в зал, очевидно надеясь застать там прелестную Кэт и поразить ее своим умопомрачительным костюмом.

Глава XXXVII

МИСТЕР СМИЗИ НА ОХОТЕ

Самодовольная улыбка, игравшая на губах мистера Смизи, когда он наконец направил свои стопы к зеленым дебрям, свидетельствовала о том, что желанная встреча состоялась и что покоритель сердец не сомневается в произведенном впечатлении. Выйдя на открытую лужайку, отделявшую поместье от лесистых склонов, он засеменял по ней, слегка приплясывая и то и дело оглядываясь, очевидно уверенный, что за ним наблюдают. Так оно в действительности и было. На него смотрели из окна Йола и мисс Воган. Обе улыбались. Что до Йола, то мистеру Смизи было, конечно, совершенно безразлично, какое впечатление он произвел на служанку. Главное, что в глазах ее госпожи он, как ему казалось, прочел восхищение. Правда, на таком расстоянии — он отшагал уже сотни три яр-

дов — нельзя было утверждать это с полной уверенностью, но Смизи почти не сомневался, что мисс Кэт смотрит на него с обожанием. Будь он поближе к дому, он, пожалуй, усомнился бы в этом. А если бы замечание Йолы и веселый, звонкий смех Кэт достигли его ушей, его сомнения перешли бы в неприятную уверенность.

— Вы только взгляните, мисс Кэт, какой важный вид у мистера Смизи! Настоящая ворона в павлиньих перьях!

Но наш охотник ничего этого не слышал. Он уходил все дальше, сохранив свое приятное заблуждение. За ним шел слуга — чернокожий мальчуган, весь наряд которого состоял из длинной холщовой рубахи; на плече у него висел огромный ягдташ, болтавшийся чуть не до колен. Это был наш старый знакомый Квеша, грум, гонец, почтальон и все прочее. В данной экспедиции на Квеша была возложена обязанность проводить молодого господина в места, особенно славящиеся обилием дичи, и затем таскать за охотником переполненную добычей сумку. На охоту за голубями и цесарками собаку с собой обычно не брали, и поэтому Квеша должен был также находить и приносить охотнику убитую птицу.

Ретивый охотник отшагал уже добрую милю через кусты, леса и доли. Квеша следовал за ним неотступно, как тень. Но в ягдташ пока еще не попала ни одна жертва. Голуби были пугливы, а цесарок нигде не было видно. Только иногда вдали слышался их пронзительный крик, напоминающий визг пилы, и охотник, надеясь добраться до них, все больше углублялся в лесные дебри.

Они прошли еще милю, истек еще час времени — все никаких результатов. Правда, было сделано несколько выстрелов по голубям. Но, надо полагать, густое оперение на красных грудках красивых птиц было крепче настоящей брони, — во всяком случае двустволка лондонского щеголя не причинила им ни малейшего вреда.

Еще миля, еще час — ягдташ по-прежнему оставался пустым. Неудача, однако, не помешала охотнику изрядно проголодаться, и к концу третьей мили он начал испытывать настоятельную потребность заполнить неприятную пустоту в желудке. Мистер Смизи знал, что Квеша несет завтрак, приготовленный заботливым дворецким Горного Приюта. Настало время подкрепиться. Усевшись в тени развесистого дерева, мистер Смизи приказал Квеша подать завтрак.

Это приказание Квеша не нужно было повторять

дважды. Раздутые бока увесистой сумки говорили, что и ему будет чем поживиться от господского завтрака. Уж конечно, здесь хватит на двоих, да еще и останется.

Вывернув сумку, Квеша вывалил на траву все разом: каплуна, ломти хлеба, ветчину, копченый язык, соль, перец и горчицу. На самом дне сумки оказалась бутылка кларета. Если прибавить к этому флягу с коньяком, которая висела на боку мистера Смизи, живительной влаги было вполне достаточно, чтобы запить всю эту вкусную снедь.

На свет появились нож и вилка. Этими орудиями, в отличие от ружья, мистер Смизи владел в совершенстве.

В два счета каплуна был разрезан на аккуратные порции, и почти столь же молниеносно все они, одна за другой, исчезли во рту мистера Смизи. Туда же отправились толстые ломти ветчины и копченого языка.

Квеша не получил приглашения разделить завтрак. Он сидел у ног господина и грустно следил за каждым его движением. Жевательные способности лондонского щеголя оказались столь необыкновенными, что взгляд Квеша выражал все большее удивление и тревогу. Он начинал опасаться, что для него ничего не останется. Исчезла уже половина каплуна, а с ним почти вся ветчина и прочая снедь.

«Проклятый обжора подберет все до крошки и вылакает все до капли!» — мрачно подумал Квеша, увидя, как охотник единым духом осушил стакан кларета. Вместительный желудок мистера Смизи легко принял и вторую такую же порцию. Утомительный путь и жара пробудили у охотника сильную жажду.

К полному отчаянию Квеша и немалой досаде самого мистера Смизи, остатки кларета постигла плачевная участь. Ставя бутылку на землю, мистер Смизи проделал это так неловко, что она опрокинулась и содержимое ее вылилось на траву.

Да, терпение и добродушие Квеша были подвергнуты слишком жестокому испытанию. Но вот наконец мистер Смизи утолил и голод и жажду, и остатки, еще довольно внушительные, перешли в распоряжение Квеша. Он не замедлил приняться за них с настоящим остервенением — можно было не сомневаться, что в дальнейшем ягдташ уже не будет тяжелой обузой, если только охотничьи успехи Смизи после завтрака не окажутся более значительными.

Пока Квеша справлялся с остатками завтрака, мистер Смизи, чувствуя после кларета особый прилив энергии, решил немного побродить по лесу в одиночку. Терять времени больше было нельзя. Его уже начинала пугать перспектива появления в Горном Приюте с пустым ягдташем. Такой великолепный костюм, такое торжественное отбытие — и такое плачевное возвращение! Нет, это слишком унижительно! Он принял твердое решение во что бы то ни стало добиться успеха. Нацепив на себя ремни с пороховым рожком и сумкой с дробью и вскинув на плечо ружье, охотник удалился, предоставив юному проводнику обглаживать косточки каплуна.

Глава XXXVIII ИНДЮК

Вероятно, святой Губерт, покровитель охоты, принял пролитое на землю вино за жертвенное возлияние в свою честь и решил вознаградить охотника. Не успел мистер Смизи отойти и на двести шагов, как взору его представилось приятное зрелище: на самом верху сухого дерева со сломанной вершиной сидела большая птица. Сперва он принял было ее за цесарку, но, заметив темно-бурое оперение птицы, понял, что ошибся. На голове и шее перья у нее вовсе отсутствовали, как у индюка. Да, птица весьма напоминала этого всем хорошо знакомого представителя пернатых.

— Индюк! — не удержался Смизи от восклицания. — Нет, честное слово, это дикий индюк!

Лондонскому денди приходилось слышать, что в Америке водятся дикие индейки. А раз Ямайка — это часть Америки, то, значит, они водятся и на Ямайке. Не давая себе труда убедиться в правильности своих умозаключений, Смизи, глубоко убежденный, что перед ним дикий индюк, решил взять его хитростью.

Дерево стояло на краю небольшой полянки, шагах ста от Смизи. Желая действовать наверняка, наш охотник быстро опустился на колени и проворно, но соблюдая всяческие предосторожности, пополз вперед. Он хотел подобраться к индюку поближе, шагов на семьдесят... Тогда уж его ружье промаха не даст.

С большим ущербом для своих палевых лосин Смизи

одолеет наконец шагов тридцать. Индюк, не шевелясь, сидел на прежнем месте.

Ружье поднято, щелкает курок, гремит выстрел. Птица переворачивается в воздухе и исчезает. Ликующий охотник устремляется к дереву подобрать добычу.

Но что это? Где же птица? Неужели не убита, а просто улетела? Нет, не может быть. Ведь он своими глазами видел, как индюк упал, словно камень. Конечно, убит наповал! Не мог же он вдруг ожить?

Мистер Смизи облазил соседние заросли вдоль и поперек, обойдя вокруг ствола по крайней мере раз десять, исследовав каждый кусочек площади шагов на двадцать от дерева. Все тщетно! Индюк как сквозь землю провалился. Если бы злополучный охотник хоть скольконибудь сомневался в том, что действительно подстрелил его, он скоро отказался бы от дальнейших поисков. Но Смизи был абсолютно уверен, что не промахнулся. С упрямой настойчивостью он продолжал разыскивать своего индюка. Он решил осмотреть все вокруг до последнего камешка, до мельчайшей щепки и громко позвал Квешу.

Несмотря на неоднократные призывы, Квеша не появлялся. Мистер Смизи вынужден был прийти к выводу, что его чернокожий проводник либо заснул, либо ушел с места привала. Охотник уже подумывал отправиться на розыски Квешу, но тут его осенила догадка, куда могла исчезнуть птица.

Дерево, на котором сидел индюк, было сломано на высоте пятнадцати футов и напоминало уцелевшую башню разрушенного замка. Оно было сплошь опутано густой сеткой листьев множества вьющихся растений. Только на самом верху сквозь листву виднелся сам ствол. «Именно там, а не внизу,— решил Смизи,— и лежит убитая птица!»

Это было вполне правдоподобно, так как диаметр ствола достигал футов пяти-шести. Смизи решил немедленно удостовериться в правильности своей догадки. Разумеется, он охотнее поручил бы это Квешу, но чернокожий помощник отсутствовал, приходилось действовать самому.

От низа до самой верхушки по стволу тянулись лианы, толстые, как канаты. Вот удобная лестница! Хотя столичный фронт не умел лазить по деревьям и вообще не отличался особой ловкостью, данная задача показалась ему не очень сложной. Скинув ружье, он начал карабкаться

по лианам. Дело оказалось не столь легким, как он предполагал. Но, подгоняемый желанием положить наконец что-то в пустой ягдташ, Смизи наперебор все силы и успешно добрался до цели.

Да, он оказался прав: птица была там, только не на стволе, а внутри — в углублении, образовавшемся в выгнившей сердцевине. Охотник не удержался от радостного восклицания. Добыча в руках! То есть стоит только протянуть руку...

Он опустил на колени и сунул руку в углубление, вытянув ее во всю длину. Однако он не смог коснуться птицы даже кончиками пальцев. Впрочем, это его не обескуражило. Надо спуститься за птицей самому — до нее не больше четырех футов, а углубление достаточно широко.

Не раздумывая долго, Смизи встал во весь рост и прыгнул. К сожалению, он не вспомнил в эту минуту мудрый родительский совет, который дала старая лягушка молодому лягушонку: прежде чем прыгнуть, подумай!

Прыжок, совершенный мистером Смизи, оказался для него роковым. Дно углубления, где лежала птица, выглядевшее вполне прочным и надежным, оказалось трухлявым. Вся сердцевина дерева совершенно сгнила. На поверхности этой кучи трухи, мусора и пыли могла удержаться птица, но не человек. Владелец замка Монтегю исчез в бурых облаках пыли столь же мгновенно, как если бы прыгнул с рей «Морской нимфы» в самую пучину Атлантического океана.

Глава XXXIX СМИЗИ В ДУПЛЕ

Как ни стремительно было падение, как ни темна поглотившая его «пучина», охотник оказался жив и даже не очень пострадал. Труха, в которую он провалился, задержала падение, и на самое дно он опустился довольно мягко. Но, оставшись в живых и даже не оглушенный падением, Смизи на некоторое время совершенно потерял способность мыслить и двигаться.

Мало-помалу он пришел в себя и сообразил, что остался цел и невредим и отделался одним испугом. Прежде всего он постарался высвободить ноги, так как, падая, ухитрился согнуться почти пополам. Приняв после некоторых усилий вертикальное положение, Смизи устремил

глаза вверх, туда, откуда проникал к нему слабый свет.

Он не сразу понял, где находится. Вокруг плавала такая густая пыль, что он почти ничего не видел. Она набилась ему в рот и в нос и заставила отчаянно чихать. Но вот тучи пыли понемногу улеглись, и Смизи смог осмотреться. Над головой он видел светлое круглое пятно — это был кусочек неба. Вокруг стояли темно-бурые стены, уходящие в высоту на много футов. Смизи находился внутри ствола, и его окружала трухлявая, полусгнившая древесина.

По мере того как у него прояснялось в голове, он все четче представлял себе постигшую его неудачу. Сначала он не был склонен считать происшедшее большой бедой. Он даже готов был посмеяться над комизмом своего положения. Только попытавшись выкарабкаться наверх, Смизи понял, насколько это трудно. Его охватила тревога. Вторая попытка оказалась не удачнее первой. Также и третья, и четвертая, и пятая. После шестой попытки Смизи уселся на кучу трухи. Его охватил неопишуемый ужас. Все яснее сознавал он безвыходность своего положения. Нет, это не просто маленькая неприятность, смешное приключение. Это даже нельзя назвать неудачей. Ему грозила смертельная опасность. Вот к какому малоутешительному выводу пришел постепенно наш злополучный охотник. Если он сам не выберется из этой темницы, в которой он очутился из-за неосторожности, кто выручит его из беды?

Рассчитывать на Квеша нечего было и думать. Темнокожий проводник не откликнулся на его зов и, значит, либо спит, либо ушел. А если не Квеша, то кто другой разыщет его? Кто может очутиться здесь поблизости, кто придет на помощь?

Никто! Сгнившее дерево, в дупле которого находился Смизи, стояло в самой гуще леса. Вокруг была сплошная чаща и ни единой тропинки поблизости. Пройдет месяц, прежде чем кто-нибудь случайно забредет в эти места. А уже через неделю Смизи не будет в живых. Да, через неделю, а то и раньше он умрет от голода!

Смизи охватил такой неудержимый страх, что он перестал что-либо соображать и погрузился в мрачное оцепенение.

Но человеку свойственно надеяться до конца. Инстинкт самосохранения, присущий и низшим животным, подстегнет даже самого слабого духом.

Поднявшись на ноги, незадачливый охотник снова стал карабкаться по отвесным стенкам дупла, но и эта попытка не увенчалась успехом. Но тут он заметил, что больше всего ему мешают его собственные узкие палевые лосины, прилипшие к покрывшейся испариной коже, штрипки, туго охватывающие сапожки, а также сами сапожки. Необходимо было избавиться от всех этих помех. Это не казалось трудным.

Но на деле вышло иначе. Узкое пространство не давало возможности наклониться, чтобы расстегнуть штрипки. А с пристегнутыми штрипками нечего было и думать снять сапоги. Смизи попробовал сесть по-турецки, скрестив и поджав под себя ноги, но штрипки при этом натянулись так туго, что расстегнуть их уже не было никакой возможности. Слабым, изнеженным пальцам денди это оказалось не под силу.

«Нужда — мать всякой выдумки», — гласит пословица. Она оказалась справедливой и в данном случае. Мистер Смизи сообразил, что вместо штрипок можно расстегнуть подтяжки и таким образом вовсе избавиться от панталон.

Он снова встал на ноги, но тут ему пришла в голову еще более блестящая мысль. Что, если обрезать лосины повыше колен? Тогда легко будет избавиться разом и от них, и от сапожек, и от штрипок. Охотничий нож Смизи остался на траве возле фляги с вином, но, по счастью, у него в жилетном кармане оказался перочинный ножик. Палевые лосины были обрезаны. Упираясь то носком, то пяткой, Смизи сумел освободиться от всего, что ему мешало, и остался в одних носках. Он недолго бездействовал. Страх подгонял его. Опять Смизи полез по стенке дупла, но, увы, после неоднократных и равно бесплодных попыток он пришел к ужасному выводу, что таким образом ему отсюда никогда не выбраться.

Он никак не мог преодолеть последних четырех футов: верхняя часть стенок, которая давно уже была открыта действию ветра и воды, стала совершенно гладкой, а недавние дожди сделали ее к тому же влажной и скользкой, и каждая попытка кончалась тем, что Смизи летел вниз.

Эти повторяющиеся падения измучили и оглушили его: он падал с довольно значительной высоты, футов в десять-одиннадцать. Если бы не мягкая труха внизу, смягчающая удар, одного такого полета было бы достаточно, чтобы Смизи переломал себе руки и ноги. Он окончательно пал духом. Отчаянию его не было границ.

Глава XL

ТРОПИЧЕСКИЙ ЛИВЕНЬ

Когда несчастный мало-помалу пришел в себя, мысли его приняли иное направление. Он уже больше не пытался выкарабкаться наружу, ибо предыдущий опыт убедил его в полной невозможности этого. У него оставалась лишь надежда, что близ дерева его разыщет Квеша или какой-нибудь случайный путник. Шансы на это, разумеется, невелики. Даже если кто-нибудь пройдет мимо дерева — кому придет в голову, что ствол внутри полый и в нем сидит человек? Кто догадается, что в этом деревянном саркофаге заживо погребен Смизи?

Прохожий может заметить лежащее возле ствола ружье. Но разве это поможет ему сообразить, где находится хозяин ружья? Но если его, Смизи, нельзя увидеть, то можно услышать!

Едва это соображение мелькнуло у него в голове, как Смизи тут же принялся вопить во всю силу легких. Он горько пожалел, что не додумался до этого раньше. Может быть, за это время кто-нибудь уже успел пройти мимо...

Смизи испускал непрерывные громкие вопли, чередуя отрывистые, резкие выкрики с протяжным завыванием. Добрый час тянул он свою унылую арию, но единственным ответом было лишь эхо его собственных стенаний, гулко разносившееся в пустом дупле. Печальное соло из стонов и воплей изредка прерывалось паузами: страдалец прислушивался, не откликнется ли кто-нибудь на его зов. Но никто не откликался.

Новое обстоятельство сделало его положение еще более плачевным. Небо над его головой затянулось тяжелыми свинцовыми тучами, и вдруг хлынул дождь.

Это был тропический ливень, когда вода падает не отдельными каплями, а сплошным, непрерывным потоком, словно выплеснутая из ушата. От ветра Смизи был вполне защищен, но крыши над ним не было, и дождь лил прямо на его голову. Казалось, в дупло направлена струя насоса. Вверху дупло несколько расширилось и поэтому, как воронка, собирало воду. Если бы она не уходила сквозь труху, дальше, в землю, то жизнь мистера Смизи окончилась бы раньше, чем он успел бы умереть с голоду.

Утонуть он не утонул, но выкупался изрядно. На нем не осталось ни одной сухой нитки. Бархатная охотничья куртка, пурпуровый жилет и то, что осталось от лосин,— все намокло, пропиталось влагой, как губка. Даже бачки и закрученные кверху усики промокли и грустно повисли. По ним ручьями стекала вода. Надо было обладать сильным воображением, чтобы в этом унылом, насквозь промокшем, дрожащем существе узнать эlegantного охотника мистера Монтегю Смизи, которого мы видели утром.

Сколь ни мрачен был его вид, мысли его были еще мрачнее, еще трагичнее. Его разбирала злость — он бесился на судьбу, на Квешу, на мистера Вогана, давшего ему такого нерадивого проводника. Он изрыгал самые яростные проклятия. Да, в этот критический момент владелец замка Монтегю, тонный щеголь Смизи бранился самым непристойным образом, понося на чем свет стоит и Квешу и его хозяина. Досталось и голубям, и цесарке, и деревьям, и диким индюкам, и самой Ямайке!

— Треклятый островишко! — кричал он в иступлении. — Какого дьявола меня на него понесло!

Ах, чего бы он только не дал сейчас, чтобы снова очутиться в любезной его сердцу столице! С каким восторгом променял бы он свое теперешнее место заключения на самую худшую камеру лондонской тюрьмы! Бедняга Смизи! Он не знал, что впереди его ждут новые испытания, по сравнению с которыми теперешние его горести — ничто. Только когда что-то скользкое проползло у него по ногам и начало обвиваться вокруг лодыжек, когда Смизи почувствовал сквозь тонкие шелковые носки холодное прикосновение, — только тогда он испытал подлинный ужас. В мгновение ока он вскочил и подпрыгнул так стремительно, словно наступил на горячие угли. Но прыжок мало помог, ибо в следующий момент Смизи снова очутился на прежнем месте и почувствовал под ногами скользкое извивающееся тело змеи.

Глава ХLI

ОПАСНЫЙ ТАНЕЦ

Не оставалось никаких сомнений — он стоял на змее; вернее — танцевал на ней. Чувствовать, что под ногами у тебя извивается сильное, мускулистое туловище чешуйчатой рептилии, и оставаться спокойно на таком пьедестале

было бы противно человеческой природе. Смизи отчаянно подскакивал, каждое мгновение ожидая, что в ногу ему вопьются острые ядовитые зубы. Если бы кто-нибудь видел его в эту минуту — его побелевшее от ужаса лицо, вылезавшие из орбит глаза!..

На мгновение в его душе мелькнул легкий луч надежды. Смизи вспомнил, что ему говорили, будто на Ямайке не водятся ядовитые змеи. Но это было слабое утешение. Пусть змея не ужалит, но она все же может укусить! Только представить себе, каков будет укус чудовища, покрывающего своими кольцами все дно дупла!

А что, если это не одна, а несколько, целое семейство змей свивается под его ногами в кольца и восьмерки? Тогда они искусают его всего, разорвут на клочки и сожрут. Какая разница, ядовиты они или нет? Не все ли равно, умереть от змеиного яда или от змеиного укуса?

Смизи не ошибся: под ногами у него шевелился целый клубок змей. К его счастью, змеи были сонные, а то не миновать бы ему их зубов. Отвратительные пресмыкающиеся были погружены в спячку, от которой их только что пробудил дождь, проникший в их разрушенное логово. Они были еще совсем вялы после сна и не разбирали, где друг и где недруг. Вот почему шелковые чулки и ноги мистера Смизи пока оставались в целости. Но охвативший его ужас от этого не становился меньше.

Было только одно средство спастись от змей: вскарабкаться как можно выше по стенке дупла. Смизи высоко подпрыгнул, стряхнув с себя змеиные кольца. Несколько секунд царапанья и карабканья — и ему удалось подняться футов на десять. Присев на небольшой выступ и упершись обеими руками и ногами в противоположную стенку, Смизи делал отчаянные усилия удержаться...

Это было мучительно трудно и не могло долго продолжаться, что он, к своему ужасу, и понимал. Силы его быстро иссякнут, ноги затекут и онемеют, и тогда он сорвется и неизбежно упадет на чудовищ внизу. На этот раз они, возможно, не так миролюбиво примут его появление и, не мешкая, пустят в ход зубы.

Такая страшная перспектива заставила Смизи напрячь все силы, чтобы удержаться. Почувствовав, что они тают и что он сейчас сорвется, Смизи испустил душераздирающий вопль.

Этот крик спас ему жизнь, ибо в тот же миг над отверстием дупла показалось нечто, что дало нашему герою силы

продержаться еще секунду, хотя пальцы ног его, казалось, вот-вот вывернутся из суставов... Сперва Смизи различил только невероятно широкую, черную, как уголь, физиономию и на ней пару блестящих глаз с желтоватыми белками. Потом он увидел ослабившиеся лиловые губы и два ряда необыкновенно крупных зубов. В затуманившемся сознании Смизи пронеслась мысль, что его окружили демоны: внизу — в образе змей, а наверху какое-то иное устрашающее исчадие ада. Но он все же предпочел это последнее. Как-никак, черное страшилище по образу и подобию походило на него больше, чем извивающиеся рептилии. И когда в дупло просунулась огромная, мускулистая черная ручища, Смизи не отверг ее, но, жадно схватившись за эту гигантскую лапу, стремительно взлетел наверх, словно на качелях. И вот Смизи снова на свободе!

Ослепленный ярким солнечным светом, он не смог разглядеть, кто стоит с ним рядом, но зато тут же почувствовал, что неведомое чудовище вновь хватает его одной рукой и легко, словно перышко, опускает к подножию дерева. Оказавшись на земле, Смизи постепенно освоился с ярким светом и разглядел своего спасителя. Перед ним стоял черный как смоль негр, настоящий колосс, почти совершенно нагой. На голой груди его и плечах перекрещивались ремни и ремешки с охотничьим рогом, сумкой с дробью и еще какими-то непонятными предметами. На голове у негра был довольно странный головной убор, состоящий из тульи старой касторовой шляпы, надвинутой до ушей, что придавало его физиономии комичный вид. Негр выглядел весьма внушительно, и Смизи показалось, что перед ним человек не совсем обыкновенный. Так это и было на самом деле, ибо спасителем благородного Монтегю Смизи оказался не кто иной, как наш старый знакомый Квэко. Но Смизи никогда и не слышал о маронах. Его начало тревожить опасение: уж не попался ли он в лапы разбойника? Впрочем, пусть даже так — Смизи истратил весь свой страх на змей. Увидев, что негр благодушно ослабил и не проявляет никаких враждебных намерений, Смизи поведал ему обо всех своих злоключениях. Едва он окончил рассказ, Квэко, не говоря ни слова, полез обратно на дерево.

Обвязав вокруг ствола веревку, он ухватился за ее конец и бесстрашно спустился в темное змеиное логово, откуда только что с таким восторгом выбрался Смизи. Через полминуты на верхушке ствола появилось что-то блестящее — длинная, золотисто-желтая змея. Извиваясь и корчась, она

несколько секунд висела на краю дупла, а затем гулко шлепнулась оземь. Ее крупные размеры и ярко-желтые и черные полосы не оставляли сомнения в том, что это ямайская желтая змея.

Следом за ней из дупла вылетела и вторая точно такая же рептилия, за ней третья, и еще, еще, пока на траве у дерева не оказалось больше десятка этих отвратительных созданий. Совершенно ошарашенный Смизи постарался держаться от них подальше.

Когда из дупла была выброшена последняя змея, оттуда вдруг вылетел какой-то грязный, бурый, бесформенный предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся одним из щегольских сапожек мистера Смизи; на сапожке все еще болтался обрывок лосины со штрипкой. За первым сапожком появился и второй, а напоследок шлепнулся в траву индюк, вовлекший Смизи в такие беды. Измятая, растрепанная птица, растерявшая часть своих перьев, выглядела не очень-то соблазнительным охотничьим трофеем. Да Смизи больше и не помышлял о лаврах охотника. Он был без памяти рад, что спасся, и мечтал только поскорее, наикратчайшим путем добраться до дому. Получив обратно свои сапожки, Смизи, не теряя времени попусту, натянул их кое-как на ноги, бросив обрезки лосин со штрипками возле индюка, который, как разъяснил Квэко, лучше осведомленный в местной орнитологии, на деле оказался самым обыкновенным стервятником-грифом.

Глава XLII

КВЕШИ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Но куда же ушел Квеша?

Мистера Смизи это больше не занимало. Он так торопился поскорее покинуть сцену столь тягостных происшествий, что даже не осведомился о своем нерадивом оруженосце. Он не собирался разыскивать его и возвращаться к месту привала, тем более что Квэко предложил себя в качестве проводника и повел нашего охотника по дороге, которая вела совсем в другом направлении. Пустой ягдташ, оставшийся у Квеша, больше не интересовал Смизи. А про флягу с коньяком и про охотничий нож черномазый плут, уж конечно, не забудет.

В своих предположениях мистер Смизи, что называется, попал в точку — во всяком случае, относительно фляги с

коньяком. Квеша проявил к ней такое внимание, что забыл про все остальное — не только про свои обязанности, но и вообще про все на свете. Не прошло и двадцати минут после того, как Смизи скрылся в лесу, а Квеша, уже успевший неоднократно поднести флягу к губам, пришел в такое состояние, что не хуже самого мистера Смизи принял бы любого стервятника за индюка.

«Живительная влага» оказывает на негра действие прямо противоположное тому, какое она оказывает на ирландца. Квеша не стал шумливым и буйным. Наоборот, его охватила приятная истома, и через пять минут после последнего глотка негритенок свернулся калачиком на траве и мгновенно заснул. Он спал так крепко, что не только не слышал выстрела мистера Смизи, но не проснулся бы, если бы даже над самым его ухом начали палить из десятка полевых орудий. Трудно сказать, сколько времени пролежал бы Квеша в этом пьяном полусне, если бы его не пробудил и отчасти не протрезвил дождь, обрушившийся, как холодный душ, на его голую спину.

Квеша успел все же соснуть часок до того, как разразился ливень. Может быть, поэтому коньяк уже утратил свою силу. Когда Квеша проснулся, он сообразил, что провинился, выпив коньяк молодого господина. Храбрость, внушенная ему «живительной влагой», успела испариться, и Квеша побаивался встречи с белым джентльменом. Он охотно уклонился бы от нее, но отлично понимал, что вернуться домой одному — значило бы навлечь на себя гнев мистера Вогана. Квеша не сомневался, что ему тут же всыпят десяток плетей.

По более зрелом размышлении Квеша пришел к выводу, что самым благоразумным будет дожидаться возвращения мистера Смизи и придумать какую-нибудь историю в свое оправдание. Он скажет мистеру Смизи, что все время разыскивал его. А относительно коньяка, который он допил весь до капли, догадливый мальчишка придумал другую уловку. Она была подсказана ему случаем с кларетом. Квеша объяснит мистеру Смизи и уж заставит поверить своей выдумке, что он сам, то есть мистер Смизи, вытащил пробку из фляги и что коньяк постигла такая же печальная участь, как и бутылку с вином.

Придумав это убедительное оправдание, Квеша стал спокойно поджидать возвращения охотника. Мало-помалу небо прояснилось, вновь ярко засияло солнце, но мистер Смизи все не появлялся.

Квеша охватило нетерпение, а затем и беспокойство. А вдруг англичанин заблудился в лесу? И что тогда сделают с ним, с проводником? Его непременно строго накажут. Бедняге уже чудился свист плетей...

Прождав еще некоторое время, Квеша не выдержал, пошел на поиски, не забыв прихватить пустую сумку, такую же пустую флягу и охотничий нож. Он видел, что мистер Смизи пошел к поляне, и отправился туда же. Но, оказавшись там, он растерялся. Он не имел ни малейшего понятия, куда теперь идти.

Подумав немного, он свернул вправо, к засохшему дереву, которое заметил издали.

Квеша не случайно избрал это направление: ему почудилось, что оттуда слышится голос. Подойдя к сухому дереву поближе, Квеша заметил, что возле него на траве что-то блестит. Он остановился, решив, что это змея: негры с плантаций очень боятся змей. Но, взглядевшись повнимательнее, Квеша, к своему удивлению, увидел, что это блестит ружейный ствол. Подойдя еще ближе, он убедился, что это ружье молодого господина. Как оно здесь очутилось? Где сам охотник? Уж не случилось ли с ним чего-нибудь? Почему он бросил ружье? Что, если он застрелился? Или, может, кто-нибудь другой его застрелил?

В этот момент до слуха Квеша донеслись жуткие стоны, словно чья-то душа в муках расставалась с телом. Глухой голос, казалось, исходил из могилы.

Негритенок замер от ужаса, его черная кожа приобрела пепельно-серый оттенок. Он, конечно, пустился бы наутек, но его остановило одно соображение: вдруг это его зовет на помощь молодой господин, с которым стряслась беда? Если он покинет господина в беде, то будет наказан. Вопли слышались как будто из-за дерева. Может быть, охотник лежит раненый по ту сторону ствола?

Призвав на помощь все свое мужество, Квеша начал потихоньку обходить дерево. Он продвигался осторожно, еле ступая, зорко глядя себе под ноги. Вот он уже по ту сторону ствола. Квеша огляделся вокруг. Никого! Ни мертвых, ни раненых! Стоны и крики раздавались совсем рядом. Но не мог же человек скрываться в листве лиан, обвивающих ствол дерева! А кустов вокруг не было. У Квеша хватило мужества заглянуть даже в листву. Никого!

Тут раздался новый стон, совсем над ухом перепуганного мальчугана. Стон был все такой же протяжный, унылый, идущий как будто со дна колодца.

И опять он доносился откуда-то из-за ствола. Но теперь он слышался с того места, которое только что покинул Квеша и где он ничего не заметил. Квеша пришло в голову, что, может быть, раненый переполз на другую сторону, пока он сам двигался в противоположном направлении. Он быстро повернул обратно, чтобы таинственное существо, издававшее стоны, не успело от него скрыться.

Дойдя до места, с которого он начал обход, Квеша оторопел. Ни души! Ружье лежит на прежнем месте. Никто его не касался. Ясно, что здесь никого не было.

И снова раздался все тот же голос. Но на сей раз это был отчаянный, пронзительный крик. Мальчуган задрожал от ужаса. Пот выступил у него на лбу и заструился по щекам крупными каплями, словно слезы. Но голос теперь больше походил на человеческий, и это несколько умерило страх Квеша. Нет, конечно, голос идет из-за ствола.

Квеша возобновил поиски.

Все еще уверенный в том, что существо, неведомо почему издающее крики, прячется от него за деревом, Квеша устремился вперед, полный решимости любой ценой нагнать его. Он начал кружить вокруг ствола, сперва рысцой, но, слыша время от времени стоны и крики как будто каждый раз с противоположной стороны, все ускорял бег и наконец помчался изо всей мочи. Он обежал таким образом вокруг дерева несколько раз, пока не убедился, что никто не мог все это время бежать впереди и остаться незамеченным.

Это соображение заставило Квеша остановиться как вкопанного. Значит, кричит не человек? Тогда кто же? Злой дух? Сам дьявол?

Квеша не выдержал.

— Дьявол! Юмбо! — завопил он, стуча зубами, и, вытаращив глаза, со всех ног бросился прочь от страшного места.

Глава XLIII ПАНТАЛОНЫ С ИЗЪЯНОМ

Мистер Смизи понуро брел за своим великаном-проводником. Кто бы узнал в этой жалкой, унылой фигуре щеголеватого, самоуверенного охотника, который еще сегодня утром покидал Горный Приют в таком отличном расположении духа! Настроение мистера Смизи было столь же плачевным, как и костюм. Смизи уже не пугал позор вернуться с пустым ягдташем. Он страшился другого унижения: как

появиться в поместье в том виде, в каком он оказался после злополучного приключения?

Сейчас он выглядел еще нелепее, чем в тот момент, когда Квэко извлек его из дупла. Дождь давно прошел, светило жаркое солнце, и палевые лосины съежились и сели так, что их обрезанные концы едва доходили до колен, оставляя обнаженными покрытые синяками икры. Сказать правду, нашему столичному франту теперь больше всего пристало бы название огородного пугала. Он, не задумываясь, назначил бы управляющим своего богатого поместья любого, кто снабдил бы его сейчас парой целых панталон.

Квэко тут ничем помочь не мог. На нем самом было надето нечто весьма куцее. Нет, какой кошмар явиться в таком виде в Горный Приют! Как бы прокрасться к себе в комнату никем не замеченным? Трезво поразмыслив, Смизи понял, что шансы на удачу невелики. Как все здания на Ямайке, дом мистера Вогана был открыт со всех четырех сторон. Где тут пробраться незаметно!

Но надо все же попытаться. Ах, если бы у него была шапка-невидимка! Если бы он мог одолжить ее у какого-нибудь волшебника хотя бы на десять минут! Но, если невозможно получить шапку-невидимку, почему бы не воспользоваться покровом ночи? С наступлением темноты он осторожно проберется в дом и избежит конфузной встречи с его обитателями.

Смизи остановился, взглянул на солнце, затем на свои голые коленки. Через два часа начнет смеркаться. Под прикрытием сумерек он доберется до дома, и, пока там не успеют еще зажечь ламп, не так уж трудно будет пройти незамеченным. А если его и заметят, то не сумеют как следует рассмотреть, в каком он виде.

Квэко распрощался и ушел, а Смизи притаился за кустами и стал выжидать захода солнца. Он сидел и подсчитывал часы, минуты и секунды, прислушиваясь к голосам, доносившимся из негритянских хижин. Мелодичные птичьи трели, восхитительный вид — все, чем мог бы наслаждаться Смизи, прячась в своем убежище, не доставляло ему радости. Время тянулось невыносимо медленно. Тревога за успешный исход задуманного лишала Смизи способности любоваться окружающими его красотами.

Наконец настало время действовать. Солнце спряталось за холмы, туда, где простирались собственные владения Монтегю Смизи. Мягкие сумерки накрыли долину легкой,

прозрачной лиловой завесой. Смизи поднялся и, тщательно осмотревшись, двинулся вперед.

Благоразумие заставляло его держаться в тени деревьев, но лес скоро сменился невысокими рошицами пимента, а затем кустарником, окаймлявшим цветник возле дома Лофтуса Вогана. Смизи удалось проскользнуть мимо негритянских хижин, не привлекая к себе внимания. Ему удалось незамеченным добраться почти до самого дома.

Но опасность еще не миновала. Ему предстояло пересечь большой открытый газон. Уже совсем стемнело, и поблизости никого не было. Во всяком случае, Смизи не заметил никого ни в окнах, ни на лестнице. Пока все шло отлично. Теперь оставалось броситься к открытой двери и промчаться к себе в комнату, где верный Томас облачит его в более пристойный костюм.

Смизи успел добежать до середины газона, когда из-за угла внезапно появилась целая толпа людей. В руках у них были пылающие факелы. Это были слуги и несколько невольников с плантаций во главе с мистером Трэсти. Можно было подумать, что это торжественная процессия, если бы ее участники так не торопились и если бы среди них не было Квеша.

Смизи понял: они шли искать его! Сердце злополучного охотника дрогнуло. Его опередили! Вот толпа уже возле лестницы. От факелов вокруг стало светло, словно в небе снова ярко зажглось солнце.

Нечего было и рассчитывать проشمыгнуть незамеченным при таком ярком свете. Смизи оставил последнюю надежду и застыл на месте. Он, может быть, бросился бы назад в кусты, если бы не побоялся, что этот маневр привлечет к нему внимание. И тогда все будет кончено. Его злоключения завершатся самым нежелательным финалом. Он стоял не шелохнувшись, словно пригвожденный к месту.

И в этот момент на лестнице появились плантатор и его дочь. За ними следовала Йола. Мистер Воган вышел из дома отдать последние распоряжения, касающиеся поисков. Все трое стояли лицом к толпе и лицом к Смизи.

Плантатор только было открыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг Йола вскрикнула. Вслед за ней вскрикнула и Кэт. Остроглазая служанка первой увидела Смизи. Сперва она приняла его за одну из статуй, расставленных на газоне,— так мертвенно бледно было его лицо, на которое падали отсветы огней. Но Смизи стоял возле кустов, там, где, как Йола отлично знала, никакой статуи не было.

Это-то и заставило ее испуганно вскрикнуть. Глаза присутствующих мгновенно обратились на несчастного, и вся толпа с мистером Трэсти во главе бросилась к нему. Уклониться от встречи было невозможно. Горе-охотника увидели и повели к дому под двойным огнем факелов и взглядов. И среди тех, кто глядел на него во все глаза, была она, его любовь! И не соболезнование, не сочувствие выражал ее взор — нет! В нем искрилась веселая насмешка!

То была последняя капля в его чаше горестей.

Протискавшись сквозь толпу, Смизи, не теряя ни секунды, опрометью кинулся в дом. Очутившись наконец у себя и там подбодренный заботами Томса, он скоро утешился и вновь приобрел вполне презентабельный вид.

Глава XLIV

ГЕРБЕРТ В СЧАСТЛИВОЙ ДОЛИНЕ

Соседи считали, что название «Счастливая Долина» мало подходит к поместью Джесюрона, но Герберт не имел оснований разделять их мнение. С того часа, когда он приступил к исполнению обязанностей счетовода, жизнь его была скорее сменой различных удовольствий, чем цепью скучных обязанностей. Вместо того чтобы вести счета, присматривать за неграми или вообще делать что-либо полезное, он проводил время в приятных прогулках и экскурсиях. Поездка в город вместе с Джесюроном, где тот представил его знакомым коммерсантам, визиты на соседние фермы и плантации вместе с красавицей Юдифью, которая ввела его в свой круг, рыбная ловля на реке и пикники в лесу — все это сыпалось на Герберта, как из рога изобилия.

В его распоряжении были превосходная верховая лошадь, собаки, охотничьи ружья — короче говоря, все, что может понадобиться имеющему досуг молодому джентльмену. Ему выдали авансом полугодовое жалованье, хотя он и не просил об этом, деликатно дав возможность обзавестись приличным гардеробом. Судьба молодого пассажира третьего класса явно изменилась к лучшему. Благодаря щедрости неожиданного покровителя он играл в его доме роль, довольно сходную с той, которая выпала на долю мистера Монтегю Смизи в доме судьи Вогана. И так как оба они вращались в одном и том же обществе, естественно было ожидать, что рано или поздно они встретятся, но уже на равной ноге.

К чести Герберта надо заметить, что его скорее удивлял, чем восхищал новый для него роскошный и праздный образ жизни. В щедрости и великодушии старого фермера было что-то странное, что немало озадачивало молодого человека. Чем объяснить такое необычайное гостеприимство?

Так гладко и безмятежно, на взгляд постороннего наблюдателя, проходили дни с тех пор, как Счастливая Долина стала домом Герберта Вогана. Если у него и возникали какие-нибудь недоумения, то их мгновенно и ловко рассеивал сам хозяин, в вину которому Герберт мог поставить разве что чрезмерную любезность. Герберт не замечал многих странностей в окружающей его обстановке.

Будь он менее почетным гостем на ферме Джесюрона, он, может быть, оказался бы более наблюдательным. Но у арабов есть пословица: «Не брани коня, вынесшего тебя из опасности». А мудрость что на Западе, что на Востоке — везде приблизительно одна и та же. У Герберта была благородная душа, но все же он был только человеком. Поругивать мост, через который ты только что благополучно перешел реку, — это было бы противно человеческой природе. Если у Герберта и возникали сомнения относительно честности своего хозяина, он держал свои мысли при себе. Не потому, что он готов был поступиться своей независимостью или был лишен чувства собственного достоинства, но потому, что выжидал, хотел понять, куда, собственно, клонит любезный хозяин.

Любезным был не только сам Джесюрон. Его дочь тоже была очень внимательна к Герберту и умела облечь это внимание в гораздо более тонкую форму. Действительно, среди всяческих метаморфоз, происшедших за последнее время в Счастливой Долине, особенно удивительной была перемена в характере прекрасной Юдифи. Хотя властный и высокомерный нрав ее иногда и давал о себе знать, но чаще она была настроена лирично, порой даже грустно. Иногда, правда, вдруг прорывалась наружу ее обычная злобность, ноздри красавицы презрительно вздрагивали, темные глаза метали молнии. Но эти вспышки случались не часто, ибо особых причин для раздражения не было: имя Кэт Воган почти никогда не упоминалось в присутствии ревливой завистницы.

Ненависть ее к дочери Лофтуса Вогана объяснялась их давнишним соперничеством. Обе они были признанными красавицами, и богатые бездельники в городе часто спорили, кому из двух принадлежит первенство. Кое-что из этих споров доходило до ушей Юдифи, и, к ее невообразимой до-

саде, решение молодых людей не всегда оказывалось в ее пользу. Отсюда и началась ее вражда к мисс Воган. Сперва это была просто зависть. Высокомерно вскинув голову и раздув ноздри, Юдифь обычно переставала думать на эту неприятную тему. Но за последнее время зависть сменилась ненавистью. Стоило случайно упомянуть в ее присутствии имя Кэт, как в глазах Юдифи Джесюрон вспыхивало пламя ревности, губы ее начинали вздрагивать, словно бормоча проклятия, и та, что мгновение назад казалась сущим ангелом, сразу превращалась в демона.

Объяснить все это было нетрудно: она влюбилась в Герберта Вогана.

Сперва в ее отношении к нему преобладали тщеславие и кокетство, но уже с самого начала к ним примешивалось и чувство подлинного восхищения. К тому же ей страстно хотелось досадить Кэт Воган, в которой она сразу заподозрила соперницу. Ревнивица чутьем угадывала, что, как ни кратка была встреча Герберта и Кэт, она оставила глубокий след в их душах. Конечно, клочок голубой ленты в петлице символизирует нежные чувства! Но, как ни выпрашивала она Герберта, проникнуть в подлинную тайну голубой ленты ей так и не удалось. Он ни единым словом не обмолвился о своем отношении к кузине. Однако подозрения Юдифи не улеглись. Наоборот, они усиливались, по мере того как росло ее собственное чувство к Герберту. Она не допускала и мысли, чтобы девушка — будь то Кэт Воган или кто угодно другой, — взглянув хоть раз на Герберта Вогана, могла устоять там, где не устояла она сама.

Герберт Воган не прожил и недели под кровлей Джекоба Джесюрона, а молодая хозяйка была уже по уши влюблена в гостя и терзалась муками безумной ревности. Что касается самого Герберта, то он в ту пору едва ли отдавал себе отчет в собственных чувствах. Правда, властная и хитрая красавица сумела произвести на него некоторое впечатление, но не настолько, чтобы вытеснить из его сердца образ Кэт Воган. В ту короткую встречу Герберт решил, что увидеть такую девушку и не полюбить ее — просто невозможно. Вот та, кто достойна его любви, достойна того, чтобы посвятить ей всю жизнь! Едва увидев ее, он интуитивно почувствовал это. Потому-то и предложил он ей так рыцарски свою сильную руку и верное сердце, потому-то и отказался от кошелька, предпочтя ему голубую ленту. Нет, конечно, Герберт не считал этот прощальный сувенир залогом любви. Он понимал, что ласковые слова Кэт и предложенные деньги объясня-

лись лишь добрым сердцем девушки и скорее указывали на отсутствие любви, чем на ее наличие.

Понимая, что у него не может быть никаких притязаний на иные отношения с Кэт Воган, кроме родственных, Герберт, как это ни странно, все же надеялся пробудить в ее сердце более нежные чувства. Но сладкая надежда жила недолго. Она была слишком мимолетна, чтобы выдержать испытание временем. Шли дни, и до него все чаще доходили слухи о веселье, царящем в Горном Приюте. Особенно часто упоминалось, как довольна мисс Кэт обществом кавалера, приглашенного ее отцом. Надежды Герберта быстро таяли...

Окружавшая его обстановка, может быть, несколько смягчала горечь утраченных иллюзий. Да, прелестная кухня, очевидно, к нему равнодушна, но все же у него нет оснований считать себя совсем одиноким и покинутым. Ведь он постоянно находится в обществе редкостной красавицы, и эта красавица дарит ему самые обворожительные улыбки. Если бы Герберту начали расточать их всего лишь днем раньше, до встречи с Кэт Воган,— как знать... он, может быть, с большей легкостью поддался бы их чарам. И в то же время, знай он, как прочно запечатлелся его образ в сердце милой кузины, он, вероятно, упорнее сопротивлялся бы сладким песням новой сирены.

Вот такие противоречивые чувства наполняли сердце Герберта Вогана, и он сам не понимал, что с ним творится.

Приблизительно в таком же состоянии находилось и сердце Кэт Воган, хотя в ее чувствах разобраться было значительно легче: оно попросту трепетало от первой любви. В жизни ее появились в один день и час два молодых человека. Один — богатый, светский щеголь, другой — бесприютный сирота. У первого к тому же было еще одно дополнительное преимущество: он был представлен ей раньше. Со вторым ее даже не познакомили. И, хотя в донине молчавшем сердце юной креолки впервые запечатлелся образ возлюбленного, это не был образ мистера Монтегю Смизи.

Кэт тоже кое-что узнавала о Герберте. Роль посредницы с внешним миром играла для нее Йола. От нее Кэт услышала, что Герберт живет по соседству в довольстве и вполне удовлетворен своей судьбой. Не странно ли, что последнее обстоятельство вызвало у Кэт только горькие чувства? Не будем описывать здесь страхи и мечты Кэт. Всякий знает, что такое первая любовь, и мало кто не пережил этих сменяющих друг друга надежд и разочарований.

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Взаимная неприязнь плантатора Вогана и скотовода Джесюрона возникла давно: они невзлюбили друг друга с первой минуты знакомства. Причиной послужило какое-то недоразумение, возникшее при торговой сделке. Дальнейшие их отношения сложились так, что неприязнь не только не ослабевала, но перешла в настоящую вражду к тому времени, когда Джесюрон, став владельцем Счастливой Долины, оказался ближайшим соседом Лофтуса Вогана, почти не уступая последнему в богатстве. В последнее время Воган стал его бояться. Это началось после того, как был казнен Чакра, жрец культа Оби, потому что Лофтусу Вогану передали некоторые высказывания Джекоба Джесюрона по этому поводу.

Хотя опасения Вогана пока ничем не подтверждались, его неприязнь получила новую пищу. Протекция, оказанная Джесюроном отвергнутому им племяннику, его демонстративно любезное обращение с молодым человеком вызвали у Лофтуса Вогана крайнюю досаду. Почти ежедневно ему приносили очередную неприятную сплетню на эту тему. Ненависть плантатора к Джесюрону дошла до предела. Он отдал бы десять бочек своего лучшего сахара, только бы кто-нибудь помог ему унижить соседа.

Счастье ему благоприятствовало, предоставив желанную возможность, причем он не только не должен был что-нибудь отдавать, но даже рассчитывал положить в карман порядочную сумму.

Это произошло накануне того дня, когда Смизи провалился в дупло. Мистер Воган сидел в павильоне, покуривая сигару и предаваясь своему излюбленному занятию: изучению параграфов «черного кодекса». Вдруг в дверях показался мистер Трэсти.

— Вас дожидается какой-то человек, сэр, — доложил он.

— По какому делу?

— Не знаю, сэр, не говорит. Сказал только, что дело важное и он может сказать о нем только вам лично.

— Негр или белый?

— Нет, сэр, очень светлый мулат. Марон — из тех, что живут в горах Трелони. Зовут его Кубина.

Лофтус Воган начал как будто проявлять некоторый интерес:

— Кубина, Кубина... Я уже слышал это имя. И даже, кажется, видел как-то мельком Кубину. Помнится, совсем еще молодой человек.

— Да, сэр, но, говорят, один из вожаков горных маронов.

— Что понадобилось от меня марону, хотел бы я знать? Может, привел беглых?

— Нет, сэр. Да у нас никто и не числится в бегах. Благодаря вашему умелому обращению, сэр, у нас не было беглых с тех пор, как покончили со старым негодяем Чакрой.

— Благодаря не моему, а вашему умелому обращению, мистер Трэсти! — вернул ему комплимент хозяин. При упоминании о Чакре мистеру Вогану стало как-то не по себе, и он поспешил переменить тему. — Так, значит, дело касается не поимки беглых? Наверно, пришел посоветоваться по спорному судебному вопросу. У маронов постоянно какие-нибудь неприятности с плантаторами. Интересно, на кого он собирается жаловаться?

— Относительно этого я, кажется, могу вам кое-что сообщить, сэр. (Очевидно, управляющий знал больше, чем хотел показать.) Если не ошибаюсь, дело касается нашего соседа, владельца Счастливой Долины.

— Как? Жалоба на Джекоба Джесюрона? — В глазах мистера Вогана вспыхнул живейший интерес. — Марон так и сказал?

— Нет, сам он ничего не говорил, но я слышал на днях, что от Джесюрона сбежал невольник, который затем каким-то образом очутился у маронов. И они не хотят выдавать беглого.

— Откуда вы все это знаете?

— Да, правду сказать, мне совершенно случайно довелось подслушать чужой разговор. Один из маронов — здоровенный такой молодец, он иногда приходит к Черной Бетти — рассказывал ей всю эту историю, как раз когда я проходил мимо.

— Мароны не хотят выдавать беглого? Странно! Вы не знаете почему?

— Нет, сэр. Я слышал только обрывки разговора.

— И именно по этому поводу явился ко мне марон?

— По-видимому, так, сэр. Но он не захотел мне ничего сказать. Говорит, все объяснит только вам.

— Ну хорошо, проводите его сюда. И послушайте, мистер Трэсти! Загляните-ка к Черной Бетти, выпытайте у нее все, что удастся. Тут что-то не так... Чтобы марон отказался

выдать беглого раба! Пообещайте ей новое платье или еще что-нибудь. А сейчас проведите ко мне марона. Я его выслушаю.

Мистер Трэсти поклонился и вышел. Судья, приняв официальный вид, стал дожидаться, раздумывая о цели его прихода.

«Неужели правда, что старый каналья повздорил с маронами? Впрочем, этого следовало ожидать. С тех пор как он нанял этих испанцев, мароны его возненавидели. Мне думается, старик тайно ведет какие-то темные дела. И что-то заважничал последнее время. А ведь никто не знает, откуда у него берутся деньги. Если у марона зуб против старого негодяя, я позволю ему рассказать его историю со всеми подробностями... А вот и он! Что ж, весьма недурен собой. Да это, кажется, тот молодчик, который приударяет за Йолой! Помнится, Кэт подтрунивала над ней. Неудивительно, что девчонка в него влюбилась. Пожалуй, следует положить этому конец... Мароны — опасный народ для черномазых красавиц. А наша Йола все-таки принцесса...— Он усмехнулся.— Ну, во всяком случае, не простая негритянка. Надо будет сразу втолковать это молодцу».

Кубина, в том самом охотничьем снаряжении, в каком мы видели его в лесу, вошел в павильон, почтительно поклонился и стал ждать, когда судья заговорит с ним. Лофтус Воган, кратко ответив на приветствие, некоторое время молча рассматривал юношу.

Что-то в лице молодого марона вызвало у него неприятное чувство, которое он, однако, постарался подавить. Сделав над собой усилие, он со снисходительной любезностью улыбнулся и начал разговор.

Глава XLVI СУДЬЯ И МАРОН

— Ну, что скажешь? Ты, кажется, из тех маронов, которые живут в горах Трелони?

— Да, сэръ,— спокойно ответил Кубина.

— Начальник целого поселения?

— Всего нескольких семей, ваша милость. Нас очень мало.

— И тебя зовут...

— Кубина.

— Слышал. Кажется,— добавил мистер Воган, многозна-

чительно улыбнувшись,— у нас есть девушка, которая тебя знает.

Кубина покраснел и кивнул.

— Не смущайся,— успокоил его плантатор,— в этом нет ничего предосудительного, если у тебя самого нет предосудительных намерений. А теперь говори. Мистер Трэсти сказал, что ты пришел по делу. Оно касается Йолы?

— Йолы, ваша милость? — Видно было, что вопрос застал Кубину несколько врасплох.

— А что? Надеюсь, ты не станешь отрицать, что она твоя возлюбленная?

— Нет, мистер Воган, я не стану отрицать этого. Мы любим друг друга. Но я пришел по другому делу, хотя, раз уж разговор зашел о Йоле, я бы хотел поговорить и о ней, если вы не возражаете, ваша милость.

— Что ж, говори.

— Мистер Воган, я хотел бы выкупить Йолу.

— Вот как! Хочешь, чтобы она сменила узы рабства на узы брака? — Он рассмеялся собственной остроте.

— Да, получается так, ваша милость,— сдержанно улынулся Кубина.

— А Йола хочет стать миссис Кубиной?

— Иначе я не стал бы выкупать ее, ваша милость.

— Значит, она согласна?

— Да, ваша милость. Не то чтобы ей хотелось расстаться с молодой госпожой, но, видите ли, ваша милость, есть...

— Есть кто-то, кого она любит больше своей госпожи, то есть тебя, мистер Кубина?

— Ваша милость, это любовь другого рода, и...

— Согласен, согласен,— прервал его мистер Воган, считая, что разговор на эту тему пора закончить.— Ну, предположим, я не возражаю против того, чтобы продать Йолу. Сколько же ты собираешься предложить за нее? Помни, я сказал «предположим, я не возражаю», но, в сущности, девушка принадлежит моей дочери, и придется спросить ее мнения.

— Ах, сэръ,— с жаром вырвалось у Кубины,— мисс Воган добра и великодушна! Я постоянно ото всех это слышу. Я уверен, она не захочет помешать счастью Йолы.

— И ты не сомневаешься, что сделаешь Йолу счастливой?

— Надеюсь, ваша милость,— ответил марон.

— Но дело есть дело. Моя дочь не сможет продать тебе Йолу дешевле, чем за нее дают на невольничьем рынке.

А Йола стоит немало. Сколько, ты думаешь, мне на днях за нее давали?

— Я слышал, ваша милость, что ее хотели купить за двести фунтов.

— Да, именно. И я отказался — понимаешь?

— Может быть, мистер Воган, вы не откажетесь продать ее за эту сумму мне?

— Не знаю, не знаю... Да и откуда у тебя возьмутся такие деньги?

— У меня их еще нет, ваша милость. Мне удалось скопить только сто фунтов. Я думал, что этого хватит, но вот услышал, что за нее дают дороже. Но если, ваша милость, вы согласитесь подождать, месяца через два я доберу другую сотню, и тогда...

— Вот тогда, милейший, и поговорим. Пока могу обещать, что не продам ее никому другому. Это тебя удовлетворит?

— Спасибо! Большое спасибо, мистер Воган! Я не забуду вашей доброты. Раз Йола будет...

— Йола будет в надежных руках моей дочери... Ну, а теперь перейдем к делу, которое привело тебя сюда.

— Я хотел бы просить вашего совета, мистер Воган. Дело касается мистера Джесюрона.

Лофтус Воган насторожился.

— Ну-ну, говори! — Он торопил Кубину, словно боялся, как бы тот не отвлекся в сторону.

— Дело неприятного свойства, мистер Воган. Я бы не стал надоедать вам, да оказалось, что несчастный, которого обманом обратили в рабство, не кто иной, как родной брат Йола. История, в общем, очень странная. Я бы не поверил, если бы не знал, что все это дело рук старого Джесюрона.

— Но что же произошло? Говори, Кубина! Если была совершена несправедливость, обещаю тебе, что виновный понесет наказание.

И, произнося эту обычную формулу, судья весь обратился в слух.

— Я скажу правду, если даже это мне повредит, — ответил марон.

И он рассказал о том, что захватил беглого, оказавшегося братом Йола, о том, что беглый этот — африканский принц, отправившийся на поиски похищенной сестры; что он взял с собой богатый выкуп, что капитан Джоулер поручил принца попечению Джесюрона, а тот обманул принца, отобрав у него все его имущество и поставив пленнику свое

клеймо; что несчастный принц бежал и, попав в руки Кубины, остался у него, несмотря на то что Джесюрон уже несколько раз посылал за беглым, грозя всякими карами.

— Прекрасно! — Лофтус Воган даже вскочил с кресла — так он обрадовался рассказанной мароном истории. — Настоящая мелодрама, не хватает только последнего акта. Я не прочь сыграть в ней некоторую роль, пока не опустился занавес. — Тут его осенила какая-то мысль. — Постой! Так вот почему старый негодяй так выпрашивал у меня Йолу! Впрочем, мне еще не совсем понятно, какая ему от этого была бы выгода... Но мы все это распутаем. Так, значит, принцу принадлежало двадцать четыре мандинга и все они попали в лапы Джесюрона?

— Да, ваша милость. Двадцать рабов и четыре служителя. А остальных Джесюрон купил у капитана. Он забрал у него весь груз. Среди невольников было несколько негров короманти. Квэко, один из моих людей, разговаривал с ними, и они подтвердили то, что рассказывал принц.

— Какая досада, что свидетельство чернокожего ничего не стоит! Но постараемся обойтись и так. Принц уверен, что капитана звали Джоулером?

— Да, ваша милость. Принц хорошо его знает. Капитан постоянно ведет торговлю в Гамбии, на родине принца.

— Я давно уже приглядываюсь к этому Джоулеру. К сожалению, у меня нет повода арестовать каналью. А впрочем, нам это не помогло бы: он наверняка сам в этом замешан и против Джесюрона не пойдет. Как бы нам раздобыть белого свидетеля? Это сложно... Впрочем, постой-ка... Ты, кажется, сказал, что Рэвнер присутствовал при сделке?

— Да, мистер Воган, он принимал во всем самое деятельное участие. Он-то и отнял у принца одежду и драгоценности. У принца было много ценных вещей.

— Ограбление! Самое настоящее ограбление! Ну, Кубина, — заговорил судья серьезным, деловым тоном, — я этого так не оставлю, обещаю тебе! Я еще пока сам не знаю, что именно предприму. Тут много всяких затруднений. Особенно трудно достать надежные свидетельские показания. И притом Джесюрон сам — мировой судья. Но не беспокойся. Пусть он судья, мы все равно до него доберемся! Надо только выждать. Судебная сессия в Саванне начнется через месяц. Тогда мы и начнем это дело. Но пока никому ни слова — понимаешь?

— Я буду молчать, мистер Воган.

— А принца держи у себя. Ни в коем случае не возвра-

щай его Джесюрону! Я позабочусь о том, чтобы тебе была оказана защита. Учитывая все обстоятельства, Джесюрон, я думаю, едва ли решится на крайние меры. У него самого рыльце в пушку. И, если все пойдет гладко, я думаю, тебе будет не так уж трудно добыть вторую сотню фунтов, чтобы выкупить невесту.

Лофтус Воган желал показать, как он может быть щедр и милостив, когда ему приносят приятные вести.

— Спасибо, мистер Воган! — Кубина радостно поклонился. — Я буду помнить ваше обещание.

— Теперь спокойно отправляйся домой. Я пошлю за тобой, когда понадобится. Завтра я посоветуюсь с адвокатом. Может быть, ты нам потребуешься довольно скоро.

Глава XLVII ЗАТМЕНИЕ СМИЗИ

Знаменитое затмение, которым хитрый Колумб так ловко обманул простодушных жителей открытого им острова, не единственное, заслуживающее того, чтобы его записать в анналы Ямайки. Автор считает своим долгом поведать и о другом — может быть, недостойном занесения в эти анналы, но, во всяком случае, заслуживающем того, чтобы посвятить ему хотя бы одну главу этого романа. Затмение это, хотя и не приведшее к столь важным результатам, как первое, представляет все же известный интерес, особенно для тех действующих лиц нашей драмы, на судьбы которых оно оказало немалое влияние.

Случилось оно недели две спустя после приезда distinguished Смизи. Могло даже показаться, что солнце затмилось именно по этой причине, как бы желая достойно завершить весь тот блистательный ряд праздников и увеселений, которые давались в честь владельца замка Монтегю. Вот почему затмение это по справедливости следует назвать «затмением Смизи».

Накануне дня, когда ожидалось вышеупомянутое небесное явление, наш лондонский щеголь загорелся блестящей идеей полюбоваться им с горных высей, а именно с Утеса Юмбо.

Собственная выдумка показалась ему верхом оригинальности. Он отправится на утес с Кэт Воган. Он спросил на то разрешения у мистера Вогана и, разумеется, получил

его, а тем самым и согласие Кэт: за последнее время она научилась понимать, что воля отца — для нее закон.

Смизи не без умысла предложил отправиться на Утес Юмбо, эту самой природой созданную обсерваторию.

В час, когда земля окутается тьмой, как покровом вечности,— в этот торжественный час полумрака Смизи решил задать роковой вопрос. Почему избрал он для подобной цели столь мрачное место и время, навеки останется тайной. Может быть, он предполагал, что романтическая репутация утеса в соединении с необычной обстановкой смягчит сердце юной креолки и склонит ее к положительному ответу. А может быть,— и это даже вероятнее,— этому заядлому театралу вспомнилась какая-нибудь эффектная сцена, и он захотел воспроизвести ее в жизни.

Чтобы дойти до назначенного места не спеша, Смизи отправился на Утес Юмбо заблаговременно, за два часа до ожидаемого сближения великих светил. И, конечно, в обществе прелестной Кэт. Других спутников у них не было. Предстоящее объяснение требовало разговора наедине, и поэтому Смизи отказался от предложенного мистером Воганом чернокожего проводника.

Утро выдалось прекрасное. Солнце еще светило ярко, на ясном небосводе не было ни облачка. Путь Смизи и очаровательной креолки лежал среди мест, природная красота которых не имеет ничего равного на земле. Сады и цветники Горного Приюта радовали глаз необычайным богатством и разнообразием пышных растений: одни — посаженные лишь затем, чтобы давать тень, другие — из-за прекрасных цветов, третьи — ради их сочных плодов. Тут росли прославленный на Востоке тамаринд, различные виды пальм, папая и своеобразное так называемое «трубное дерево». Всюду радовали глаз олеандры, «розы южных морей», а также чудесная магнолия и душистая персидская сирень. Сучья плодовых деревьев сгибались под тяжестью роскошных плодов. Тут росли манго, малайские яблоки, гуава, апельсины и лимоны всех сортов. Стволы деревьев были сплошь увиты множеством растений-паразитов, в том числе редкими по красоте орхидеями. Душа ботаника возликовала бы при виде этого великолепного ботанического сада, оранжереи, крышей которой служили лазурные небеса.

Для юной креолки, с рождения привыкшей к пышной тропической природе, зрелище это не представляло ничего нового. Еще меньше цветы и деревья занимали воображение городского франта. Последнее приключение отбило у не-

го любовь к лесу, и, на его взгляд, капуста пальма была ничем не интереснее обыкновенной капусты. Но Смизи, за-всегдаей оперы и балета, был, однако, не лишен музыкаль-ности и с изумлением слушал певчих птиц Западного полу-шария, голоса которых почему-то считаются неприятными.

И действительно, в то утро птичий хор, казалось, давал праздничный концерт. Из рощи доносился похожий на звук кларнета голос одной пичужки, к нему присоединился вор-кующий голосок другой. С верхушки высокого мангового де-рева слышались нежные трели колибри. Она выводила свою волшебную песенку с таким воодушевлением, как будто вкладывала в нее всю свою крохотную душу. В темных ле-сах на горе раздавались голоса других певцов. Тянул свою протяжную, бархатную мелодию черный дрозд; время от времени доносился жалобный крик отшельника, скорбный и торжественный, как церковные напевы. И над всем этим хором царил звучный, сильный голос пересмешника, этого соловья Нового Света. Прибавьте к этому жужжание пчел, непрерывное стрекотание кузнечиков, цикад и ящериц, ме-таллическое кваканье древесных лягушек, шелест ветра среди копьевидных листьев высокого бамбука, гул далекого водопада, прибавьте сотни других звуков— и вы представи-те себе, какой музыкой приветствовала природа мистера Монтегю Смизи и его юную спутницу, пока они поднима-лись по горному склону.

Смизи разделял общую радость. Томс вырядил его в са-мый любимый костюм, и молодой денди ликовал, предвку-шая победу над сердцем прекрасной креолки. Достигнув расселины, которая вела к вершине утеса, Смизи проявил должную храбрость, мужественно пройдя вперед и атаковав крутую тропинку. Он бы, конечно, предложил спутнице ру-ку, но ему самому понадобились обе его руки, чтобы как-нибудь удержаться на круче. Впрочем, Кэт следовала за ним без всяких усилий. Она привыкла взбираться по крутым тропинкам и сама могла бы помочь своему кавалеру. Через несколько секунд оба они добрались до ровной вершины скалы и очутились под пальмой.

Страшиться здесь им было нечего: прикованный к дере-ву скелет давно куда-то таинственно исчез. Мистер Смизи посмотрел на свой хронометр. Затмение должно было на-чаться через пять минут.

Но для произнесения торжественного монолога Смизи решил избрать не миг сближения двух светил и не мгнове-ние, когда все погрузится во тьму,— нет, он сделает это, ког-

да вновь покажется солнце, своим ослепительным блеском как бы символизируя чувство влюбленного. Смизи заранее подготовил изящные фразы, которыми собирался украсить свое признание. Он сравнит с солнцем свое собственное, пылающее страстью сердце. Оно, как солнце, то ярко горит, то погружается во мрак отчаяния, то вновь загорается надеждой при мысли, что Кэт сделает его счастливейшим из смертных.

Свою любовную декларацию Смизи выучил наизусть еще накануне вечером и повторил утром перед Томсом по крайней мере раз двадцать, проведя перед уходом последнюю, генеральную репетицию «в костюмах». Если только от затмения солнца у него не отнимется язык, все должно сойти гладко. Вполне уверенный в своем красноречии, а также и в своем успехе, романтически настроенный Смизи водворил часы на прежнее место и, держа в руке закопченное стекло, стал дожидаться начала затмения.

Глава XLVIII ПРЕРВАННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Медленно, неслышно и все еще незаметно приближалось ночное светило к пылающему диску. Но вот на краю обозначилась узкая темная полоска.

— Начинается затмение! — возвестил Смизи, поднося к глазам стеклышко. — Солнце и луна целуются, как двое влюбленных. Прелестно! Не правда ли, очаровательная Кэт?

— Для поцелуя влюбленных расстояние, пожалуй, несколько велико: между ними около девяноста миллионов миль.

— Ха-ха-ха! Очень, очень мило! Да, в таких случаях большое расстояние нежелательно. Лучше быть рядом, вот как мы с вами. Не правда ли, очаровательная Кэт?

— Это зависит от обстоятельств. Если любовь взаимна...

— Взаимна? Да, конечно, в известной степени вы правы.

— В очень большой степени, мистер Смизи. Будь я, например, мужчиной и предмет моей любви смотрел бы на меня хмуро — вот как сейчас луна хмурится на солнце, я бы постаралась держаться как можно дальше. Ну, скажем, на расстоянии девяноста миллионов миль.

Если бы мистер Смизи на мгновение оторвался от закопченного стеклышка и взглянул на свой «предмет любви», он

бы, пожалуй, уразумел по выражению лица Кэт, что в свои слова она вкладывала отнюдь не тот смысл, какой ему за-
благорассудилось в них усмотреть.

— Ха-ха-ха! Очень мило, честное слово! Но не забудьте, очаровательная Кэт, у луны два лица, и в этом отношении она похожа на женщину. Светлым ликом она повернута к солнцу — несомненно, она сейчас улыбается этому своему поклоннику. А хмурится она в нашу сторону — на нас, на все человечество. Совсем как преданная подруга. Не правда ли, очаровательная Кэт?

Кэт была вынуждена ответить улыбкой, и на мгновение она бросила на Смизи взгляд, ошибочно принятый им за выражение восхищения. Аналогия, проведенная Смизи, действительно произвела на Кэт впечатление. Она свидетельствовала о наличии некоторого остроумия, тем более поразительного, что Кэт никак не ожидала его от Смизи. Взгляд ее поэтому выражал откровенное удивление, но самоуверенный Смизи истолковал его по-своему.

— Ваше сравнение, мистер Смизи,— сказала Кэт,— не лишено основания. Я считаю, что любящая женщина должна расточать улыбки только тому, кого она любит. Пусть он даже далек от нее, как солнце,— в сердце своем она будет улыбаться только ему.

Юная красавица опустила глаза, задумавшись и забыв про затмение. «Да,— произнесла она мысленно,— пусть он далек и пусть им никогда не суждено встретиться,— улыбаться она станет только ему».

Несколько секунд Кэт молчала, погруженная в свои мысли. Смизи, заметив, как изменился ее голос, опустил стеклышко и повернулся к девушке. Ее задумчивый вид тщеславный и самонадеянный щеголь приписал влюбленности в его собственную особу. По доброте душевной он почти готов был отказаться от намеченной и тщательно продуманной программы и тут же излить свои чувства. Но он вспомнил так усердно отрепетированные цветистые фразы... Мысль, что он лишится удовольствия наблюдать, какой ошеломляющий эффект они произведут на Кэт, заставила его временно отложить объяснение. Однако он не мог не предаться сентиментальным размышлениям:

«Бедняжка! Как она страдает! Ни расстояние, ни отсутствие любимого не смогут заставить ее отказаться от любви! Нет, честное слово, я, кажется, не удержусь и сейчас же успокою ее, заверив, что она любима... Впрочем, нет, не следует поддаваться мгновенному порыву. Пусть еще чуточку

пострадает, в том нет большой беды. Недаром говорит по- словица: «Самый темный час — час перед рассветом».

И нежный, самоотверженный влюбленный вновь направил свое внимание на солнечный диск. Видя это, Кэт отошла и, став на самом краю утеса, устремила взгляд вниз, в долину. Величественное небесное явление, очевидно, мало ее интересовало. Глаза и мысли Кэт были обращены к земле, и на прекрасное лицо девушки, как и на дивный лик природы, легла печальная тень.

За последние несколько секунд вокруг все изменилось.

Воцарилась полная тишина. Хор пернатых умолк. Лишь изредка раздавался одинокий, тревожный крик испуганной птицы. Все живое притаилось. Слышен был только унылый, как вздох, шелест листы да по-прежнему шумел вдали водопад. Эта перемена напомнила Кэт то, что произошло за последние несколько дней с ней самой. Когда-то жизнерадостная и беспечная, теперь она стала грустной и молчаливой. Смизи верно угадал причину задумчивости Кэт. Ее породила нежная страсть. Он ошибся только относительно предмета этой нежной страсти, самомнение привело его к ошибочным заключениям. Он был бы очень разочарован, если бы мог в эту минуту заглянуть в сердце Кэт.

Вдали среди пышной листы весело белели стены Горного Приюта. Но Кэт смотрела не туда. Ее взгляд был обращен на безобразные постройки, сгрудившиеся в тени огромных сейб.

— Счастливая Долина! — невольно сорвалось еле слышным шепотом с губ девушки. — Да, конечно, для него она счастливая. Там он обрел приют и сердечное тепло — то, в чем было ему отказано в семье родственников. У чужих он встретил радушие, и там...

Кэт запнулась: так тяжело было ей это произнести.

— Нет, я не должна закрывать глаза на правду! — укорила она себя. — Да, там он нашел ту, которой отдал свое сердце.

Кэт испустила глубокий, тоскливый вздох. Ах, он предлагал свою сильную руку и верное сердце! Как горько вспоминать эти теперь уже невыполнимые обеты! И, кроме того, он обещал вечно хранить голубую ленту. Как радостно было это слышать! Что ж, еще одно обещание, которому суждено быть нарушенным.

И Кэт снова вздохнула.

— «Может быть, нам не суждено больше встретиться», — таковы были его собственные прощальные слова. Увы, они

оказались пророческими. Да, лучше никогда с ним больше не встречаться. Лучше вечная разлука, чем видеть рядом с ним Юдифь Джесюрон, его жену... его жену... Ах!

Смизи услышал это невольно вырвавшееся у нее восклицание и вздрогнул, выронив стеклышко. Обернувшись, он только тут увидел, что Кэт незаметно отошла, стоит опустив голову и на лице ее глубокая печаль. Сердце Смизи растаяло. Уж кому, как не ему, знать, почему болит ее сердце! И он знает, как его исцелить. Имеет ли он право откладывать дольше? Ведь одно его слово — и грустное личико Кэт расцветет счастливой улыбкой. Сказать это слово или еще подождать?

Сказать! — требовало чувство гуманности. Сказать! — вторило ему отзывчивое сердце Смизи. Непременно сказать! Пусть погибнет превосходный план, погибнет все, что было так продумано, так подготовлено, — пусть! Главное — поскорее положить конец мукам бедняжки.

Полный благородной решимости, пылкий влюбленный направился к Кэт и остановился футах в трех от нее. Твердость и непреклонность были написаны на его лице: Смизи готовился к весьма ответственной церемонии.

Удивленный взгляд, которым встретила его юная креолка, отнюдь не остановил Смизи и не согнал с его физиономии выражения глубочайшей торжественности. Встав на одно колено и приложив левую руку к области сердца, а правой приподняв шляпу на шесть дюймов над раздушенными кудрями, он готовился приступить к своему вытверженному наизусть любовному объяснению и уже раскрыл было рот, чтобы предложить Кэт руку, сердце, любовь и поместье, но в этот миг из-за края утеса показались голова и плечи мужчины, а за ними касторовая шляпа с черными перьями, обрамляющая лицо прекрасной женщины. Это были Герберт Воган и Юдифь Джесюрон.

Глава XLIX ЗАТМЕНИЕ

— Нам помешали! — воскликнул Смизи, проворно вскакивая на ноги. — Чертовски досадно! — Он вытащил из кармана носовой платок и смахнул пыль с колена. — Кто это вторгся сюда?.. Да это же тот молодой человек, ваш кузен! Ну конечно, он! И с ним хорошенькая... нет, честное слово, прехорошенькая девушка!

Иронический смешок, достаточно громкий, чтобы его услышали, сорвался с губ мисс Джесюрон. Это несколько смутило Смизи. Он сообразил, что она смеется над живой картиной, где он был главной фигурой. Но апломб, порожденный непомерным самомнением, выручил его и теперь. Он вспомнил, что рядом на земле лежит оброненное им закопченное стеклышко. Снова опустившись на колени и приняв позу, подобную той, в которой его только что застали, Смизи поднял стекло и, встав с колен, подал его покрасневшей и опустившей голову Кэт. Уловка была недурно придумана и успешно выполнена. Но мистер Смизи имел дело с особой не менее хитрой, чем он сам. Мало что ускользало от зоркого взгляда дочери Джекоба Джесюрона. Она снова расхохоталась; на этот раз громче и с явной насмешкой.

Смизи решил, что самое лучшее — присоединиться к ее смеху, что он и сделал. Несмотря на комичность положения, Герберт не разделил их веселья.

Наоборот, едва он увидел коленапреклоненного Смизи, лицо его сразу помрачнело.

— Мисс Воган? — Юдифь Джесюрон легко вспрыгнула на площадку утеса и подошла к юной креолке и ее спутнику. — Вот неожиданная и приятная встреча! Надеюсь, мы не помешали?

— Нет-нет,нисколько, уверяю вас! — с глубоким поклоном ответил Смизи.

— Мистер Смизи — мисс Джесюрон, — с холодной вежливостью представила их Кэт друг другу.

— Мы взобрались на утес наблюдать солнечное затмение, — заявила Юдифь. — И вы тоже, я полагаю?

Она бросила ядовито-насмешливый взгляд в сторону Кэт.

— Да-да, разумеется, — запинаясь, произнес Смизи. Его несколько смутил подчеркнуто многозначительный тон мисс Джесюрон. — Ради этого и мы поднялись на Утес Юмбо. Первоклассная обсерватория, не правда ли?

— Вы нас опередили, — иронически сказала Юдифь. — Я опасалась, что мы придем слишком поздно. Или, может быть, мы явились раньше, чем следовало?

Но Кэт, по-видимому, не почувствовала нарочитой двусмысленности вопроса, на этот раз адресованного непосредственно ей. Во всяком случае, она на него не ответила. Глаза и мысли ее были обращены в другую сторону.

— Что вы, как раз вовремя, мисс Джесюрон! — заверил ее Смизи. — Сейчас затмение вступает в наиболее интересную фазу. Через несколько минут солнце совершенно померкнет.

Если вы будете так любезны ступить вот сюда, вам будет видно лучше. Разрешите предложить вам мое стеклышко... А, это вы, милейший? — обратился он к подошедшему Герберту. — Рад вас видеть.

И он милостиво протянул Герберту один палец.

Герберт отклонил предложенную ему честь, ограничившись вежливым поклоном. Смизи, вновь обернувшись к обольстительной мисс Джесюрон, подвел ее к самому краю утеса любоватся постепенно меркнувшим солнцем. Таким образом, Кэт и Герберт остались одни, и едва ли это им было неприятно. До сих пор они обменялись лишь сухими, официальными поклонами. Некоторое время молодые люди стояли молча. Герберт первым нарушил неловкую паузу.

— Очень сожалею, мисс Воган... — начал он, стараясь скрыть волнение, которое, однако, выдавал его дрожащий голос, — очень сожалею, если наш приход помешал вам. Я намеревался тотчас удалиться, но моя спутница предпочла остаться.

«Мисс Воган»! Сухое обращение резануло слух Кэт и вынудило ее ответить иначе, чем она предполагала сначала:

— Раз вы не вольны поступать по собственному желанию, для вас, конечно, было бы благоразумнее остаться. Что касается меня, то успокойтесь: вы мне ни в коей мере не помешали. А мой спутник, как видите, вполне доволен.

Веселые голоса, взрывы смеха, доносившиеся оттуда, где стояли Смизи и Юдифь, не оставляли сомнения в том, что там идет оживленный разговор.

— Мне все же неприятно, что наш приход разлучил вас, хотя бы временно, с вашим спутником. Может быть, вам угодно, чтобы я занял место мистера Смизи и дал ему возможность вернуться к вам?

Кэт по-своему истолковала это предложение, и ее ответ еще больше расширил образовавшуюся между ними пропасть.

— Разумеется, если вам этого хочется! — сказала она вызывающе и в то же время с горечью.

На этом неприятный для обоих разговор оборвался. Герберту следовало бы как-то ответить, но это оказалось нелегко. Он промолчал. И тут наступила полная тьма. Луна закрыла солнечный диск, и земля погрузилась во мрак. На небе показались звезды, как бы оповещающая, что Вселенная еще существует. Послышались голоса ночных птиц — они напоминали, что жизнь продолжается и на Земле.

В сердцах влюбленных царил не меньший мрак. Кэт и

Герберт стояли рядом, но были бесконечно далеки друг от друга. Мгла вокруг не могла сравниться с мраком, заполнившим их души. На черном небе были хотя бы звезды, радовавшие глаз, из леса доносились птичьи голоса, веселившие сердце. А для Герберта и Кэт все было темно и безнадежно, как в могиле.

Они продолжали стоять, не произнося ни слова. Умолкла и вторая пара. Все почувствовали торжественность минуты. На фоне темного неба все четыре фигуры, казалось, застыли, неподвижные, как сам утес. Кэт и Герберт стояли так близко, что каждый слышал дыхание другого.

Положение было бы совсем невыносимым, если бы не темнота, скрывавшая лица. Но все это длилось секунды. Звезды одна за другой исчезли, и небо снова заиграло лазурью. Ночные звери и птицы, дивясь внезапному возвращению дня, попрятались, охваченные безмолвным страхом. Солнце вновь появилось из мрака и снова на землю полились радостные потоки света.

А Кэт и Герберт все стояли, не переменяв позы. Ни тот, ни другой ни разу не шевельнулись, не произнесли ни слова. Как ни больно задела Герберта колкость девушки, он все же помнил свои обещания, помнил, что он перед ней в долгу. Неужели он окажется непостоянным и неблагодарным? Недаром он хранит на груди спрятанную от постороннего взгляда голубую ленту, хотя это, как он всегда понимал, всего лишь знак дружеского расположения. Кэт никогда не признавалась ему в любви, никогда не брала на себя никаких обязательств. Ее не за что упрекнуть. Разве она не имеет права любить кого угодно? В том, что Кэт любит другого, Герберт был теперь уверен. Он убедился в этом, едва ступил на вершину утеса. Сцена, представшая его глазам, не оставляла места надежде. Конечно, Смизи преклонил колени, чтобы сделать предложение. Положим, он еще не получил ответа, но можно ли сомневаться, каков будет этот ответ?

Герберт пытался заглушить в себе горькие чувства, подавить ревность, обиду и на обломках несбывшихся надежд построить заново отношения, единственно возможные между ним и Кэт,— отношения дружбы. Сделав над собой сверхъестественное усилие, он решил, что добился желаемого, и как будто действительно подавил в себе сердечное влечение к прелестной Кэт, и вновь обрел спокойствие.

Увы, торжество такого рода может быть лишь временным. Еще никому и никогда не удавалось справиться со сво-

им сердцем. Взаимная любовь еще может перейти в спокойную дружбу, но любовь отвергнутая — никогда.

Но Герберт был слишком молод, слишком неопытен в сердечных делах, слишком плохо разбирался в собственных чувствах. Иначе он не стал бы и пытаться погасить в себе любовь, а, отказавшись, от всякой борьбы с самим собой, предался бы бессильному отчаянию.

Глава L

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Пока Герберт предавался нерадостным размышлениям, сквозь угрюмую тьму начал постепенно пробиваться солнечный свет, словно поднимая вуаль с личика Кэт. Герберт, не устояв перед искушением, взглянул на кузину и заметил происшедшую в ее лице перемену. Перемена эта поразила его. Пока они разговаривали, лицо ее пылало, глаза горели гордым и надменным огнем. Все это исчезло. Глаза блеснули иным, мягким блеском, по щекам разлилась бледность, как будто тьма похитила с них розы. Исчезла и надменность. Теперь на лице Кэт была печаль и даже боль.

Что вызвало эту внезапную перемену? Почему так скорбно сжаты дрожащие губы? Какие горькие мысли заставили побледнеть эти щеки? Может быть, ей показалось, что Смизи слишком наслаждается обществом Юдифи Джесюрон? Его восторженный смех не умолкал ни на минуту.

Именно так истолковал Герберт перемену в настроении Кэт.

подавив в себе ревность, он молчал, не в силах оторвать глаз от грустного, милого ему лица. Из груди его вырвался вздох. Кэт его не услышала: невольный вздох вырвался в эту секунду и у нее.

Справившись со своим волнением, Герберт уже готов был дружески заговорить с девушкой, как вдруг взгляды их — впервые за все это время — встретились. Несколько мгновений оба они стояли лицом к лицу как зачарованные. Они затаили дыхание и не могли произнести ни слова. Каждый искал в глазах другого, в этом правдивом зеркале души, ответа на вопрос, занимавший их больше всего на свете.

Этот немой вопрос был прям и бесхитростен. В нем не было и тени кокетства. Они смотрели друг на друга, забыв о том, что за ними могут наблюдать. Что за дело влюбленным до затмения, до солнца, до луны, до звезд, до целой

Вселенной и тем более до людей, которые стояли поблизости? Но про них не забыли: за ними следили глаза прекрасного демона.

Ах, Юдифь, все твои ухищрения потерпели фиаско! Твои стрелы обратились против тебя самой. Засиявший вновь солнечный свет не принес тебе радости. Золотые лучи осветили всех четверых, стоявших на утесе,— четверых влюбленных, но лишь двоих любящих!

Острые глаза дочери Джесюрона успели поймать на лету взгляд, которым обменялись Кэт и Герберт. Она разгадала его тайный смысл.

Какой ураган страстей, какая буря чувств разрывала грудь надменной красавицы! Привыкшая читать немые речи взглядов, Юдифь поняла, что хотел выразить своим взглядом Герберт, и едва не вскрикнула, словно ужаленная змеей.

Она тут же перестала кокетничать с мистером Смизи и самым бесцеремонным образом покинула столичного франта, предоставив ему одному любоваться затмением. Подойдя к Герберту и Кэт, она заговорила, и дуэт сменился трио, а затем, когда к ним присоединился Смизи,— квартетом, однако очень ненадолго.

Первой стала прощаться Юдифь. Веселое настроение оставило ее. Она мысленно проклинала затмение солнца и самое себя за то, что ей взбрело в голову выбрать для астрономических наблюдений столь неудачное место. Ведь продлись встреча Герберта и Кэт несколько дольше, они, возможно, лучше поняли бы друг друга, и их расставание было бы не столь холодным и церемонным.

Смизи и Кэт опять остались вдвоем. Влюбленный мог бы продолжить свое столь досадно прерванное признание. Можно было ожидать, что он тотчас снова упадет на колени и закончит свою пылкую речь. Но нет. В настроении мистера Смизи за это время также произошла некоторая перемена. Самоуверенность покинула его. Момент был упущен. Солнце сияло вовсю, и заранее разученные изысканные метафоры и сравнения с упоминанием дневного светила казались теперь неуместными.

Это ли обстоятельство замкнуло уста Смизи или он вдруг утратил уверенность в благосклонном ответе — неизвестно. Сам Смизи об этом никому не поведал.

Известно лишь, что объяснение на сей раз так и не состоялось и было отложено на неопределенное время.

БАЛ В ЧЕСТЬ СМИЗИ

Через несколько дней после описанных выше событий, как будто солнечное затмение оказалось недостаточно торжественным апофеозом для длинного ряда увеселений, устроенных в связи с приездом мистера Смизи, в честь молодого столичного льва был затеян грандиозный бал. Он должен был состояться в Монтего-Бей, который, будучи всего-навсего провинциальным городом, издавна, однако, славился пышностью своих праздников, начиная с тех далеких времен, когда старые испанские мясники отплясывали фанданго¹, и вплоть до того дня, когда мистер Монтегю Смизи почтил своим присутствием салоны ямайского высшего общества, познакомив его с наимоднейшими столичными танцами.

Бал обещал быть невиданно великолепным. На нем должны были присутствовать все сливки местного общества. Конечно, придет и Кэт Воган в сопровождении отца, судьи Лофтуса Вогана.

Героем праздника должен был быть мистер Смизи. Его, несомненно, окружат лучшие представительницы прекрасного пола, настоящее созвездие ослепительных звезд, а также целая армия папенок и маменек, столь же страстно, как и Лофтус Воган, мечтающих выдать замуж своих дочек. Конечно, присутствие Кэт на балу совершенно необходимо. Надо, чтобы она все время была на глазах у мистера Смизи. Достойный судья хорошо знал поговорку: «Слаще всего пахнет тот цветок, что ближе к носу».

Мистер Воган предвкушал удовольствие показать «ямайскому свету», что он в дружеских отношениях с владельцем замка Монтегю и что отношения эти скоро станут еще более близкими. Он не сомневался, что мистер Смизи будет приглашать Кэт на танцы так часто, как только это допускают правила хорошего тона. Он знал, какие чувства питает к ней молодой денди. Ретивый родитель неусыпно следил за их развитием и видел, что сердце мистера Смизи пылает любовью, насколько только способно пылать любовью подобное сердце.

Но одно обстоятельство смущало мистера Вогана: он недавно узнал, что в день затмения Кэт встретила с Гербертом.

¹ Фанданго — испанский народный танец.

Мистер Воган ухитрился разузнать от мистера Смизи все подробности утренней сцены. Его начинало беспокоить поведение дочери. Вскоре после изгнания Герберта из Горного Приюта она довольно прямо высказала отцу то, что было у нее на душе, и вырвавшиеся у нее неосторожные слова возбудили подозрения мистера Вогана. Ему было крайне неприятно, что случай вновь свел молодых людей. Он даже был уверен, что Герберт пришел на утес нарочно, зная заранее, что увидит там Кэт.

В Горном Приюте больше никто не говорил о Герберте. Даже Кэт не упоминала о нем — то ли потому, что стала благоразумнее, после того как отец выбрал ее, когда она как-то ненароком произнесла имя кузена, то ли потому, что перестала думать о нем. И все-таки мистера Вогана тревожило отношение дочери к Герберту. Он решил предупредить всякую возможность их дальнейших встреч.

Пустив в ход весь свой родительский авторитет, он после встречи на Утесе Юмбо заставил Кэт дать торжественное обещание никогда больше не разговаривать с Гербертом, даже делать вид, будто она не замечает его.

Нелегко было бедной девушке дать такое обещание, и это было бы еще мучительнее для нее, знай она, что творится в сердце Герберта. Она поняла, что отец опасается их встречи на балу в честь Смизи. А встреча с кузеном была там не только возможна, но даже почти неизбежна. Ведь туда приедет Юдифь Джесюрон с отцом; и уж, конечно, с ними будет и Герберт.

Лофтус Воган теперь просто ненавидел племянника. При первой встрече он был взбешен его независимым тоном. Гордый плантатор был слишком низменной натурой, чтобы уважать гордость в других. До него доходили слухи о том, как любезно обошелся с его племянником Джекоб Джесюрон, как щедро расточает он ему свое покровительство. Не понимая причин этого неожиданного гостеприимства, Лофтус Воган в конце концов решил, что Джесюрон все это проделывает в пику ему, Лофтусу Вогану, и надо сказать, если это было так, то он вполне добился своего, ибо главный судья был раздражен до крайности.

Наступил вечер бала. Огромный зал, где обычно устраивались городские празднества, был разукрашен так, как того требовал случай. Вдоль стен развесили флажки и гирлянды, а в подъезде — транспарант, по краям которого укрепили флаги: с одной стороны английский национальный флаг, а с другой — знамя святого Георгия. Транспарант воз-

глашал огромными буквами, каждая размером в полтора фута: «Добро пожаловать, Смизи!»

Вот пробил долгожданный час. Оркестр уже на месте, и к залу потянулись вереницы экипажей, доставляя на бал десятки... нет, сотни жаждущих потанцевать. Двадцать миль в подобных случаях считаются на Ямайке пустяком. Прибыло и ландо мистера Вогана, в котором восседали судья, его красавица дочь и, главное, тот, кого следовало бы упомянуть в первую очередь: сам герой бала.

Каким торжеством преисполнилось его тщеславное сердце под великолепной плоеной манишкой, с какой победоносной улыбкой повернулся он к прелестной Кэт, чтобы насладиться тем впечатлением, которое произвела на нее лестная надпись на транспаранте!

«Добро пожаловать, Смизи!» — сорвалось с целой сотни уст, едва экипаж мистера Вогана приблизился к подъезду. Раздались громкие рукоплескания и приветственные крики, и почетный гость прошествовал в бальный зал. Приняв эффектную позу и простояв так несколько секунд под перекрестным огнем по крайней мере двух сотен пар глаз, почетный гость подал пример остальным, выведя свою даму на середину зала. Грянул оркестр, и бал начался.

Стоит ли говорить, с кем танцевал мистер Смизи первый танец! Разумеется, с Кэт. Об этом позаботился мистер Воган. Смизи был великолепен: Томс колдовал над ним целый день. Волосы цвета соломы были все в мелких кудряшках, бачки расчесаны до пушистости, кончики нафабранных усов торчали вверх, как стрелки, а на щеках лежал тончайший слой румян.

Юдифь Джесюрон прибыла несколько позже. Она явилась к вальсу. Ее сразу заметили. Что привлекло к ней всеобщее внимание? Роскошное платье алого бархата, жемчужная диадема в волосах, блестящих и черных, как вороново крыло? Ослепительно белые зубы, сверкающие за полуоткрытыми губами, подобными лепесткам роз? Смуглый румянец? Пламенный взгляд черных глаз? Да, все это, вместе взятое, составляло величественную картину, невольно притягивающую к себе взоры. Не одна пара глаз устремилась на нее, не одна пара глаз зажглась немим восхищением.

Ее партнер был вполне достоин такой прекрасной дамы. Она кружилась в объятиях молодого человека, которого почти никто из присутствующих не знал, но взгляды прелестных женских глазок, то робкие, то вопрошающие, то

откровенно восхищенные, говорили о том, что многие хотели бы с ним познакомиться.

Однако счастливец, так щедро одаренный природой, казалось, мало думал о своей привлекательной внешности и ничуть не ценил удовольствия танцевать с блестящей красавицей. Напротив, он был грустен, и даже упоительный вихрь вальса не разогнал туч на его лице. Кавалером Юдифи Джесюрон был Герберт Воган.

* * *

Бальный зал можно сравнить с калейдоскопом. Фигуры все одни и те же, но они непрерывно группируются по-разному. Умышленно или случайно, во время танцев или в перерыве, рано или поздно, но вы непременно столкнетесь лицом к лицу или окажетесь рядом с каждым из присутствующих в зале. Так произошло и на балу в Монтего-Бей. Обе пары — Кэт и Смизи, Юдифь и Герберт — оказались друг против друга. Это случилось, когда все отдыхали после головокружительного вальса. Смизи отвесил глубокий поклон, согнувшись чуть не до полу. Красавица в ответ надменно кивнула. Герберт сдержанно поклонился кузине — в глазах его светились неуверенность, мольба и вопрос. Она ответила ему так сухо, так небрежно, что даже Лофтус Воган, зорко следивший за всеми участниками этого квартета, ничего не заметил.

Бедняжка Кэт! Она помнила о своем обещании отцу и знала, что родительское око не дремлет. Она не обменялась с Гербертом ни единым словом. Да и стояли они рядом всего несколько секунд. Герберт, уязвленный ледяным, почти оскорбительно небрежным поклоном Кэт, обвинил рукой стан своей дамы, с готовностью принявшей приглашение, и увлек ее в толпу танцующих.

Танец следовал за танцем, но больше обе пары ни разу не очутились рядом. Когда судьба, казалось, готова была вновь свести их вместе, случайность или чей-то умысел опять разводил их в разные стороны. Почти всю ночь Герберт протанцевал с прекрасной Юдифью. Грусть исчезла с его лица, теперь оно, казалось, дышало безудержной веселостью. Никогда еще Герберт не был так внимателен к дочери Джесюрона, и в первый раз со времени знакомства она почувствовала, что ее страстная любовь не остается безответной. На мгновение ее жестокое сердце исполнилось настоящей женской нежности. Кружась в вальсе, она на миг

прильнула к своему партнеру, прижавшись щекой к его плечу, изнемогая от блаженства.

Она не спрашивала себя, почему вдруг Герберт так внезапно вспыхнул к ней страстью. Сердце, ослепленное любовью и жаждущее взаимности, распахнулось, готовое принять ответную любовь, не думая, искренна она или притворна. Какие муки терзали бы ее, если бы она угадала, что таится в груди Герберта! К счастью для нее, она и не подзревала, что он любезничает с ней только для того, чтобы вызвать ревность в другой.

Знал об этом только сам Герберт. Когда в пестром калейдоскопе нарядных танцующих пар он видел вдруг лицо Кэт, они обменивались мимолетным, нарочито равнодушным взглядом. Оба играли сходные роли. Заметив поведение Герберта и не разгадав истинной его причины, неискушенная в кокетстве девушка приняла все за чистую монету. Каждый был совершенно уверен в равнодушии другого. Одно обстоятельство окончательно убедило их в этом.

Прислушиваясь к пересудам в переполненном бальном зале, можно узнать много всяких секретов. Попозже, после того, когда шампанское за ужином развязывает языки и танцоры повышают голос, словно вокруг одни глухие, тот, кто незаметно бродит или спокойно стоит среди толпы, часто ловит обрывки разговоров, не предназначенных для посторонних ушей и, может быть, меньше всего для его собственных. Многие таким образом узнавали неприятные для себя вещи. Именно так случилось на этом балу с Гербертом и Кэт.

На некоторое время Герберт остался один. Юдифь танцевала с другим. Не потому, разумеется, что ей наскучил Герберт, а ради соблюдения приличий. Но танцевала она не с мистером Смизи, нет! Она старательно избегала его весь вечер. Она помнила, что произошло на утесе, и боялась повторения той сцены. Кокетство с мистером Смизи ее теперь совсем не привлекало. Уверенная в победе над Гербертом, Юдифь была на седьмом небе и ничем не хотела огорчать предмет своей любви.

В толпе, почти рядом с Гербертом, стояли, беседуя между собой, два молодых плантатора. Они изрядно выпили за ужином и поэтому говорили громко. Герберт невольно слышал их, а как только понял, о чем идет речь, стал уже прислушиваться нарочно. Тема разговора заинтересовала его не своей оригинальностью — об этом на балу судачили весь вечер. Разговор шел о Смизи. Но рядом с его именем упо-

миналось имя Кэт Воган. Герберт наострил уши, и вот что он услышал.

— Когда же это произойдет? — спрашивал один из собеседников. — Скоро?

— Точно день еще не назначен, но, полагаю, очень скоро.

— Наверно, это событие будет отпраздновано со всей помпой: завтрак, обед, ужин и бал.

— Само собой разумеется. Судья не упустит случая пустить пыль в глаза.

— А где молодые проведут медовый месяц?

— Хотят уехать в Лондон. Я думаю, что они там и останутся. Мистеру Смизи не по вкусу жизнь в колонии. Говорит, ему здесь не хватает оперы. Жаль! С их отъездом на Ямайке станет одной красавицей меньше!

— Одно можно сказать: Лофтус Воган недурно сбыл свой товар.

— Фу, стыдись, Торндайк, — так выражаться о прелестной мисс Воган!

Торндайк и не подозревал, что был на волосок от того, чтобы получить пощечину — не от собеседника, а от незнакомца, который стоял рядом. Но Герберт обуздал свое негодование. Кэт его не любит! Ей будет неприятно его заступничество.

А Кэт в это время невольно слушала почти аналогичный разговор. Мистер Смизи, конечно, не мог весь вечер танцевать с ней одной: слишком многие жаждали этой чести. И вот он ненадолго покинул Кэт. Она молча стояла в толпе рядом с отцом, слыша, как сплетничали за ее спиной две представительницы прекрасного пола.

— Да кто он такой?

— Говорят, приезжий англичанин, родня судьи Вогана. Только мистер Воган почему-то не признает своего молодого родственника.

— Зато его, кажется, вполне признает та дерзкая особа в алом бархате. Кстати, кто она?

— Некая мисс Джесюрон. Дочь богатого скотовода, который раньше вел широкую торговлю неграми.

— Только и всего? Она держится с ним очень развязно!

— Совершенно справедливо, но они обручены, и это касается только их самих. Он здесь новичок и еще плохо разбирается, какое, собственно, общественное положение занимает его красавица. Жаль его — очень приятный на вид молодой человек. Впрочем, пусть сам на себя пеняет. Никто не виноват, что он позволил себе плениться прекрасной

розой, не заметив, что у нее довольно много шипов. Ха-ха-ха!

«Что одному — смех, то другому — горе», — говорит половица. Когда Кэт уезжала с бала, сердце ее истекало кровью. И дома, уже в постели, прижимаясь щекой к подушке, она твердила себе всю бессонную ночь:

— Потерян, навек потерян!

— Победа! — воскликнула Юдифь, бросившись на диван у себя в гостиной. — Герберт Воган мой!

— Потеряна, навек потеряна! — сказал Герберт, закрывая дверь своей скромной комнаты.

— Победа! — воскликнул неотразимый Смизи, входя к себе в элегантную спальню. — Кэт Воган моя!

Глава III ПОСЛЕ БАЛА

Время шло. Скоро должно было выясниться, суждено ли сбыться честолюбивым замыслам Лофтуса Вогана или они обречены на провал. Сам он неудачи не боялся. Хотя Смизи, упустив удобный случай во время солнечного затмения, еще не успел до сих пор сделать официального предложения, мистер Воган знал, что он сделает его в ближайшее время. Собственно говоря, Смизи откладывал объяснение с Кэт по совету самого мистера Вогана, которого он посвятил в свои планы. Мистер Воган не опасался возможности отказа со стороны Кэт. Властный отец отлично знал, что дочь будет покорна его воле. Мистера Вогана беспокоило иное. Некоторые соображения заставляли его не торопить ход событий.

Самому же мистеру Смизи и в голову не приходило, что ему могут отказать. Поведение Кэт на балу лишний раз подтвердило его уверенность в том, что очаровательная мисс Воган влюблена в него без памяти и что для нее жизнь без Смизи — непроглядный мрак. Бледное личико, томный, задумчивый взор — такой Кэт появилась за завтраком наутро после бала. Смизи было ясно, что она может быть счастлива, только став миссис Смизи.

В это утро ему пришло в голову, что, пожалуй, больше не следует откладывать предложение. Оно послужит достойным финалом ко вчерашнему балу. Ощущая на своем челе лавровый венок вчерашней славы, он, торжествующий и неотразимый, явится перед своей красавицей.

После завтрака мистер Смизи отвел судью в угол и еще раз выразил желание стать его зятем.

Из-за странного поведения дочери на балу,— а может быть, и по другой причине,— мистер Воган решил, что откладывать больше не стоит. Ему только хотелось предварительно самому переговорить с Кэт, подготовить дочь к предстоящей ей чести стать супругой Монтегю Смизи.

Встав из-за стола, Кэт тотчас удалилась в павильон. Туда же направился и мистер Воган, а вслед за ним вышел в сад и Смизи. Пылкий любовник не стал бродить вокруг павильона, а принялся разгуливать по дорожкам: там сорвет цветок, тут погонится за бабочкой, радужной и беспечной, как его собственные мечты.

Все это утро на лице Кэт лежало облачко грусти. Приход отца не развеял его. Наоборот, взгляд девушки стал еще более грустным, когда в дверях появилась фигура Лофтуса Вогана, казалась, закрывшая собой последний слабый луч надежды. Кэт поняла, что наступила минута выбора: или подчиниться воле отца и обречь себя на несчастную жизнь, или послушанием вызвать гнев, неизвестно еще что ей суливший.

Кэт твердо знала одно: мистера Смизи она не любит и никогда не полюбит. Она не питает к нему ненависти, он не внушает ей отвращения. Она чувствует к нему только равнодушие и легкое презрение. Смизи совершенно безобиден, и муж из него получится вполне безобидный. Но не о таком муже мечтала юная креолка, не таков был избранник ее сердца. И, однако, отец и поклонник избрали удачный миг, чтобы склонить ее на свою сторону. Хотя презрение Кэт к столичному франту за последнее время лишь усилилось, она, прежде твердо решившая отказать ему, теперь была преисполнена сомнений.

Отец и мистер Смизи неверно истолковали подавленное настроение Кэт, но оно, тем не менее, было в их пользу. Она страдала не от любви к Смизи — она томилась безнадежной любовью к другому, но именно безнадежность этой любви благоприятствовала планам владельца замка Монтегю. К отчаянию девушки примешивались чувства обиды и гнева. Уязвленная гордость часто толкает на отчаянные решения — пусть даже это повлечет за собой гибель всех надежд. Как будто счастье можно купить, отомстив тому, кого любишь!

Отчаяние Кэт Воган достигло той степени, когда любящий, убедившись, что его отвергли, ищет утешения в мести.

Бал, доставивший столько радости тому, в честь кого он был дан, оказался роковым для Кэт Воган. До него она еще надеялась на что-то. Без надежды любовь гаснет. Она все еще помнила прощальные слова Герберта. Как ни хрупка была эта опора, вера в возможность счастья не умирала; Кэт лелеяла мечты, несмотря на отсутствие любимого, несмотря на все слухи и сплетни.

Время шло, надежды тускнели. Начались терзания и сомнения. После встречи на утесе мечты Кэт вновь было ожили, но на балу они развеялись без остатка. Все рушилось. Герберт всего один раз, и то непреднамеренно, оказался возле нее. А его поклон! Сухой, холодный, почти насмешливый.

Кэт не вспомнила, как сух и холоден был ее собственный поклон. Она глазами искала Герберта в толпе, часто находила его, но от нее ускользало то, что точно так же поступал и Герберт, ибо оба они старались не встретиться взглядами.

Ни разу больше за весь вечер он не подошел к ней, не попытался заговорить. А возможностей было сколько угодно. Ведь не все время отец следил за ней.

Весь вечер Герберт ухаживал за другой, оказывая ей всяческие знаки внимания. Он любит эту самоуверенную красавицу! Можно ли еще сомневаться в этом!

Ужасная мысль не оставляла Кэт ни на минуту. Он любит другую! Из нечаянно подслушанного разговора Кэт узнала, что скоро влюбленные поженятся, что они обручены. Все пропало... Будущее рисовалось ей безрадостным, черным, как ночь, без единого светлого проблеска.

Вот почему лучи утреннего солнца упали на бледные щеки, вот почему лицо Кэт было печальным. В таком настроении застал свою дочь Лофтус Воган. Кэт и не пыталась скрыть свою печаль хотя бы притворной улыбкой. Она встретила отца, сурово сдвинув брови, и в глазах ее даже мелькнул гнев.

Может быть, в это мгновение ей невольно пришло в голову, что, если бы не отец, судьба ее сложилась бы иначе, и не Монтегю Смизи, а Герберт Воган готовился бы стать ее мужем. А теперь ее удел — вечная разлука с любимым.

Никогда не испытать ей высшего блаженства, которое дано человеку на земле и которое, может быть, равно небесному блаженству! Никогда уже не предаваться ей сладостным девичьим мечтам! Любовь ее — как цветок, аромат

которого рассеялся в воздухе. Горькие, бесплодные терзания — вот ее удел до конца жизни.

Если бы знал, тщеславный отец, что собственными руками готовишься разрушить счастье своей единственной дочери, хочешь разбить ее юное сердце, ты, может быть, не так радостно спешил бы совершить церемонию жертвоприношения!

Глава LIII ПОДГОТОВКА ПОЧВЫ

— Кэтрин!

— Да, отец.

Кэт ответила еле слышно, не поднимая глаз от лежавшего перед ней на столе предмета. Это был маленький шелковый кошелек. Одна из голубых ленточек, которыми он завязывался, была оборвана. Лофтус Воган взял со стола кошелек и внимательно посмотрел на него.

— Хорошенькая вещица. Жаль, что лента оборвана. Кто же ее оторвал?

Он, впрочем, мало интересовался ответом. Меньше всего он мог подозревать, в какой непосредственной связи находится исчезнувшая голубая лента с грустным настроением его дочери. Он просто задал этот вопрос, чтобы как-нибудь начать предстоящий серьезный разговор.

— Это пустяки, папа. Стоит ли беспокоиться из-за клочка ленты! Его так легко заменить другим.

«Да, Кэт, ты без труда найдешь для кошелька другую ленту, но не так-то легко обретишь ты снова спокойствие духа! С голубой лентой исчез твой сердечный покой».

Должно быть, именно такие мысли и промелькнули в голове девушки, ибо взгляд ее стал еще грустнее. Мистер Лофтус помолчал, затем посмотрел в окно.

Он увидел Смизи, гонявшегося за бабочками, и попытался привлечь к нему внимание дочери. Это было тем более просто, что Смизи можно было не только видеть, но и слышать, ибо музыкальный денди напевал песенку:

Если б мне родиться
Легким мотыльком,
Целый век кружиться,
Виться над цветком...

И тут же, словно опровергая воспеваемые им приятности жизни легкокрылых созданий, мистер Смизи, поймав

великолепную бабочку, раздавил хрупкое создание пальца-ми, обтянутыми лайковой перчаткой.

— Какой достойный молодой человек! Не правда ли, Кэт? — воскликнул мистер Воган с преувеличенным энтузиазмом и посмотрел на дочь в ожидании ответа.

— Наверно, правда, папа, раз все так говорят.

— А разве ты сама не разделяешь этого мнения?

— Его разделяешь ты, папа, и поэтому этого достаточно.

Тут снова донесся голос Смизи:

Мне не нужно почестей,
Золота и власти.
Власть приносит горести,
Золото — напасти.
Я мечтать не стану
О рабах покорных....

— Еще бы! — подхватил мистер Воган. — Уж конечно, ему ни о чем мечтать не нужно — у него и так все есть. Ведь ему принадлежит замок Монтегю, этих рабов у него пять сотен.

А Смизи все распевал:

Слава за собою
Много бед приносит,
А богатство счастье
От людей уносит...

— Слышишь, Кэт? Как он умеет выражать тонкие чувства!

— Чувства и выражения тонки, но ни то, ни другое ему не принадлежит, — не без сарказма заметила Кэт. — Впрочем, раз он их разделяет, это почти то же самое.

— А какое имение! — вернулся мистер Воган к теме, интересовавшей его больше, чем благородные чувства, которыми была полна песенка. Иронического тона дочери он не заметил. — Просто великолепное имение! Лучше трудно сыскать, смею тебя уверить. А если присоединить его к нашему, то получится самое крупное поместье на всей Ямайке. Да что я говорю — на Ямайке! Во всей Вест-Индии! Слышишь, дочка?

— Слышу, папа. Но разве мистер Смизи собирается покупать Горный Приют? Или это ты думаешь купить замок Монтегю?

Кэт говорила нарочито простодушно. Она отлично знала, куда клонится разговор, и ее раздражала неопределенность, становившаяся для нее невыносимой. Ей хотелось все

окончательно выяснить и решить. В этом ее желаниа вполне совпадали с отцовскими.

— Ах ты, плутовка! — сказал отец, довольный, что разговор сам собой перешел на нужную тему. — Ну, ты прямо попала в цель! Ты угадала, Кэт: речь идет о продаже, только мы оба с мистером Смизи покупатели. Он собирается приобрести Горный Приют, это верно. Но чем он собирается заплатить, как ты думаешь? Угадай-ка!

— Право, папа, понятия не имею. Но, во всяком случае, мне будет жаль расстаться с нашим домом. Хотя теперь и здесь мне нечего ждать радостей, все-таки в другом месте я буду, мне кажется, еще несчастнее.

Мистер Воган был слишком увлечен ходом своих мыслей и не заметил, как явно подчеркнула Кэт слово «теперь». Не понял он и скрытого смысла слов дочери.

— Нет, мистер Смизи не лишит нас Горного Приюта, — рассмеялся он. — Не бойся, детка. Ты лучше угадай, чем он нам заплатит.

— Я не стану даже пытаться, отец. Все равно я ошибусь на несколько тысяч фунтов.

— Он нам не даст ни единого фунта, если только не считать, что не одну тысячу фунтов весит его великодушное сердце и щедрая рука. Потому что, Кэтрин, это и есть та цена, которую он нам заплатит!

Мистер Воган завершил свою витиеватую речь многозначительным и торжественным взглядом. Он был поражен собственным красноречием и выжидательно посмотрел на Кэт, полагая, что дочь с восторгом примет радостную весть. Его ждало разочарование: Кэт упрямо не хотела понять, что имеет в виду отец.

— Не думаю, чтоб сердце и рука мистера Смизи весили так много, — сказала она. — И не слишком ли это мало за целое поместье, в котором столько рук и сердец?

Мистера Вогана начинало раздражать явное нежелание Кэт понять.

— Я уже сказал тебе, — снова начал он с особой внушительностью, — что в этой сделке мы с мистером Смизи оба приобретаем. Каждый свое. Он получит Горный Приют, а я — замок Монтегю. Он отдает в уплату свои руку и сердце, а я плачу ему тем же: отдаю твои руку и сердце.

— Мои?

— Ну, разумеется. Надеюсь, тебя это радует?

— Отец! — Теперь и Кэт заговорила тоном глубочайшей серьезности. — Никакого обмена сердцами между мной и

мистером Смизи быть не может. Положим, что он готов отдать мне свое. Мне это безразлично. Я не стану обманывать тебя, отец: я никогда не полюблю его, это не в моих силах.

— Вздор! — Неожиданное заявление дочери совершенно сбило с толку Лофтуса Вогана. — Ты не понимаешь, что говоришь, дитя мое. Не любишь мистера Смизи? Такого любезного, такого одаренного, такого красивого молодого человека? Да ты просто шутишь, Кэт! Неужели он тебе не нравится, неужели он противен тебе?

— Нет, он мне не противен. Он не совершил ничего такого, чтобы внушить к себе отвращение. Я считаю его весьма достойным человеком.

— Но это все равно, что сказать, что он тебе нравится!

— Нравится человек или ты его любишь — это не одно и то же, — прошептала Кэт.

— Одно легко переходит в другое. Так часто бывает, особенно после брака. Даже не так уж хорошо, когда влюбляются сразу, с первого взгляда. «Скоро полюбили — скоро разлюбили», — говорит пословица. Ничего, Кэт, ты полюбишь мистера Смизи, когда станешь хозяйкой замка Монтегю и первой дамой на Ямайке. Это ли не счастье для женщины, малютка!

«С ним я была бы счастлива и в хижине», — подумала Кэт, но она, как, наверно, легко догадался читатель, имела в виду не мистера Смизи.

— Став миссис Монтегю Смизи, — продолжал судья, стараясь пробудить в дочери тщеславие, — ты будешь вращаться в самом фешенебельном обществе, приобретешь толпы друзей. Пойми, пока все это для тебя закрыто. Ты же знаешь, Кэтрин...

Он намекал на что-то, как будто обоим хорошо известное. Даже не обратив внимания, какое действие произвели на дочь его намеки, он продолжал расписывать в розовых тонах картину будущей жизни Кэт в роли миссис Монтегю Смизи.

— Да, детка, на тебя будут устремлены взгляды всего общества. Выездные лошади, кареты, наряды, толпы слуг — все будет к твоим услугам. А великолепная, упоительная поездка в Лондон! В столице ты сведешь знакомство с важными, знатными лордами и леди, станешь посещать оперу и балы, где будешь блистать и прослынешь первой красавицей, — слышишь, дочка? О тебе заговорят, тобой будут восхищаться. Ну неужели все это тебя не прельщает?

— Ах, папа, мне это совсем не по душе,— сказала Кэт, мало плененная перспективами роскоши и величия.— Знатность, богатство, балы — нет, меня никогда это не влекло, ты же знаешь. Все это не может дать счастья, во всяком случае мне. Я буду страдать вдали от родного дома. Какие радости найду я в шумной столице? Никаких. Я стану тосковать по нашим горам и лесам, по нашим чудесным деревьям, усыпанным яркими, ароматными цветами, по нашим птицам, по их нежным песням. Опера и балы! Я терпеть не могу балов. Блестать на них, слыть первой красавицей? Право, папа, мне неприятно об этом думать.

Кэт снова вспомнила о бале в честь Смизи. Тягостные воспоминания были вдвойне неприятны, потому что в тот вечер ей не раз приходилось слышать слова «первая красавица» по адресу той, которая отняла у нее счастье.

— Как только ты попадешь в высшее общество, твои вкусы переменятся. Так всегда бывает с молодыми девушками. И в балах нет решительно ничего дурного, если молодая дама посещает их в сопровождении мужа... Но, Кэт, давай перейдем к делу.— Мистер Воган нервничал и терял терпение.— Мистер Смизи ждет.

— Ждет? Чего ждет, папа?

— Оставь, Кэт! — Его просто бесила непонятливость дочери.— Неужели ты все еще не догадываешься? Кажется, я дал тебе понять достаточно ясно. Мистер Смизи делает тебе предложение. И ждет ответа. Полагаю, ты не собираешься ему отказывать? Это было бы недопустимо. Ты должна принять его предложение!

До сих пор мистер Воган говорил мягко, благодушно, но последние его слова прозвучали как приказ, почти как угроза. Они резанули слух Кэт и могли бы вызвать в ней чувство протеста. Так бы, наверно, и случилось, если бы разговор с отцом происходил накануне бала. Но теперь, когда она уже совершенно изверилась в возможности счастья с Гербертом, у нее не было силы сопротивляться воле отца. И с каким-то покорным отчаянием она согласилась принести жертву, которую требовал от нее отец.

— Я сказала тебе правду,— произнесла она твердо и решительно, глядя отцу в глаза.— Я никогда не отдам сердца мистеру Смизи и скажу это ему самому.

— Нет-нет, ни в коем случае! — поспешно остановил ее отец.— Ни в коем случае! Скажи, что ты согласна выйти за него замуж, а про сердце вообще не упоминай. Сердце ты ему подаришь после, когда вы поженитесь.

— Никогда! — Бедная девушка горько вздохнула. — Даже ради тебя, отец, я не пойду на обман. Мистер Смизи должен знать всю правду, я не стану подавать ему ложные надежды. И если он готов довольствоваться моей рукой без моего сердца...

— Значит, ты согласна, ты отдаешь ему свою руку? Судья был в восторге.

— Это ты отдаешь ее, отец, а не я...

— Ну хорошо, хорошо, пусть я, — быстро прервал ее мистер Воган, ища глазами беспечного любителя бабочек. — И я немедленно передам ему, что ты согласна... Мистер Смизи!

По-видимому, Смизи, в чайнии радостных известий, подошел очень близко к павильону, потому что немедленно отозвался на призыв и через секунду уже стоял на пороге.

— Сэр! — с подобающей случаю торжественностью провозгласил Лофтус Воган. — Вы просили руки моей дочери. Счастлив сообщить вам, что дочь моя выразила согласие стать вашей супругой. Горжусь честью назвать вас своим зятем, сэр!

Судья остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ах, право, — запинаясь, выговорил Смизи, — я так счастлив, что... Право, вот сюрприз... Никогда не ожидал. Честное слово, мисс Воган, я не ожидал, что меня ждет такое счастье...

— Ну, дети мои, — игриво прервал его судья, желая прийти на помощь смутившемуся жениху, — я соединил вас, а теперь оставлю одних.

Крайне довольный исходом дела, мистер Воган вышел из павильона и скрылся за углом дома.

Не будем мешать оставшимся наедине жениху и невесте, не будем подслушивать их беседу. Скажем только, что, когда Смизи с несколько вытянутой физиономией вышел из павильона, вид у него был скорее унылый и недоумевающий, чем ликующий. Тень, омрачавшая лицо Кэт, как будто легла и на лицо Смизи.

— Ну как? — с беспокойством обратился к нему будущий тесть.

— Превосходно, — промямлил Смизи, — превосходно! Только, право, странно... Весьма странно.

— Что весьма странно, мистер Смизи?

— Все прошло как-то слишком уж спокойно. Я ожидал, что будет волнение, радость... Нет, ничего похожего! Она выслушала мое объяснение совершенно равнодушно.

Даже хуже, чем просто равнодушно, добавим мы. Кэт сдержала слово, сказав Смизи, что отдает ему руку, но не сердце.

Глава LIV УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

На обращенном к Счастливой Долине склоне горы неподалеку от Утеса Юмбо бьет родник. Струясь по склону, он соединяется с другими подобными же родниками, и все вместе они образуют поток, который, пенясь, стремительно льется с уступа на уступ. На середине склона он встречает на своем пути глубокую продолговатую впадину — вернее, ущелье, куда и падают прозрачным каскадом его воды. Ущелье напоминает кратер потухшего вулкана: стены его уходят вниз на добрые двести футов. Но по своим очертаниям оно похоже на корпус корабля. Водопад свергается как бы на корму этого корабля и затем вытекает через узкую щель в носовой части.

Русло потока идет сперва прямо, рассекая дно ущелья надвое. Но вскоре, встретив на пути какое-то препятствие, оно широко разливается, от чего образуется озеро.

Выйдя через темный, узкий проход внизу ущелья, окруженный с обоих боков высокими отвесными скалами, вода из озера свергается вниз, образуя второй, более мощный водопад, высотой в несколько сот футов, и, стекая дальше по склону, сливается с водами Монтего-ривер.

Первый, или верхний, каскад низвергается на ложе из черных камней, над которыми постоянно висит белое облако водяной пыли, словно пар, поднимающийся из гигантского котла. Когда на эту сторону светит солнце, белое, словно пуховое, облако начинает сверкать, окрашиваясь во все цвета радуги. Но мало кому удастся видеть это редкое явление природы, ибо Ущелье Дьявола, так называют его негры, пользуется столь же дурной репутацией, что и Утес Юмбо. Не многие отваживались подойти к самому краю ущелья, еще меньше нашлось храбрецов, которые осмелились бы спуститься вниз.

Последнее, впрочем, объяснялось не только суеверным ужасом — спуск в ущелье был почти невозможен. На обступивших его со всех сторон отвесных утесах не было ни троп, ни выступов, на которые могла бы опереться нога человека. Только в одном месте, над самым озером, можно все же

спуститься до дна ущелья, цепляясь за низкорослые деревья, ютящиеся в расщелинах скал. Ловкий человек сумел бы спуститься вниз, но на другую сторону ущелья можно было переправиться только вплавь. Это было, однако, очень опасно из-за сильного течения в сторону второго водопада. И все же кто-то не отступил перед этими опасностями. Внимательно всмотревшись в переплетающиеся ветви деревьев на утесах, в одном месте можно было заметить нечто вроде лестницы. Ступенями служили корявые сучья, связанные между собой лианами. Из глубины ущелья поднималась порой тонкая струйка дыма. Она вилась над самыми верхушками деревьев и затем таяла в воздухе. Только стоя на самом краю ущелья и раздвинув листву, представлялась возможность разглядеть этот дымок, похожий на небольшое облачко, отделившееся от огромного облака водяной пыли. Однако дымок этот был серовато-голубым — несомненно, дым костра, зажженного руками человека.

Дым поднимался со дна ущелья трижды в день — утром, в полдень и вечером, как если бы костер разводился, чтобы стряпать завтрак, обед и ужин. Все это говорило о присутствии человека. Очевидно, кто-то, не поддавшись суеверному страху, поселился в Ущелье Дьявола.

Имелись и другие признаки того, что в ущелье живет человек. У берега озера, скрытый ветвями склонившегося к воде дерева и свисающими с него серебристыми фестонами испанского мха, стоял небольшой, грубо выдолбленный челнок. Ивовый прут, которым челнок был привязан к дереву, не оставлял сомнений в том, что лодка попала сюда не случайно, что у нее есть хозяин, рассчитывающий к ней вернуться.

Края озера, как уже говорилось, поросли высоким строевым лесом: по форме стволов и листвы глаз опытного ботаника немедленно узнал бы великолепные местные породы, которыми так славятся леса Ямайки. Здесь росла гигантская кедрела и ее родственник ложный кедр, с листьями, как у вяза, а также известное всему миру красное дерево. Там и здесь виднелись копьевидные стебли бамбука, иногда образующие целые заросли вперемежку с гигантскими папоротниками, изящные, словно кружевные, листья которых казались ажурной сеткой на фоне синего неба. На богатой почве буйно разрослись капустные пальмы — «принцессы ямайских лесов», как часто называют это благородное дерево. А рядом, вызывая восхищение своей мощью, стояла сейба — величественный патриарх вест-индских ле-

сов. Седой испанский мох, ниспадающий с раскидистых ветвей сейбы, напоминал бороду, вполне подобающую этому почтенному старцу.

На каждом дереве можно было заметить паразитические растения, и не одного, а сотен видов и самых причудливых форм. Некоторые обвивались вокруг стволов и сучьев, как огромные змеи или канаты, другие разрослись в развилинах ветвей, а иные свисали с самых верхушек, напоминая корабельные вымпелы. Многие растения-паразиты, перекинутые с дерева на дерево, были сплошь усыпаны яркими цветами, и потому весь лес казался огромной беседкой. Почти у самого подножия утеса, там, где низвергался водяной каскад, стояло дерево, заслуживающее особого упоминания. Это была сейба колоссальных размеров — диаметр ее массивного ствола достигал пятидесяти футов. Дерево поднималось почти до вершины утеса, а под его ветвями вполне могли расположиться пятьсот человек; листва его была довольно скудной, но покрывший его ветви испанский мох образовал настоящую крышу, не пропускающую солнечных лучей.

Но не величина дерева выделяла его среди многочисленных собратьев. Оно привлекало к себе внимание стоящей между его двумя огромными, выступающими над землей корнями хижиной — весьма примитивным сооружением, которому эти огромные плоские корни служили боковыми стенами. Переднюю стену хижины заменял частокол из бамбуковых палок. Из них же была сделана и дверь — вернее, калитка, державшаяся, как на петлях, на ивовых прутьях. Устройство крыши также было нехитрое. На выступы корней, образующих боковые стены, было настлано несколько поперечных шестов и на них положены длинные перистые листья капустной пальмы.

Хижина получилась треугольной, но не такой уж тесной. Во всяком случае, она была достаточно просторна для своего обитателя — единственного, судя по бамбуковому настилу, служившему кроватью, который был слишком узок для двоих; все постельные принадлежности состояли из камышовой циновки и драного одеяла. Тут же валялись кое-какие предметы мужской одежды. Значит, здесь жил мужчина. Обстановка отличалась необыкновенной скудостью. Собственно говоря, кроме настила, служившего, по-видимому, не только постелью, но и столом и стулом, старого жестяного котелка и нескольких тыквенных бутылок и мисок, в хижине не было ничего, что заслуживало бы названия домашней утвари.

Зато здесь находилось множество вещей, характер и назначение которых было трудно определить. По стенам висели странные предметы; некоторые — просто смешные, другие — внушающие ужас. Среди последних особенно бросались в глаза кожа безобразной ямайской ящерицы, двухголового змея, череп и клыки дикого кабана, высушенные ящерицы гекко, огромные летучие мыши, морды которых были похожи на человеческие лица, и другие отвратительные создания. Еще более таинственным было содержание небольших мешочков, подвешенных к стропилам крыши: комочки белой глины, когти филина, клювы и перья попугаев, зубы кошек, аллигаторов и агути, тряпицы, кусочки битого стекла и целый ворох совершенно непонятных вещей. В углу стояла корзина, наполненная ядовитыми корешками и травами.

Чужестранец, случайно попавший сюда, решительно ничего не понял бы, но житель Ямайки, знакомый с верованиями короманти, сразу определил бы, что странные предметы — африканские фетиши, что хижина — храм Оби и что хозяин ее — жрец этого культа.

Глава LV

ЧАКРА, ЖРЕЦ ОБИ

Солнце уже опускалось в голубизну Карибского моря, окрашивая в кармин блестящую, искрящуюся поверхность Утеса Юмбо, когда на тропинке, ведущей к вершине утеса, показалась человеческая фигура. Несмотря на царивший в тропическом лесу мрак, сгущавшийся вместе с быстро надвигавшимися сумерками, можно было без труда определить, что это женщина и, судя по цвету кожи, мулатка. Она и одета была так, как обычно одеваются «цветные» женщины на Ямайке: платье из пестрого ситца с широким вырезом на груди, на голове пестрый платок. Из этого и состоял весь ее костюм, если не считать рубашки сомнительной белизны, вышитый край которой виднелся в вырезе платья. Ноги мулатки были босы.

Это была высокая, крупная женщина. Лицо ее нельзя было назвать некрасивым, хотя оно не отличалось тонкостью черт. Но красота была грубой, чувственной.

Мулатка шла твердой походкой, говорившей о смелости и решимости. И в самом деле, требовалась немалая решимость, чтобы отважиться в такой поздний час отправиться

одной на Утес Юмбо. Но есть чувства более сильные, чем страх. Он отступает перед страстной любовью и перед жгучей ревностью.

Наверно, одинокую путницу терзала одна из этих страстей.

Сквозившее во взгляде женщины нервное беспокойство, переходящее временами в сильную тревогу, заставляло предполагать скорее ревность. Любовь не так мрачна, она всегда таит в себе надежду. Только необычное дело могло привести мулатку ночью на Утес Юмбо, но какое, догадаться было невозможно. В руке она несла корзинку с провизией. Из-под полуоткрытой крышки виднелись бататы, помидоры, бананы, стручковый перец и большой кусок жареной цесарки.

Могло бы показаться, что она идет на рынок. Но поздний час, обеспокоенный вид мулатки, самое место — все это не допускало предположения, что провизия предназначена для продажи. Да и кто бы купил ее на Утесе Юмбо! Впрочем, мулатка направлялась не туда. Вот она дошла до места, откуда уже видна его вершина, постояла минуты две, огляделась по сторонам, как будто проверяя, не сбилась ли с пути, и затем свернула влево. Не страх погнал ее прочь от утеса, ибо она шла теперь к месту, пользующемуся не менее дурной репутацией: она направлялась к Ущелью Дьявола.

Теперь уже не оставалось сомнений, что мулатка шла именно туда. Хотя тропы к ущелью не было, она выбирала направление с уверенностью, ясно показывавшей, что она здесь не впервые. Она смело пробиралась сквозь путаницу ветвей и лиан, пока не дошла до края ущелья, откуда начинался спуск к озеру. Тут мулатка остановилась и стала подавать кому-то сигналы.

Вынув из кармана небольшой белый платок, она повесила его на сук дерева, росшего под самым обрывом, и, опершись рукой о древесный ствол, устремила внимательный взгляд на озеро внизу. В сгустившейся темноте даже белый платок мог остаться незамеченным, но мулатку это, по-видимому, не беспокоило. Лицо ее выражало уверенность, словно она не сомневалась в том, что тот, кому подан знак, заранее уведомлен и ждет его.

Она не обманулась в ожиданиях. Не прошло и пяти минут, как из-за темных ветвей и мхов у дальнего края озера показался челн и поплыл к месту, где стояла женщина.

В лодке находился только один человек. Даже в вечерней темноте можно было заметить, как безобразна его наружность.

Это был старый негр огромного роста, о чем свидетельствовала громадная ширина плеч, на которых сидела большая, почти без шеи, голова. Он был горбат. Неимоверно длинные, обезьяньи руки давали ему возможность дотягиваться до бортов лодки без всяких усилий, не меняя положения: туловище его все время оставалось неподвижным.

Одет он был причудливо и странно. Только штаны на нем были такие, как обычно носят все рабы на сахарных плантациях — из грубого белого холста. Грязновато-желтый оттенок их ясно говорил, что штаны давно не знали стирки, а буро-красные пятна свидетельствовали о том, что если их и касалась влага, то не вода, а кровь. На плечи негра был накинут плащ из звериных шкур, доходивший ему до локтей, а у горла стянутый кожаным ремнем. Негр был бос, да он и не нуждался в обуви — так заскорузли и огрубели подошвы его ног. На голове у него красовался совсем уже фантастический убор — что-то вроде шапки из меха дикого зверя, плотно облегающей огромный череп. Полей не было, их заменяло чучело большой желтой змеи. Голова пресмыкающегося приходилась как раз над серединой его лба. В глазницы были вставлены два сверкающих камешка, отчего змея казалась живой. Впечатление создавалось на редкость страшное и отталкивающее.

Впрочем, физиономия старика и сама по себе была достаточно отвратительна и внушала ужас. Угрюмо-злой взгляд глубоко посаженных глаз, широкие вывернутые ноздри, сверкающие заостренные зубы, похожие на акульки, лиловые губы и красная татуировка на щеках и широченной груди, обнажавшейся всякий раз, когда горбун отводил назад весло, — все вместе взятое делало его облик столь чудовищным, что, и не будь змеи, на старика было бы жутко смотреть. Казалось, он навел ужас даже на пернатых обитателей ущелья. Сидевшая в осоке цапля взметнулась вверх с испуганным криком, а фламинго, расправив крылья, поднялись над утесами и скрылись за их вершинами.

Как бы ни была смела и полна решимости мулатка, поджидавшая негра, и она содрогнулась, когда челн подплыл ближе. Мгновение она, казалось, сомневалась, стоит ли доверяться такому чудовищу, но вскоре, движимая чувствами посильнее страха, обрела прежнюю решимость и, когда из челна послышался приказ спуститься, сняла с ветки платок,

ухватила покрепче корзинку и начала спускаться по оплетающим утес ветвям и лианам.

Челн снова вышел на середину озера. Теперь на корме сидела мулатка, а негр греб, напрягая все силы, чтобы легкое суденышко не снесло к водопаду, который с шипением и ревом несся вниз. Достигнув дерева, где прежде находилась лодка, негр вновь привязал ее к стволу. Затем, выбравшись на сушу, он зашагал к храму Оби, жрецом и оракулом которого являлся. Женщина последовала за ним.

Глава LVI ВОСКРЕСШИЙ МЕРТВЕЦ

Дойдя до хижины возле сейбы, жрец прошел внутрь. Тонем скорее приказания, чем просьбы, он предложил женщине следовать за собой. Мулатка колебалась. Внутри хижины было темно, как в аду, хотя и снаружи теперь было уже немногим светлее. Мох на ветвях сейбы не пропускал ни единого луча лунного света. Негр заметил нерешительность женщины.

— Входи! — грубо приказал он. — Что ты, не знаешь меня, что ли? Чего ты испугалась?

— Я не испугалась, Чакра, — ответила она, хотя дрожь в ее голосе говорила о другом. — Только там такая темь...

— Тогда подожди здесь. Сейчас я зажгу огонь.

Вскоре послышался звук ударов стали о кремень. Вспыхнули искры. Жрец дал разгореться щепке, затем зажег светильник, сделанный из щитка черепахи, где в жире дикого кабана плавал фитиль из древесного лыка.

— Теперь можешь войти, Синтия. — Жрец поставил площадку на пол. — Что, все еще трусишь? И это ты, дочь Юноны! Твоя мать не боялась старого Чакры. Ей и сам дьявол был не страшен.

Женщина, наверно, подумала, что дьявол едва ли многим страшнее человека, стоявшего сейчас перед ней.

— Как здесь жутко, Чакра! — сказала она, еще больше оробев при виде зловещего убранства стен. — Уж очень все страшно...

— Не страшнее, чем на Утесе Юмбо, — ответил ей жрец, сопровождая эти слова многозначительным взглядом и угрюмой усмешкой.

— Верно, Чакра, — согласилась мулатка, постепенно приходя в себя. — Верно. Уж тебе ли это не знать! Но скажи, —

продолжала она, уступая чувству женского любопытства, — как тебе удалось уйти с утеса? Люди говорили, что видели твой скелет, прикованный к стволу пальмы.

— Люди говорили правду. Это был мой скелет.

Женщина посмотрела на старика. Взгляд ее выражал изумление и страх.

— Твой скелет? — пробормотала она недоумевающе.

— Ну да, вот эти самые старые кости: череп, ребра, суставы, руки и ноги. Что, Синтия, тебя это удивляет? Что, ты не знаешь, кто такой Чакра? Не знаешь, что он служит великому Оби? Тот, кто служит Оби, знает, как возвращать жизнь мертвецу. Можешь быть спокойна, Чакра отлично все это знает. Его нельзя убить никогда! Никто не в силах его умертвить — ни белые, ни черные. Пусть в него стреляют пулями, пусть вешают, отрубая голову — он снова оживет, как синяя ящерица или стеклянная змея¹. Его пробовали прикончить, тебе это известно. Его морили голодом, и он умер от голода и жажды. Стервятники выклевали ему глаза, склевали мясо с костей старого Чакры. И остался один голый скелет. А все-таки Чакра жив! Видишь, у него новые кости, новое тело. И он все такой же здоровый и сильный.

Заливаясь хохотом, страшный старик стоял перед мулаткой, вскинув вверх руки, словно предлагая ей убедиться, что действительно воскрес из мертвых. Синтия окаменела от ужаса. Она поверила каждому слову Чакры. Страх перед сверхъестественным сковал ей язык, она не в состоянии была произнести ни слова. Жрец заметил, какое он произвел впечатление. Видя, что любопытство ее вполне удовлетворено и что у нее не осталось ни малейшей охоты выслушивать и дальше его рассказы о воскрешении, он благо-разумно заговорил на более обыденную тему:

— Ты принесла корзинку?.. Ага, вот она! Овощи для хлеба, дичина... А выпить ты мне принесла? Не забыла? Это самое главное.

— Не забыла, Чакра. На дне корзинки бутылка рому. Уж как трудно было мне ее выкрасть!

— У кого же ты ее украла?

— У хозяина, конечно. Он что-то последнее время никому не доверяет, держит все ключи при себе. Нам, цветным слугам, запрещает и близко подходить к погребу.

— Ладно, ладно, Синтия. Подожди, Чакра еще доберет-

¹ Стеклянная змея — безногая ящерица, похожая внешне на змею; стеклянной прозвана за необычайную хрупкость длинного хвоста, который легко разламывается на мелкие кусочки.

ся до твоего хозяина!.. Эх, хорошо вино! — Он вытащил из корзинки бутылку и рассматривал ее на свет. — Белый священник говорит, что запретный плод сладок. Может, и запретный ром тоже сладок? Ха-ха-ха! Сейчас проверим.

Негр выдернул пробку и засунул глубоко в рот горлышко бутылки. Послышалось бульканье. Только опустошив бутылку наполовину, старик оторвался наконец от рома.

— Ух! — Он хрюкнул, как дикий кабан, и огромной лапшей похлопал себя по животу. — Пусть кто хочет ест запретные плоды, а мне подавайте запретного рому! Ха-ха-ха! Ты молодчина, Синтия, что принесла еду и питье старому Чакре.

— И еще принесу, как только наберу.

— Старайся, старайся, Синтия!.. А теперь скажи-ка, — заговорил он уже другим тоном и взглянул на мулатку, — что привело тебя ко мне сегодня? Говори!

Синтия колебалась. Есть тайны, которые женщины открывают неохотно: о своей любви они готовы поведать лишь тому, кому эта тайна принадлежит по праву.

— Что ж молчишь? Говори, не бойся старого Чакры. Он все равно уже знает твой секрет. Ты любишь Кубину, марона с гор.

— Да, Чакра. От тебя ничего не скроется.

— Чакра знает все. Ну, так что же? Кубина на тебя не смотрит?

— Нет, Чакра, нет! Он меня не любит... — Лицо Синтии мучительно исказилось. — Раньше мне думалось, что я мила ему, но теперь...

— У него другая на уме?

— Да.

— Кто же эта другая?

— Йола.

— Йола? Первый раз слышу это имя. Кто она?

— Из Горного Приюта, служанка мисс Кэт.

— «Мисс Кэт!» Лили Квашебы, ты хочешь сказать? — Старик хитро усмехнулся. — Но расскажи-ка мне про Йолу. Откуда она?

— Ее купили у старого Джесюрона. Это уже после того, как ты ушел из поместья.

— Ушел?.. Ну да, ушел по своей доброй воле, чтобы сдохнуть на Утесе Юмбо! Ха-ха-ха! Ну, что же? Говоришь, Кубина заглядывается на эту девчонку?

— Да.

— А она что?

— Она? Конечно, тоже его любит. Разве можно не любить его!

Синтия, очевидно, считала молодого марона совершенно неотразимым.

— Что тебе от меня нужно? Хочешь отомстить Кубине за измену? Хочешь, чтобы я наслал на него смерть?

— Нет-нет! Что ты, Чакра! Только не это!

— Значит, тебе требуется любовное зелье?

— Ах, если бы Кубина снова полюбил меня! Скажи, Чакра, нельзя ли заставить его?

— Все подвластно старому Чакре. И он докажет это, вернув тебе любовь Кубины.

— Спасибо, спасибо тебе, Чакра! — с жаром благодарила Синтия, простирая руки к старику. — Чем мне только отплатить тебе, Чакра? Я принесу тебе все, что ни попросишь. Я украду для тебя рому, всякого другого вина. Каждый вечер я буду приносить тебе вкусную еду.

— Это все неплохо, Синтия, но ты должна сделать больше.

— Проси что хочешь!

— Ты должна помочь мне в колдовстве. Для того дела, что я задумал, мне нужна помощница.

— Ты только скажи — я все сделаю! Я поступлю, как ты велишь.

— Тогда слушай. Садись вон там, на скамью. Разговор будет долгий.

Синтия послушно уселась на бамбуковый настил, молча и с неослабным вниманием следя за каждым движением отвратительного старика. Не без тайного страха она ждала, что он ей сейчас скажет и чего от нее потребует.

Глава LVII ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

Лицо жреца стало торжественным. Мулатка почувствовала, что в уплату за свои услуги старик потребует от нее значительно большего, чем еда и питье. Его таинственное поведение пугало ее. Он расхаживал по хижине, наклоняясь то перед одним, то перед другим жутким украшением на стене или роясь в мешочках и корзине в поисках чего-то. Царившую кругом тишину нарушал только несмолкающий, наводящий уныние шум водопада. Несмотря на природную храбрость, несмотря на пожирающую ее жгучую страсть,

мулатка все больше поддавалась безотчетному страху.

Жрец Оби, вознеся молитвы каждому фетишу по очереди, снова обратился к бутылке с ромом — очевидно, самому могучему божеству во всем его пантеоне. Вновь влив в себя изрядное количество рома и издав кабанье хрюканье, он поставил бутылку и, усевшись на щит гигантской черепахи, бывший одним из предметов утвари храма, принялся давать указания мулатке.

— Слушай, Синтия,— сказал он.— Любовные чары не действуют, если вместе с ними не готовится и зелье, которым напускают порчу.

— Как! — воскликнула Синтия в тревоге.— Порчу на Кубину?

— Да нет! Но, чтоб Кубина снова полюбил тебя, надо напустить порчу на кого-нибудь другого.

— На кого же? — спросила она с живостью. У нее мелькнула мысль о той, когo она считала своим злейшим врагом.

— Кому ты желаешь зла? Кто тебе ненавистнее всех?

— Йола,— без колебания ответила Синтия тихим голосом.

— Нет, не годится. Надо, чтобы это был мужчина. Твой Кубина вернется к тебе, только если будет напущена порча на белого господина — так сказал мне Оби.

— Ах, если бы! — страстно воскликнула мулатка, загораясь надеждой.— Я сделаю все что угодно!

— Так помоги мне напустить порчу на белого человека. Он и твой враг, и мой тоже.

— Кто же это?

— И ты спрашиваешь? Кто обманул тебя, когда ты была еще совсем молоденькой? Или ты забыла, Синтия?

Мулатка медленно подняла глаза на старика.

— Масса Лофтус Воган? — спросила она шепотом.

— Ну да! Кто же еще? Он и мой враг и твой!

— И я должна...

— ...помочь мне напустить на него порчу,— докончил за нее жрец.

Некоторое время женщина молчала, погруженная в размышления.

— Он, только он нам и нужен! — продолжал искуситель.— Никто другой. Так велит Оби, великий бог.

— Если этой ценой я верну себе Кубину, мне все равно, будь это он или кто другой.

— Тогда не будем тратить слов попусту. Ты должна помочь Оби.

— Что же мне нужно сделать? — Голос Синтии дрожал. — Скажи, Чакра, не томи...

— Все скажу, но не сегодня. Прежде надо все обдумать, подготовить. Великий Оби не сразу склоняется к мольбам, даже к мольбам старого Чакры. Приходи, когда увидишь мой знак на дереве. А пока — держи язык за зубами. Ты одна из немногих, кто знает, что старый Чакра жив. Остальные видят меня только в маске служителя Оби. Никто и не подозревает, кто я такой на самом деле. Запомни: если скажешь хоть слово...

— Что ты, что ты, Чакра! Никому на свете!

— Смотри же! А то наведу порчу на тебя. Все в моей власти! — Старик поднялся. — Теперь иди. Я поджидаю одного человека. Вам незачем встречаться. Забирай свою корзинку и иди за мной.

Он опорожнил корзинку, подал ее женщине, и оба они вышли из хижины.

Глава LVIII ВОСКРЕСШИЙ ЧАКРА

Итак, в Ущелье Дьявола два заговорщика замыслили убийство судьи Вогана. Почему же Синтия так легко пошла на это? Здесь потребуются некоторые разъяснения.

Синтия, одна из многочисленных невольниц поместья Горный Приют, в ранней молодости была недурна собой. Нельзя сказать, что теперь вся красота ее исчезла, но от былого девичьего очарования не осталось и следа. В наружности Синтии было слишком много грубого и чувственного.

Не будь Синтия рабыней и живи она в другой стране, ее судьба, возможно, сложилась бы иначе. Но здесь, в стране рабства, красота Синтии оказалась для нее роковой. Синтия пошла по плохой дороге.

В свое время у Синтии было немало поклонников. Но лишь к одному человеку вспылала она любовью, или, правильнее сказать, страстью такой силы, что ей суждено было угаснуть лишь вместе с жизнью Синтии. Предметом этой страсти оказался молодой начальник маронов Кубина. И, хотя любовь эта вспыхнула сравнительно не так давно, она целиком овладела Синтией. Синтия была готова на все, лишь бы добиться взаимности.

Надо отдать справедливость Кубине: он никогда не любил Синтию. И, хотя она утверждала обратное, это не соот-

ветствовало истине. Но так легко принять желаемое за действительное! Кубина не раз обменивался дружеским словом с Синтией, им приходилось часто встречаться. Но слова дружбы Синтия принимала за слова любви, истолковывая их по-своему.

За последнее время страсть Синтии разгорелась еще сильнее, разжигаемая ревностью к Йоле. Кубина и Йола познакомились недавно, но Синтия успела подметить достаточно, чтобы убедиться, что в Йоле она встретила соперницу. Ревность требовала мести, и Синтия начала придумывать страшные способы отомстить. И тут как раз на ее путь пала тень Чакры. Синтия часто бродила по ночам в лесу, надеясь встретить Кубину и проверить свои подозрения относительно Йола. И вот однажды она встретила там человека, вид которого поверг ее в ужас. И неудивительно: ведь сначала она подумала, что это не человек, а призрак — дух Чакры, слугителя Оби!

Что ей действительно повстречалось привидение, Синтия не усомнилась ни на минуту и осталась бы при этом убеждении, если бы ей удалось тут же скрыться. Но длинные, обезьяньи руки колдуна мгновенно схватили ее, и тут она убедилась, что это не дух Чакры, а сам Чакра, живой и невредимый. Встреча эта произошла не совсем случайно. Чакра давно искал ее. Синтия была нужна ему как сообщница.

Мулатка никому не открыла тайны Чакры. Ведь когда-то он был другом ее матери и часто качал на коленях маленькую Синтию. Но не только чувство старой привязанности заставило молчать Синтию, дочь Юоны: страх сковал ей язык. Была еще и третья причина: у нее мелькнула мысль, что старый колдун может оказаться полезным. Кто, как не он, способен послужить орудием мести, о которой Синтия уже втайне помышляла? Вот почему она так быстро договорилась со стариком. Эта встреча произошла всего за несколько дней до только что описанной сцены в хижине Чакры.

Зачем понадобилась мулатка старому колдуну? Ему нужна была ее помощь, чтобы погубить его врага, плантатора Лофтуса Вогана. Чакра отлично знал характер Синтии, знал также, что ей, служанке в доме плантатора, может представиться тысяча случаев совершить убийство.

Обещание приворожить ей Кубину давало в руки Чакры власть над влюбленной мулаткой, давало возможность заставить ее служить его собственным целям. Но Синтия не знала, что в намерения колдуна входило и другое: он соби-

рался в один прекрасный день расправиться и с молодым мароном, как в свое время расправился с его отцом, старым Кубиной, вражду к которому он перенес и на его сына, и ожидал только подходящего случая для осуществления своих гнусных замыслов. Синтия, разумеется, не имела об этом никакого понятия.

Что касается убийства судьи Вогана, то тут в мотивах Чакры не было ничего таинственного, и его поведение до некоторой степени можно было оправдать. Жестокий приговор и зверская расправа на Утесе Юмбо пробудили бы желание мести даже в человеке менее свирепом по натуре, чем Чакра.

Но каким образом Чакра воскрес? Об этом знали только он да еще некто — не африканский бог, всемогущий Оби, но наш старый знакомый, Джекоб Джесюрон!

Это был довольно нехитрый трюк — освободить Чакуру от цепей и приковать вместо него к пальме труп одного из рабов Джесюрона. На плантации последнего смерть негра не была большой редкостью.

Но почему же Джесюрон вызволил Чакуру? Из человеколюбия? О нет! Если бы у Джесюрона не было других побудительных причин, сгнить бы старому колдуну в тени пальмы! Нет, у Джесюрона были свои, ему одному известные цели, ради которых он и спас осужденного преступника.

«Воскреснув», Чакра с еще большим жаром принялся за свои прежние занятия, но теперь уже в строжайшей, тщательно соблюдаемой тайне. Приняв новое имя и никогда не снимая маски, колдун скоро собрал вокруг себя немало сообщников. Он встречался с ними только по ночам, и никто из них и не подозревал о храме в Ущелье Дьявола.

Хотя последователи культа Оби редко открывают местопребывание жреца, — даже сами жертвы колдовства не решаются на это, — Чакра принимал дополнительные меры предосторожности. Он знал, что над ним тяготеет смертный приговор и что вторично ему едва ли посчастливится спастись. Если его схватят, то на этот раз просто накинут петлю на шею и вздернут на первом суку.

Все это оживший колдун знал и остерегался приближаться к Горному Приюту. В горах он чувствовал себя увереннее. Его охранял суеверный страх местных жителей перед Утесом Юмбо и Ущельем Дьявола. По ночам, однако, колдун, как хищный зверь, отваживался доходить до самых отдаленных плантаций. Рабы, принадлежавшие разным владельцам, мало общались между собой. Вот на этих-то отда-

ленных плантациях Чакра и завел себе почитателей, преданных, надежных людей. Вот уже год, как он снова занимался своей преступной деятельностью, а лишь очень немногие знали, кто он такой. Все были убеждены, что Чакра умер. А те, кому он иногда неожиданно встречался, клялись потом, что видели в лесу дух старого колдуна, давно умершего, и встреча эта отбивала у них охоту бродить ночью по глухим лесам.

Глава LIX

СДЕЛКА С БОГОМ ОБИ

В течение некоторого времени после ухода Синтии храм Оби оставался пустым, если не считать находившихся там немых божков. Жрец вышел, чтобы переправить через озеро свою новую сообщницу. Через несколько минут он вернулся один. Разговор с мулаткой, как видно, привел его в отличное расположение духа. Даже при тусклом свете светильника можно было видеть на его свирепом лице выражение сатанинской радости.

— Он уже мертв! — раздался его ликующий возглас. — Второй на смертном одре. Теперь дело за третьим, последним и самым ненавистным. Ха-ха-ха! Скоро и он почувствует, что такое месть Чакры, жреца Оби!

Взрывы дикого, безумного смеха трижды раздались под развесистыми ветвями сейбы и, отраженные от скал, глухо раскатились по всему ущелью. Смех этот вспугнул обитателей темного озера. Закричал журавль, послышался пронзительный вопль ибиса. Не успели замереть эти звуки, как сверху, с края ущелья, донесся другой, совсем иной звук — как будто кто-то свистнул, вложив пальцы в рот.

Чакра не испугался: он знал, что это условный сигнал от того, кого он ждет.

— Вот и старик явился, — пробормотал колдун, пряча под настил бутылку с остатками рома. — Побудь-ка пока здесь, — обратился он к бутылке, как к живому и любимому существу. — А гостя мы попотчует приятными новостями. Старая ящерица взовьется от радости, как услышит их. Чакра не стал бы с тобой связываться, со старым плутом, да только нам с тобой здесь по пути... Ну, чего ты там рассвистелся?

Последнее было сказано потому, что сигнал повторился. Он прозвучал ближе, где-то возле озера. Очевидно, гость успел спуститься вниз и поджидал там хозяина.

Свист раздался в третий раз. Не медля больше, странный перевозчик, мрачный, как сам Харон¹, направился к лодке и снова повел ее через озеро. Когда челн подплыл к берегу, там уже стоял человек, только что спустившийся по лианам и сучьям с крутой скалы. При свете луны можно было рассмотреть синий сюртук, кастановую шляпу, темные очки и огромный зонт. Чакре не нужно было вглядываться в лицо, чтобы узнать посетителя: он знал его и ждал. Они не обменялись ни словом. Только когда Джесюрон, ухватившись за ветку, хотел прыгнуть в челн, Чакра предупредил его:

— Осторожнее, масса Джек, не толкните лодку, ее может снести к водопаду. Я и так еле-еле удерживаю старую посудину. Если я не совладаю с течением, тогда конец и ей и нам.

— Вот как! Настолько опасно? — Джесюрон взглянул туда, где грохотал водопад, и по спине у него пробежали мурашки. — Ничего, Чакра, не бойся. Я войду в лодку легонько, как перышко.

И Джесюрон опустил в лодку сперва зонт и уж потом последовал за ним и сам, ступая так осторожно, словно на дне лодки стояла корзина с яйцами. Гребец благополучно пересек озеро и, привязав лодку, повел своего посетителя к хижине.

Войдя в храм и взглянув на фантастические украшения на стенах, Джесюрон, однако, в отличие от мулатки, не обнаружил признаков ни удивления, ни страха. Ясно было, что он здесь не впервые. Он не выказал также и особого почтения к храму, развязно усевшись на бамбуковый настил и удовлетворенно хмыкнув. Потом он вытащил из широченного кармана сюртука нечто, оказавшееся бутылкой. Этикетка на ней сообщала, что в ней содержится коньяк. Радостное восклицание жреца показывало, насколько он доволен таким началом беседы.

— Стакан у тебя найдется? — обратился Джесюрон к хозяину.

— Нет. А это не сойдет? — И Чакра протянул гостю небольшую тыквенную кружку.

— Великолепно! Такое питье отлично пьется из любой посуды. Капитан Джоулер привез мне эту бутылочку в прошлый раз, когда вернулся из плавания. Глотнем разочек, друг мой Чакра, а уж потом приступим к делу.

¹ Харон в древнегреческой мифологии перевозил через Стикс в подземное царство души умерших.

Довольное хрюканье возвестило, что предложение принято.

— Ух! — крикнул колдун, выпив свою порцию.

— Да, недурно, — подтвердил Джесюрон, проделав то же самое.

Затем достойные собутыльники приступили к разговору. Первым заговорил Джесюрон.

— До меня дошли довольно странные слухи, — сказал он. — Может, и ты уже слышал? Знаешь, кто умер?

В глазах жреца вспыхнула свирепая радость.

— Ага! — воскликнул он. — Значит, он наконец протянул ноги?

— Кто это «он»? Я, кажется, не называл ничьего имени. — Джесюрон с притворным удивлением поглядел на колдуна. — Правда, ты знал, что судья Бэйли болел, очень тяжело болел, и что надежды на его выздоровление не было. Да, он уже в гробу. Вчера скончался, бедняга...

Жрец Оби испустил глубокий вздох. Не сожаления, нет. Напротив, то был вздох полнейшего удовлетворения, какое не выразишь словами.

— И какое совпадение, — продолжал Джесюрон деланно простодушным тоном, — ведь совсем недавно перед этим умер мистер Риджли. Кажется, это двое из тех судей, которые приговорили тебя к смерти, Чакра, — не так ли? Видно, их покарала за тебя рука провидения.

— А может, рука дьявола? — Чакра многозначительно ухмыльнулся.

— Бог ли, черт ли — нам все равно. Главное, Чакра, ты отомщен, а кто тут вмешался, не так уж важно. Двое злейших врагов больше не опасны тебе, Чакра. А третий...

— ...скоро последует за ними, — dokonчил за него Чакра и хитро подмигнул.

— А что? — перешел вдруг на серьезный тон его собеседник. — Ты что-нибудь слышал? К тебе приходила Синтия?

— Только что ушла, всего с четверть часа назад.

— Ну и что же? Она согласна?

— Не беспокойтесь, все сделает, что понадобится. Она теперь во власти Оби — он заставит ее сделать все, что ему угодно. Оби, великий бог, всесилен...

— Да-да, все это я знаю, — прервал его Джесюрон. — А если Оби не подействует, то тогда ты, Чакра, не оплошаешь. Знаю, у тебя найдется зелье сильнее чар Оби и всех богов, вместе взятых.

Они понимающе поглядели друг на друга.

— Сколько времени потребуется, чтобы твое снадобье оказало нужное действие? — спросил Джесюрон, помолчав и как будто мысленно произведя какие-то расчеты.

— Столько, сколько надо. Если нужно, Чакра самого сильного здоровяка отправит на тот свет за три дня. А можно и за три часа, только это опаснее. Будет больше похоже на яд, чем на чары Оби. Да и три дня тоже слишком короткий срок. Три недели — вот самое подходящее. Тогда получится похоже, будто это болезнь — горячка или тиф. И ни у кого никаких подозрений.

— Три недели, говоришь? И никаких симптомов, никто ничего не заподозрит? Ты уверен, что этого достаточно? Помни, Чакра, Лофтус Воган силен, как бык.

— Через три недели сил у него останется не больше, чем у новорожденного теленка. Трех недель не пройдет, как ему будет крышка. Но бог Оби ведь не негр, он, как белый господин, любит, чтобы ему платили. Оби не станет ничего делать, пока ему не заплатят.

— Да-да, разумеется, Оби свое получит. Но сколько же все-таки он хочет за работу?

— Если самому Оби это дело не нужно, он берет сто фунтов, а если дело ему по душе, то всего пятьдесят.

— Пятьдесят фунтов! Деньги немалые, друг Чакра. Ведь дельце для Оби очень даже соблазнительное, а? Это также и его враг, он должен отомстить.

— Верно, Чакра это знает. Вот потому Оби и требует только пятьдесят. Враг сильный, одолеть его трудно. Другой колдун запросил бы все сто. Но, кроме Чакры, никто за это не возьмется, одному только старому Чакре дана такая сила.

— Ладно, пусть будет пятьдесят. Вот, получай задаток — ровно половину.— Джесюрон швырнул в протянутую руку старика кошелек с деньгами.— Остальные через три недели. И тогда наконец оба мы расквитаемся с судьей Воганом. У тебя свои, у меня свои с ним счета.

— Через три дня приходите в ущелье, масса Джек. Узнаете все, что нужно.

Тут снова появилась на свет бутылка, и, приложившись к ней напоследок, достойная пара покинула хижину. Хозяин, перевезя гостя через озеро, вернулся к себе и стал приканчивать остатки коньяка.

— Ух! — Он на минуту оторвался от бутылки.— Что это ему так не терпится доконать судью Вогана?.. Да мне до этого дела нет. У меня с ним свои счета. Если Синтия не

подведет, то и месяца не минет, как жирный плантатор, осудивший меня на смерть, станет обглоданным скелетом. А когда судья ляжет в могилу, Лили Квашеба, дочь той Квашебы, которая предпочла мне какого-то желтолицего марона, попадет в мои руки!

Глубоко запавшие глаза колдуна сверкнули зловещим блеском. Раздвинув рот в отвратительной гримасе, заменявшей ему улыбку, он снова принялся за ром и коньяк и пил до тех пор, пока винные пары не одолели его. Не переставая бормотать страшные угрозы врагу, Чакра, мертвецки пьяный, свалился на пол.

Глава LX

ПОЧЕМУ ДЖЕСЮРОН ХОТЕЛ СМЕРТИ СУДЬИ ВОГАНА

Читатель знает, почему Чакра жаждал смерти Лофтуса Вогана. Но почему так желал смерти богатого соседа Джекоб Джесюрон?

Ни одна живая душа не знала, какой секрет хранит коварный старик. Пора раскрыть читателю его тайные помыслы.

Джесюрон был отлично осведомлен о семейной истории плантатора Вогана еще в ту пору, когда тот управлял замком Монтегю. А когда, унаследовав поместье Горный Приют, Лофтус Воган стал его ближайшим соседом, Джесюрон разузнал всю подноготную его домашних дел и секретов. Он получил эти сведения, прислушиваясь к сплетням и заключая сделки, а больше всего — через Чакру. Колдун знал все, что происходило в Горном Приюте. Он знал даже слишком много — это, как уже говорилось, и привело его в свое время на Утес Юмбо. Джесюрон не раз прибегал к содействию Чакры в своих темных делах. Это тайное содружество длилось уже долгие годы. Но о семейных делах Вогана Джесюрон знал даже больше Чакры.

Чакра не подозревал, что у Лофтуса Вогана есть брат, а у того — единственный сын.

Джесюрон проведал, что судья Воган не любит своих английских родственников, не интересуется ими и не поддерживает с ними переписки. Но Джекоба Джесюрона эта родня соседа весьма интересовала. И вот почему.

Он пронюхал, что Лофтус Воган не состоял в законном браке с квартеронкой Квашебой. Это не имело бы никакого

значения, будь она белой. Отец все равно мог оставить дочери свое имущество по завещанию.

Но мать Лили Квашебы, или, иначе, мисс Кэт, была квартиронкой и считалась «цветной», так что даже по завещанию Кэт могла унаследовать от отца не более полутора тысяч фунтов стерлингов. Раз Кэт не считалась белой, никакое завещание Лофтуса Вогана не сделало бы ее полной наследницей всего его имущества.

Он имел право завещать свое состояние кому угодно при одном условии, что это будет *белый*. Если же после смерти Лофтуса Вогана не останется такого завещания, то и поместье и все остальное имущество, движимое и недвижимое, перейдет к ближайшему прямому родственнику — то есть к его племяннику Герберту.

Неужели из этого положения не было никакого выхода? Нет, выход существовал: для этого требовалось специальное постановление гражданских властей.

Судья Воган все это знал и твердо намеревался добиться такого постановления. Он все собирался съездить в столицу Спаниш-Таун, но каждый раз по той или иной причине поездка откладывалась. Вот этой-то поездки и страшился Джекоб Джесюрон, и, чтобы помешать ей, он отправился в храм Оби, ища содействия жреца Чакры. Ведь если судья не успеет осуществить своего намерения, после его смерти Горный Приют достанется Герберту Вогану. А сердце Герберта уже отдано Юдифи Джесюрон. Во всяком случае, так полагали она сама и ее почтенный родитель. Любовные чары Юдифи — это первый шаг к тому, чтобы заполнить богатое поместье соседа. Вторым шагом к достижению этой цели явится смертоносное зелье Чакры.

Глава LXI

СМЕРТОНОСНОЕ ЗЕЛЬЕ

На следующий вечер после посещения Джесюрона и приблизительно в тот же час старый колдун сидел у себя в хижине, поглощенный каким-то, очевидно, очень важным занятием. Посреди хижины в очаге, сложенном из четырех крупных булыжников, был разведен огонь. Он горел очень ярко, хотя над ним поднимались густые клубы дыма. Топливом служили бурые, слежавшиеся глыбы, напоминавшие торф или уголь. Чужестранец затруднился бы определить, что это такое, но любой житель Ямайки, не задумываясь,

с одного взгляда понял бы, что это обломки термитных «гнезд». Их можно часто видеть в тропических лесах: это большие, величиной с кабанью голову, куски, прикрепленные к стволам деревьев.

Дым от такого топлива менее едок, чем от древесины, и вдобавок является более сильным средством против москитов — этого бедствия южных стран. Может быть, именно поэтому колдун и избрал такое топливо. Во всяком случае, оно отлично выполняло свое назначение.

На очаге стоял небольшой железный котелок. Старик кидал на него озабоченные взгляды, непрестанно то помещивая кипящую жидкость, то зачерпнув ее ложкой, поднося поближе к светильнику. Очевидно, это была не кулинария, но скорее химическая стряпня. Когда он наклонялся над варевом, его проворные движения и бегающий взгляд говорили о каких-то дьявольских замыслах.

Это подтверждалось лежавшими рядом снадобьями, часть которых уже отправилась в котелок. На полу стояла корзина с ядовитыми корешками и травами. Особенно выделялась среди них смертоносная кутра с изогнутым стеблем и золотистым венчиком. Возле нее можно было заметить противоядие — орехи нхандиробы, ибо жрец умел не только убивать, но и лечить, когда это требовалось. Такая «провизия» явно говорила, что в котелке готовится не похлебка на ужин. Там кипело смертоносное зелье Оби. Для кого же предназначалось адское варево?

— Пока ты силен, судья Воган, не спорю, но скоро могучий Оби заставит тебя дрожать, как малое дитя,— бормотал старик, помещивая в котелке.— Оби? Ха-ха-ха! Ну, это все для простофиль-негров. Мои корешки и травы сильнее всякого Оби. От них затрепещут и рассыплются в прах все враги Чакры!

Он еще раз зачерпнул ложкой кипящую жидкость и нагнулся над ней.

— Готово! — произнес он.— И цвет и густота — все как следует.

Сняв котелок с огня, он охладил варево в тыквенной бутылке, а затем перелил яд в бутылку из-под давно выпитого рома. Плотнo заткнув бутылку пробкой, колдун поставил ее на видном месте. Затем, собрав свои «припасы» и сунув их обратно в корзину, он подошел к выходу и, опершись обеими руками о притолоку, встал там, прислушиваясь. Он кого-то ждал.

— Скоро полночь. Пора бы ей быть,— бормотал он про

себя.— Спустишь-ка вниз. Может, из-за шума воды я ее не услышал...

Он не успел ступить за порог, как послышался женский голос, заглушаемый ревом водопада.

— Она! Я знал, что она придет. Любовь погонит ее теперь хоть к самому дьяволу!

И старик торопливо зашагал к лодке, спеша скорее приступить к выполнению давно вынашиваемой злобной мести.

Глава LXII МОЛЕНИЕ БОГУ АКОМПОНГУ

Челн совершил свой обычный рейс и вернулся с Синтией. Как и в прошлое свое посещение, она несла корзинку с провизией. Не была забыта и бутылка рома. Как и в прошлый раз, Синтия последовала за Чакрой в хижину, но на этот раз более уверенно и, уже не дожидаясь приглашения, присела на бамбуковый настил. Все же в ее поведении можно было заметить некоторую робость. Она вздрогнула, увидев бутылку, которую Чакра поставил на самом виду. Синтия сразу догадалась о ее содержимом.

— Эту ты захватишь с собой,— сказал горбун, перехватив взгляд мулатки,— а вот эту,— он потянулся к бутылке рома в корзинке Синтии,— возьму...

Даже не закончив фразы, он тут же сунул в рот горлышко бутылки. Через некоторое время колдун знаком показал Синтии, что готов перейти к делу.

— Этот напиток вернет тебе любовь Кубины,— сказал он.— Теперь Кубина будет твой до скончания века. Такого срока с тебя хватит, а?

— В бутылке любовное зелье? — Взгляд Синтии выражал и надежду и недоверие.

— Любовное? Нет, не совсем... Подожди, сейчас дам тебе и любовного зелья.

Он достал откуда-то со стропил скорлупу кокосового ореха, в которой вместо обычной белой жидкости находилось нечто вроде пасты морковного цвета.

— Вот это для Кубины. Будете ворковать, как пара голубков.

— Скажи, Чакра, зелье ему не повредит?

Ревность мулатки, как видно, еще не перешла в жажду мести.

— Не бойся, ничего ему, кроме пользы, от него не будет. А бутылка для судьи Вогана.

Женщина взяла бутылку, хотя руки у нее тряслись.

— И что же я должна с ней делать? — спросила она нерешительно.

— Что делать? Я уже тебе объяснял. Подливай эту настойку нашему общему врагу.

— Но что это за настойка, Чакра? О Чакра, скажи: это яд?

— Да нет, пустоголовая ты женщина! Если бы это был яд, он убил бы сразу на месте. Нет, судья не отравится сразу, но он начнет чахнуть. Долго будет чахнуть и умрет еще не скоро. Это не яд, говорю тебе!.. Ты что, идешь на попятную?

Мулатка колебалась. В ней шевельнулась совесть. Но это длилось лишь одно мгновение.

— Смотри, откажешься — не получишь приворотного снадобья для Кубины! И еще напущу порчу на тебя!

— Нет, нет, Чакра, я не отказываюсь. Я согласна. Я все сделаю, что прикажешь...

— Так-то лучше. А теперь слушай и запоминай.

И мерзкий горбун уселся напротив своей сообщницы, вперив в нее взгляд, словно стараясь запечатлеть в ее сознании то, что он собирался сказать.

— Каждый день твой хозяин на ночь выпивает стакан пунша. Это у него старая привычка, и, уж наверно, он ее не бросил, а?

— Да, перед сном он всегда выпивает стакан или два.

— А я бы всегда пил не меньше двух. А то и три! Ха-ха-ха! Ну ладно. Теперь скажи мне, Синтия, кто готовит ему пунш? Прежде это была твоя обязанность.

— Я и теперь это делаю.

— Вот и прекрасно! Видишь пометки на бутылке. Вот по стольку и подливай каждый раз в пунш. Ты кладешь в стакан сахар, лимон, наливаешь воды, потом рому и уж после всего — мою настойку. Запомнишь?

— Запомню, — произнесла мулатка, стараясь говорить твердым голосом. Она боялась выдать свой страх.

— И знай: не выполнишь все, что надо, — плохо тебе придется! Если Оби требует жертвы, он не успокоится, пока ее не получит. Сейчас пойду разбужу бога Акомпонга. Он всегда является, когда его зовет Чакра. Он является в пене водопада. Но на глаза женщине никогда не показывается. Ты услышишь только его голос...

Приняв таинственный вид, колдун снял с гвоздя старую котомку, сплетенную из пальмового листа. В котомке лежало что-то тяжелое. Он вышел с ней из хижины, прикрыв за собой дверь.

— А не то,— сказал он мулатке,— бог вдруг случайно увидит тебя и разгневается.

Синтии и эта мера показалась недостаточной, и, чтобы бог не мог ее заметить, она кинулась к светильнику и погасила его. Потом, ощупью добравшись до настила, бросилась на него, вся трепеща от страха.

Вскоре за дверью послышался голос. Если он и не принадлежал самому богу Акомпонгу, то, во всяком случае, был вполне под стать этому африканскому божеству.

Услышав этот голос, Синтия тотчас признала его за человеческий, ибо то был, конечно, голос самого Чакры. Но он звучал очень странно и все время менялся: то становился медленным и тягучим, когда жрец читал нараспев какие-то молитвы, то переходил в скороговорку, когда он принимался лопотать заклинания. Потом вдруг раздался пронзительный выкрик, напоминающий звук рожка. За ним загудел тягучий бас надтреснутого тромбона. И затем начался диалог между Чакрой — и кем еще? Конечно, это был сам Акомпонг!

Синтия сидела ни жива ни мертва, трепеща при мысли, что божество совсем рядом. Если бы она не задула светильник, бог бы ее заметил. Ведь они с Чакрой там, прямо за дверью! Можно было разобрать каждое их слово. Только не все слова были понятны Синтии.

Сперва пел Чакра.

Вынь-ка пробку, вынь-ка пробку!
Зелье страшное готово.
Ненавистный белый враг наш,
Ты зари не встретишь новой!

— Ты зари не встретишь новой! — повторил Акомпонг глухо, словно из бочки.

А Чакра продолжал:

Пусть скорей сойдет в могилу,
Пусть он чахнет, пусть он сохнет!
Помни — враг наш должен сгинуть,
Пусть рука твоя не дрогнет!

— Пусть рука твоя не дрогнет! — снова подхватил Акомпонг. И Чакра запел дальше:

Если сердцем оробеешь,
Если в помощи откажешь,—

Ждет тебя лихая участь:
Ты сама в могилу ляжешь!

— В могилу ляжешь! — опять подхватил африканский бог громко и настойчиво, словно показывая, что никаких поблажек от него не будет.

На короткое время все смолкло, затем снова прозвучали пронзительное гудение рога и басистый, раскатистый рев тромбона. Этим и завершилась церемония.

Чакра открыл дверь и стал у входа.

— Зачем ты погасила свет? Но все равно... Слышала ты голос бога?

— Д-да...— вся дрожа, еле выговорила мулатка.

— И ты слышала, что он приказал?

— Да.

— Так вот, не вздумай ослушаться,— советую тебе как друг. Не то берегись! Ну, теперь все. Помни: каждый день на ночь точную порцию. Ну, а теперь пойдем.

Мулатка с готовностью повиновалась. Ей не терпелось выбраться из этого страшного места, где мужество ее подвергалось стольким испытаниям. Подхватив корзинку, в которой уже лежала зловещая бутылка, Синтия выскользнула из хижины, и колдун перевез ее через озеро.

Глава LXIII ПОЛНОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Молодой марон и его возлюбленная снова встретились на обычном месте, под гигантской сейбой, но уже не ярким солнечным полднем, а почти в полночь. Йола так рвалась поглядеться с милым, что пренебрегла опасностями, которые всегда таятся в ночном лесу. Страшны были не только свирепые хищные звери и пресмыкающиеся, опасаться приходилось не только клыков кабана и острых зубов аллигатора. Гораздо страшнее были скрывавшиеся в лесу люди — и они находились неподалеку от сейбы, где стояли наши влюбленные. Но любовь не пуглива. Кубина и не помышлял об опасностях, а Йола, когда с ней рядом был ее возлюбленный, не боялась ничего на свете.

Высоко в небе плыла луна. Лучи ее заливали поляну серебристым сиянием. Было светло почти как днем. Цветы и на земле и на деревьях раскрылись, жадно впивая сладкую росу. Легкие, воркующие шумы ночного леса и мягкий,

еле слышный ветерок ласкали слух. И каждый звук, словно эхо, повторял пересмешник, соловей Запада.

Влюбленных скрывала тень сейбы. Свидание это было, может быть, счастливее всех предыдущих. Они принесли друг другу хорошие вести. Кубина сообщил Йоле, что брат ее цел и невредим и по-прежнему под его защитой. Йола же рассказала Кубине, что ее молодая хозяйка обещала отпустить ее на свободу. За те несколько дней, что они не виделись, произошло немало важных событий. Храня в строгой тайне от слуг историю злоключений брата Йола, судья рассказал ее своей дочери, и мисс Воган упростила отца отпустить Йола на свободу. Он согласился, но сказал, что даст Йоле «вольную» только в день свадьбы Кэт. Но ведь этот день не за горами.

Кубина пришел в восторг. Теперь деньги, накопленные для выкупа Йола, можно потратить на устройство дома, на покупку всего необходимого для их новой жизни вдвоем. Впрочем, эта новость не была для него неожиданной. Последнее время он неоднократно встречался с судьей, и между ними установились отношения, позволявшие Кубине меньше страшиться за будущее. Мистер Воган и ему посулил освободить Йола, но при этом добавил, что многое будет зависеть от того, насколько успешно пойдет процесс против работорговца Джесюрона. Поскольку обвинителем должен был выступить сам Лофтус Воган, Кубина не сомневался в благоприятном исходе дела. Однако до поры до времени необходимо было все держать в строжайшей тайне. Даже Йоле он только намекнул, что принимаются меры к возвращению похищенной у ее брата собственности. Как и где это будет сделано, она узнает позже, когда против их врага поведется открытая война.

— Каким счастливым будет для нас день свадьбы мисс Воган! — воскликнул молодой марон, нежно глядя на возлюбленную. — Он всем нам принесет счастье. Впрочем, нет... — Лицо Кубины вдруг омрачилось. — Нет, не всем. Есть человек, которому этот день принесет только горе.

— И я знаю такого человека, — сказала Йола. Она тоже вдруг опечалилась.

— Значит, мисс Воган рассказала тебе? Неужели она еще хвастается этим?

— Хвастается? Чем?

— Да тем, что разбила его сердце. Вот представь себе, каково бы мне было, если бы ты обещала выйти замуж за

другого! Да, невесело будет бедняге в день свадьбы мисс Воган!

Йола удивленно подняла брови:

— Невесело? Ему-то? Что ты, Кубина, он ведь счастлив! А вот бедная мисс Кэт... Да, для нее это большое горе.

— Горе? Я не понимаю, Йола...

— Ах, мисс Кэт будет так несчастна, когда выйдет замуж за мистера Монгю!..

— Как! — Кубина насторожился.— Ты хочешь сказать, что мисс Воган не рада выйти замуж за мистера Смизи?

— Рада? Она его не любит.

— Вот оно что! — Взгляд Кубины просветлел.— И ты это знаешь наверное?

— Мне сама мисс Кэт сказала. Она от меня ничего не скрывает.

— И это правда, что она не любит жениха?

— «Любит»! Она потешается над ним. А если девушка над кем-нибудь смеется, значит, он ей не мил.

— Ты-то никогда не станешь смеяться надо мной, а?.. Но скажи, милая, почему же она согласилась идти замуж за нелюбимого?

— Отец заставил. Мистер Монгю очень богат, у него много плантаций.

— Так-так... Я чувствовал, что здесь не все ладно. Почему же мисс Воган не любит мистера Смизи, такого знатного, богатого господина?

— Она любит другого, вот и все.

— Она не называла тебе имени того, другого?

— Сколько раз! Да ты и сам знаешь его. Это двоюродный брат мисс Кэт. Он только всего раз и приходил к нам. Но она полюбила его сразу, как только увидела.

— Ты уверена, что это так?

— Ну как же, Кубина! Мисс Кэт столько раз рассказывала мне об этом. Она очень по нему горюет. Говорят, он женится на очень красивой, но злой леди. На дочке старого Джесюрона — ты его знаешь.

— Да, я слышал кое-что,— сказал Кубина, утаивая от возлюбленной, что у него на этот счет имеются вполне точные сведения.— В конце концов, может случиться, что оба брака расстроятся. Знаешь, Йола, есть такая поговорка: «От рта до ложки — длинная дорожка». Как знать! Может, так оно и получится с мистером Воганом и мисс Джесюрон. В общем, то, что ты мне сказала, кое-кого очень обрадует. А день свадьбы твоей хозяйки уже назначен?

— Пока еще нет, но хозяин говорит, что скоро. Вот как только он вернется из своей длинной поездки. Так он сказал вчера мисс Кэт.

— Куда же это судья собрался? Ты не слыхала?

— В Спаниш-Таун, большой город, далеко отсюда.

«Что ему там понадобилось?» — подумал Кубина, а вслух произнес очень серьезным тоном:

— Слушай, Йола, как только мистер Воган соберется в дорогу, немедленно дай мне знать. Когда он уезжает?

— Завтра утром.

— Так скоро? Ну что ж, тем лучше для нас, а может быть, и еще для кого-нибудь. Значит, завтра же вечером приходи сюда. Скажи мисс Кэт, что это очень важно, что дело касается ее самой... Впрочем, нет, не говори ничего. Она и так тебя отпустит. Незачем зря ее беспокоить. Возможно, что мои опасения... Во всяком случае, ты непременно приходи. Буду ждать тебя в это же время.

Йола охотно согласилась. Влюбленные разговаривали еще некоторое время. Кубина клялся в вечной любви всем на свете: деревьями, что росли вокруг, облаком над головой, яркой луной, синими небесами. Он клялся уже десятки раз и до этого, и клятвы его не вызывали сомнения у той, кому они давались. Но влюбленным клятвы никогда не надоедают — ни тому, кто их дает, ни тому, кто им внимает.

Молодая африканка отвечала столь же пламенными клятвами верности. Она уже не тосковала по родине, не сетовала на горькую судьбу, превратившую принцессу в рабыню. Несчастья, казалось, остались позади, а будущее сулило радость и счастье.

Прошел еще час, и влюбленные начали прощаться. Марон обнял гибкий стан девушки и привлек ее к себе. В тени высокого дерева Йола казалась египетской бронзовой статуэткой. Они прощались снова и снова, не в силах расстаться.

Вдруг послышались голоса, и на освещенную луной поляну вышли двое. Они быстро направились к сейбе. Кубина и Йола бесшумно отступили в густую тень дерева. Заметить их там было почти невозможно.

Люди приближались... То были мужчина и женщина. В ярком лунном свете их нетрудно было узнать. Но влюбленные еще раньше узнали их по голосам. Это были Джекоб Джесюрон и Синтия.

— Черт возьми! — пробормотал Кубина. — Какие могут

быть общие дела у этой пары ночью в лесу? Готов поручиться, затевают какую-то гнусность!

Дойдя до сейбы, Джесюрон и Синтия остановились. Каждое слово их разговора было отчетливо слышно Кубине и его подруге.

— Послушай, Синтия, голубушка,— начал Джесюрон,— ты еще не сказала мне, зачем он послал за мной.

— Я и сама не знаю, мистер Джесюрон. Разве только...

— Разве только что?

— Когда я отнесла ему корзину с провизией, я сказала при этом, что мистер Воган собирается уезжать завтра утром.

— Да неужто? — Лицо старика выразило сильнейшее беспокойство.— Господи, боже ты мой! И ты это наверное знаешь, что мистер Воган уезжает?

— Да, масса Джесюрон, я сама укладывала ему сорочки в саквояж. Он едет верхом.

— Но куда, куда он едет? — в тревожном нетерпении допытывался работороговец.

— Кажется, далеко, в Спаниш-Таун.

— В Спаниш-Таун? — Тон, каким он задал этот вопрос, показывал, что новость не доставила ему удовольствия.— В Спаниш-Таун! Так я и знал! Так я и знал!

Он яростно воткнул в землю зонт. И вдруг засуетился.

— Пойдем, пойдем! — заторопил он Синтию.— Скорее, мешкать нельзя. Нельзя терять ни секунды...

Он быстро и молча зашагал прочь. Синтия последовала за ним.

— Тут кроется что-то недоброе! — пробормотал марон.— Они что-то затевают против судьи. Слышала, как старик встревожился, когда Синтия упомянула про Спаниш-Таун? Надо пойти проследить их. Куда это они отправились среди ночи? Ведь пошли-то они не к ферме Джесюрона, а в противоположную сторону. Послушай, Йола, мне надо идти, не то потеряю их из виду. До скорой встречи, любовь моя!

Поспешно поцеловав девушку, марон быстро пошел за Джесюроном и Синтией.

Глава LXIV ПО СЛЕДУ

Марону нетрудно было сообразить, в каком направлении ушли старик и его спутница. От поляны шла заброшенная тропа к Утесу Юмбо. Другой дороги поблизости не было.

Рассудив, что едва ли Джесюрон и его спутница углубились прямо в лесную чащу, Кубина пошел по тропе. Вскоре он увидел тех, кого искал. Тени гигантских деревьев позволяли ему самому оставаться незамеченным и в то же время видеть и слышать тех, кого он преследовал.

Джесюрон был слишком поглощен собственными мыслями и почти не замечал окружающего. А мулатке и в голову не приходило, что за ними могут следить. Знай она, что по пятам за ней идет Кубина, она, наверное, шла бы не так спокойно.

Они начали подниматься к Утесу Юмбо.

«Чудно! — подумал Кубина. — Что им там понадобилось в полночь? И кто это «он», пославший за Джесюроном? Синтия носила ему корзинку с провизией. Значит, это беглый раб? Но неужели Джесюрон поднимется с постели среди ночи и потащится три мили по темному лесу из-за беглого раба? Правда, говорят, старик почти никогда не смыкает глаз. Ночное время для него, должно быть, самое приятное время суток, как для филина... Да, они что-то затевают против судьбы Вогана, чуется мое сердце. Не то чтобы я очень за него беспокоился — он не так уж многого стоит. Ведь он помогает мне только потому, что ненавидит Джесюрона. Но для его дочери, для мисс Кэт, я готов на многое. Она столько делает для моей Йолы... Хотел бы я отплатить мисс Кэт услугой за услугу... Но что это? Почему они остановились?»

Кубина застыл на месте, притаившись в тени кустов. Через секунду Джесюрон и его спутница пошли дальше, но уже в другом направлении.

«А, они идут не к утесу, а к Ущелью Дьявола! Ну да, теперь вспомнил: там, где они остановились, дорога расходится. То-то мне товарищи рассказывали, что из ущелья в последнее время доносятся порой странные звуки. Квэко даже клялся, что видел неподалеку от ущелья привидение колдуна Чакры».

Предположение Кубины вскоре подтвердилось. Джесюрон и Синтия дошли до обрыва и остановились. То же сделал и Кубина. Он едва успел пригнуться в тени, как раздался пронзительный свист. Очевидно, они подавали сигнал тому, кто находился в ущелье. Ответного сигнала не последовало, только по лесу как будто раскатилось эхо, повторившее свист. Кубина знал, что это кричит пересмешник, и не обратил на него внимания. Он напряженно следил за каждым движением странной пары. Их фигуры темными силуэтами рисовались на фоне светлого неба.

Но вдруг оба исчезли, как будто провалились сквозь землю. Кубина, впрочем, знал, что они просто спустились вниз, на дно ущелья, но он не понимал, как это им удалось.

Уже в следующее мгновение Кубина сам стоял на краю пропасти, там, где только что находились Джесюрон и Синтия. Даже при неверном свете луны Кубина все же разглядел, что сложное сплетение ветвей и лиан на склоне — дело человеческих рук. Но ему некогда было рассматривать его. Внимание его привлекло нечто более интересное.

На поверхности озера, неподвижной и блестящей под луной, как зеркало, оправой которому служили темные берега, скользил челн, а в нем сидела странная, скорченная фигура.

Неужели это человек? Длинные, обезьяньи руки, горб, сверкающие акульки зубы... Но Кубина узнал его. Если это не привидение Чакры, то, значит, сам Чакра — живой!

Глава LXV СИНТИЯ МЕШАЕТ

В душу отважного молодого марона на мгновение закрался страх, когда он узнал его. Как все окрестные жители, он знал, какой ужасный приговор вынесли старику, на какие страшные муки его обрекли. Как и все, Кубина не сомневался в его смерти. Неудивительно, что сердце храброго марона все же дрогнуло, когда он своими глазами увидел в лодке Чакру. Некоторое время Кубина оставался недвижим. Но тут он вспомнил, что рассказывал ему Квэко. Как большинство негров, Квэко твердо верил и в дьявола и в Юмбо и не сомневался в том, что ему действительно повстречалось привидение Чакры. Объятый суеверным ужасом, он, вместо того чтобы проследить за «привидением» и убедиться, призрак это или же создание из плоти и крови, бросился бежать сломя голову, оставив «духа» хозяином положения. Кубина, гораздо менее склонный к суевериям, лишь на секунду усомнился, не дух ли это. Случай с Квэко и присутствие здесь Джесюрона и Синтии, — оба эти факта привели его к выводу, что в лодке живой Чакра.

Как случилось, что старик остался жив и на свободе, марон сразу понять не мог. Но он был человек сообразительный, и присутствие Джесюрона навело его на некоторые догадки относительно чудесного воскрешения Чакры. Удостоверившись в том, что перед ним именно Чакра, ма-

рон занял позицию, позволявшую ему наблюдать за действиями всех троих: Чакры, Джесюрона и Синтии.

Вот лодка скрылась: она проходила под кустами, росшими у подножия утеса, и поэтому сверху ее не было видно. Но голоса, хотя и не очень явственно, — их заглушал шум водопада, — были слышны. До Кубины долетали лишь отдельные слова, и при всем желании он не мог понять, о чем идет разговор.

Вскоре голоса смолкли, и на озере вновь показалась лодка. В ней сидело только двое — Джесюрон и Чакра. Синтия, к большой досаде Кубины, осталась на берегу. Это нарушало его планы: проследить колдуна до его логова. Ясно, что оно где-то в ущелье. Если понадобится, позже можно будет разыскать его там. Это обстоятельство несколько успокоило Кубину, но его тревожил Джесюрон. Зачем он здесь? Что они задумали? Последовав за ними, он мог бы подслушать их разговор и помешать их намерениям.

Марон-охотник знал, что спуститься в ущелье нелегко. Ему уже приходилось это проделывать. В поисках дичи он как-то вместе с товарищами спускался на самое дно пропасти с помощью веревочной лестницы и охотился там в лесных зарослях. Но это было давно, задолго до казни Чакры. Тогда они не обнаружили в этом пустынном мирке никаких следов человека.

Он мог бы переплыть озеро вслед за лодкой — ему уже приходилось проделывать это раньше, — но ему мешало присутствие Синтии. Значит, нечего и думать о том, чтобы выслеживать Чакру дальше. Оставалось одно: притаиться здесь, на краю ущелья, и дожидаться возвращения Джесюрона и Чакры.

Размышления его были прерваны шорохом и треском ветвей: кто-то поднимался по склону. Кубина заглянул вниз. Среди листвы мелькнул яркий клетчатый платок. Это возвращалась Синтия.

Кубина немедленно спрятался в кусты и, притаившись там, стал ждать, что будет делать мулатка дальше. Может быть, ее роль уже сыграна, по крайней мере на сегодня, и она просто возвращается домой?

Догадка его оказалась верной. Взобравшись наверх, мулатка остановилась лишь на минуту, чтобы поправить висевшую на руке корзинку, из которой торчало горлышко бутылки. Затем, глядя прямо перед собой, Синтия ступила на тропинку и углубилась в непроглядную тьму леса.

Спустившись вниз, Кубина постоял еще немного, вы-

жидая, пока лодка доберется до противоположного берега. Он зорко всматривался и напрягал слух. Убедившись, что лодка доплыла, Кубина неслышно погрузился в воду и поплыл.

Луна освещала лишь две трети поверхности воды, на остальную треть падала тень от утеса. Стараясь держаться в пределах этой тени и плывя беззвучно, словно рыба, Кубина добрался до противоположного берега незамеченным.

Под густой листвой девственного леса была крошечная тьма, в которую не проникал ни один луч луны. Кубина предположил, что от места стоянки лодки должна идти тропинка. Пробираясь вдоль берега озера, он скоро обнаружил челн, привязанный к дереву.

Отыскав тропинку, Кубина, не теряя ни секунды, бесшумно, словно кошка, начал красться вперед. Иногда он останавливался, прислушиваясь. Но до его слуха не долетало ничего, кроме шума верхнего водопада, к которому он теперь приближался.

Там, у самой воды, деревья росли реже. Марон осторожно прошел еще немного и остановился. Неожиданно во мгле блеснул огонек. Прямо перед Кубиной была хижина с бамбуковой дверью. Из нее доносились голоса. Еще мгновение — и Кубина очутился возле самой двери. Здесь он притаился, готовясь подслушать то, что будет говориться в хижине.

Глава LXVI НЕОЖИДАННЫЕ ОТКРЫТИЯ

Заговорщики не понижали голоса, полагая, что здесь им нечего опасаться подслушивания. Но из-за свистящего шума водопада Кубине удавалось разобрать далеко не все. Но и то, что ему удалось услышать, повергло его в величайшее изумление. Он и не подозревал, что на земле существуют такие негодяи, как Чакра и Джесюрон! Кубина не только слышал заговорщиков, но и видел их сквозь широкие щели в двери. Джесюрон, очевидно устав от лазания по горам, сидел на бамбуковом настиле, а колдун стоял перед ним, прислонившись к огромному корню, служившему боковой стеной хижины.

Разговор, по-видимому, только что начался. Ведь они добрались до хижины всего за несколько минут до Кубины и едва успели зажечь светильник. «Значит, — рассуждал марон, — я услышу все с самого начала». Но скоро он понял,

что это была уже не первая встреча заговорщиков, готовящих убийство.

Джесюрон только что закончил злобную речь. Он снял очки, и видны были его маленькие свирепые глаза. Правой рукой он крепко сжимал ручку зонта, словно угрожая Чакре. Тот, очевидно, трусил и умолял о чем-то. Хотя ростом и физической силой он вдвое превосходил Джесюрона, в этот момент колдун робел перед ним.

— Право, масса Джек,— говорил он просительным тоном,— откуда же я мог знать, что судья соберется ехать так скоро? Вы и сами наказывали не торопиться, чтобы никто ничего не заподозрил. Если бы я знал, я бы прикончил проклятого судью Вогана разом, в мгновение ока! Уж я бы сумел, не беспокойтесь!

— Ведь он так, чего доброго, ускользнет от нас! — горестно воскликнул Джесюрон.— Именно теперь, когда так важно убрать его с дороги! Синтия говорит, он там что-то против меня готовит. Она подслушала его разговор в павильоне.

— Что он может вам сделать, масса Джек?

— Что сделать? Он замыслил меня погубить,— он и еще этот проклятый марон Кубина. Знаешь ты его?

— Еще бы мне не знать!

— А Лофтус Воган, этот надутый индюк, и не подозревает, что его жена, красавица Квашеба, была любовницей марона! Ха-ха-ха! Любила-то она его посильнее, чем чванливого судью Вогана. Нашему гордецу и невдомек, что молодой Кубина, с которым они готовят каверзу против меня, в некотором роде его собственный сын. Ха-ха-ха!

Кубина стоял, как громом пораженный. Впервые он узнал, кто была его мать. В раннем детстве до него доходили смутные толки, но со временем они стерлись у него в памяти. Отца он хорошо знал, но матери не помнил. Неужели кварталонка Квашеба, о которой он столько слышал,— его мать? Значит, Лили Квашеба, красивая, образованная дочь судьи Вогана,— его сводная сестра? Сомневаться в этом теперь не приходилось. Из дальнейшего разговора Джесюрона и Чакры он узнал еще ряд подробностей, убедивших его в том, что все это правда. Да, подобные истории были не редкостью на Ямайке.

Молодого марона охватили неведомые ему доселе чувства. Вдруг возникли новые кровные узы, о которых он не знал, новые привязанности. Подавив душевное волнение, Кубина продолжал прислушиваться.

Он узнал, что у него есть сводная сестра. Это было ошеломляющее открытие. Но вскоре ему пришлось услышать нечто, еще более его поразившее: негодяи задумали убить не только судью, но и его самого!

— Надо убрать и этого,— сказал Джесюрон.— С него все и началось. Если даже мы покончим с Воганом, Кубина все равно пойдет с этим делом к другому судье. Найдется много охотников помочь ему подставить мне ножку. Так ты, Чакра, не мешкай, пускай поскорее в ход свою ворожбу. Времени больше терять нельзя,— понимаешь?

— Все будет сделано, масса Джек, все, что нужно. Только дело это нелегкое. Двадцать лет потратил я на то, чтоб расправиться с отцом, и давно уже добираюсь до сына. Он, как и его отец, стоит у меня поперек горла. Вы-то знаете, за что я их обоих ненавижу.

— Знаю, знаю! Давно все знаю.

— Так я постараюсь, масса Джек. На Синтию надежда плохая. Она не отказалась бы угостить Кубину — она думает, что я дал ей приворотное зелье. Но Кубина ее к себе и близко не подпустит. Ничего, Чакра сам все устроит! Недолго осталось ходить по земле сыну Квашебы!

«Подожди — может, дольше, чем ты полагаешь», — мысленно ответил ему тот, кому сулили такой скорый конец.

— Но главное не он, а судья Воган, ты про это не забывай! — в новом приступе ярости воскликнул Джесюрон.— Все, все может ускользнуть от меня — имение и все, все! Ты подвел меня, старик. Ты все юлишь, ведешь двойную игру. Смотри берегись, Чакра!

— Нет-нет, масса Джек,— повторил тот виноватым и покорным тоном.— Вы же знаете, я сам жду не дождусь, как бы поскорее разделаться с судьей Воганом. Обещаю вам, моя ворожба свое дело сделает.

— Да, сделает, когда будет поздно! Потом мне его смерть будет не нужна. Если он успеет побывать в Спаниш-Тауне, если он раздобудет там необходимые бумаги, тогда я разорен. Понимаешь? Тогда хоть меня самого пой своим зельем!

Чакра слушал, очевидно не вполне его понимая. Он не знал главной цели Джесюрона.

— Я тебе не доверяю! — продолжал Джесюрон все так же грозно.— Ты только о себе думаешь. Мечтаешь получить Лили Квашебу? Помни, Чакра: если ты вовремя не покончишь с судьей и он успеет доехать до Спаниш-Тауна живым и невредимым, то смотри, со мной шутки плохи! Не только

и в глаза не увидишь обещанного вознаграждения, но можешь даже заплатить собственноручно. Стоит мне шепнуть кому следует — и в Ущелье Дьявола обыщут каждый кустик!

Джесюрон направился к двери. Марон нырнул в тень сейбы. Он не услышал, чем кончился разговор, который продолжался еще несколько минут. Джесюрон все грозил Чабре, а колдун клялся, что на него можно положиться.

— Судья не уйдет от наших рук, масса Джек. Я сегодня передал Синтии бутылку с новым снадобьем. Через сутки судьи не станут.

— Это наврное?

— Да-да! Так же верно, как то, что меня зовут Чакра. Не сомневайтесь, масса Джек. Мне судья Воган так же «мил», как и вам. Вот его дочка — дело другое...

Вскоре оба негодяя покинули хижину. Марон неотступно следил за ними. И только после того, как Чакра перевез через озеро Джесюрона и вернулся к себе, марон переплыл под прикрытием тени на другой берег и выбрался из ущелья.

Глава LXVII БУРНАЯ СЦЕНА

Покинув Ущелье Дьявола, работоровец торопливо зашагал к дому. Его гнало не только желание поскорее добраться до постели. Хотя был уже поздний, или, вернее, ранний час, так как брезжил рассвет, в глазах старика не было и намека на сонливость. Напротив, он собрался, не откладывая, осуществить одно важное намерение. Он то и дело что-то недовольно бормотал. Его томили беспокойство и неуверенность. Старому колдуну далеко не всегда удавалось выполнить свои обещания. Неужели враг ускользнет и хитроумный план, так тщательно продуманный, потерпит неудачу? Правда, бутылка с ядом в руках Синтии. Но что, если яд недостаточно силен и не окажет желанного действия? Что, если Синтии не удастся подлить его в питье судьи? Лофтус Воган собирается выехать рано утром. У нее просто может не представиться удобного случая. Или, чего доброго, в последний момент мулатка не осмелится выполнить возложенную на нее опасную обязанность. Или же сама жертва заподозрит неладное и откажется принять питье из рук Синтии...

«Да, «ото рта до ложки — длинная дорожка», — повто-

рял он про себя свою излюбленную поговорку.— Неужели дело сорвется? Только бы не дать ему добраться живым до Спаниш-Тауна! Ведь от этого зависит счастье моей Юдифи! Да и мое тоже. Горный Приют станет моей собственностью. Он достанется Герберту Вогану, а сам Герберт Воган — моей, *моей* дочери! И вдруг после всех моих стараний все сорвется, все рухнет? Даже подумать страшно... Тогда я разорен. Юдифь все-таки захочет выйти за Герберта Вогана — ведь она в него влюблена. А у него за душой ни гроша! Бог ты мой, надо это немедленно приостановить! Сейчас же поговорю с Юдифью».

Подгоняемый этими соображениями, Джесюрон ускорил шаги и через несколько минут был уже возле стен своего неприглядного дома.

Сторож-негр открыл ему ворота. Джесюрон крадучись, словно вор в чужом доме, поднялся по деревянным ступеням на веранду: он боялся разбудить того, кто спал в гамаке, подвешенном в ее дальнем конце. Старик на цыпочках прошел в другой конец веранды — там в одной из комнат горел свет. Это была спальня его дочери. Джесюрон негромко постучал и шепотом окликнул дочь по имени.

— Кто там? Ты, старик?

И тут же послышались шаги. Юдифь или еще не ложилась, или уже успела встать. Дверь открылась, и достойный отец вошел в комнату своего детища.

— Ну, почтенный родитель, думаю, незачем спрашивать, где ты бродил всю ночь? Очередная сделка, новая партия живого товара? Но с какой радости я должна была сидеть и дожидаться тебя чуть не до рассвета? Я до смерти хочу спать!

— Юдифь, выслушай меня. Дела наши из рук вон плохи. Все идет прахом...

— Да, судя по твоей унылой физиономии, дела у тебя не блестящи. Что с тобой стряслось, многоуважаемый родитель?

— Мне нужно сообщить тебе нечто весьма важное.

— Ну, говори, не тяни. Я хочу спать.

— Юдифь, перестань кокетничать с молодым человеком.

— С каким молодым человеком? Что ты болтаешь?

— С Гербертом Воганом.

— Ого! Теперь ты запел по-другому? Говори, в чем дело?

— У меня есть на то серьезные причины.

— Говори скорее, да потолковее: что случилось?

— Видишь ли, Юдифь, тебе следует держаться подальше от молодого Вогана, пока не выяснится одно очень важное обстоятельство. Я полагал, что в недалеком будущем его ждет богатство, но сегодня ночью до меня дошли сведения, что богатство может пройти мимо его носа. А за нищего тебе выходить замуж нечего.

— Вот что, отец...— Юдифь оставила обычный насмешливо-саркастический тон и заговорила серьезно.— Теперь уже поздно что-либо менять. Помнишь, я говорила, что паук может ненароком попасть в собственную сеть. Вот так оно и случилось. Я оказалась в роли неудачливого паука.

— Что ты говоришь, Юдифь? — Старик поглядел на нее встревоженно.

— Да, представь себе. Вон там в гамаке спит муха, которую я задумала поймать. Муха цела и невредима. А я... Слушай: пусть он нищий, без всякого положения в обществе — мне все равно. Для меня он достаточно богат и знатен. Не моя будет вина, если он все же не станет моим мужем.

Последние слова выдали, что гордая красавица не вполне уверена в чувствах Герберта Вогана.

— Замуж за нищего? — вне себя от ярости завопил старик.— Никогда! Выкинь из головы эту чушь!

— Можешь бранить его нищим сколько хочешь. Нам с ним это совершенно безразлично.

— Я лишу тебя наследства! — прошипел Джесюрон.

— Сделай милость. Но помни: ты сам затеял игру. Боишься потерять ставку? Смотри, как бы тебе не пришлось потерять меня. Если только он...

Какая-то печальная мысль омрачила ее прекрасный лоб. Но она недоговорила — отец прервал ее.

— Не будем спорить попусту, дочка,— сказал он.— Ложись спать. Но прошу запомнить твердо: если Герберт не разбогатеет, я согласна на ваш брак не дам. Оба вы не получите от меня ни гроша. Ты поняла, Юдифь?

И, не дожидаясь ответа, старик поспешно вышел из спальни дочери.

Глава LXVIII КУДА ТЕПЕРЬ?

Выбравшись из ущелья, марон на минуту остановился, обдумывая план дальнейших действий. Неожиданное открытие преисполнило его новыми чувствами. В голове и в душе

у него царил одинаковый хаос. Ему нужно было собраться с мыслями, прийти в себя. Особенно его поразило то, что он — сводный брат мисс Воган. Но эта неожиданная странная новость не требовала от него никаких немедленных поступков. Впервые зародившееся в нем чувство братской привязанности усилило ту симпатию, какую он всегда питал к девушке, но, судя по только что подслушанному разговору, его неожиданно обретенной сестре пока ничто не грозило. Правда, гнусные намеки Чакры и Джесюрона заставляли страшиться за ее будущее. Но жизни ее отца грозила непосредственная опасность — в этом не было никаких сомнений. Против судьбы готовились какие-то дьявольские козни, его собирались убить! Надо немедленно принимать меры. Завтра уже может быть поздно...

Сообщение Синтии, что судья завтра должен уезжать, совершенно очевидно застало заговорщиков врасплох, и теперь они торопятся привести в исполнение свой план. Все это марон отлично понял из разговора колдуна и Джесюрона. Он понял также, каким оружием решили они поразить своего врага: самым надежным и незаметным — смертоносным зельем Оби! Кубина и раньше подозревал, что его отец был отравлен Чакрой. Теперь он был в этом совершенно убежден. И, если бы не необходимость поспешить на помощь судьбе и не уверенность в том, что теперь уже не составит труда разыскать Чакру в любое время, Кубина, несомненно, отомстил бы за смерть отца, не покидая Ущелья Дьявола.

У молодого марона благоразумие сочеталось с паразитическим хладнокровием, он никогда не совершал поспешных, необдуманных поступков. Временно оставив Чакру в покое, он твердо решил непременно заняться им, как только позволят обстоятельства. В таинственном «воскрешении» жреца Оби, которое, конечно, не могло не поразить Кубину в первый момент, он теперь уже не видел ничего сверхъестественного. Присутствие Джесюрона объяснило все. Кубина понял, что Джесюрон освободил колдуна, сняв с него цепи, и заковал в них труп какого-нибудь негра, чей скелет впоследствии и был принят за скелет казненного Чакры. Зачем Джесюрону понадобилось все это проделывать?.. У такого негодяя для этого могло найтись много причин.

Но сейчас размышлять об этом марону было некогда. Надо было думать не о прошлом, а о настоящем и будущем — о спасении судьбы. Нельзя отрицать, что Кубина испытывал в какой-то степени дружеское расположение к не-

му. Прежде его отношение к плантатору было не слишком горячим, но их сблизил недавно заключенный союз против общего врага. Открытия этой ночи еще более повысили интерес марона к Лофтусу Вогану, и нет ничего удивительного в том, что он почувствовал искреннее желание спасти отца той, которую с сегодняшней ночи считал своей сестрой. Именно этим были заняты теперь все его помыслы.

То, что жрец Оби жаждал смерти судьи Вогана, было Кубине вполне понятно: колдун мстил ему за ужасный приговор. Но почему хотел смерти судьи Джекоб Джесюрон? Из подслушанного разговора Кубина выяснить этого не мог. Ведь даже Чакра ничего не знал о цели своего покровителя. Может быть, его так сильно пугает предстоящий суд, о котором он каким-то образом ухитрился проведать? Подумав, марон решил, что тут скрывается нечто другое. Из их разговора явствовало, что они задумали убить судью задолго до того, как Джесюрон мог получить какие-либо сведения о намерениях соседа. Нет, причина другая. Но дело сейчас не в этом. Лофтус Воган, отец великодушной девушки, которая обещала выволить из рабства его дорогую невесту и которая оказалась его, Кубины, сводной сестрой,— ее отец в опасности!

Нельзя терять ни минуты. Надо немедленно предпринять решительные меры, во что бы то ни стало предотвратить угрозу и наказать злодеев. Но с чего начать? Отправиться прямо в Горный Приют и предупредить судью, рассказать о подслушанном разговоре?

Это было первое, что пришло ему в голову. Но в такой поздний час мистер Воган уже наверняка в постели, и его, Кубину, могут и не впустить в дом, если только он не представит явных доказательств неотложности своего дела и необходимости потревожить сон судьи. Именно так Кубина и поступил бы, если бы знал точно планы заговорщиков. Но, как уже было сказано, Кубина не слышал последних слов Чакры о бутылке с ядом, которую он дал Синтии. Он слышал только смутные намеки на какие-то меры, которые должны были сорвать поездку судьи в Спаниш-Таун.

Кубина рассудил, что не поздно будет пойти в Горный Приют и утром. Он успеет побывать там до отъезда судьи. Надо пойти туда пораньше, но все же не настолько рано, чтобы его приход вызвал ненужные толки. Полагая, что важный плантатор едва ли встанет рано, марон и не подумал о том, что может опоздать. И он отложил посещение Горного Приюта до утра, решив привести в исполнение на-

меченный им накануне план относительно уже совсем другого дела.

Первым пунктом в этом плане была встреча с Гербертом Воганом. Она была назначена на следующее утро и на том самом месте, где молодые люди встретились впервые: на поляне возле сейбы. Инициатива исходила от Герберта. Хотя им не пришлось видеться с того самого дня, когда они вдвоем спасли беглого невольника, они поддерживали связь через Квэко.

У Герберта были основания желать этой встречи. Он надеялся получить от Кубины разъяснения некоторых обстоятельств, которые за последнее время вызывали в нем тревогу и недоумение. Его смущала та версия истории с беглым рабом, которую преподнес ему Джесюрон. От Квэко Герберт узнал, что раб все еще находится среди маронов и даже принят в их общину, то есть стал мароном.

Это не совпадало с тем, что говорил Джесюрон. От Квэко Герберт ничего не мог добиться. Кубина обещал судье Вогану молчать, и его товарищи-охотники ровно ничего не знали о намерениях своего предводителя относительно Джесюрона.

Но не одна эта подозрительная история смущала молодого человека. Он ждал, что Кубина прольет свет и на кое-что другое. Герберт был в затруднении: положение, которое он занимал на ферме, становилось все более странным и двусмысленным. И тут Герберт подумал о своем новом знакомом, предводителе маронов. Кубина поможет ему разобраться во всех этих сложных вопросах. Никогда в жизни не был ему так нужен добрый советчик, как теперь, и умный мулат казался самым подходящим для этого человеком. Герберту вспомнилось данное ими друг другу обещание помогать в беде. Теперь одному из них уже понадобилась дружеская услуга. Вот почему Герберт назначил Кубине свидание под сейбой.

С не меньшим нетерпением ждал этой встречи и молодой марон. Он с благодарностью вспоминал о бескорыстном поступке Герберта Вогана, когда тот вмешался в неравную схватку, став на сторону более слабых. И, хотя с тех пор Кубина ни разу не видел своего благородного союзника, он часто думал о нем, что являлось свидетельством той глубокой признательности, которую он чувствовал к Герберту. Кубина с нетерпением ждал случая, чтобы выразить ее. Но у него были и другие причины желать свидания с молодым англичанином именно теперь. С Юолой в этот вечер он так-

же встречался не только для того, чтобы повторять любовные клятвы, произносившиеся уже десятки раз.

Ночь близилась к концу, скоро должно было наступить утро. Марон, вместо того чтобы направиться к себе в горы, решил пойти обратно на поляну и оставшиеся несколько часов провести там под сейбой. Возвращаться домой уже не было времени. Через три-четыре часа взойдет солнце, а они сговорились встретиться сразу после восхода. Нечего и думать, что он успеет добраться до своей хижины в горах и вернуться обратно. А провести ночь в лесу под деревом было для Кубины не в новинку. Ему никогда и в голову не пришло бы считать такую постель неудобной. Во время охоты ему часто приходилось по нескольку дней и даже недель спать на холодной земле, на охалке сухих листьев, а то и прямо на камнях — в общем, где придется. Для любого марона не имело значения, спит ли он под крышей, охраняет ли его сон листва дерева или же над головой у него сверкает звездами небесный шатер.

Итак, решив провести остаток ночи под сейбой, Кубина не стал мешкать и зашагал по тропинке к поляне. Он двигался медленно и осторожно. Зачем было спешить? Разве только затем, чтобы соснуть лишний часок под деревом. Но о сне Кубина не думал. Его слишком взволновали поразительные открытия этой ночи. Осторожность же он соблюдал, так как знал, что Джесюрон, возвращаясь к себе на ферму, должен пройти по той же дороге. Стоит старику замешкаться в пути — он ведь отправился всего несколько минут назад, — и Кубина нагонит его. А он предпочел бы больше не видеть сегодня Джесюрона или, во всяком случае, самому не попасться тому на глаза. Чтобы избежать всякой возможности встречи, Кубина время от времени останавливался и всматривался в дорогу впереди.

Он добрался до поляны, не встретив ни души. Джесюрон прошел здесь уже давно. Охотник понял это по тому, что у самой тропы, усевшись на нижней ветке дерева, громко распевал пересмешник. Марон услышал его пение задолго до того, как вышел на поляну. Если бы здесь недавно проходил человек, птица улетела бы, что она и сделала при появлении Кубины.

Первой заботой Кубины было развести костер. Нечего было и думать о том, чтобы заснуть в сырой одежде, а он промок до нитки, когда переплыл озеро. Только с этой целью он и развел огонь, так как готовить ему было нечего. Да Кубина и не был голоден — он успел вечером поужинать.

Костер, который марон развел с ловкостью, выдававшей человека, привыкшего к лесной жизни, быстро разгорелся, и Кубина стоял возле него, то и дело поворачиваясь, чтобы лучше просушить все еще мокрую одежду.

Вскоре от нее стали подниматься клубы пара. Чтобы скоротать время, Кубина закурил трубку. Он затаился с наслаждением. Возможно, от курения у него прояснилось в голове. Он не успел затаиться и десятка раз, как у него мелькнула новая мысль.

«Допустим,— думал он,— Воган придет через час после восхода. Нам понадобится еще час, чтобы дойти до Горного Приюта. Как бы это не оказалось слишком поздно... Кто знает, когда вздумает выехать судья? Глупо, что я не справился у Йола. Нет, нельзя полагаться на случай, когда дело идет о человеческой жизни. Неизвестно, что готовят ему те два негодяя. Я ведь не все слышал. Будь молодой Воган сейчас здесь, мы могли бы сразу отправиться в Горный Приют. Как бы он ни был сердит на дядю, но вряд ли захочет, чтобы судью убили. К тому же эти новые обстоятельства могут их примирить, что будет к лучшему для всех, и особенно для нее, для моей сестры. То-то взбесится старый Джесюрон, подлая собака! Я ему подставлю ножку! Я все до словечка передам молодому Вогану. Уж если он и после этого захочет стать зятем Джекоба Джесюрона, то чего он тогда стоит? Нет, быть этого не может! Никогда не поверю, чтобы...»

Он вдруг вспомнил о другом. Через два часа после восхода солнца судья Вогана может уже не быть в живых. Нет, надо сейчас же пойти к ферме старика и караулить, пока не появится молодой Воган. К рассвету он, наверное, поднимется с постели, и это сэкономит целый час. Сообщить ему все в нескольких словах и сразу же — к Горному Приюту.

Не дожидаясь, пока его платье окончательно просохнет, марон покинул поляну. Свернув на заросшую тропку, он направился к Счастливой Долине.

Глава LXIX ГНУСНЫЙ ДОГОВОР

Оборвав неприятное объяснение с дочерью, Джесюрон удалился к себе в спальню, которая, как и все комнаты в доме, выходила окнами на веранду. Проходя по веранде, он взглянул мимоходом на висевший в конце ее гамак. Там

спал Герберт Воган. Долгое путешествие по морю приучило его к такой постели. Он предпочитал ее, особенно в жаркую погоду, своей кровати в спальне рядом.

Джесюрон забеспокоился, не слышал ли Герберт их спора. В пылу ссоры и дочь и он сам забыли, что следовало говорить потише. Но гамак висел почти неподвижно, лишь еле заметно покачиваясь от легкого ночного ветерка. Очевидно, Герберт спал крепким сном.

Успокоившись на этот счет, Джесюрон пошел к себе. В комнате у него не было света, но он не стал зажигать его. Света луны было достаточно для того, чтобы разглядеть кресло, в которое Джесюрон тут же опустился, вместо того чтобы лечь в кровать. Так он и остался сидеть, погруженный в свои мысли.

«Бог ты мой, она ведь ни на что не посмотрит, она выйдет за него замуж! — сверлило у него в мозгу. — Ни угрозами, ни угрозами мне ее не удержать. Она упряма, как мул, онастоит на своем. Что делать, что предпринять?»

Он искал решения и не находил его.

«Как предотвратить брак дочери с этим нищим? Она сбежит с ним, она ни перед чем не остановится. Запереть ее? Не поможет. Она ухитрится сбежать из-под замка. Нельзя же все время держать ее взаперти! Нет, это невозможно. А если она выйдет за Герберта Вогана? Что будет тогда? Тогда — полное разорение. Нет, этого допустить нельзя. Если он станет ее мужем, он должен стать владельцем Горного Приюта. Но как это устроить, что сделать, чтобы он унаследовал Горный Приют?»

И вдруг его осенило.

— Ба! — воскликнул он громко и, вскочив с кресла, стукнул зонтом об пол. — Мои касадоры! Вот кто мне все устроит лучше всякого Чакры с его зельем! Их лекарство подействует уже наверняка. Да, это будет самым верным и надежным. Не радуйся, судья, ты от меня еще не ушел! А ты, дочка, получишь своего красавчика.

Джесюрон снова уселся в кресло и глубоко задумался.

Но через несколько минут он опять вскочил на ноги.

— Нет, нельзя терять и часа! — Он поспешно двинулся к двери. — Дорога́ каждая минута. Судья выезжает на рассвете — так сказала Синтия. Надо повидать их сейчас же. Они успеют нагнать его в дороге... Бог ты мой, солнце уже всходит!

Нахлобучив шляпу и схватив свой неизменный зонт, он кинулся на веранду, пробежал через весь двор и, выйдя за

ворота, очутился в поле. На мгновение он остановился и огляделся, желая убедиться, что вокруг никого нет, а затем двинулся дальше. В нескольких сотнях ярдов от дома стояла хижина, почти скрытая деревьями. Туда-то и направился Джесюрон. Через пять минут он был уже возле хижины и зонтом стучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос изнутри.

— Мануэль, это я, — последовал ответ.

— Это хозяин, — проговорил Мануэль, обращаясь к товарищу, так как в этой хижине жили оба касадора. — Что понадобилось старому бездельнику в такую рань, черт бы его побрал? — продолжал он по-испански, потому что Джесюрон не знал этого языка. — Не очень-то приятно, когда тебя силком стаскивают с постели. А мне как раз привиделся отличный сон. Знаешь, будто я посадил мачете в шкуру того парня, что убил моих собак. Жаль, что пока это только сон.

— Прикуси-ка язык, Мануэль. Или не слышишь, что старик колотит в дверь как сумасшедший? Видно, что-нибудь спешное... Сюю минуто, сеньор!

— Поживее! — кричал старик за дверью. — Безотлагательное дело!

Мануэль открыл дверь, и Джесюрон вошел, не дожидаясь приглашения.

— Зажечь свечу, сеньор? — осведомился Мануэль.

— Нет-нет, — поспешно остановил его старик. — Можно разговаривать и в темноте.

Да, кромешная тьма, как в аду, лучше всего подходила к последовавшему затем разговору: обсуждался план убийства Лофтуса Вогана! Джесюрон предложил этим отпетым негодяям, словно созданным для роли наемных убийц, прикончить судью, когда тот будет в пути. Где-нибудь в гуще леса, где придется, только бы не дать ему добраться до Спаниш-Тауна. Им была обещана награда по пятидесяти фунтов каждому.

План действия был разработан во всех деталях. От Синтии Джесюрон знал, что судья поедет южной дорогой, чтобы по пути заехать в Саванну. Это был более дальний, кружной путь до столицы, но Джесюрон догадывался, почему Лофтус Воган выбрал его. В Саванне как раз начиналась судебная сессия. Воган, наверное, решил обратиться туда по вопросу, касающемуся его, Джекоба Джесюрона, а также принца Сингуеса и двадцати четырех невольников-мандингов. Джесюрон не посвятил касадоров во все эти

соображения — на лишние разговоры времени терять было нельзя.

Через какие-нибудь двадцать минут Джесюрон вышел от касадоров. Поступь его была проворной и легкой, физиономия сияла радостью.

Глава LXX ВО ДВОРЕ ФЕРМЫ

Оказавшись вблизи владений Джесюрона, Кубина стал продвигаться с еще большей осторожностью. Он знал, что работорговец держит ночных сторожей и спускает на ночь цепных псов, охраняя не только четвероногих в хлевах и конюшнях, но и рабов в бараках. Марон понимал, что его отказ выдать беглого раба явился как бы объявлением войны между работорговцем и маронами, а его переговоры с Лофтусом Воганом, которые, как он только что убедился, не остались тайной для Джесюрона, не могли не вызвать к нему, Кубине, самой жгучей ненависти злобного старика. Если сторожа заметят его на ферме, его непременно схватят и представят на суд Джекоба Джесюрона, а от такого судьи справедливости ждать было нечего.

Кубина приближался к дому врага, соблюдая всяческие предосторожности. Он обошел усадьбу, чтобы не подходить к дому с той стороны, где были загоны для скота и где, по его расчетам, находились сторожа.

На поле, теперь наполовину заросшем лесом, легко было скрыться от посторонних взглядов. За густой порослью кампешевых, хлебных и тыквенных деревьев начинался старый сад, совершенно запущенный, но все еще изобиловавший одичавшими фруктовыми деревьями. Тут росли гуавы, манговые деревья, папайя, апельсины, лимоны; кокосовые пальмы вздымались над вершинами остальных деревьев свою крону, похожую на пучок перьев. Их длинные перистые листья покачивались от беззвучного дыхания ночного ветерка.

Кубина остановился неподалеку от дома. Он хотел найти себе такой наблюдательный пост, откуда можно было видеть веранду. Он дождется здесь рассвета, и тогда на ней появится Герберт. Марон знал, что все комнаты в доме выходят на веранду. Надо тут же постараться привлечь к себе внимание Герберта, окликнуть его, и тогда они смогут быстрее выполнить намеченный план.

Небольшое возвышение из камней, представлявшее со-

бой развалины старой ограды, могло служить прекрасным наблюдательным пунктом. На него и забрался марон. Отсюда была видна вся веранда. Хотя сам дом был весь залит ровным лунным светом, веранда находилась в тени, так же как и двор перед ней. И только в одном конце веранды лежало пятно лунного света, исчерченное тенями столбиков балюстрады.

Марон не пробыл на своем посту и нескольких минут, когда его внимание привлек какой-то предмет на веранде. Когда глаза Кубины привыкли к окружающей темноте, он разглядел, что это гамак, подвешенный поперек веранды чуть повыше балюстрады. Луна теперь опустилась ниже к горизонту, ее лучи скользнули дальше вдоль веранды, и гамак стал виден лучше. Судя по туго натянутым веревкам, в нем кто-то спал.

«А что, если там Герберт?» — подумал Кубина.

Если так, то нечего дожидаться рассвета, надо разбудить его немедленно. Но как проверить, действительно ли в гамаке Герберт? Вдруг там кто-нибудь другой — например, управляющий Рэвнер? С ним Кубине беседовать не хотелось. Как выяснить, кто же все-таки в гамаке?

Тут Кубина заметил, что лунные лучи подбираются к спящему и сейчас осветят его. Кубина уже различал, хотя и очень смутно, лицо человека в гамаке. Надо взобраться на что-нибудь повыше и поближе к дому — тогда можно будет рассмотреть как следует, кто спит на этом зыбком ложе.

Он быстро огляделся. Неподалеку от ограды росла кокосовая пальма. Листья ее, как опахало из перьев, склонялись к самой веранде. Если бы незаметно добраться до дерева!

Кубина колебался не дольше секунды. Он бесшумно пополз вперед, обвил ствол пальмы руками и ногами и мигом вскарабкался наверх. Для него это было нетрудно — он лазил по деревьям, как белка.

Добравшись до верхушки пальмы, он устроился в центре ее густой кроны, откуда веранда была хорошо видна. Гамак оказался как раз под ним, и лицо спящего теперь было ярко освещено луной. Кубина узнал его с первого взгляда. Да, в гамаке спал Герберт Воган.

Как разбудить его, не поднимая шума?

И вдруг Кубина услышал, как во дворе что-то скрипнуло. Кубина взглянул туда и увидел, что калитка медленно открывается и в нее входит человек. Калитка снова закрылась за ним, а человек зашагал к дому и, поднявшись по ступенькам, вошел на веранду. Еще когда он пересекал

двор, свет луны упал ему на лицо, и Кубина увидел отталяющую физиономию хозяина дома.

«Должно быть, я обогнал его по дороге,— подумал марон.— Но нет,— тут же поправил он себя,— я же видел на земле его следы, ведущие к ферме. Значит, он пришел сюда раньше меня. Просто он зачем-то еще раз уходил из дома. Какие-нибудь темные делишки, как всегда. Черт возьми, правду говорят про него, что он никогда не спит... Наши все время встречают его в лесу по ночам. Теперь понимаю почему — он ходит к своему дружку в ущелье. Только подумать,— старый колдун Чакра, оказывается, жив!»

Размышляя таким образом, марон в то же время не спускал глаз с темной фигуры, которая, как злой дух, безмолвно скользила вдоль веранды. Кубина надеялся, что старик скоро уйдет к себе в комнату. До этого нечего и пытаться разбудить Герберта. Но, что еще хуже, Кубину и самого теперь легко было заметить. Ничем не защищенный, кроме нескольких листьев пальмы, он мог быть обнаружен в любой момент. Что, если Джесюрон вдруг поднимет голову? Он тут же увидит четкий силуэт человека на фоне темной синевы неба.

Кубина сильно опасался такой возможности — и не без оснований. Это не только помешает ему поговорить с Гербертом, но может кончиться тем, что его самого поймают и задержат. Последнее было особенно опасно.

Понимая все это, марон сидел тихо, боясь шевельнуть рукой или ногой. В таком положении он казался статуей на вершине коринфской колонны, капителью которой служила крона резных листьев пальмы.

Глава LXXI ОХОТНИКИ ЗА ЛЮДЬМИ

Некоторое время Кубина сидел так, не шелохнувшись. Джесюрон все не уходил с полутемной веранды, то расхаживая взад и вперед, то останавливаясь у деревянного крыльца и подолгу глядя на ворота, через которые сам только что вошел сюда.

«Видно, поджидает кого-то»,— подумал Кубина — и не ошибся.

Вот высокие ворота снова повернулись на петлях, и во двор вошли двое, сказав что-то на ходу чернокожему сторожу. Кубина тотчас узнал острые черты смуглых лиц, гиб-

кие, кошачьи движения: это были касадоры. Они направились прямо к веранде и остановились возле крыльца. Джесюрон, завидев их еще издали, вошел в комнату, почти немедленно вернулся и теперь стоял, поджидая.

Один из касадоров молча протянул руку, и старик передал ему что-то. Кубина не видел, что именно, но услышал, как Джесюрон сказал при этом:

— В этой фляге самый лучший коньяк, какой только сыщешь на Ямайке. А теперь не теряйте ни минуты! Помните, вас ждут большие деньги. Смотрите не упустите его!

— Не беспокойтесь, сеньор Джекоб,— ответил тот, кому была передана фляга с коньяком.— Карамба! Ему от нас не уйти, какие бы длинные ноги у него ни были!

И, не произнеся больше ни слова, негодяй сошел с крыльца и вместе со своим достойным товарищем торопливо пошел прочь. Оба они исчезли за калиткой.

«Ловят какого-нибудь беднягу-раба,— решил Кубина.— Авось мерзавцам не удастся его поймать... Впрочем, они не так ловки и смелы, как хвастаются».

Марон снова посмотрел на темный силуэт старика на веранде.

«Что ж, отправится когда-нибудь старый ворон спать или нет? Неужто все еще не закончил свои грязные дела? Пока он здесь, мне нельзя даже пошевелиться!»

Тут, к радости Кубины, старик вдруг направился к себе в комнату, дверь которой все время оставалась открытой.

«Наконец-то! — мысленно воскликнул марон.— Теперь, надо полагать, он окончательно заползет в свою нору и до утра из нее не вылезет. Мне уж надоело им любоваться».

Но радость Кубины была недолгой, ибо отвратительный старик снова показался на веранде. Только теперь вместо синего сюртука на нем был широкий, длинный халат. Джесюрон снял и шляпу, оставшись в своем неизменном грязном колпаке. К отчаянию Кубины, старик выволок из комнаты на середину веранды кресло с высокой спинкой и уселся в него.

Послышались удары стали о камень, вспыхнули искры... Джесюрон высекал огонь. Зачем он ему понадобился? Запах табака, защекотавший ноздри Кубины, объяснил все. Джесюрон закурил сигару. Сколько может это продлиться? Полчаса, а то и час? А что, если он останется сидеть тут до рассвета?

Положение становилось крайне затруднительным. Марон не имел никакой возможности разбудить Герберта, не мог

сделать ни малейшего движения, не рискуя выдать свое присутствие Джесюрону. О том, чтобы слезть с дерева, не могло быть и речи. Кубина понимал, что оказался в ловушке. Выхода не было. Оставалось одно: ждать, пока Джесюрон докурит сигару, хотя и это еще не гарантировало ничего определенного.

Набравшись терпения, Кубина, испытывая душевные и физические муки, по-прежнему неподвижно сидел на вершине пальмы.

Это испытание длилось по меньшей мере час. Под конец руки и ноги у Кубины совершенно онемели, он чувствовал, что еще немного — и он не выдержит.

А старик все сидел в кресле, словно приклеенный, молча и неподвижно, как и Кубина.

Кубине казалось, что тот выкурил не одну, а две, а то и три сигары — красный огонек все не мерк под ястребиным носом старика. И вот Кубина заметил то, чего опасался: над верхушками деревьев заголубело небо. Занимался рассвет. Слегка повернув голову, Кубина увидел, что первые солнечные лучи уже позолотили вершину Утеса Юмбо. Что делать?

Если он будет продолжать сидеть здесь, его, конечно, скоро обнаружат. Еще немного — и выйдут на работу невольники-рабы, а с ними управляющий и надсмотрщики. Кто-нибудь непременно заметит фигуру на дереве. Уж нечего и думать, чтобы разбудить Герберта. Только бы самому выбраться отсюда...

Раздумывая, как бы незаметно спуститься с пальмы, Кубина еще раз взглянул на старика в кресле. Лучи зари, так напугавшие марона, принесли ему и радость: он увидел в их свете, что Джесюрон уснул. Очки свалились, морщинистые веки закрыли хитрые глаза, ноги обмякли, руки повисли по бокам кресла, а голубой зонт свалился на пол. Но во рту старика все еще торчал окурочек сигары.

Глава LXXII

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СИГНАЛЫ

Теперь Кубину мучили сомнения. В нем боролись благоумие и желание все-таки довести до конца задуманное — то есть он не знал, уйти ли ему отсюда одному, пока не поздно, или все же попытаться разбудить спящего в гамаке. В первом случае он просто вернется к поляне и станет там ждать прихода Герберта. Но так он потеряет по меньшей

мере два часа драгоценного времени. Да еще будет ли пунктуален молодой англичанин? Его может что-нибудь задержать, что весьма вероятно, если учесть, как все беспорядочно в доме скотовода. Но предположим даже, что Герберт придет вовремя, — все равно надо ждать еще два часа. За два часа Лофтус Воган может уже расстаться с жизнью!

Все эти мысли вихрем пронеслись в мозгу марона, привыкшего быстро оценивать обстановку. Не отправиться ли немедленно в Горный Приют одному? Или все же разбудить Герберта?

Вероятно, он принял бы первое решение, если бы знал все. Но он не предполагал, что плантатору угрожает непосредственная опасность, он не подозревал, зачем в действительности касадоры ушли ночью с фермы. Если бы Кубина только знал, куда и зачем они отправились, если бы он знал, что оба они — наемные убийцы, подсланные Джесюроном, он сделал бы все, чтобы помешать преступлению. Но он думал, что нет крайней необходимости немедленно бежать в Горный Приют, хотя и понимал, что терять время нельзя.

В этот момент лежавший в гамаке вдруг повернулся и зевнул.

«Кажется, просыпается, — подумал Кубина. — Пора действовать».

Но, к досаде марона, спящий больше не шевелился.

«Как бы мне шепнуть ему хоть словцо! Нет, невозможно. У старой лисицы слух потоньше. Брошу-ка я в него чем-нибудь — авось проснется».

Кубина вытащил из кармана трубку — единственное, что было у него под рукой, — и, метко прицелясь, швырнул ее в гамак. Она упала прямо на грудь Герберта. Но трубка была слишком легка и не разбудила его.

«Ах, черт! Спит, как сова в полдень! Что же еще попробовать? Если бросить в гамак мой мачете, я окажусь безоружным. А как знать... он может очень скоро мне понадобится. Ба! Брошу-ка я в него орехом с пальмы. Уж это его разбудит!»

И марон, нагнувшись и просунув руку в глубину листы, сорвал огромный кокосовый орех.

Тщательно прицелясь, он бросил тяжелый орех на грудь Герберту. К счастью, сетка гамака не дала ореху, когда он соскользнул в сторону, упасть на пол. Иначе шум падения непременно разбудил бы того, кто спал неподалеку в кресле.

Молодой англичанин открыл глаза и, приподнявшись на локте, удивленно огляделся. Хорошо, что Герберт был цело-

век сдержанный и не издал возгласа изумления, хотя его крайне удивил лежащий рядом с ним в гамаке кокосовый орех.

— Откуда свалился на меня этот дар Помоны?

Но тут в сероватом утреннем свете он увидел прямо перед собой ствол величественной кокосовой пальмы. Он отлично знал ее, изучил во всех подробностях ее изящный силуэт и потому сразу заметил что-то постороннее, непривычное на ее вершине. Он увидел там скорчившуюся человеческую фигуру. Было уже настолько светло, что Герберт узнал в ней своего старого знакомого, того, кто угощал его под сейбой. Но он не успел еще ничем выразить своего удивления, как марон приложил палец к губам.

— Тсс! Ни слова, мистер Воган! — донеслось до него еле слышно с верхушки пальмы, и он заметил, что Кубина бросил выразительный взгляд в сторону веранды.— Тихонько вылезайте из гамака, берите шляпу и следуйте за мной в лес. Важные новости, очень важные! Речь идет о жизни и смерти. И, бога ради, осторожнее, чтобы он вас не заметил!

— Кто? — также шепотом спросил Герберт.

— Взгляните! — И марон указал на спящего в кресле Джесюрона.— Скорее! Встретимся на поляне! Нельзя терять ни секунды. Те, кто дорог вашему сердцу,— в большой опасности!

— Иду! — последовал ответ, и Герберт проворно вылез из гамака.

— Вы найдете меня под сейбой,— сказал марон напоследок и тут же покинул опасную позицию, неслышно соскользнув по тонкому стволу пальмы, как матрос по корабельной мачте.

Он бросился бежать и быстро скрылся в зарослях.

Герберт также не стал мешкать. Его подгоняли слова Кубины: «Те, кто дорог вашему сердцу,— в большой опасности». На свете есть лишь одно дорогое ему существо — Кэт Воган. Неужели Кубина имел в виду ее?

Но раздумывать было некогда. В одну секунду схватив плащ и шляпу, висевшие рядом в комнате, и не забыв взять ружье, Герберт поспешил за Кубиной. Он был слишком взволнован, в нем слишком кипела энергия, чтобы степенно сойти с крыльца. Да и сидевший там старик мог проснуться. Поэтому Герберт быстро перекинул ноги через балюстраду и спрыгнул вниз. Нырнув в кустарник следом за Кубиной, он также исчез среди зелени запущенного сада.

Глава LXXIII

ЧЕРНЫЙ ДИК

Задержись Герберт хотя бы на десять минут, его непременно бы заметили и задержали. Во всяком случае, ему учинили бы допрос: куда это он отправляется в такую рань? И, по всей вероятности, за ним устроили бы слежку.

Едва он вышел за пределы фермы, как раздались удары колокола, резко прозвучавшие в утренней тишине. Это не был сигнал тревоги,— Герберт знал, что так созывают рабов на плантации. Но, конечно, колокол разбудил и спящего в кресле. Герберт мысленно поздравил себя с удачей. Как хорошо, что он успел выбраться из дома до первого удара колокола! И он ускорил шаги, торопясь нагнать марона.

Кубина, хотя он ушел далеко вперед, тоже услышал колокол и, так же как и Герберт, подумал, что Джесюрон, наверное, проснулся. Оба они не ошиблись. При первом же звуке колокола старик вскочил с кресла и тревожно огляделся.

— Бог ты мой! — Он выплюнул окурок сигары.— Уж совсем день! Я проспал не меньше двух часов. Нет, сейчас не время спать, надо быть начеку. Судья уже в пути. Если мои касадоры не подведут, сегодня ночью он будет спать таким крепким сном, что его уже не разбудишь. Ну, а если им не удастся его нагнать? Или вдруг их захватят с поличным? Что тогда? Да, здесь таится опасность. Об этом я и не подумал. Они меня выдадут — скажут, что это я их послал. Тогда мне самому не миновать суда — мне, судье! А не теперь, так потом, рано или поздно, Мануэль проболтается. У него слишком длинный язык. Надо будет убрать его с Ямайки. Да и второго тоже, и поскорее...

Про Чакру он забыл, полагая, что черное дело совершат его наемные убийцы, что сталь, а не яд прервет жизнь судьи Вогана. Если даже Синтия и успела дать судье смертельную дозу яда, Чакры опасаться было нечего: он не выдаст. А с мулаткой Синтией он, Джесюрон, переговоров не вел, она не сможет дать против него никаких показаний.

— Надо что-то предпринять,— сказал себе Джесюрон, направляясь в спальню переодеться. В дверях он остановился.— Что же сделать?.. Ага, нашел! Пошлю кого-нибудь в Горный Приют, будто по делу. Правда, это будет выглядеть несколько странно — всем известно, что мы с Лофтусом Воганом не в ладах. Ничего... Судья, наверное, уже уехал. Мой Рэвнер пошлет кого-нибудь из рабов к мистеру Трэсти. Что-

нибудь придумаем... Эй, Рэвнер! — позвал он управляющего, который с хлыстом в руке проходил по двору.— Подойдите сюда.

Рэвнер, буркнув что-то в ответ, поднялся на крыльцо и молча стал, ожидая приказаний.

— У вас не найдется дела к мистеру Трэсти, чтобы послать к нему кого-нибудь?

— Сколько угодно. Вот как раз проклятые свиньи судьи Вогана забрались к нам на поле и повитоптали рассаду. Пусть возместит нам убытки.

— Отлично! Очень хорошо!

— Вы бы не сказали «очень хорошо», если б видели, что они там натворили. Когда придет время собирать урожай, радоваться будет нечему.

— Ничего. Мы этого так не оставим, можете не беспокоиться. Но сейчас у меня другие заботы на уме. Вы пошлите кого-нибудь к мистеру Трэсти, будто насчет этой потравы. Да выберите такого, чтоб попусту не болтал, а разузнал все толком. Мне надо выяснить, дома ли судья. Только пусть прямо об этом не спрашивает, а выпытает поосторожнее, обиняками. До меня дошли слухи, что судья собирается уехать. Так вот я и хочу узнать, уехал он или нет. Понятно?

— Понятно,— ответил Рэвнер.— Все будет выполнено. Пошлю Черного Дика, на него можно вполне положиться.

— Верно, верно! Черный Дик не подведет. И слушайте, Рэвнер: скажите ему, чтоб он повидал там мулатку Синтию.

— Что ей сказать?

— Пусть передаст ей, чтобы пришла сюда. Мне нужно с ней поговорить. Но предупредите Черного Дика, чтобы вел себя поосмотрительнее, не сболтнул лишнего. И чтобы их никто не подслушал.

— Ладно, я ему все растолкую. Сейчас послать?

— Да-да, сию минуту. Дело не терпит отлагательств.

Не тратя лишних слов, Рэвнер отправился выполнять хозяйское приказание, и через десять минут Черный Дик уже шагал по дороге от Счастливой Долины к Горному Приюту.

Глава LXXIV

ТАИНСТВЕННОЕ ОТСУТСТВИЕ

Краткий разговор между Джесюроном и Рэвнером велся вполголоса, чтобы их не услышал тот, кто, как полагал Джесюрон, спал в гамаке на расстоянии каких-нибудь де-

сяти шагов. Однако самого гамака с крыльца не было видно, он висел, как уже говорилось, в другом конце веранды.

Отпустив управляющего, Джесюрон пошел к себе и через минуту снова появился на веранде в преображенном виде. Вновь на нем красовался знаменитый синий сюртук, застегнутый на все пуговицы, потертые штаны, касторовая шляпа и очки. По-видимому, старик куда-то собрался. Это было тем более очевидно, что он поднял упавший на пол зонт и подошел к крыльцу, держа его в руке.

Куда же и с какой целью он отправлялся так рано?

— Да-да,— бурчал он про себя,— необходимо повенчать их сейчас же, пока не пришло известие о смерти судьи. А то еще неизвестно, как поведет себя Герберт Воган, когда узнает, что ему на голову свалилось целое состояние. Кажется, Юдифь не слишком уверена, что поймала молодого красавчика. Сама вчера о том говорила. Значит, тем более необходимо действовать немедленно. Незачем и посылать за приходским священником. Он — приятель судьи, еще заартачится. Надо позвать другого. Тот беден и не станет ломаться. Все равно узы брака будут так же нерушимы, как если бы брачную церемонию совершал сам епископ Ямайки. А если и этот не согласится, найдем третьего. Я знаю такого, который за деньги пойдет на что угодно...

Старик начал было уже спускаться с крыльца, как вдруг его остановила какая-то мысль. Он повернулся и, тихонько ступая, пошел к гамаку.

— Наш молодой джентльмен, наверно, еще изволит почитать. Сегодня он и вправду станет джентльменом, а богатых молодых джентльменов не полагается тревожить, когда они нежатся в постели. Пусть спит... Но что это?.. Гамак пуст? Рано же поднялся мой счетовод! Где он? У себя в комнате?

Джесюрон подошел к спальне Герберта. Дверь была полуоткрыта. Джесюрон бесцеремонно заглянул внутрь. Комната была пуста.

— Мистер Воган! Вы здесь? — на всякий случай спросил Джесюрон, вытягивая шею и тщетно стараясь обнаружить хозяина комнаты. — Куда же он делся? Нет ни плаща, ни шляпы. И ружье взял. У него всегда висело вот тут ружье. И как это он ухитрился пройти мимо меня так, что я ничего не слышал? Уж, кажется, я сплю чутко — и кошку услышу. Ну да, он просто перепрыгнул через перила... Ага, вот и следы! Кроме него, некому. И куда это его понесло на рассвете?

Впрочем, вначале отсутствие Герберта не вызвало у Джесюрона тревоги. Просто молодой человек вздумал побродить по лесу. И ружье захватил, чтоб подстрелить какую-нибудь раннюю птицу. Он уж не раз так делал. Только, правда, никогда не уходил до завтрака. Впрочем, ни ранний уход тайком,— он, наверное, просто не хотел будить хозяйна,— ни взятое ружье не давали еще оснований для беспокойства. Но кое-что другое пробудило у Джесюрона подозрения.

Герберт взял ружье, он решил поохотиться — но тогда почему же он оставил сумку с пулями и пороховницу? И то и другое висело на своих местах. Если Герберт отправился пострелять дичи, почему он не захватил с собой всех необходимых охотничьих принадлежностей? Может быть, он увидел дичь неподалеку от дома и, торопясь, боясь упустить ее, схватил ружье, думая обойтись двумя зарядами? Тогда, значит, минут через десять он вернется.

Десять минут прошли, прошло еще много минут... наконец, целый час. О счетоводе по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Джесюрон разослал на поиски негров, но и они не нашли Герберта, хотя обшарили лес на полмили вокруг.

Джесюрон, которому пришлось отложить визит к священнику, помрачнел.

— Странно,— сказал он дочери, которая уже встала и выглядела тоже не очень весело.— Странно, что он ушел, не предупредив ни тебя, ни меня.

Юдифь ничего не ответила. Поступок Герберта сильно задел ее. Она, может быть, имела больше оснований подозревать неладное, чем почтенный родитель. Между нею и Гербертом накануне произошла неприятная размолвка. И теперь красавица была одновременно печальна и раздражена.

Настроение ее не повысилось, когда служанка, снимавшая гамак Герберта, сообщила своей госпоже, что нашла два предмета, неизвестно как туда попавшие: кокосовый орех и курительную трубку. Последняя не могла принадлежать Герберту — он никогда не курил трубки. А кокосовый орех был, очевидно, сорван с росшей неподалеку пальмы. На стволе ее виднелись царапины, как будто кто-то недавно по нему карабкался. И на верху пальмы оказался свежесломанный стебель.

Зачем понадобилось Герберту лезть на пальму и швырять оттуда к себе в гамак кокосовые орехи?

А тут еще выяснились новые факты, усугубившие загадочность исчезновения Герберта.

Один из пастухов, посланный на розыски Герберта, вернувшись, рассказал, что у садовой ограды на влажной земле обнаружил след молодого англичанина, ведущий в горы. Рядом с этим следом — другой, причем двойной: к ферме и от нее. Следовательно, кто-то проходил там дважды. Пастух был опытным следопытом и вряд ли мог ошибиться.

Все это произвело весьма неприятное впечатление и на Джекоба Джесюрона и на его дочь. Волнение их все возрастало. Время шло, а Герберт не возвращался. Джесюрон тревожился, злился и в конце концов начал угрожать. Герберт Воган — его должник. Он не только обязан ему за широкое гостеприимство — он получил вперед большое жалование. Неужели он оплатит за все неблагодарностью и обманом? Хотя, конечно, не это было главным.

Юдифь же беспокоили не меркантильные соображения. В груди ее бушевали иные чувства.

* * *

Черный Дик вернулся. Он ловко справился с поручением. Да, судья уехал на рассвете.

— Отлично! — сказал Джесюрон. «Но где его племянник?» — добавил он про себя.

Черный Дик повидал Синтию и передал ей все, что было приказано. Она обещала прийти при первой же возможности.

— Отлично! — повторил Джесюрон. — Но где молодой мистер Воган, куда он девался?

«Где он?» — спрашивала себя и Юдифь.

В небе уже ярко светило полуденное солнце, но на челе прекрасной дочери Джесюрона собирались черные тучи.

Глава LXXV ТОМИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Солнечные лучи, начавшие золотить крутые склоны Утеса Юмбо, еще не коснулись долины внизу, когда свет от лампы, струящийся сквозь жалюзи в доме мистера Вогана, возвестил, что обитатели дома встали с постелей. Свет был и в спальне судьи и в спальне Кэт, но особенно ярко сияли передние окна: это зажгли люстру в зале.

Только в спальне мистера Смизи шторы были спущены и царила тьма. Хотя все вокруг давно были на ногах, великосветский шеголь продолжал спать как убитый. Может быть, ему снилась прекрасная креолка, принявшая вчера его предложение и таким образом округлившая число сердечных побед нашего героя до желанной «чертовой дюжины»...

В этот ранний час отец и дочь уже сидели за столом в зале. Завтрак был подан. Но ел только мистер Воган. Кэт выполняла роль хозяйки, наливая отцу кофе.

Судья был одет по-дорожному: камзол из плотной материи и с большими карманами, сапоги с высокими голенищами, за поясом два пистолета на случай встречи с беглыми неграми. Фетровая шляпа и камлотовый плащ на соседнем стуле показывали, что время отъезда близится. На сапогах мистера Вогана были серебряные шпоры. Очевидно, он собирался ехать верхом. Это подтверждалось и тем, что у подъезда стояли два коня, еле различимые в предрассветной мгле. Оба были оседланы; их держал чернокожий конюх, также одетый по-дорожному. Через седла были перекинуты саквояжи и баулы.

Мы знаем о цели поездки Лофтуса Вогана и можем только добавить, что сам он не сомневался в ее успехе. Будь он скромным счетоводом или мелким торговцем, он был бы менее уверен, но первый судья округа, имеющий сколько угодно друзей и приятелей в канцелярии губернатора, мог смело рассчитывать на то, что его просьбу удовлетворят. На этот счет он был спокоен. Его только раздражала перспектива долгого, утомительного путешествия. Судья любил комфорт и ненавидел всякие мелкие жизненные неудобства, которые неизбежны в длительной поездке.

Ему портило настроение еще одно обстоятельство. За последние дни здоровье его заметно пошатнулось. Он потерял аппетит и быстро худел. Его непрестанно мучила жажда: он тщетно пытался утолить ее, много пил, но она не проходила. Приглашенный врач был сбит с толку непонятными симптомами, и лекарства его не помогали. Лофтус Воган чувствовал себя так скверно, что уже готов был отказаться от поездки, отложив ее до более удобного случая, если бы не надеялся найти в столице опытного врача, который сумеет его вылечить. Преисполненный таких надежд, Лофтус Воган решил ехать, какого бы труда это ему ни стоило.

Надо сказать, что его терзала еще одна забота, и, может быть, она отягчала его душу сильнее всех прочих. Со

времени казни Чакры, или, точнее, с того дня, как он повстречался с духом Чакры, Лофтуса Вогана не покидал суеверный страх. Он часто мысленно возвращался к непостижимому явлению, пытаясь в нем разобраться. Если бы привидение повстречалось только ему одному, он, может быть, поборол бы страх, приписав все воображению — он был слишком взволнован, когда возвращался в тот день с Утеса Юмбо. Но дело в том, что привидение видел и мистер Трэсти, управляющий, а мистера Трэсти никак нельзя было называть человеком с богатым воображением. Да и как могут два человека одновременно вообразить одно и то же?

Во всем этом было что-то необъяснимое, заставлявшее сердце мистера Вогана сжиматься всякий раз, как ему вспоминался Чакра. Кроме описанного случая, судья больше ни разу не поднимался на утес, страшаясь встречи с «духом» Чакры. Со временем страх его, наверно, постепенно улетучился бы, хотя, конечно, воспоминания о колдуне и об ужасных подробностях казни не могли никогда стереться в его памяти. Но одно обстоятельство вновь оживило все страхи Лофтуса Вогана.

Это случилось в тот день, когда мистер Смизи провалился в дупло. Чернокожий мальчишка Квеша клялся, что, оказавшись тогда случайно возле Ущелья Дьявола, он увидел «дух старого Чакры».

Квеша рассказывал об этом происшествии выпучив глаза, стуча зубами от страха. И, хотя слуги только посмеялись над мальчуганом, рассказ его произвел весьма тягостное впечатление на самого владельца Горного Приюта, вновь пробудив в его душе страхи, начинавшие было ослабевать. И вот в таком-то угнетенном настроении судья отправлялся теперь в далекий путь.

Глава LXXVI «ПРОЩАЛЬНЫЙ КУБОК»

Если в то утро Лофтус Воган не был весел, то его дочь казалась еще печальней, как будто разделяла все отцовские заботы. Посторонний наблюдатель решил бы, что ей просто передалось дурное настроение отца, но, взглядевшись внимательнее, он понял бы, что источник ее печали иной, гораздо горше и глубже.

Одной из причин ее грусти была цель поездки отца. Он посвятил ее во все только накануне вечером. Впервые Кэт

узнала о странных обстоятельствах своего рождения, о сложной проблеме наследования отцовского имущества. Она впервые осознала, как ложно, неустойчиво и унижительно ее положение в обществе, которое она привыкла считать своим. И теперь отец отправлялся в столицу ради нее, чтобы избавить ее от унижений.

Юная креолка испытывала горячую благодарность к отцу. Но, может быть, она оценила бы его заботы еще больше, если бы он не подчеркивал так свое великодушие и щедрость, используя их как оружие, которым старался сломить нежелание дочери выйти замуж за Монтегю Смизи.

За коротким, длившимся всего несколько минут завтраком Лофтус Воган обменялся с дочерью лишь немногими словами. И к еде он едва прикоснулся. Обильные, вкусные кушанья остались почти нетронутыми. Он только старался утолить мучившую его жажду. Выпив залпом несколько чашек кофе, Лофтус Воган встал из-за стола.

Вошел мистер Трэсти и объявил, что лошади и конюх, который должен сопровождать хозяина в пути, уже готовы и ждут внизу.

Судья надел шляпу и с помощью Кэт и Йолы облачился в дорожный плащ. Утро было сырое и прохладное.

Во время завтрака и последних приготовлений к отъезду в зале находилась также рабыня Синтия. В ее поведении было что-то странное. Она явно нервничала, без видимой цели переходила из одного конца комнаты в другой. Она ходила как-то крадучись, взгляд у нее был неуверенный и бегаящий. Человек, настроенный подозрительно, тотчас заметил бы все это, но никто из присутствующих не обращал на Синтию никакого внимания.

Синтия вдруг подошла к буфетному столику и наполнила пуншевую чашу прохладительным напитком, который она приготовила в соседней комнате. Кто-то осведомился, почему она вздумала заниматься этим в такое неурочное время. Ведь его пьют только днем, в жару, а хозяин уезжает сейчас.

— А если масса Воган пожелает выпить стакан перед отъездом? — возразила Синтия.

Она не ошиблась. Судья уже выходил из дому, как вдруг, почувствовав приступ острой жажды, приказал подать напиток.

— Не желает ли господин прохладительного? — тотчас спросила Синтия, подходя к нему. — Я только что приготовила, совсем свежее...

— Да. Подай мне мой большой бокал.

Он не успел обернуться, как она уже протянула ему полный до краев бокал. Судья не заметил, что руки Синтии дрожат и что она испуганно отвела глаза в сторону. Жажда так мучила Лофтуса Вогана, что он ничего не замечал вокруг. Он схватил бокал и залпом, не отрываясь, выпил его до дна.

— Напиток сегодня не очень хорош,— сказал судья, возвращая Синтии пустой бокал.— Он горчит. Но, может, у меня нынче дурной вкус во рту... Впрочем, прощальный бокал всегда не очень сладок.

После этой не очень веселой шутки Лофтус Воган распрощался с дочерью, взобрался в седло и тронул коня.

Если бы знал ты, судья, что твой прощальный кубок — последний, который тебе суждено выпить! К напитку была примешана отравка — ты выпил смертельный яд! Итак, пророчеству Чакры суждено сбыться, «чары» колдуна скоро окажут свое действие. Не пройдет и суток, как ты будешь мертв, Лофтус Воган!

Глава LXXVII

ЗВУК РОГА

Оказавшись за пределами фермы, Кубина, не теряя времени, направился к поляне; дойдя до сейбы, он уселся на лежавшее подле нее бревно и стал дожидаться появления молодого англичанина. Он провел так несколько минут, все больше беспокоясь, по мере того как время текло, а тот не показывался. У Кубины не было с собой даже трубки, чтобы скоротать время,— ведь он оставил ее в гамаке Герберта.

Волнение Кубины все росло... Теперь никакая трубка уже не смогла бы его успокоить.

Что могло задержать Герберта? Может быть, Джесюрон проснулся и помешал ему? Прошло уже десять минут, а ни пяти достаточно для того, чтобы одеться. Так почему же его все нет? Ведь Кубина достаточно ясно дал ему понять, как необходимо спешить. Герберт должен был, не теряя ни минуты, идти в лес.

Почему же его нет?

Марон ничего не мог понять. Оставалось только предположить наихудшее: Джесюрон проснулся и по той или иной причине задержал Герберта. А что, если Герберт просто за-

блудился? Сюда ведет только заросшая тропинка, ходят по ней редко. Вокруг десятки подобных тропок, они пересекаются и расходятся в самых разнообразных направлениях: полудикие бычки и жеребята скотовода Джесюрона свободно бродят по чаще. Следы их повсюду, и нужно хорошо знать местность, чтобы найти дорогу в таком лесу. Да, очень вероятно, что молодой англичанин заблудился. Только теперь такая возможность пришла в голову Кубине. Он упрекал себя за то, что не догадался об этом раньше. Ему следовало подождать Герберта неподалеку от фермы и идти вместе с ним.

— Как глупо с моей стороны, что я не сообразил этого раньше! Вот обидно! — Марон нервно шагал взад и вперед: нетерпение давно уже заставило его подняться с бревна. — Ну, ясно, он сбился с дороги. Пойду обратно по тропинке — может, найду его. Во всяком случае, если он пошел правильно, мы с ним встретимся.

Кубина быстро пересек поляну и направился обратно к ферме.

Его предположение, что Герберт заблудился, было совершенно правильным. Молодой англичанин с того самого дня, когда он встретил здесь стольких странных людей, ни разу не был на месте своего необычайного приключения. Не то чтобы у него не было желания сходить туда — наоборот, ему этого очень хотелось, но его отвлекали другие дела, и ему никак не представлялось удобного случая исполнить свое желание. Он плохо ориентировался в лесу и особенно в вест-индском лесу, сбился с нужной тропки в тот самый момент, как ступил на нее, и теперь бродил по чаще, разыскивая поляну, на которой росла гигантская сейба.

В конце концов он нашел бы ее или набрел бы на нее случайно, ибо, зная от Кубины, что время дорого, рыскал по лесу во всех направлениях с усердием молодого пойнтера в его первый охотничий сезон. А в это самое время марон быстро возвращался назад к ферме, не встречая ни англичанина, ни его следов.

Кубина снова прошел по заброшенным полям бывшей сахарной плантации и уже завидел дом Джесюрона, но поиски оставались безуспешными. Он осторожно переступил через разрушенную садовую ограду — теперь осторожность была особенно необходима. Уже совсем рассвело, и, если бы его не защищал кустарник, он был бы немедленно замечен. Марон добрался до того места, откуда он ночью наблюдал за верандой, и взглянул на нее...

А вот и Джесюрон. Только он уже не спит в кресле, а мечется по веранде с озабоченной физиономией. Его чернобородый управляющий стоит у крыльца и выслушивает приказания хозяина. Гамак висит на прежнем месте, но сразу видно, что он пуст. А Герберта нет ни на веранде, ни где-либо поблизости.

Может быть, он в доме? Но спальня его пуста: дверь распахнута, и там как будто никого нет...

Не подождать ли здесь и последить за теми двумя на веранде?.. Но тут марону пришло в голову, что если Герберт последовал за ним, то, перелезая через ограду, он непременно оставил следы на влажной почве.

Пригнувшись, осторожно пробираясь среди кустов и деревьев, Кубина вернулся к ограде и с первого взгляда увидел, что не ошибся. На сырой земле ясно отпечатались следы, и они вели к лесу! Это были не его, Кубины, следы. Надо полагать, что это следы Герберта.

Кубина шел по следу, пока тот не затерялся, как только влажная земля сменилась сухой. Дальше почва всюду была твердой и покрыта жесткой, короткой травой. Даже копыто лошади не оставило бы на ней отпечатка. Но след обрывался как раз возле тропинки, ведущей к сейбе. Таким образом, Кубина убедился, что хотя бы в начале пути Герберт шел правильно. Значит, он последовал за Кубиной в лес. Но где же он сейчас?

«Может, пока я отсутствовал, он добрался до поляны и ждет меня там?» — подумал марон.

Подгоняемый этой мыслью и огорченный, что все так неудачно сложилось, он бегом вернулся к сейбе.

Никого!

Отдышавшись, Кубина подумал, не покричать ли ему. Герберт услышит и придет на голос. Кубина теперь был уже уверен, что англичанин заблудился.

Охотник крикнул несколько раз подряд, сперва не очень громко, потом погромче и наконец во всю силу легких. Никто не откликнулся.

«Затрублю-ка я в рог! — сообразил он вдруг. — Если он не дальше чем за милю отсюда, он меня услышит».

Марон поднес рог к губам и издал протяжный, громкий звук. Еще и еще...

Ответ последовал, но совсем не такой, какого ждал Кубина. В ответ на его призыв, словно эхо, раздался троекратный звук рога. Кубина понял. Он стоял и вслушивался. Вот опять трубит рог, и все с той же стороны.

— Три и затем один,— пробормотал марон.— Это Квэко. Я узнаю звук его рога из тысячи. Он возвращается из Саванны, но я не ждал его так скоро. Тем лучше, он может мне понадобиться. Но,— продолжал он озабоченно,— что же все-таки случилось с молодым англичанином? Надо потрубить еще, а то рог Квэко мог сбить его с толку.

Кубина протрубил еще раз, стараясь, чтобы рог звучал по-иному, не так, как в первый раз. Немного погодя он повторил сигнал. Еще и еще...

Квэко больше не откликнулся, но вскоре появился на поляне собственной персоной.

Глава LXXVIII РАССКАЗ КВЭКО

Квэко вышел на поляну, неся за плечами большой узел. Он тащил его всю дорогу от Саванны. Кроме холщовых штанов и старой шляпы без полей, на Квэко ничего не было. Это был всегдашний его наряд, другого у него и не водилось. Хотя он и являлся правой рукой начальника, его одеяние ничем не отличалось от тех, которые носили его товарищи-мароны. Поэтому Кубина не был удивлен при виде такого костюма. Удивило его другое.

Огромный негр вспотел так, что, казалось, влага струится из каждой поры его темной кожи. Может быть, это результат долгой ходьбы с тяжелой ношей под палящим солнцем? Узел весил по крайней мере фунтов пятьдесят, да на нем еще лежало большое старинное ружье. Но эти обстоятельства, однако, не могли объяснить загадочного поведения Квэко и странного выражения его лица. Негр шел топясь, жестикулируя на ходу, вращая глазами. Все это Кубина сразу увидел, но, привыкнув сдерживать свои чувства в присутствии товарищей, притворился, что ничего не замечает.

— Рад видеть тебя, Квэко,— сказал он просто.

— И я рад, что нашел тебя. Я спешил так, что у меня подошвы горят.

— Что же тебя так гнало?.. Да, скажи, тебе не встретился в лесу молодой англичанин, тот, что служит на ферме старого Джесюрона? Я жду его. Боюсь, не заблудился ли он...

— Нет, его я не видел. А вот судью Вогана я повстречал.

— Черт возьми! — Кубина так и подскочил. — Где, когда ты его встретил?

— Его я встретил сегодня утром, когда он проезжал по Кэрион-род.

От Кубины не ускользнуло, что Квэко подчеркнул слово «его».

— Ты что, еще кого-нибудь встретил? — спросил он быстро, с видимым волнением ожидая ответа.

— Д-да... — медленно протянул Квэко. Он видел, что Кубина не торопится, раз поджидает молодого англичанина, и, значит, ему, Квэко, нечего особенно спешить со своим сообщением. — Да, встретил еще старого Плутона, главного конюха Горного Приюта. Он ехал рядом с судьей Воганом.

— И больше никого?

— С ними больше никого не было. Но вот попозже...

Квэко оставил наиболее интересное на конец.

— А попозже кого?.. Да говори же, Квэко, кого ты еще видел в лесу?

Повелительный тон начальника заставил Квэко поспешить с ответом.

Он надул щеки и вытарашил глаза, явно готовясь сообщить важную новость.

— Попозже на той же дороге я увидел не человека, а привидение!

— Привидение? — недоверчиво переспросил Кубина.

— Да, клянусь великим богом Акомпонгом! Это было то же привидение, что и в прошлый раз. Я опять видел дух Чакры!

Кубина невольно вздрогнул. Квэко приписал это удивлению, и Кубина не стал разубеждать.

— Где, где ты его встретил? — в волнении спросил Кубина.

— Не то чтобы встретил — он шел впереди, в сотне шагов от меня. Но все равно я готов поклясться чем хочешь — это был дух Чакры! Он выглядел точь-в-точь как и в прошлый раз. Видно, старому разбойнику не лежит в могиле, все бродит по лесам...

— А ты увидел его много позже, чем судью?

— Да нет! Прошел еще с четверть мили — тут и увидел привидение. Но дух, как только заметил меня, сейчас же шмыгнул в кусты и скрылся. Уже светало, в усадьбе Джобсона пропели петухи. Может, петушиный крик прогнал духа — он и спрятался в реку.

— Вот что, Квэко: больше ждать нельзя. Надо идти.

И Кубина зашагал было прочь...

— Подожди, Кубина,— остановил его Квэко.— Ведь я еще кое-кого встретил.

— Кого еще?

— Да такую парочку, что под стать духу колдуна Чакры. Не прошел я и двух миль, как мне попадается на дороге... Кто, как ты думаешь?

— Говори,— сказал Кубина, уже догадываясь.

— Да эти проклятые ищейки — касадоры с фермы Джесюрона!

— О дьявол! — воскликнул Кубина в тревоге, сразу все поняв.— Касадоры, говоришь? Они отправились в погоню за судьей... Скорее, Квэко! Бросай узел в кусты, куда придется... Нельзя терять ни секунды. По счастью, ружье при мне. И ты вооружен. Оружие нам может пригодиться еще до наступления ночи. Следуй за мной!

— Подождите! И я с вами! — донесся вдруг из кустарника голос.— У меня тоже есть ружье.

И в ту же минуту на поляну вышел Герберт Воган.

Глава LXXIX ДЯДЯ В ОПАСНОСТИ

— Вы, как видно, очень спешите, Кубина,— сказал Герберт.— Объясните же, что случилось?

— Многое... Но теперь не время разговаривать. Надо поскорее добраться до дороги в Саванну.

— Вы собираетесь в Саванну? Я буду рад сопровождать вас туда, но я не хозяин своего времени и хотел бы прежде узнать, зачем надо туда идти.

— Причина очень серьезная: надо помочь вашему дяде.

— А...— разочарованно протянул Герберт.— Ну, это еще не такая веская для меня причина, как вы полагаете... Так вы его имели в виду, когда сказали, что тот, кто дорог моему сердцу, в опасности?

— Да,— ответил Кубина.

— Слушайте, Кубина, я не имею ни малейшего желания помогать своему дяде...

— Но ведь дело идет о его жизни! — прервал его марон.

— Вот что! Ну, если так, тогда...

— Опасность грозит не одному ему,— снова прервал его Кубина.— Тот же враг грозит и вам. А может быть, и той, кто...

— Как? — воскликнул Герберт уже совсем другим тоном. — Объясните же, в чем дело?

— Не теперь, не теперь! Я вам все объясню по дороге.

— Согласен. Раз речь идет о спасении человеческой жизни, я готов идти с вами хотя бы до Саванны... Сегодня мистер Джесюрон обойдется без своего счетовода, — сказал Герберт и мысленно добавил: «А Юдифь Джесюрон — без моего общества». — Идемте, Кубина, я готов!

Они тронулись в путь.

— Лошадей у нас нет, — сказал Кубина, — ногам нашим придется потрудиться немало. Негодяи касадоры сильно нас опередили.

Они шли по тропе, ведущей в горы: впереди Кубина, за ним Герберт. Квэко, не отягощенный более ношей, замыкал шествие. Герберт заметил, что они идут в направлении к Горному Приюту. Им придется зайти туда? Это поставило бы его, Герберта, в неловкое положение. Он спросил Кубину, нужно ли непременно заходить в дом мистера Вогана.

— Нет, — ответил тот, — теперь уже незачем. Судья уехал. Мы не узнаем там ничего нового, да и пришлось бы делать лишний крюк в полмили. Только зря потеряем время. Сейчас мы выйдем на тропу, которая идет через горы мимо Утеса Юмбо. Это кратчайший путь на дорогу к Саванне.

Так как Герберт пока еще не получил от Кубины никаких разъяснений и не знал, куда и зачем они спешили, он наконец спросил у марона, какая опасность грозит его близким. И Кубина рассказал ему все, что знал сам, описав в первую очередь ужасное положение, в каком очутился судья. Сообщил он и о том, как спускался в Ущелье Дьявола, какие разговоры там подслушал и какие выводы из них сделал.

Нечего и говорить, что Герберт был потрясен. Он был бы потрясен еще больше, если бы не целый ряд подозрительных фактов, которые последнее время все больше бросались ему в глаза и которым он тщетно искал объяснения. Теперь он решительно откинул самую мысль вернуться под кров Джекоба Джесюрона. Пользоваться гостеприимством убийцы, хотя бы и совершающего свои злодеяния чужими руками? Об этом не могло быть и речи. Нет, как ни выгодна его должность, он не вернется в Счастливую Долину. Даже чары обольстительной Юдифи не настоль сильны, чтобы удерживать его там.

Кубина выслушал все эти категорические заявления с чувством глубочайшего удовлетворения. Марон, однако, еще

не рассказал Герберту много такого, что, несомненно, вызвало бы в молодом человеке живейший интерес. Все это Кубина припас для более подходящего случая, когда не будет так дорогá каждая минута. А Герберт, поняв, что дядя его на краю гибели, думал только о том, чтобы успеть прийти к нему на помощь. Забыты были и обиды и унижения. Он все забыл и простил, даже самую горькую обиду, особенно задевшую его: оскорбительно-холодный поклон на балу в честь Смизи.

По ту сторону Утеса Юмбо, куда пробирались наши путники, лежали земли маронов. Кубине стоило лишь приложить к губам рог, и его непременно услышит кто-нибудь из товарищей, охотящихся в лесу. Но Кубина рассудил, что крепкий, молодой англичанин и силач Квэко — достаточно надежные помощники, и не стал никого звать,

Глава LXXX ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Весь день Джесюрон не выходил из дому. Загадочное отсутствие Герберта заставило его отложить визит к священнику. Да кроме того, Джесюрон ожидал прихода Синтии, рассчитывая получить от нее самые последние сведения, которые неизвестны даже Чакре. Во всяком случае, она скажет, удалось ли ей дать судье «лекарство», когда и как это произошло. А эти факты интересовали Джесюрона больше всего, и он остался дома, ожидая Синтию.

Юдифь вела себя иначе. Снедаемая безысходным отчаянием, она не в состоянии была остаться бездеятельной и решила искать вне дома если не успокоения, то хотя бы отвлечения от тягостных мыслей. Тотчас после завтрака она велела оседлать коня и уже готовилась выехать...

Ее тревожили странные обстоятельства исчезновения Герберта. И почему это случилось как раз в тот день, когда его дядя уехал?

Она приказала позвать пастуха, обнаружившего следы у садовой ограды.

— Ты вполне уверен, что там был след молодого мистера Вогана?

— Да, мисса Джесюрон. Один след был его, это уж наверняка.

— А другой? Тоже след мужчины?

— Да, мисса. Такой большой ноги у женщины я никогда

не видел. Это мужской след. Но только сапоги не такие хорошие, как у массы Вогана.

Юдифь стояла с хлыстом в руке, размышляя. Может быть, за Гербертом прислали? Кто? Кто же еще, как не Кэт Воган! Ведь у него здесь больше нет никаких знакомых. Но почему такая таинственность? Комья сырой земли, обнаруженные на стволе пальмы, усно указывали, что на нее взбирался тот же, кто оставил следы у ограды. Трубка и кокосовый орех были брошены в гамак, конечно, для того, чтобы разбудить Герберта. Загадочная история... Что хотел передать Герберту тот, кто его разбудил? Предложил ему пойти поохотиться? Да, Герберт захватил с собой ружье, но это еще не доказывает, что он пошел пострелять дичи. Герберт всегда брал ружье, когда уходил в лес или в поля. Но на этот раз он почему-то не взял с собой ни пороха, ни пуль. Нет, не на охоту он пошел. Герберта звали на свидание, и Герберт очень торопился...

— Если так...— воскликнула охваченная ревностью Юдифь, вскакивая на коня,— если так, я отомщу!..

Первой жертвой ее гнева стал конь. Он получил сильный удар хлыстом, и в его бока вонзились острые шпоры. Конь взвился и помчался к горам. Юдифь была отличной наездницей и справлялась с любой лошадию не хуже самого опытного объездчика отцовской фермы. Нельзя было не залюбоваться Юдифью, когда она сидела в седле. Гневное возбуждение только подчеркивало ее яркую красоту. Щеки ее пылали, темные глаза горели мрачным огнем. Только тот, чье сердце было уже занято, мог устоять перед ее чарами, как это и случилось с Гербертом Воганом.

Одним прыжком перескочив через садовую ограду, она остановилась там, где виднелись следы на земле. Не слезая с коня, она наклонилась, рассматривая их... Да, вот отпечаток его маленькой ноги. А другой... Конечно, это след негра — башмаки подбиты деревянными гвоздями. Белые люди таких не носят. Наверно, раб из усадьбы Воганов. Его послала Кэт. Она вызвала Герберта на свидание где-нибудь в лесу. Может быть, как раз сейчас они там...

Ревнивая догадка заставила красавицу снова пустить в ход хлыст и шпоры и стремглав ринуться вперед по тропинке, уводящей в горы.

Зачем она ехала туда? Она и сама не знала. Острое нетерпение, жгучая ревность, слабая надежда найти ключ к таинственному исчезновению Герберта — вот что гнало ее вперед. Может быть, перед ней наконец откроется страшная

правда... Пусть! Неопределенность становилась невыносимой.

Мысленно Юдифь рвалась в Горный Приют, но она не могла поехать туда. Ей никогда не доводилось быть гостьей в доме судьи Вогана. И она не могла придумать никакого предлога явиться туда без приглашения. У нее возник другой план. Она остановится неподалеку от дома. Да, на Утесе Юмбо. Это будет отличный наблюдательный пункт. С вершины утеса вся усадьба Воганов перед глазами, как будто вычерчена на карте, и видно все, что там происходит. Особенно, если смотреть в бинокль, который Юдифь не забыла захватить с собой.

Яростно понукая коня, Юдифь стала взбираться по крутому склону Утеса Юмбо.

Глава LXXXI СМИЗИ СРЕДИ СТАТУИ

В тот самый час, когда сердце Юдифи рвали на части любовь и ревность, такое же глубокое, хотя и не столь бурное, чувство сжигало сердце Лили Квашебы. И обе они думали о Герберте Вогане.

Тщетно юная креолка старалась забыть его, тщетно силилась покориться воле отца и относиться к Смизи по-иному. Все получалось наоборот: любовь к Герберту росла, а Смизи казался все несноснее. Так всегда происходит в отношении сердечных склонностей. Чем больше их стараются задуть, тем сильнее они становятся. С того дня, как, подчиняясь воле отца, Кэт дала согласие на брак с Монтегю Смизи, она лишь острее чувствовала тяжесть приносимой жертвы. И не было никого, кто встал бы на ее защиту, кто спас бы ее. Где сильная рука и верное сердце, которые выручат ее в этот страшный час? Напрягая последние душевные силы, Кэт старалась примириться со своей несчастной судьбой.

Только одна мысль поддерживала и утешала ее — мысль, что она не пренебрегла своими дочерними обязанностями. Она исполнила желание отца. Как ни был он суров с окружающими, к ней он всегда относился ласково и с любовью. Особенно теперь, когда он ради нее отправился в дальний и трудный путь, Кэт чувствовала его доброту. Но все это не могло побороть в ней любви к Герберту. Не могла она и скрыть уныния, зная, как безнадежны ее мечты. Вот почему

в утро отъезда отца лицо Кэт было еще печальнее обычного.

Ее поклонник — теперь он уже приобрел право называться ее женихом — заметил, как грустна Кэт, но не понял истинной причины этой грусти. Вполне естественно, что дочь скучает в отсутствие отца, никогда не покидавшего ее больше чем на несколько часов или, в редких случаях, на один день. Но она скоро освоится и повеселеет. К такому заключению пришел оптимист Смизи.

Все утро он был особенно внимателен к невесте. Ведь он остался единственным ее защитником и покровителем и теперь жаждал показать, что достоин оказанного ему доверия. Увы! Усердие его вызывало у Кэт лишь досаду. Ей хотелось только, чтобы он оставил ее в покое, не мешал ей грустить в одиночестве.

Вскоре после завтрака Смизи предложил Кэт пройтись по саду. Он не был любителем долгой, утомительной ходьбы, а после памятного происшествия на охоте и вовсе не отваживался заходить далеко в лес и горы. Он предпочитал прогулки возле дома, среди статуй и цветов. Погода стояла прекрасная, и у Кэт не было благовидного предложения для отказа. Печально вздохнув, она приняла его приглашение.

Смизи тотчас принялся разглагольствовать по поводу статуй в саду, полагаясь на сведения по древней истории и мифологии, полученные в университете. Особенно красноречиво рассуждал он о Венере, Купидоне и Клеопатре; эти темы как нельзя более соответствовали его романтическому настроению, на что он уже не один раз намекнул Кэт. Но, как ни старался Смизи угадать, какой эффект производят на мисс Кэт его выпренные речи, он не усмотрел ничего, что дало бы ему почувствовать себя вознагражденным. Лицо его спутницы хранило все то же выражение меланхолии и внутренней сосредоточенности, не сходившее с него все утро. В самый разгар красноречивых излияний появился преданный Томс и доложил, что к мистеру Монтегю Смизи пожаловал с визитом знакомый: лондонский щеголь уже успел обзавестись множеством друзей. Гость был важный и не допускал небрежного к себе отношения, и гордый наш владелец замка был вынужден покинуть свою прекрасную спутницу. Мисс. Воган не почтет его невежей, если он на минуту оставит ее одну?

— О, пожалуйста! — ответила она с почти оскорбительной поспешностью.

Смизи последовал за своим лакеем в дом, а юная креолка осталась среди статуй, которым не уступала в красоте.

Глава LXXXII

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

Некоторое время Кэт Воган стояла молча и неподвижно, как мраморные статуи вокруг нее. Затем она подняла глаза к вершине Утеса Юмбо, весело блестящей под яркими лучами солнца.

— Там...— тихо прошептала Кэт,— там, на этой скале, единственный раз в жизни испытала я мгновение подлинного счастья, которое считала выдумкой романистов! Теперь я знаю: оно существует и в жизни. Это — счастье смотреть в глаза любимому и думать, что ты любима. О, какое это было блаженство, какое упоительное блаженство!..

Воспоминания о краткой встрече с Гербертом нахлынули на Кэт с такой силой, что у нее перехватило дыхание и слова застыли на губах.

— Да, то было лишь мгновение счастья, но я с восторгом отдала бы весь остаток жизни, только бы еще раз испытать его!

Кэт все смотрела, не отрывая глаз, на вершину, которая сверкала, казалось, для того, чтобы напоминать ей об этих сладостных минутах.

— А что, если пойти туда, стать там, где я стояла тогда? Может быть, в воображении я вновь переживу все то, что тогда произошло? Я представлю себе, что он снова стоит возле меня. Восстановлю в памяти его взгляд и те сладкие чувства, какие он во мне вызывал. Пережить еще раз все это, окунуться в дивный, восхитительный сон! Почему бы нет! Пойду туда и хоть на миг отдамся мечте, предамся грезам...

И, набросив на свои роскошные косы белый батистовый шарф, Кэт, никому ничего не сказав, легким шагом пошла в конец сада. Выйдя за калитку, она очутилась на тропинке, которая зигзагами поднималась по горному склону,— на той самой, по которой шла наблюдать солнечное затмение.

В то памятное утро ее занимали совсем иные мысли. И тогда, правда, они были не очень радужны, но все же у нее еще была какая-то надежда. В ту пору Кэт еще не предполагала, что Герберт стал к ней равнодушен, что он предпочел ее более счастливую соперницу. А потом слухи и то, чему она сама была свидетельницей на балу,— все подтверждало, что Герберт увлечен другой. Последние проблески надежды исчезли.

Теперь она еще более несчастна и унижена. То, что перед отъездом сообщил ей отец о ее сомнительном положении в обществе, не могло не произвести на нее удручающего впечатления. Ей невольно приходило в голову, что, может быть, потому Герберт и отвернулся от нее. Неужели он презирает ее за то, что в жилах ее течет смешанная кровь? Сколько раз задавала она себе этот вопрос! Что же ей еще осталось? Оживить в памяти былое счастье, чтобы любовь, несущая ей вечное горе, стала еще сильнее.

Но все равно терять больше нечего. Смелым, решительным шагом девушка быстро углубилась в лес, и на фоне темной листвы ее светлая, изящная фигурка мелькнула, как яркий метеор.

Глава LXXXIII РОКОВОЕ МГНОВЕНИЕ

Достичь вершины Утеса Юмбо можно лишь пробираясь по узкому ущелью, по которому нетрудно подняться пешком, но верхом почти невозможно. Подскакав к подножию утеса, наездница, в груди которой бушевала буря ревности, слезла с коня, привязала его к дереву и, сняв шпоры, стала взбираться по склону.

Достигнув плоской вершины утеса, она остановилась на самом ее краю. Перед глазами Юдифи лежала как на ладони вся усадьба Горный Приют: плантации, сад, строения. Даже невооруженным глазом были видны сновавшие там люди.

Возле самого дома царил полный покой. Проскачет пятнистый олень по газону, покажутся среди зелени павлины, раскрыв веером пестрые хвосты, переливающиеся на солнце множеством оттенков,— вот и все. Других живых существ заметно не было. Подальше, на плантации, можно было различить толпы черных невольников за работой. Среди них шнырял надсмотрщик.

Но не они интересовали ту, которая стояла на утесе. Едва скользнув по ним взглядом, Юдифь начала всматриваться в сад перед домом, надеясь обнаружить что-нибудь такое, что послужило бы ключом к разгадке мучившей ее тайны.

Вскоре она действительно увидела кое-что, до известной степени успокоившее ее ревнивые подозрения. Из дома вышли двое, мужчина и женщина, и направились в сад, ту-

да, где стояли статуи. Сперва это встревожило Юдифь, но, наведя бинокль на идущую по саду пару, она, к своему облегчению, различила соломенного цвета шевелюру и бачки и сразу узнала Смизи. Она еще больше успокоилась, когда в женщине узнала Кэт Воган и даже разглядела, как печально лицо девушки.

— Прекрасно! Значит, с Гербертом она не виделась, а то бы выглядела повеселее.

Но тут в саду появилась вторая мужская фигура в темном костюме. Герберт носил темный костюм — неужели это он?

Обуреваемая беспокойством, Юдифь вновь поднесла бинокль к глазам.

— Нет, это пришел из дома слуга с поручением... Вот Смизи уходит вместе с ним. Но она осталась! Он покинул свою даму, оставив ее одну! Нечего сказать, любезный кавалер!

Насмешливо захохотав, Юдифь, обрадованная, что ее подозрения не подтвердились, опустила бинокль и некоторое время стояла спокойно. Герберта в Горном Приюте нет; судя по всему, они с Кэт не виделись. А если и виделись, то это свидание закончилось ссорой. Иначе Кэт Воган не была бы такой унылой.

Юдифь вновь подняла бинокль, чтобы насладиться горем соперницы.

— Эта мулатка посреди статуй — сама настоящий истукан! Ха-ха-ха! Но теперь она смотрит сюда, в мою сторону. Неужели заметила меня? Нет, без бинокля это невозможно, и, кроме того, оттуда видна только моя голова. Но эта дрянь улыбается! Предается сладким воспоминаниям? Переживает вновь, как Смизи стоял перед ней на коленях? Ха-ха-ха!.. Но что это?

Юдифь перестала смеяться, увидев, что Кэт накинула на голову шарф и быстро направляется к калитке за садом.

— Что это значит? Куда она так спешит? Одна? Обходит дом крадучись, словно боится, что ее заметят... Проходит через сад, через калитку... Она идет сюда!

Бинокль задрожал в руках Юдифи, и сама она вся затрепетала.

— Зачем она идет сюда? На свидание с Гербертом?

Из ее груди вырвался сдавленный крик, и ослабевшие пальцы едва не выпустили бинокль.

Глава LXXXIV В ЗАСАДЕ

Случалось ли вам видеть гордую, вольную птицу с подбитым крылом, когда она трепещет в воздухе и вдруг падает наземь? Такой раненой птицей забилось и замерло вдруг сердце Юдифи. Веселость ее мгновенно исчезла. Куда, как не на свидание, спешит креолка? И с кем, как не с Гербертом? Она ушла из дому тайно, так, чтобы Смизи не видел; она торопится и испуганно оглядывается, очевидно, опасаясь, что ее заметят. А чего ей бояться, если она отправилась просто погулять? Мистер Смизи ей не отец и пока еще не муж. Почему ей надо таиться от него? Только в том случае, если она идет на свидание с другим — с возлюбленным.

Юдифь была настолько в этом уверена, что, как молния, скользнула на противоположный край площадки, чтобы проверить, не идет ли оттуда Герберт. Правда, она там никого не увидела, но это мало ее успокоило. Может быть, Герберт уже неподалеку, но его не видно за деревьями... Но где, где они назначили встречу?

Ее вдруг охватил страх, что она потеряет их из виду и не сможет помешать счастливой встрече. Нет, не бывать этому! Обезумев от ревности, Юдифь готова была на все. Будь что будет — она не допустит, она...

Единственный способ узнать место свидания — это не выпускать из виду Кэт Воган. Герберт, наверное, уже ждет ее. Конечно, он пришел первым. Юдифь подбежала к краю площадки и снова стала следить за белым шарфом Кэт, мелькавшим среди темной листвы. С вершины утеса была видна почти вся тропинка, вьющаяся по склону.

Не теряя из виду белый шарф, Юдифь в то же время быстро и внимательно разглядывала в бинокль подножие утеса, его склоны, тропинку, ожидая каждую секунду увидеть Герберта Вогана. Стоило вспорхнуть птице, вспугнутой легкими шагами Кэт, и сердце ее ревнивой соперницы судорожно сжималось. Увидеть, как радостно вспыхнут лица влюбленных, как Герберт и Кэт кинутся друг другу в объятия, как губы их сольются в поцелуе, — какая мука!

И гордая, надменная красавица поникла и затрепетала, как сломленная бурей тростинка.

* * *

Все выше быстрым, упругим шагом поднималась юная креолка по склону, легко, как птичка, не подозревая, что за

ней следит та, кого ей следовало опасаться больше всего на свете. Наконец она остановилась, достигнув нижнего конца ущелья. Юдифь с удивлением поняла, что Кэт собирается подняться на утес. Зачем? Впрочем, она тут же нашла объяснение. Разумеется, они выбрали для свидания эту вершину, где впервые обменялись взглядами, полными любви! Юдифь решила уклониться от встречи с соперницей. Но не страх, не чувство деликатности диктовали ей это решение. Мотивы ее были совсем иными.

Недалеко от места, где ущелье выходило на вершину, была расселина глубиной в несколько футов, скрытая густой порослью вечнозеленого кустарника. Но острый глаз Юдифи тотчас ее заметил. Вот удобное укрытие! Спрятавшись там, можно видеть всю площадку, оставаясь незамеченной. Там, под мрачным сводом темной листвы, она станет свидетельницей сцены, которая разобьет ей сердце. Но пусть! Ей все равно!

Улучив момент, когда Кэт опустила голову, Юдифь быстро скользнула в расселину и укрылась за листвой.

Чувства ее были в таком смятении, что она уже не могла рассуждать спокойно. Предположения о вероломстве Герберта,— молодой человек действительно оказывал ей знаки внимания или, во всяком случае, никак не проявлял своего равнодушия к ней,— перешли теперь в полнейшую уверенность. Ослепленная страстью, Юдифь ждала, что сейчас покажется Герберт, и напряженно вслушивалась в каждый шорох, ожидая услышать его голос, окликающий возлюбленную, услышать его торопливые шаги... Он, наверное, спешит, браня себя за опоздание.

Глава LXXXV

ПРЕДОТВРАЩЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Юдифь еще не придумала никакого плана, ожидая дальнейшего хода событий. Она решила только как можно дольше сдерживать свою жажду мести: позволить влюбленным пройти на поляну, своими глазами увидеть, как они встретятся, какими ласками осыплют друг друга. И тогда наступит ее час!

Юная креолка, не подозревая о близком соседстве злобной соперницы, прошла совсем рядом и остановилась как раз там, где стояла в то знаменательное утро. Сняв повязанный под подбородком шарф, она держала его обеими

руками прямо перед лицом, защищая от солнца глаза, и глядела. Но не туда, где виднеется отцовский дом, а на долину, в которой жил тот, кто ее сердцу был дороже всех. Она не могла оторвать взгляда от угрюмого строения, почти скрытого в тени. Но для Кэт это место казалось раем. Само солнце меркло перед светом любви, который исходил для нее оттуда. Чего бы только не отдала она, чтобы упиться лучами этого света, чтобы быть на месте своей соперницы!

— Увидеть его еще хоть раз! — шептала Кэт.— Потом ведь даже мысль о нем будет грехом. Увидеть его, поговорить напоследок... Пусть он меня не любит, он все же пожалеет меня. Даже это будет отрадой. Зачем здесь, на этом самом месте, он поглядел на меня так, что я не могу этого забыть! Ах, Герберт, Герберт!

Последнее восклицание вырвалось у нее совсем громко, и Юдифь Джесурон его услышала. Оно пронзило ее сердце, как отравленная стрела. Да, теперь не оставалось и тени сомнений...

В то же мгновение ужасная, чудовищная мысль шевельнулась в ее воспаленном мозгу. Уничтожить соперницу, убить Кэт Воган!

Та стояла в двух шагах от края площадки. Легкий толчок — и... Нет почти никакого риска. Кусты у подножия утеса на долгое время скроют тело убитой, а когда его обнаружат, все сочтут это самоубийством. Даже отец погибшей поверит в это, решив, что дочь покончила с собой потому, что он хотел насильно выдать ее замуж. Вспомнят, что она ушла из дома украдкой. И никто не видел, что Кэт направилась к утесу и что она, Юдифь, также была там в это время. Ведь ей никто не попался на пути. Свидетелей убийства не будет. Даже если кто-нибудь посмотрит на вершину утеса, на таком большом расстоянии ничего не разглядишь. Да и кто взглянет? Невольники в этот час на плантациях; они работают, не разгибая спины; им не позволят бросать праздные взгляды по сторонам.

Все эти мысли с бешеной быстротой мелькали одна за другой в мозгу Юдифи, и ее решимость все более крепла. Она уже не в силах была владеть собой, она была вся во власти страстной, безумной ревности. Обстоятельства как будто сами толкали ее на месть. Бросив взгляд вниз и убедившись, что оттуда никто не наблюдает за утесом, и проверив, что Кэт по-прежнему стоит не поворачивая головы, Юдифь неслышно выбралась из расщелины и ступила на скалу.

Крадучись, беззвучно, словно тигрица, приближалась она туда, где стояла ее жертва, не помышлявшая о смертельной опасности... Неужели ничей голос не предупредит ее?

И тут голос раздался — это был голос Смизи!

— Вот вы где, дорогая Кэт! Нет, честное слово, я думал, что никогда не взберусь на эту кручу! Я еле дышу, честное слово! Ха-ха-ха!

Услышав его, Юдифь в то же мгновение, как вспугнутая тигрица, готова была скрыться в свое логово, но, заметив, что Кэт оборачивается, отказалась от этого намерения.

В мгновение ока она приняла другую позу и придала лицу иное выражение. Она сделала вид, будто только что спокойно поднялась на вершину.

Кэт смотрела на нее с удивлением и тревогой, ибо она не могла не заметить странного, горящего взгляда Юдифи, в котором читалась ненависть. Но обе они еще не успели произнести ни слова, как внизу послышался возглас Смизи:

— Кэт, дорогая, сейчас я к вам присоединюсь!

— Прошу прощения, мисс Воган! — Юдифь сделала глубокий реверанс и насмешливо поглядела на Кэт. — Приношу мои глубочайшие извинения. Я вторично нарушаю вашу идиллию. Уверяю вас, я оказалась здесь случайно, совершенно непреднамеренно, в доказательство чего немедленно удалюсь, пожелав вам доброго утра!

И с этими словами дочь Джекоба Джесюрона повернулась, шагнула вниз по тропинке и исчезла, прежде чем негодующая и удивленная Кэт нашлась, что ей ответить.

— Нет, честное слово! — Смизи вышел наконец на площадку, совсем запыхавшись. — Вы здесь были не одни? Мне показалось, что отсюда спускалась дама в амазонке.

— Здесь была мисс Джесюрон.

— Ах, это прелестное создание! Говорят, она выходит замуж за вашего кузена. Что ж, у него будет очаровательная жена, если только она не покажется ему слишком своейвольной. Ха-ха-ха! Что вы думаете по этому поводу, дорогая Кэт?

— Я ничего не думаю по этому поводу, мистер Смизи. Прошу вас, вернемся домой.

Смизи уловил тоскливые нотки в голосе Кэт, но ничего не понял.

— Отлично! — согласился он. — Рад вернуться. Но какая же вы плутовка, очаровательная моя Кэт! Удрать от

меня тайком! Ни за что бы вас не разыскал, если бы не ваш белый шарф. Он мелькал среди деревьев и указывал мне, куда спешит моя прелестная Кэт. Ха-ха-ха! Скрылась от меня и как ловко!

Он и не подозревал, что, явись он секундой позже, он мог бы потерять невесту. А Кэт и в голову не могло прийти, что Смизи спас ее от смерти.

Глава LXXXVI РАССКАЗ СИНТИИ

Синтия не замедлила явиться на ферму Джесюрона. Работорговец имел на нее некоторое влияние, хотя и не столь сильное и менее таинственное, чем жрец Оби. Тут действовала иная сила — сила денег. Мулатка была корыстолюбива.

Итак, Синтия уже рано утром появилась на ферме Джесюрона. Ее сообщение, хотя и не пролившее света на тайну исчезновения молодого счетовода, все же содержало некоторые немаловажные для Джесюрона факты. Прежде всего он узнал, что Синтия успела подлить яд в «прощальный кубок» Лофтуса Вогана. Джесюрона это особенно порадовало, ибо он уже начал сомневаться, что касадоры сумеют справиться с возложенным на них делом. Если яд действительно был таким быстродействующим, как утверждал Чакра, судья умрет, прежде чем его успеют настичь наемные убийцы.

Синтия принесла и другое важное известие. Утром, уже после отъезда судьи, она повидалась с Чакрой, встретившись с ним в условленном месте. Хотя Чакра и не сказал этого прямо, она поняла, что он решил сам отправиться вслед за Лофтусом Воганом. Она видела, что колдун пошел не в Ущелье Дьявола, а по дороге в Саванну.

Получив щедрое вознаграждение за хорошие вести, Синтия вернулась домой. Но Джекоб Джесюрон все же не был спокоен.

Он еще не узнал, где скрывается Герберт. Время шло, приближался вечер... Отец и дочь все больше тревожились.

Юдифь теперь уже не думала, что Герберт ушел на свидание с Кэт. Спустившись с утеса, она не сразу направилась домой, но некоторое время выжидала, полагая, что вот-вот покажется Герберт... Так и не встретив его, она обрадовалась, поняв, что его предполагаемая встреча с Кэт — плод

ее собственной фантазии. Правда, появление Кэт Воган на утесе оставалось непонятным, но ведь следом за ней явился Смизи. Они заранее условились там встретиться — вот и все.

Ревность Юдифи Джесюрон немного улеглась. Но лишь очень немного. Все-таки отсутствие Герберта казалось ей зловещим: она помнила разговор, который произошел между ними накануне. И она не испытывала ни малейшего раскаяния в том, что чуть не стала убийцей. Конечно, она столкнула бы Кэт в пропасть, если бы не внезапное появление Смизи. Юдифь помнила, чье имя сорвалось с губ Кэт, когда та стояла, не отрывая взора от Счастливой Долины. Нет, Юдифь не раскаивалась в своем намерении.

Она ничего не рассказала отцу, считая, что ему незачем знать о ее поездке на Утес Юмбо.

Глава LXXXVII ДЕНЬ ДОГАДОК

К заходу солнца было сделано новое открытие. Джесюрон пошел лично посмотреть на следы у садовой ограды и снова допросил пастуха, первым их заметившего. Тот неожиданно увидел кое-что еще. Тщательно взглядевшись во второй след, не принадлежавший Герберту, пастух распознал в нем отпечаток охотничьего сапога Кубины, начальника маронов.

Это вызвало у Джесюрона заметное беспокойство, которое еще усугубилось, когда ему донесли, что арестованного вместе с Гербертом марона Квэко недавно снова видели в обществе молодого англичанина: они вели какие-то таинственные переговоры.

Джесюрон с самого начала подозревал, что тут замешан Кубина. Теперь это подтверждалось. А когда рассмотрели обнаруженную в гамаке трубку, сомнений уже не оставалось. Это была необычная трубка: чашечка ее была железная, а черенок костяной, из голени ибиса. Она безусловно принадлежала Кубине, пастух не раз видел ее у марона.

Значит, Герберта выманил из дому Кубина. Джесюрон был теперь в том совершенно уверен, так же как и его дочь, принимавшая деятельное участие во всех этих расследованиях. Она была довольна их результатами. Возможно, дело объяснялось очень просто: Герберт пошел навестить Кубину. Юдифь знала от Герберта все подробности их знакомст-

ва. Молодому англичанину стало любопытно посмотреть, что представляет собой горное жилище марона. Вот и вся тайна!

Некоторые обстоятельства, правда, оставались непонятными. Зачем марон очутился на ферме в такую рань? Почему след его вел к дому дважды? Почему Герберт ушел так поспешно, никого не предупредив? Хотя, как было уже сказано, ревность красавицы несколько поутихла, особенно радоваться ей еще было нечего.

На отца ее, однако, последнее открытие произвело совсем иное впечатление. Его отнюдь не утешило, а наоборот, чрезвычайно напугало то обстоятельство, что Герберт ушел куда-то с начальником маронов. Джесюрон помнил, как настойчиво расспрашивал Герберт об участии сбежавшего с фермы, до полусмерти избитого раба, темнокожего принца. И ему, Джесюрону, пришлось давать довольно уклончивые ответы. А теперь, конечно, Кубина рассказал Герберту всю правду, а это грозит работорговцу весьма неприятными последствиями.

Узнав все подробности этой скверной истории, молодой англичанин едва ли пожелает после этого назвать Джекоба Джесюрона своим тестем. Старик не сомневался в этом — ему было известно благородство Герберта. Вернее всего, он совсем покинет Счастливую Долину. Может быть, именно это и произошло? Тогда хитроумный план полностью провалился и убийство совершено зря. А в том, что судья уже мертв, Джесюрон не сомневался. Яд Чакры или ножи касадоров к этому времени должны были сделать свое дело.

Но как, когда и где это совершилось? И неужели все впус-
тую?

Вот какие мысли терзали Джесюрона всю долгую бессонную ночь. Он почти не смыкал глаз, сидя в кресле на том же самом месте, что и накануне. Но не угрызения совести, а страх не давал ему спать. Под утро его тревога стала настолько невыносимой, что Джесюрон решил отправиться к Чакре. Колдун, конечно, уже вернулся.

Джесюрон не понимал, зачем Чакре понадобилось идти следом за судьей. Наверно, старик побаивался, что яд окажется недостаточно быстрым, и пошел сам, чтобы в случае надобности прикончить Лофтуса Вогана собственноручно. А может быть, Чакра хотел своими глазами увидеть гибель ненавистного врага? Или просто ограбить его труп?

Итак, работорговец покинул кресло и, одевшись, зашагал к Ущелью Дьявола.

Глава LXXXVIII

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ

Покинув пределы своих владений, Лофтус Воган некоторое время ехал проселочной дорогой, а затем выбрался на проезжий тракт, пересекающий остров с севера на юг, от Монтего-Бей до Саванны. Чтобы добраться до столицы, надо ехать в Саванну верхом, а дальше морем из любого ближайшего порта.

Когда едут в Спаниш-Таун по суше, то пользуются северной дорогой, ведущей к гавани Фалмут, а оттуда берут направление на Сент-Аннис-Бей и далее через весь остров до места назначения. Иногда ездят и южной дорогой, минуя Саванну. Тогда надо ехать от Лаковии до района Сент-Элизабет.

Но мистер Воган предпочел более легкий способ путешествия. Он решил плыть морем и потому держал путь к порту Саванна. Он знал, что каботажные суда постоянно совершают торговые рейсы между Саванной и портами южного побережья острова, и надеялся быстро добраться до Кингстона.

У него были на то и другие причины, о которых уже упоминалось. Саванна была судебным центром западного округа острова, куда входили пять больших районов: Сент-Джеймс, ГанOVER, Вестморленд, Трелони и Сент-Элизабет, а тем самым и город Монтего-Бей. В Саванне заседал окружной суд, а дело, которое Лофтус Воган намеревался начать против Джекоба Джесюрона, входило в его компетенцию. Присвоение двадцати четырех рабов — нешуточное преступление. Это не обычная кража. Лофтус Воган еще не решил, как сформулировать обвинение против работорговца. В Саванне он рассчитывал получить совет опытного юриста.

До Саванны был только день пути, и поэтому судья Воган выехал в сопровождении одного слуги. Если бы он решил добираться до столицы сушей, дело обстояло бы иначе: по обычаям Ямайки, такую важную особу сопровождал бы целый отряд слуг.

* * *

День выдался на редкость знойный. Особенно жарко стало к полудню, когда солнечные лучи начали падать отвесно на меловую дорогу. Ехать было очень трудно. В до-

вершение судья, который выехал из дому больным, с каждым часом чувствовал себя все хуже. Несмотря на жару, у него дважды повторялся приступ сильнейшего озноба, который сменялся лихорадкой и нестерпимой жаждой. Эти приступы сопровождалась вботой и судорогами.

Лофтус Воган сделал бы привал задолго до наступления ночи, но остановиться было негде. Первую половину дня дорога шла по довольно населенным местам, где было расположено много плантаций. Но тогда судья еще не чувствовал себя так скверно и отказывался отдыхать. Он только дважды остановился напиться и пополнить запасы воды. По-настоящему плохо ему стало только к вечеру. Но теперь они ехали по глухой части Вестморленда, где на много миль не встретишь ни одного жилья.

Ближе всего была большая сахарная плантация, носившая название «Мирная Равнина». Там Лофтус Воган мог рассчитывать на самый радушный прием, ибо хозяин плантации не только славился своим гостеприимством, но и был к тому же его личным другом. Судья с самого начала собирался переночевать в Мирной Равнине. Не желая отступить от намеченного плана, он продолжал путь, несмотря на ужасную слабость. Он с трудом держался в седле. Время от времени ему приходилось останавливаться, чтобы набраться немного сил.

Из-за этих задержек они достигли границы поместья Мирная Равнина только на закате. Лофтус Воган увидел это поместье с гребня холма, на который они выехали как раз в тот момент, когда солнце спускалось в Карибское море за далеким мысом Негрил. В широкой долине, где сгустились лиловые сумерки, Лофтус Воган различил дом плантатора, окруженный просторными сахароварнями и живописными негритянскими хижинами. Оттуда доносился шум работы, гул людских голосов, звенящих в свежем вечернем воздухе; видны были проворно снующие по усадьбе фигуры мужчин и женщин в светлых одеждах. Но Лофтус Воган смотрел на все это помутневшим взором, и все звуки казались ему неясным шумом. Как моряк, потерпевший кораблекрушение, смотрит на сушу, не надеясь добраться до нее, так смотрел Лофтус Воган на Мирную Равнину. Нет, у него не хватит сил ехать дальше. Он уже не мог держаться в седле и, соскользнув с него, рухнул на руки слуги.

У обочины дороги, наполовину скрытая деревьями, стояла негритянская хижина, окруженная жалким подобием изгороди, за которой когда-то находился огород. Все было в

полном запустении. Огород совсем зарос, для чего в тропическом климате достаточно и одного года. Хижина была необитаема. И в эту-то лачугу был отведен слугой — вернее, отнесен — судья. Идти сам он уже был не в состоянии.

В углу хижины виднелся бамбуковый настил. Сюда слуга и уложил судью, подстелив ему попону, а сверху накрыв плащом. Затем, напоив больного, он по его приказу сел на коня и помчался в Мирную Равнину.

Лофтус Воган остался один.

Глава LXXXIX СТРАШНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ

Но одиночество Лофтуса Вогана скоро было нарушено. Еще не смолк стук подков, как через дверь на пол легла тень человека.

Больной, лежавший на бамбуковом ложе, непрерывно стонал от ужасных болей, но он заметил, что в хижине вдруг потемнело, как будто кто-то заслонил вход.

Казалось бы, в эту минуту больного должно было обрадовать появление любого человека — да, человека, но не призрака... Дверь хижины выходила на запад, и перед ней не было деревьев. Ничто не преграждало доступа лучам заходящего солнца, бросавшим красноватый отблеск на глиняный пол, — ничто, кроме зловещей фигуры, в которой Лофтус Воган узнал того, кого считал давно умершим, — Чакру, жреца Оби.

От ужаса больной не мог произнести ни звука. Чакра вошел в лачугу. Мысли Вогана мешались, зрение мутилось, но он понимал, что перед ним не плод его пустой фантазии, не призрак, а нечто более опасное: существо из плоти и крови, живой Чакра.

С губ Лофтуса Вогана сорвался иступленный крик. Он попытался подняться, но угрожающий жест старого колдуна приковал его к месту. В бессильном отчаянии Лофтус Воган снова повалился навзничь.

— Ха-ха! — рассмеялся Чакра, становясь между умирающим и дверью. — И не старайся — все равно тебе крышка! Даже если б ты и выбрался отсюда, сотни шагов не пройдешь — свалишься, как новорожденный телок. Лучше и не пробуй, старый дурак!

Умирающий снова вскрикнул.

— Ха-ха-ха! — смеялся Чакра, оскалив свои акульки зу-

бы.— Кричи, кричи, надрывайся! Кричи, пока не треснет глотка. Яд тебя все равно скоро доконает. Он в тебе — слышишь? Еще солнце не зайдет, а ты уже присоединишься к двум приятелям-судьям. Ха-ха-ха! Там-то уж тебе не быть важным господином! И знай: тех двоих, что тебя обогнали,— их тоже послал туда Чакра. Вот и твой черед пришел. Тебя, судья Воган, я под конец приберег — ведь ты из них самый главный!

— Пощади, пощади! — молил умирающий, но ответом ему был все тот же злорадный хохот.

— Пощады просишь? А ты пощадил меня, когда приковал цепями к дереву?.. Нет? Теперь Чакра мстит, и ты умрешь!

— Послушай, Чакра! — Судья приподнялся и с мольбой протянул руки к горбуну: — Спаси меня, не дай мне умереть... Я дам тебе все, что только пожелаешь... Я обещаю тебе свободу, деньги...

— Ха-ха-ха! — злорадно перебил его Чакра.— Свободу, ты говоришь? Ты мне ее уже дал. А деньги для Чакры — что скорлупа кокосового ореха. За свои любовные зелья да за смертельные яды он получит все, что душе угодно. А то, что нужно Чакре, он возьмет сам.

— Что же это? — машинально спросил умирающий, не спуская полного ужаса взгляда с лица горбуна.

— Лили Квашеба! — вот что нужно Чакре! — торжествующе крикнул колдун.— Да, Лили Квашеба! — повторил он, чтобы получше насладиться впечатлением, которое произвели его слова.— Что ж, так будет по справедливости, судья,— продолжал он издеваться.— Ты женился на матери, хоть она и любила не тебя, а марона — ты это знаешь. Теперь ты умрешь, и Чакра заберет ее дочь!.. Эге! — сказал он другим тоном, наклоняясь над судьей.— Да он, никак, уже умер!

Лофтус Воган был действительно мертв. Услышав имя дочери и чудовищную угрозу колдуна, он испустил душевраздирающий крик, откинулся на спину и машинально закрыл себе лицо плащом, словно отгораживаясь от невыносимого зрелища. Пока жрец Оби старался насмешками усугубить муки своей жертвы, яд довершил свое дело.

Чакра сдернул плащ с лица судьи и несколько мгновений вглядывался в черты ненавистного врага, теперь неподвижные и застывшие. Затем, как будто вдруг устранившись присутствия смерти, колдун опустил плащ и крадучись выбрался из хижины.

Глава ХС

ДВА РАЗГОВОРЧИВЫХ ПУТНИКА

Солнце опускалось в синеву Карибского моря, и сумерки, давно сгустившиеся в долине, теперь начинали окутывать лиловой дымкой хижину на холме. Постепенно очертания хижины, ставшей обиталищем смерти, растаяли в темноте наступающей ночи.

Внутри хижины царила глубокая, торжественная тишина. Снаружи доносилось унылое уханье филина, уже вылетевшего на охоту, печальные крики козодоя да глухие удары: это быстро и нетерпеливо бил копытом привязанный к дереву конь. Его донимали москиты.

Тело Лофтуса Вогана все еще лежало на бамбуковом настиле, ничья участливая рука не поправила грубой подушки, не закрыла остекленевшие, невидящие глаза. Слуга Плутон не возвращался, да теперь помощь и не нужна была. Хотя до Мирной Равнины оставалась всего миля, но дорога была слишком трудна. Нестись вскачь по ней было небезопасно, а темнокожий раб не собирался ломать себе шею ради спасения жизни господина. Следовательно, раньше чем через час Плутон вернуться не мог.

Когда прошло двадцать минут после его отъезда и пятнадцать минут после ухода Чакры, в хижине появились новые люди. Если бы, выйдя из лачуги, Чакра направился по проезжей дороге в Монтего-Бей, он непременно столкнулся бы с двумя странными путниками. Но служитель Оби только в случаях крайней необходимости показывался на больших проезжих дорогах. И на этот раз он предпочел пробираться боковой тропинкой, проложенной среди кустарников, и потому избежал встречи с двумя не менее отъявленными негодяями, чем он сам. То были наемные убийцы Джесюрона, касадоры Мануэль и Андрес.

Двуногие ищейки целый день крались по следам Лофтуса Вогана, иногда отставая, иногда почти настигая преследуемого. Не раз они видели его издали. Но Лофтус Воган был не один — рядом с ним ехал огромный негр. Это удерживало преступников, а кроме того, им не хотелось нападать днем. Они решили дожидаться темноты.

И вот наступил ожидаемый час. Солнце зашло, и, когда настоящий убийца уже ушел из хижины, касадоры спешили к ней, стремясь поскорее настичь жертву и пустить в ход ножи.

— А, карамба! — выругался тот, кто был постарше и по-

тому чувствовал себя начальником.— Как бы он не ускользнул от нас, Андрес... Ведь Мирная Равнина совсем рядом, а ее хозяин — его друг. Помнишь, старик Джесюрон говорил, что судья, наверное, остановится на ночь в Мирной Равнине.

— Да, правда,— согласился Андрес.

— Ну, если он успеет доехать туда засветло, этой ночью мы уже ничего не сможем сделать. Тогда придется отложить дело до завтра.

— Кабы не пара пистолетов у него за поясом да еще этот черномазый верзила рядом, мы бы давно его прикончили. А что, если он успеет добраться до Саванны? Что тогда?

— Тогда наше дело плохо. Саванна — большой город, не так-то просто прикончить человека прямо на улице. Это тебе не в лесу: прохожие молчать не будут, не то что деревья. А пятьдесят фунтов — не такие уж большие деньги за убийство важного судьи. Надо быть начеку, а то как бы за такие гроши не повиснуть... Одного судью убьешь, так на тебя десяток накинется.

— А что, если...— начал Андрес. Будучи младшим из двух, он был, однако, более осторожным.— А что, если даже в Саванне не представится случая подстеречь судью?

— Тогда, считай, пропали наши денежки. Из Саванны судья поедет морем: тут нам придется с ним распрощаться. А гнаться за ним по морю — нет, благодарю покорно! Я не любитель морской болезни.

— Тогда вот что,— заявил рассудительный Андрес.— Надо покончить с ним, пока он еще не в Саванне, это ясно. Поспешим — может, мы его еще нагоним, прежде чем он доберется до Мирной Равнины.

— Верно! Давай прибавим шагу. Нынче ночью во что бы то ни стало!

И, боясь упустить добычу, убийцы что было духу помчались вперед.

Глава ХСІ НЕТ КРОВИ!

Красный диск солнца уже исчез за горизонтом, когда касадоры поднялись на холм и приблизились к лачуге, где лежал мертвый Лофтус Воган.

— Слушай, Мануэль, что это? — шепотом спросил Андрес, увидев лошадь у дерева.— Конь оседлан, взнуздан... Чей он?

— Конь судьи. Видишь, он серый. Негр ехал на гнедом, а судья на сером.

— Верно. Но где же вторая лошадь?

— Где-нибудь неподалеку. Наверное, стоит привязанная по ту сторону дома. А сами они, должно быть, внутри. Но зачем понадобилось им сюда забираться? Здесь ведь никто не живет, это мне доподлинно известно. Неделию назад мне пришлось здесь побывать. И ведь до поместья, где судья мог остановиться, рукой подать. Что их тут задержало?

— Послушай,— сказал младший, бросив жадный взгляд на сумки и баулы, привязанные к седлу,— а ведь тут есть чем поживиться.

— Так-то так, только об этом пока рано думать. Сперва надо сделать главное... Но где же они все-таки? И где лошадь негра?

— А может, негр поехал за подмогой? Может, что-нибудь стряслось с Лофтусом Воганом? — догадался вдруг Андрес.— Помнишь, встречный на дороге сказал нам, что один из всадников выглядит совсем больным.

— Верно, верно! Должно быть, так оно и есть. Ну, если черномазого нет поблизости, надо действовать. Этот здоровенный негр для нас опаснее, чем судья с его пистолетами. Ведь если судья действительно захворал, он не очень-то сможет защищаться. Надо только сразу захватить его оружие, прежде чем он сообразил, в чем дело.

— Не обойти ли нам сперва вокруг дома? — предложил осторожный Андрес.— Лучше все-таки проверить, не стоит ли там вторая лошадь. Вот если ее там нет, значит, будем считать наверняка, что негр уехал вперед. Пройдем за кустами — тогда нас не заметят.

— Ладно, так и сделаем. Торопись, время дорого! Другой такой случай не подвернется. Ну, пошли! Да шагай полегче, будто ступаешь по корзине с яйцами.

И Мануэль нырнул в чащу, куда за ним последовал его товарищ. Пробравшись сквозь кусты, они очутились по другую сторону хижины. Гнедого коня там не оказалось. Значит, не было и его всадника. Касадоры окончательно убедились в этом, заметив свежие следы копыт, ведущие от хижины к Мирной Равнине. Глубина следов ясно говорила, что негр гнал свою лошадь галопом.

Убийцам оставалось лишь убедиться, где тот, кто им нужен. Крадучись они подошли к хижине и заглянули в широкую щель. Сначала они ничего не могли рассмотреть, но вскоре их глаза привыкли к темноте. Касадоры увидели,

что в углу на бамбуковом настиле лежит человек, покрытый плащом, из-под которого видны были только ноги в сапогах со шпорами. Это был тот, кого им предстояло убить!

Казалось, судья был погружен в глубокий сон. Он лежал неподвижно, даже дыхания не было заметно. На полу возле скамьи валялась шляпа и кобура с пистолетами. Если бы судья сейчас и проснулся, он все равно не успел бы схватить оружие.

Убийцы переглянулись: случай им благоприятствовал. Не сговариваясь, держа наготове острые мачете, они ринулись в хижину.

— Смерть ему! — завопили касадоры, подбадривая друг друга, и каждый нанес несколько ударов по неподвижному телу под плащом.

Наконец убийцы решили, что судья мертв. Они уже собрались покинуть хижину, чтобы заняться привязанными к седлу сумками, как вдруг сообразили, насколько неестественной была неподвижность их жертвы под ударами. Пока они яростно кололи лежащего ножами, они ничего не замечали. Но теперь касадоры забеспокоились: неужели Лофтус Воган скончался от первого же удара, угодившего в сердце? Но даже удар ножа прямо в сердце не вызывает мгновенной смерти, и, кроме того, на лезвиях не оказалось ни капли крови. Неужели она стерлась об одежду? Нет, этого произойти не могло: сколько-нибудь крови на ножах все же осталось бы... И, однако, хотя сталь клинков была влажной, крови на ней не было ни единого пятнышка.

— Непонятно... — проговорил Мануэль. — Ну-ка, приподними плащ...

Андрес сдернул плащ с лица лежавшего. Рука его случайно коснулась холодной кожи. Он увидел окостеневшие черты, тусклые, подернутые пленкой глаза, в которых свет давно погас.

С воплем ужаса Андрес опустил плащ и бросился к двери. Мануэль, также вне себя от страха, кинулся за ним.

Еще мгновение — и оба они бежали бы прочь, забыв про сумки, привязанные к седлу серого коня... Но едва Андрес коснулся ногой порога, как тут же замер, остановившись как вкопанный. Мануэль со всего размаха налетел на него сзади.

Что остановило их?

В дверях стояло трое, и каждый держал их на прицеле. То были Герберт Воган, начальник маронов Кубина и его помощник Квэко.

Глава ХСII

ПРЕСТУПНИКИ СХВАЧЕНЫ

Первым заговорил Квэко.

— Ни с места! — крикнул он зычным голосом. — Только шевельнитесь — и я всажу в каждого по куску свинца!

— Сдавайтесь! — властно и твердо приказал Кубина. — Немедленно бросайте ножи! Сопротивление будет вам стоить жизни.

— Ну, мои испанские друзья, — произнес Герберт, — вы меня знаете, и я советую вам исполнить приказание. Если вы ни в чем не виноваты, обещаю: никакого вреда вам не будет... Ни с места! — быстро воскликнул он, видя, что касадоры поглядывают через плечо, как будто собираясь сбегать другим ходом. — Не пытайтесь удрать — вам это не удастся. В моей двустволке зарядов хватит на двоих.

— Что вам от нас надо? — прошипел сквозь зубы Мануэль.

— С какой стати вы нам угрожаете? — оскорбленным тоном добавил Андрес.

— Что вы сделали?.. Это как раз мы и желаем знать и сейчас узнаем, — решительно заявил Кубина.

— Да чего нам скрывать? — прикидываясь простачком, заговорил Андрес. — Мы с товарищем направлялись в Саванну...

— Ну-ну, подожди болтать! — нетерпеливо прервал его Квэко, угрожающе встряхивая ружьем. — Слышали, что сказал начальник? Сейчас же бросьте свои кухонные ножи, не то, смотрите, вам не поздоровится!

Андрес хмуро бросил мачете на пол. Мануэль немедленно последовал его примеру.

— А теперь, голубчики, — продолжал чернокожий охотник, не отводя от груди Андреса дула своего длинного ружья, — живо опускайтесь на пол и сидите смирно, пока я раздобуду веревки, чтобы вас связать.

Прекрасно понимая, чем грозит им послушание, касадоры опустились на пол там, где стояли. Квэко подобрал оба мачете и предусмотрительно положил их подальше. Передав затем ружье Кубине, который вместе с Гербертом остался охранять пленников, Квэко вышел из хижины. Почти тут же он снова вернулся, волоча за собой длинные лианы, напоминающие веревки. Кроме того, он принес две короткие палки, каждая длиной фута в три. Все это он раздобыл

так быстро, что можно было подумать, будто он вытащил их из кладовой рядом.

Кубина и Герберт продолжали держать пленников под прицелом, ибо негодяи, несомненно, улизнули бы при первой возможности. Ночная мгла мгновенно скрыла бы их из глаз — поймай-ка их в лесной темени! Нет, такую добычу выпускать из своих рук было нельзя. Хотя мрак, царивший в хижине, скрывал от глаз Герберта и Кубины лежавший в углу труп, они не сомневались, что негодяи-касадоры задумали какое-то преступление, а может, и совершили его.

Особенно подозрительным показалось им то обстоятельство, что к дереву у входа была привязана оседланная лошадь. Они не узнали в ней коня судьи Лофтуса Вогана, но тем не менее сразу почуяли недоброе. Стремительность, с которой касадоры бросились вон из хижины, почти убеждала их, что они не опоздали. Они были готовы найти в хижине труп, а может быть, и не один. Ведь они еще не знали, куда делся Плутон.

Квэко быстро и ловко связал касадоров по рукам и ногам, и затем все трое — Герберт и оба марона — вошли внутрь хижины. В ней было темно, как в могиле. Некоторое время они, напрягая зрение, старались что-нибудь разглядеть. Они стояли не шелохнувшись, затаив дыхание — так, что слышно было, как бились их сердца. Наконец они разглядели человека, лежащего на низком настиле. Квэко не без внутреннего трепета подошел поближе, осторожно дотронулся до него и пробормотал: «Он спит...»

— Или мертв! — воскликнул Квэко, когда рука его случайно коснулась холодного, как лед, лба.

Кубина и Герберт подошли ближе. Чей это труп? Неужели это Лофтус Воган? Или Плутон, негр-слуга? Нет, это был не чернокожий. Чтобы убедиться в этом, достаточно было коснуться его волос.

— Нужно раздобыть свет... Набери-ка светляков, — сказал Кубина своему помощнику.

Квэко вышел из хижины.

На ветвях деревьев сверкали искорки — целые созвездия крохотных движущихся огоньков. Это были мелкие светлячки. Но Квэко искал не их. Среди искорок там и здесь мерцали более крупные золотисто-зеленые огни. Это светились жуки кокуйо. Сняв шляпу, Квэко начал ловить ею, как сачком, светящихся жуков и вскоре накрыл одного из них. Вернувшись в хижину, Квэко поднес жука к лицу трупа.

Квэко не довольствовался тем золотисто-зеленым светом, который насекомое испускает из похожих на глаза бугорков, находящихся у него на грудке. Прожив всю жизнь в лесах, он научился добывать более яркий свет. Раздвинув пальцами надкрылья, Квэко надавил насекомому на брюшко — и блеснул тот оранжевый огонь, который обычно бывает заметен, только когда жук летит. Фосфорический свет озарил пространство на несколько шагов вокруг, и все сразу узнали в страшном мертвце судью Лофтуса Вогана.

Глава ХСIII ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО

Ни один из троих не вздрогнул от изумления, ни для кого из них это не было неожиданностью.

Но отнеслись они к этому открытию по-разному. Квэко не удержался от приглушенного восклицания. Кубина стоял молча, огорченный и подавленный: со смертью судьи рушились его сокровенные надежды. Для Герберта смерть дяди была все же горем, хотя и не очень сильным.

Убедившись, что судья мертв, и не сомневаясь, что он погиб от рук касадоров, не успевших даже скрыться, они стали осматривать труп.

Они были поражены. На трупе оказалось больше десятка ножевых ран, но при этом ни капли крови. Что за таинственная смерть? Раны в груди, на животе, в сердце — и нигде ни кровинки!

— Кто убил его? Кто нанес ему эти удары? Вы, негодяи? — крикнул Герберт, свирепо глядя на касадоров.

— Карамба! Зачем бы нам понадобилось его убивать? — самым невинным тоном спросил Андрес. — Он был уже мертв, когда мы пришли.

— Врете! — воскликнул Квэко. — Да ваши клинки и сейчас еще не обсохли. Смотрите-ка! — Он приложил мачете к одной из ран. — Видите? Рана нанесена этим ножом, сразу видно. Вы убийцы, это ваших рук дело!

— Клянусь святой девой Марией, — заверил его Андрес, — вы ошибаетесь, сеньор Квэко! Я готов присягнуть, что мы не убивали судью. Мы сами были поражены так же, как и вы, когда увидели, что он лежит в углу бездыханный.

Он говорил так убедительно, что ему трудно было не поверить. Конечно, они собирались убить судью, но подлинным убийцей оказался кто-то другой. Кубине это было ясно.

— А зачем вы кололи его ножами? — обратился он к пленникам. — Вы же не можете этого отрицать.

— Сеньор, — сказал Андрес вкрадчиво (он был похитрее товарища и умел быстро принаравливаться к обстоятельствам), — мы этого не отрицаем. Это правда, хоть мне и стыдно в этом признаваться. Мы действительно раза два прокололи труп судьи нашими мачете.

— «Раза два»! Двадцать раз, мерзавцы!

— Не буду спорить, сеньор Квэко. Двумя больше, двумя меньше — я уже не помню. Это все он, все из-за него! — Он кивнул в сторону Мануэля. — Мы с ним поспорили.

— Из-за чего же? — спросил Герберт.

— Да видите ли, сеньор Воган, мы шли в Саванну. И вдруг видим — к дереву привязана лошадь. Ну и решили зайти в хижину, узнать, кто там. Входим и видим — лежит покойник. Мы были ошарашены не меньше вашего, сеньоры.

— Полная для вас неожиданность, а? — иронически осведомился Кубина.

— Да, мы прямо ошалели от страха, сеньор. Потом, как пришли немного в себя, Мануэль мне и говорит: «Послушай, Андрес, а что, потечет из трупа кровь, если его проткнуть?» — «Ну ясно — нет», — говорю я ему. «Нет, потечет», — отвечает он. — Спорю на пять песо, что потечет». Ну, признаюсь, я принял вызов, и мы попробовали. Судье-то ведь все равно, раз он мертвый!

— Чудовища! — воскликнул Герберт. — Это почти так же гнусно, как убийство! Как ни хитра ваша выдумка, негодяи, вам не уйти от петли!

— Ах, сеньор, право, мы ее не заслужили! И мы оба раскаиваемся, поверьте!.. Правда, Мануэль?

— Конечно, раскаиваемся, — с глубокой искренностью сказал Мануэль.

— Мы потом оба пожалели, что так поступили, — продолжал Андрес. — И даже накрыли тело плащом, чтобы почтенный судья почивал в мире.

— Врешь! — крикнул Квэко, поднося светыщегося жука к телу покойного. — Вы проткнули его ножами прямо через плащ! Смотрите!

И Квэко указал на прорезы в плаще.

— Да-да... — запинаясь, произнес Андрес. — Вспоминаю: мы сперва его накрыли, а уж потом стали биться об заклад... Верно, Мануэль?

Ответа Мануэля никто не расслышал, ибо в эту минуту снаружи послышался стук копыт, и к двери подъехали два

всадника. Это вернулся Плутон в сопровождении надсмотрщика с плантации Мирная Равнина. Следом за ними шли несколько негров с носилками: больного намеревались перенести в усадьбу. Но они опоздали: теперь им предстояло перенести туда его тело.

Глава ХСIV

ЧАКРА НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Один из троих судей, в свое время подписавший смертный приговор Чакре, уже шесть месяцев спал в могиле; второй умер всего дней шесть назад, и вот третий, Лофтус Воган, также стал трупом. И всех их убил Чакра.

В двух первых случаях смерть выглядела естественной; если какие-нибудь подозрения и были, то недостаточно серьезные для того, чтобы вызвать расследование. Оба умерли после длительной болезни, которая у того и другого протекала почти одинаково. Эта болезнь сильно напоминала изнурительную тропическую лихорадку, но были и другие совершенно непонятные симптомы, сбившие с толку всех докторов.

Тогда Чакра не опасался ничего, но с убийством судьи Вогана дело обстояло иначе. Он был вынужден действовать чересчур поспешно, и при вскрытии трупа нетрудно обнаружить в организме покойного следы яда. Смерть столь внезапная, не объяснимая никакими естественными причинами, вызовет, несомненно, подозрения. Будет произведено вскрытие. И Чакра знал, что диагнозом «болезни», от которой скончался Лофтус Воган, будет «отравление» или, точнее, «убийство». Такие мысли никак не успокаивали Чакру. Он опасался Синтии. Он не думал, что она выдаст его добровольно, но мулатка может запутаться на допросе, и тогда...

Колдун трусил и, едва покинув труп судьи, начал измышлять способ заставить Синтию молчать или, другими словами, как с ней покончить. Джесюрон тревожил его меньше. Для него раскрытие этого преступления было не менее опасно, чем для самого Чакры. Впрочем, колдун скоро перестал думать о Синтии. Не так уж сложно будет разделаться с ней. Есть вещи поважнее. Чакра спешил поскорее осуществить свои давно лелеемые планы.

Покинув хижину, где лежало тело его жертвы, колдун некоторое время пробирался, прячась среди кустарника, но ночная тьма скоро позволила ему выйти на открытую дорогу, и он торопливо зашагал вперед. Завидя впереди пут-

ника, Чакра, что случалось не раз, чтобы избежать нежелательной встречи, проворно сворачивал в лес и выжидал, пока минует опасность. Если же прохожий шел в одном с ним направлении, колдун шел напрямик через лесную чащу, далеко обгоняя его, а затем снова выходил на дорогу.

Торопливость Чакры показывала, что убийство судьи Вогана — только часть задуманного им адского плана.

Наконец колдун дошел до поворота к Горному Приюту и скоро увидел Утес Юмбо. В ярком лунном свете он блеснул словно стеклянный. Тут Чакра снова свернул на лесную тропу, огибающую подножие утеса, на ту самую, по которой Герберт с двумя маронами в это утро шел из Счастливой Долины.

Но Чакра ничего не знал об этом, не знал он и о цели Кубины и его товарищей. Не подозревал колдун и о том, что Джекоб Джесюрон на случай, если почему-либо сорвется план отравления судьи, послал за ним вслед своих касадоров. Хотя в течение дня Чакра не раз замечал, что позади идут какие-то люди, ему и в голову не приходило, кто это.

Добравшись до подножия утеса, Чакра остановился, что-то обдумывая. Он поднял глаза кверху, чтобы определить время по звездам, как днем определял его по солнцу. Созвездие Ориона склонилось к серебристой поверхности моря — значит, через два часа звезд на небе уже не будет.

— Еще часа два... — бормотал колдун. — Есть еще время, есть... Успею добраться к себе, взять фонарь и вернуться сюда, чтобы повесить его... Нет, так не годится. Адам и его люди смогут добраться сюда только через час, а тогда уже рассветет. Надо делать дело ночью, а то нас выследят, и мне уж нельзя будет прятаться в Ущелье Дьявола. Да нет, чего мне так торопиться? Все успеется завтра ночью. Раньше чем через два-три дня судью сюда не привезут. А если прискачет негр, сообщит раньше, так тем лучше: в доме поднимется суета, а мне это только на руку. Завтра к этому времени Лили Квашеба, дочь гордой квартиронки, будет в моих руках!

На физиономии колдуна отразилась сатанинская радость, он громко расхохотался.

— А теперь, — продолжал он бормотать, — на ферму Джесюрона. Этих двух часов мне хватит, чтобы побывать у него и вернуться к себе. Надо рассказать старому грешнику, что дело выгорело, да получить свои пятьдесят фунтов. Денежки-то мне очень кстати, раз у меня будет молодая жена.

И новоявленный жених, заливаясь довольным смехом, зашагал к ферме Джесюрона.

Глава ХСV ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Йола, верная своему слову, отправилась в лес на свидание с возлюбленным. Они должны были встретиться ровно в полночь. Чтобы прийти вовремя, девушка вышла из дома задолго до назначенного часа. С недавних пор мисс Воган узнала о ночных отлучках молоденькой служанки. Йола во всем призналась своей госпоже. Кэт слышала о Кубине много хорошего, и, так как в честности его намерений сомневаться было нельзя, Кэт не препятствовала Йоле встретиться с возлюбленным. Эта снисходительность во многом объяснялась состоянием ее собственного сердца. Искренняя любовь не могла не вызвать у нее сочувствия, ибо она знала, что значит быть отвергнутой.

На этот раз разрешение было дано тем охотнее, что Кэт сама с нетерпением ждала этого свидания. Объяснялось это просто. В прошлое свидание Кубина рассказал Йоле кое-что, относящееся к ее хозяйке. Йола не замедлила передать это Кэт. Все было очень неопределенно и неясно, но внушало сладостные надежды.

Кэт знала, что Герберта и Кубину связывает романтическая дружба. Об этом ей давно рассказала Йола, так же как и о происшествии, которое положило ей начало. Можно себе представить поэтому, с каким трепетом ждала Кэт интересных новостей, на которые намекнул марон.

Йола сказала ей не все. Она не стала передавать собственные соображения Кубины. С женским тактом она умолчала о том, что являлось лишь догадками и могло вызвать ложные надежды в сердце молодой госпожи, к которой Йола была искренне привязана. Вот почему она ни словом не обмолвилась о том, что слухи о предполагаемом браке между Гербертом и Юдифью, вероятно, не имеют никаких оснований. Йоле хотелось дождаться, пока Кубина принесет более точные сведения.

Йола почла также за лучшее до поры до времени ничего не рассказывать своей хозяйке о подслушанных ими с Кубиной в лесу подозрительных переговорах между старым Джесюроном и Синтией. Йоле не хотелось зря волновать мисс Кэт.

Когда Йола ушла, Кэт не ложилась и не гасила лампу, дожидаясь ее возвращения.

Хотя Йола уходила с разрешения госпожи, она постаралась выйти из дому незаметно, соблюдая большую осторожность. Отчасти это делалось по привычке, укоренившейся с детства, но в данном случае осторожность была внушена сознанием опасностей, которые могли подстергать ее на каждом шагу.

Однако, несмотря на все предосторожности, уход Йола был кое-кем замечен. Она и не подозревала, что через поле и лес за ней украдкой следует темная женская фигура.

Очутившись в глубине леса, Йола пошла спокойнее, не боясь более, что ее выследят. Может быть, потому она и не заметила зловещей фигуры, упорно, как тень, следовавшей за ней. Дойдя до сейбы, ставшей в глазах влюбленных священным деревом, Йола остановилась под сенью ее могучих ветвей и стала ждать.

Она пришла немного рано и не предполагала, что Кубина ждет ее. Она знала, что полночь еще не наступила, так как с плантации не донесся бой часов. Несколько минут она простояла неподвижно, погруженная в сладкие мечты.

Из состояния мечтательности ее вывел шум крыльев алого кардинала, испуганно вспорхнувшего в кустах, росших в нескольких шагах от сейбы. Птица с тревожным криком скрылась в лесу. Йола не понимала, что вспугнуло ее и заставило покинуть гнездо. Сама Йола едва ли могла ее потревожить: ведь она стоит здесь уже несколько минут, спокойно, не двигаясь. Кто напугал птицу? Наверно, какой-нибудь враг — крыса, сова или змея...

Придя к такому выводу, Йола тут же забыла про птицу. Но если бы она догадалась подойти к кустам, она увидела бы там совсем не то, что ожидала. В кустах притаилась женщина. Она сидела скорчившись; лицо ее было перекошено от ярости, глаза метали молнии. Йола легко бы узнала ее: это была Синтия, рабыня с плантации Вогана. Но Йола не подозревала о ее присутствии. А Синтия смотрела на соперницу, не отрывая глаз. Им долго суждено было пробыть здесь почти рядом; каждую привела сюда страсть, но одну — любовь, а другую — ревность.

Шли часы, а Кубина все не появлялся. Йола чутко прислушивалась к каждому шороху. В ее груди росли тревога и нетерпение. Синтия, не покидая своего убежища, также терзалась муками, но это были муки ревности.

Обе облегченно вздохнули, заслышав шаги на тропинке:

наконец-то! Однако и радость одной и отчаяние другой оказались напрасными. Вместо Кубины на поляну вышел совсем другой человек, и тут же с противоположного конца показался второй. Не обменявшись ни словом, они остановились под сейбой друг против друга. Яркая луна освещала их лица. Йола узнала лишь одного из пришельцев, но и этого было достаточно, чтобы она решила скрыться не мешкая. На лицо второго она взглянула лишь мельком: оно было устрашающе безобразно, хотя напугало ее не больше, чем первое. Прячась за ствол, бесшумно двигаясь в тени, Йола скользнула в чащу и скоро была далеко от тех, кто помешал долгожданному свиданию.

Синтия не могла последовать за ней, если бы даже захотела. Пришедшие остановились всего шагах в шести от того места, где она укрылась. Вокруг кустов было открытое пространство, залитое луной. Даже кошка не могла бы вылезти оттуда незамеченной.

Мулатка узнала тех, кто стоял под сейбой. Оба были ее сообщниками и оба внушали ей страх. Она все же решила бы подойти к ним, но как сделать это на глазах у соперницы? Выдать себя? А когда Йола ушла, Синтия предпочла не показываться уже по другой причине. Она невольно подслушала то, что ей, наверное, слушать не полагалось, и теперь боялась выдать свое присутствие. Она решила не вылезать из засады и оставаться там до конца.

Глава ХСVI СИНТИЯ В ЗАПАДНЕ

Кто же нарушил безмолвную сцену у сейбы?

Джекоб Джесюрон и колдун Чакра.

Когда Чакра, сойдя с Утеса Юмбо, направился к ферме Джесюрона, ее владелец уже шел к Ущелью Дьявола, чтобы повидать колдуна. Оба шли по одной тропе и должны были неминуемо встретиться. Так и случилось. Поляна, где росла огромная сейба, лежала как раз на середине пути между утесом и фермой. Здесь и произошла встреча.

Они подошли к поляне почти одновременно. Всегда осторожный Чакра не сразу вышел на открытое место. Но он тотчас убедился, что навстречу идет именно тот, кто ему нужен. Сообщники не поздоровались, как будто встретились в джунглях два диких зверя. Им не к чему было тратить время на пустую болтовню. Они отлично понимали друг друга,

и оба желали только одного: как можно скорее перейти к самому главному.

— Ну? — сразу приступил к делу Джесюрон. — Говори, побывал ты там? Удалось ли?..

Колдун смотрел торжествующе и даже попытался расправить горбатые плечи и выпятить грудь.

— Удалось ли? — начал он хвастливо. — Сердце у него теперь холодное, как арбуз, и он валяется совсем одеревенев, как... скелет старого Чакры!

Колдун закатился неистовым смехом. Сравнение, которое он с трудом подобрал, привело его в восторг. Он ликовал — месть его совершилась.

— Так, значит, все кончено?

— Еще бы!

— Итак, твое средство подействовало, и незачем было...

Тут Джесюрон спохватился и умолк.

— И незачем было тебе, — продолжал он, — тащиться за ним всю дорогу.

Чакра насторожился:

— А кто вам сказал, масса Джек, что я шел за ним следом?

— Синтия, мулатка.

— Эта черномазая слишком распускает язык! Давно пора заткнуть ей глотку! Ладно, я и об этом позабочусь... А теперь, масса Джек, как насчет моих пятидесяти фунтов? Я свое дело сделал, пора платить.

— Правильно, Чакра, правильно. На вот, получай. — Джесюрон протянул колдуну кошелек. — Можешь пересчитать — тут ровно столько, сколько обещано.

Чакра сунул кошелек за пазуху, хрюкнув при этом, по своему обыкновению.

— А теперь, Чакра, — сказал Джесюрон, — у меня к тебе новое дельце. Мне еще раз понадобится твое зелье. И я заплачу за него опять столько же. Но сперва скажи: ты никого не видел в лесу?

— Мне в лесу много народу повстречалось.

— А из тех, кого ты знаешь, тебе никто не попался?

— Ну, как же! Судью видел. Едва узнал его — кожа да кости, один скелет остался, как от Чакры. Ха-ха-ха!

— А еще кого?

— Еще негра, раба. Он ехал рядом с судьей. И еще людей видел, только не очень их разглядел. Я от них держался подальше. Одного только узнал — марона Квэко.

— Квэко?.. Кубину и молодого белого джентльмена не видел?

— Нет. А зачем они вам, масса Джек?

— Молодой белый, о котором я говорю,— мой счетовод. Сегодня утром он исчез. Понятия не имею, куда и почему он скрылся. Но у меня есть основания думать, что он ушел с мароном Кубиной. Может, я ошибаюсь и он скоро вернется. Но что-то мне кажется тут подозрительным. Если он сбежал, зря мы затеяли все дело с судьей.

— Ну, может, он еще вернется.

— Понимаешь, я из-за этого просто спать не могу! Слушай, готовь еще зелье.

— Великий бог Оби всегда готов помочь. Для кого же теперь?

— Для этого негодяя, Кубины.

— А! Для него бог постарается.

— Он строит против меня козни. Теперь, когда судью мы с дороги убрали, марону едва ли удастся вывести дело на чистую воду. Но как знать? Лучше поскорее отделаться и от этого молодчика. Так что, Чакра, постарайся покончить с ним так же быстро, как и с судьей. И денежки — пятьдесят фунтов.

— Не сомневайтесь, масса Джек, все будет сделано, как надо. Чакра рад подработать.

— Тут тебе опять Синтия поможет?

— Нет, на этот раз с ней не сторгуешься. Да Кубина ее к себе и не подпустит. Он и смотреть на нее не хочет. Нет, с ней стало опасно иметь дело. Она и так уже слишком много знает. Того и гляди, натравит на меня ищеек. Она сослужила свою службу, пора ее отправить вслед за судьей. Только так и заставишь женщину молчать.

Он умолк, словно уже обдумывая, как расправиться с мулаткой.

— Где же ты найдешь себе помощника, Чакра?

— Не тревожьтесь, масса Джек. Старый Чакра не подведет вас. Он и без помощников обойдется.

— Тогда считай, что деньги твои. Пятьдесят фунтов. Я бы дал тебе вдвое, вдесятеро, будь я уверен, что молодой Воган... Нет, но куда же он все-таки делся?

Он уже раз десять задавал себе этот вопрос в течение дня. Видно, эта забота мучила его больше всех остальных. Он поднял зонт и стоял, держа его над головой.

— Бог ты мой! Если он не вернется, все попусту. Все престу... все заботы мои — все напрасно!

— Ничего, масса Джек. Что бы там ни было, мы с вами избавились от общего врага. Это уже немало. А теперь я сразу займусь другим.

— Да-да, Чакра! Как можно скорее. Иди, не буду тебя задерживать. Скоро рассветет. Надо мне хоть немного соснуть. Я всю ночь глаз не сомкнул. Все думаю, где же Герберт Воган? Пойду узнаю, нет ли новостей о нем.

Не попрощавшись, он повернулся и ушел.

Глава ХСVII РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

«Старик сам не свой,— подумал Чакра, оставшись один.— Что это он так растревожился из-за своего счетовода? Пропал счетовод, говорит. Ладно, в свое время все узнается, что и зачем. Пойду-ка вздремну немного. Тоже всю нынешнюю ночь глаз не закрыл. Да и прошлую тоже. А уж завтра и вовсе спать не придется. Но зато Чакра получит первую красавицу Ямайки — Лили...»

Но тут Чадре почудилось, будто кто-то совсем рядом чихнул. Это чихнула, не удержавшись, Синтия. После того, что мулатка услышала, она готова была отдать все на свете, даже отказаться от Кубины, только бы очутиться подальше, в безопасности, хотя бы в спокойной кухне господского дома Горного Приюта,— где угодно, только не здесь. Нет, только бы выбраться отсюда, и она уж постарается держаться подальше от этого колдуна! Но сейчас делать было нечего. Чакра не мог не слышать, как она чихнула.

Чакра, грозно хрюкнув, молниеносно повернул голову туда, где раздалось чихание, и стоял неподвижно, вслушиваясь.

— Что это? — сказал он громко.— Кто это тут расчихался? Неужто кусты нанюхались табаку? А? Кто же это все-таки? Ну-ка, возьми понюшку, чихни еще разок! Тогда я, пожалуй, догадаюсь, кто ты: куст, дерево, птица или человек.

Но все было тихо. В кустах ничто не шелохнулось, будто никто и не таился в их зловещей тени.

— Что, больше не чихается? Ладно, сейчас узнаем. Деревья, птицы, змеи, ящерицы чихать не умеют. Стало быть, ты человек. Вздумал подслушивать? Ну, раз ты слышал, что здесь говорилось, дни твои сочтены!

Нагнувшись, Чакра осторожно приблизился к кустам и стал шарить в них своими длинными, обезьяньими руками.

Вскоре он заметил скорченную женскую фигуру и, схватив ее за плечи, повернул к свету.

— Синтия! — воскликнул он.

— Да, это я, Чакра, — еле ворочая языком, ответила перепуганная насмерть мулатка.

— Что ты здесь делаешь? Подслушивала?

— Нет-нет, Чакра! Я пришла не затем... Я...

— Давно ты здесь?

— Я пришла...

— Помолчи! Ты спряталась до того, как мы пришли, не то мы бы тебя увидели. Значит, ты все слышала.

— Чакра, я ведь не нарочно! Я бы с радостью ушла, да...

— Нет, теперь тебя уже отпустить нельзя!

Свирепо хрюкнув, как дикий зверь, страшный горбун бросился на Синтию. Железные пальцы сжали горло несчастной, стиснув его, как клещами. Синтия даже не успела крикнуть.

— Чакра... Чакра... — с трудом прохрипела она и смолкла.

Железные пальцы на горле разомкнулись, и в кусты упало бездыханное тело.

— Лежи здесь! — проговорил колдун. — Так ты ничего не выболтаешь. А теперь пойду и отосплюсь как следует. Завтра спать не придется...

Чакра невозмутимо запахнул плащ и углубился в лес.

Глава ХСVIII ЧАКРА ГОТОВИТ ФОНАРЬ

Уже рассвело, когда горбун добрался до своего логова. Его мучил голод. Последний раз он ел ровно сутки назад. В жестяном котелке, стоявшем в углу хижины, оставалось немного перечной похлебки. Колдун слишком устал, чтобы возиться и разжигать огонь. Он схватил котелок и стал есть застывшую похлебку. Затем, чтобы подогреть холодное варево, он вытащил бутылку с недопитым ромом и мигом осушил ее. Повалившись на свой настил так, что заскрипели тонкие бамбуковые палки, старик уже в следующее мгновение спал мертвым сном.

Он лежал навзничь, запрокинув голову. Изголовьем ему служил чурбан, подушкой — жидкая охалка волокнистых семян сейбы. Одна рука повисла, касаясь пальцами пола; в огромном раскрытом рту, как в пасти зверя, сверкал двойной ряд заостренных зубов. Колдун громко, раскатисто

храпел. Что снилось ему? Старые преступления или те, которые он только готовился свершить?

Чакра проспал весь день и проснулся в сумерках. Солнце заходило. Во всяком случае, на дне ущелья его уже не было видно, лишь красноватый отблеск на верхушках деревьев, росших по краю утесов, указывал, что дневное светило еще не скрылось за горизонтом.

Колдун ничего этого не видел. В хижине царила кромешная тьма, дверь была плотно прикрыта. Но через щели можно было заметить, что наступил вечер.

Пронзительные крики выпи и козодоя, доносившиеся с озера сквозь шум водопада, уханье совы,— эти голоса ночи возвещали колдуну, что наступил его час.

Он вскочил и хрюкнул. Первым делом надо было поесть. Котелок, из которого он ел утром, стоял прямо на полу посреди хижины. В нем еще оставалось немного похлебки.

— Нет, холодной ее есть больше нельзя,— пробормотал колдун и стал разжигать огонь.— Дел впереди много — надо сил набраться.

Горбун разжег очаг, разогрел похлебку и съел ее. На все это ушло немного времени.

— Пора готовить сигнал,— пробормотал он и стал шарить вокруг, что-то разыскивая.— На мое счастье, сегодня нет луны. И раньше полуночи она и не покажется. Мне только того и надо. Потом пусть светит сколько ей угодно... Но где мой фонарь? Я и не помню, когда пускал его в дело. Не под настилом ли?.. Так и есть.

Он вытащил из-под настила пустую яйцеобразную тыкву величиной с большую дыню. Держа тыкву за веревку, продетую сквозь утолщение у основания стебля, Чакра некоторое время рассматривал ее, поднося к самому светильнику.

Это была не совсем обыкновенная тыква. С одной стороны в ней было вырезано треугольное отверстие. В наполнявшем тыкву почти до самого отверстия жире плавал фитиль, скрученный из хлопка, а за фитилем помещались два осколка зеркала, расположенных под небольшим углом друг к другу. В общем, все это своеобразное устройство было похоже на лампу с рефлектором.

Убедившись, что его фонарь в порядке, подлив в него немного жира и подровняв фитиль, Чакра отставил тыкву в сторону и принялся собирать все остальное, необходимое для его ночного похода: палку длиной фута в четыре, кусок крепкой веревки, нож с длинным лезвием, кремниевый

пистолет, который он тщательно вычистил и зарядил. Нож и пистолет Чакра заткнул за пояс под плащом.

— Наверное, — бормотал он, пряча оружие, — они мне и не понадобятся. Кто там будет сопротивляться? Приезжий расфуфыренный щеголь? Он, говорят, трус. И челядь тоже. Помаши у них перед носом пистолетом — у них и душа в пятки уйдет. А коли этого мало, скину маску. Один вид старого Чакры всех их обратит в бегство. Ни один негр потом от страха целую неделю не покажет носа из дома.

Колдун счел нужным прихватить с собой еще одно надежное средство: из потайного места он извлек большую непечатую бутылку рома и спрятал ее в широченный карман плаща.

— Давно ее приберегаю! — Чакра ухмыльнулся. — Стоит им отведать этого — они на все пойдут.

Тут он выглянул наружу.

— Эге, совсем темно! Пора. Пока Адам увидит мой сигнал и доберется сюда, пройдет порядочно времени.

Прихватив свой самодельный фонарь, горбун поспешно вышел.

Глава ХСІХ

СИГНАЛ

Короткие тропические сумерки кончились, и на Ямайку опустилась ночь. Она обещала быть непроглядно черной. Небо было сплошь покрыто густыми облаками, сквозь которые не сверкало ни единой звездочки. Окрестные долины и горы были погружены в полную тьму. И даже Утес Юмбо, самая высокая и заметная вершина на многие мили вокруг, был окутан глубоким мраком.

Поэтому никто не заметил, что кто-то взбирается по узкому ущелью, ведущему к его вершине. Нечего и говорить, что это был наш старый знакомый, горбатый колдун Чакра.

Кому бы еще вздумалось забираться на Утес Юмбо в столь поздний час?

Но что привело его сюда?

Вот Чакра на самой вершине. Он снял плащ и расстелил его на скале. Захваченную с собой палку он положил на самый край плаща, крепко привязал к нему веревкой, а затем прикрепил палку перпендикулярно к стволу пальмы на высоте своей вытянутой руки. Таким образом, плащ, свисая с палки, развернулся во всю ширину, лицевой стороной к Горному Приюту, а изнанкой — к горам Трелони, где не

было ни одной плантации, ни одного поместья, ни одного жилища. Там скрывались беглые рабы, преступники и целые шайки грабителей, с которыми власти острова ничего не могли поделать.

Чакра знал все это как нельзя лучше, и некоторые из разбойников были его хорошими знакомыми. Вот для того, чтобы вызвать своих «друзжков», Чакра и поднялся на Утес Юмбо.

Повесив плащ, колдун прицепил к нему фонарь со стороны, обращенной к горам. Затем взял кремь и огниво, высек огонь и зажег фитиль. Через минуту фонарь ярко горел, и свет, отраженный осколками зеркал, был виден на расстоянии многих миль. Но со стороны плантаций заметить его было нельзя, так как его загораживал плащ.

Чакра стоял сложив руки, глядя на фонарь. Никогда еще колдун не казался столь отвратительным — плащ все же несколько скрывал его уродство. Сейчас горб был прикрыт только грубой рубашкой из красной фланели. Свиристый взгляд, шапка со змеей, за поясом нож с длинным лезвием и пистолет — кто не отшатнулся бы при виде такого чудовища? Эту неподвижную безобразную фигуру можно было принять за самого дьявола.

Чакра стоял так, не отрывая взгляда от далеких гор, еле различимых во мраке ночи. Но уже через несколько минут он оживился, глаза его загорелись.

— Я знал, что они увидят огонь! Вот уже сигналият в ответ, — пробормотал он довольный.

В самом деле, на далекой горе вдруг вспыхнул и тут же погас яркий огонь. Вот он появился опять и так же мгновенно исчез. То же повторилось и в третий раз. Это вспыхивали подожженные горстки пороха.

Чакра задул фонарь, отвязал плащ, надел его и, подойдя к самому краю площадки, сел, свесив ноги со скалы.

Глава С НОЧНОЕ СБОРИЩЕ

Долина внизу, где находилось поместье Горный Приют, была окутана непроницаемым мраком. Но местоположение господского дома все же можно было определить по свету, струившемуся сквозь жалюзи. Чакра знал, что это огни в зале. Он недаром прожил сорок лет на плантации Лофтуса Вогана и отлично знал расположение комнат.

— Никак, в доме гости? Значит, весть о смерти судьи

еще не успела до них дойти,— вслух рассуждал Чакра.— Никому и в голову не приходит, что главный хозяин дома лежит сейчас мертвый. Веселятся? Ничего, ничего! Может, и Чакра отведаёт этих кушаний и унесет с собой эти блюда, ложки и вилки... Да нет! Не то мне требуется. Серебро да золото — на что они мне? Мне нужна Лили Квашеба. Сколько лет прождал я ее! Пусть Адам забирает себе весь хлам. Нет! — Поразмыслив, он пришел к выводу, что подобная щедрость с его стороны излишняя.— Нет, пожалуй, мне и самому понадобятся серебряные блюда, ложки и вилки. У меня будет молодая жена — придется обзавестись хозяйством. И деньги мне нужны. Но где мы с ней поселимся? В моем ущелье? Опасно — слишком близко. За ней небось бросятся в погоню, начнут всюду рыскать — доберутся и туда. Но это в том случае, если догадаются, что ее утащили. А я уж постараюсь сделать так, чтобы никто об этом не догадался...

Вдруг Чакра вскочил, услышав негромкий звук. Звук повторился. Вот он раздался в третий раз. Чакра быстро перебежал на другой конец площадки.

Для ушей, привыкших к голосам ямайских лесов, звук этот не показался бы странным. Это был голос птицы-отшельника. Необычайным было лишь то, что он раздался среди ночи. В ночное время никогда не услышишь нежного, похожего на звук флейты, голоса этой птицы. Но Чакра не удивился: он ждал его. Он знал, что это Адам подает ему сигнал.

Приложив к губам тростинку, Чакра ответил криком выпи.

В ущелье послышались приглушенные голоса. Затем что-то заскрежетало по камням, все громче и громче... Затрещали сучья. Через минуту из темноты появилась человеческая фигура. Человек осторожно ступил на площадку. За ним появился второй, третий, четвертый, и вот на вершине утеса их стояло уже шестеро.

— Адам, это ты? — окликнул Чакра того, кто первый появился на утесе.

— Я. Ты, Чакра?

— Он самый.

— Ну, приятель, как видишь, явились сразу, едва заметили твой сигнал.

— Да, я вас раньше чем через час и не ждал.

— Выкладывай, зачем нас звал? Нам хорошее дельце будет очень кстати — уже давно животы подвело. Целый

месяц слоняемся зря. Мы не прочь поживиться хотя бы чем-нибудь съестным.

— Съестным? — презрительно хрюкнул колдун. — Нет, тут кое-что получше. Такая будет пожива, что вам и не мерещилось! Все богачами станете!

— Ловко! — воскликнул Адам под одобрительный шепот остальных. — Уж не то ли дельце, о котором мы с тобой толковали в последний раз?.. Что, угадал я, старый горбун?

— Угадал. То самое.

— Ну, говори. У нас с собой все, что надо. Видишь?

Говоривший — очевидно, главарь всей шайки — указал на своих достойных товарищей. Но Чакра, несмотря на темноту, и сам успел разглядеть, что все они вооружены, хотя и весьма разнообразно. Один держал ржавый мушкет, другой — не менее заржавевшее охотничье ружье. У некоторых имелись пистолеты, и почти у каждого был меч. Ясно, что дело, к которому они готовились и для которого их вызвал Чакра, не носило мирного характера.

Если бы вдруг осветить это странное сборище на вершине утеса, то обнаружили бы физиономии не менее отталкивающие и жестокие, чем физиономия самого Чакры. Ведь это была шайка Адама, известного по всему острову безжалостного разбойника и грабителя.

Чакра не выразил никакого удивления по поводу того, что все явившиеся вооружены: на это он и рассчитывал. Чтобы еще усилить их рвение, он обратился к сильному, безотказно действующему средству: к бутылке с ромом.

— Вот что, приятели, — сказал он благодушным тоном. — Вы тащились сюда впотьмах, дорога была длинная и нелегкая. Надо вам малость согреться. Как вы насчет того, чтобы промочить глотку, а?

Предложение было встречено всеми присутствующими полным одобрением. Трезвенников в этой почтенной компании не имелось. Чакра не захватил тыквенной кружки, но это никого не смутило. Все они по очереди прикладывались к бутылке, пока она не опустела.

— Ну, старый горбун, — сказал Адам, отводя Чакру в сторону (видно было, что это давнишние приятели), — наступил тот самый удобный случай, о котором ты говорил?.. Хозяин в отлучке?

— В отлучке? Ха-ха-ха! Он теперь навек в отлучке.

— Что это ты мне загадки загадываешь? Как это — навек в отлучке?

— Да так... перебрался в другие края.

— Как! Неужто судья...

— Ладно, это пока оставим. Сейчас думай лучше не о судьбе, а о его серебре. Попусту болтать некогда. Пока мы доберемся до дома и наденем маски, все уже начнут ложиться спать. Надо бы дать им уснуть, но тогда луна взойдет, а нам надо все кончить до нее.

— И то правда. Мы готовы.

— Тогда идем! Об остальном договоримся по дороге. Пошли!

И Чакра, а за ним и вся шайка стали спускаться с утеса.

Глава СІ ТРАУРНОЕ ШЕСТВИЕ

В тот же вечер, еще до того как село солнце, по дороге, ведущей к Горному Приюту, двигалось странное шествие. Люди шли медленно, лица их были серьезны и сосредоточенны. Четверо несли грубо сколоченные носилки, на которых лежал человек. Хотя он и был накрыт с головой камлотовым плащом, не приходилось сомневаться в том, что это покойник.

Похоронная процессия состояла из десяти человек. Двое ехали верхом, немного впереди остальных. За всадниками следовало четверо, несших носилки; остальные четверо замыкали шествие. Они шли попарно. У первой пары руки были связаны за спиной, а двое других, очевидно, составляли стражу. Кто же были все эти люди?

Верхом ехали Герберт Воган и марон Кубина. Их лошади были те самые, которые днем везли Лофтуса Вогана и его слугу. В пленниках со связанными руками нетрудно было узнать касадоров Мануэля и Андреса, а охраняли их Квэко и Плутон. Носилки несли четверо рабов с плантации Мирная Равнина. Едва ли стоит пояснять, чей окоченевший труп лежал на носилках. Да, это были останки гордого плантатора Лофтуса Вогана.

Среди всех участников погребальной процессии не было ни одного, кто искренне горевал бы о покойном. Но лица всех участников процессии, кроме касадоров, были строги, как приличествовало обстоятельствам.

Со смертью дяди обида на него совершенно исчезла из сердца Герберта. Может быть, он острее чувствовал бы потерю, если бы не только что услышанная новость, которая наполнила его радостью. Ему лишь с трудом удалось удержаться от счастливой улыбки, которая была бы, конечно, совершенно неуместна.

Да, несмотря на присутствие смерти, душа Герберта ликовала. Нетрудно догадаться, что виновником его радости был Кубина. За сутки, которые Герберт и Кубина провели вместе, марон рассказал молодому англичанину много такого, о чем он раньше и не подозревал. Читатель знает, что так обрадовало Герберта, стоит только вспомнить последний разговор Кубины и Йоолы под сейбой.

Каждое слово этого разговора Кубине пришлось повторять снова и снова, пока Герберт не выучил все наизусть. Марон открыл ему еще и многое другое. Он обрисовал ему подлинный характер Джекоба Джесюрона. Герберт и сам последнее время относился к своему патрону настороженно и недоверчиво, но теперь старый работорговец предстал перед ним во всей своей невообразимой гнусности. История принца Сингуеса, дотоле неизвестная Герберту, и все те события, которые развернулись перед ним в течение последних суток, окончательно убедили его, что Джесюрон — настоящий преступник. Хотя было ясно, что не касадоры убили судью, но не оставалось также сомнений, что они собирались его убить и только опоздали. Но и Кубина и Герберт были совершенно уверены, что в смерти судьи все-таки повинен Джесюрон. Нечего и говорить, что Герберт, еще не дослушав всех рассказов марона, твердо решил порвать всякие отношения со своим бывшим хозяином.

Более того, он поклялся, что страшное преступление работорговца не останется безнаказанным. Он потребует тщательного расследования всех обстоятельств безвременной кончины Лофтуса Вогана. Покойного решено было немедленно перенести в Горный Приют, чтобы власти могли тотчас начать расследование.

Как не похоже было теперешнее душевное состояние Герберта на то, с каким он впервые подъезжал к дому своего еще не знакомого родственника! Сейчас он был весь во власти столь противоречивых чувств, что их невозможно описать.

Глава СII ПОХИЩЕНИЕ

Глядя на освещенные окна зала, Чакра решил, что в Горном Приюте гости. Но он ошибся. С тех пор как там появился достойный мистер Смизи, в зале каждый вечер зажигали и люстру и все канделябры. Так распорядился сам хозяин дома, и приказ этот строго выполнялся и в его отсутствие.

Яркий свет играл на тщательно натертом полу, на полированных буфетах и столах, искрился в хрустале и серебре. Все выглядело богато и парадно. Однако посторонних в доме не было, если, конечно, не считать мистера Смизи. Но разве можно считать посторонним человека, на попечение которого хозяин оставил весь дом!

В великолепном зале находилось только двое: Смизи и сама юная хозяйка дома. Оба еще ничего не знали о страшном событии, не только сделавшем Кэт Воган круглой сиротой, но и лишившем ее всех прав на отцовское имущество. Смизи был во фракной паре, шелковых чулках и туфлях с серебряными пряжками. К концу дня он всегда облачался в вечерний туалет, неукоснительно следуя этому светскому обычаю, даже если в доме не было никого, кроме чернокожих слуг. Он соблюдал требования светского этикета столь же ревностно, как монах церковные обряды.

Смизи был в отличном расположении духа — острил и смеялся. Как ни странно, но Кэт в этот вечер была веселее обычного, чем, возможно, и объяснялось оживление Смизи.

Он не знал, почему уныние и печаль вдруг покинули Кэт Воган. Он был склонен объяснять эту перемену предвкушением радостного события, которое, несомненно, произойдет в ближайшие же дни. Через неделю, самое позднее — две, мистер Воган вернется, и тогда не будет больше никаких причин откладывать соединение замка Монтегю и Горного Приюта. Смизи даже начал высказывать свои соображения о подвенечном платье и о медовом месяце, который собирался провести в Лондоне. И сейчас, когда Кэт по его просьбе села за арфу, Смизи пустился в рассуждения о столь милой его сердцу опере.

Обычно разговоры на подобные темы неизбежно приводили к тому, что Кэт становилась еще печальнее. Но теперь, как ни странно, этого не случилось. Пальчики Кэт скользили по струнам, извлекая из них совсем не грустные мелодии. Дело в том, что юная красавица пропускала мимо ушей красноречивые разглагольствования Смизи. Мысли ее витали далеко, в сердце таились иные мечты...

Бедняжка не подозревала, что в это самое время в каких-нибудь пяти милях от дома несут на носилках безжизненное тело ее отца. Не чуяло ее сердце и того, что с другой стороны к дому все ближе и ближе подкрадываются безжалостные злодеи... Ничто не вызывало подозрений ни у нее, ни у Смизи, ни у слуг, находившихся в доме. Ни шороха, ни звука, и вдруг... Что это?

С дикими, нечеловеческими криками полдюжины страшных существ в черных масках ворвались в зал, и началось разграбление дома.

Один из разбойников, огромного роста, закутанный в кожаный плащ, не скрывающий, однако, уродливого горба на спине, сразу кинулся к прекрасной музыкантше и, отшвырнув в сторону арфу, схватил девушку за руку, прежде чем она успела вскочить со стула.

— Ага! — завопил он торжествуя.— Наконец ты у меня в руках! Столько лет я этого ждал! Твоя мать оттолкнула меня, но зато ее дочка станет моей женой! Идем!

Робкая, неуверенная попытка Смизи вмешаться привела лишь к тому, что он был отброшен на пол ударом огромной, обезьяньей руки.

Насмерть перепуганный щеголь больше уже не помышлял о сопротивлении. Кое-как поднявшись со скользкого паркета и не дожидаясь второго удара, он опрометью бросился в открытую дверь и понесся вниз по каменной лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу.

Не обращая внимания на окружающие богатства, Чакра со своей бесчувственной жертвой на руках выбежал вслед за Смизи, спустился с лестницы и нетерпеливо дожидался своих сообщников.

К этому времени испуганные крики разносились уже по всему дому. Со всех сторон сбегались слуги, но пара мушкетных и пистолетных выстрелов — и вся толпа слуг, среди которых находился и Томс, в мгновение ока рассеялась.

Весь дом оказался в руках грабителей. Им понадобилось всего несколько минут, чтобы распахнуть шкафы и буфеты и извлечь оттуда наиболее ценные вещи. Через четверть часа все было кончено.

Когда Адам и его товарищи, нагруженные добычей, стали спускаться вниз, Чакра, поручив свою пленницу охране одного из них и приказав остальным следовать за собой, снова бегом поднялся в зал. Оттоманки, диваны, кресла, арфа — все было свалено в кучу. Туда же были брошены сорванные с петель жалюзи. Затем все это подожгли. Сухое дерево мгновенно запылало. Еще несколько минут — и пламя объяло весь дом.

На красном фоне огня медленно и осторожно, стараясь укрыться в тени, двигались черные силуэты. Это уходили грабители, таща серебряную посуду, тускло поблескивающую в отсветах пожара.

А один из них, самый огромный и уродливый, нес в руках не вещи, а потерявшую сознание Кэт Воган.

Глава СIII

ВОРЫ! ГРАБИТЕЛИ! УБИЙЦЫ!

Похоронная процессия медленно двигалась по пустынной дороге. Вот показалась вершина Утеса Юмбо, позолоченная последними лучами заходящего солнца. Уже недалек и дом, который скоро станет домом скорби и печали.

У поворота дороги, где росло несколько гигантских деревьев с пышной кроной, кортеж остановился. Герберт и Кубина спешили. Остановились они не для того, чтобы дать отдохнуть носильщикам — это были люди сильные и выносливые, — но необходимо было обсудить, как сообщить дочери печальную весть о смерти отца.

Решено было выслать вперед гонца, чтобы он сперва предупредил обо всем управляющего, мистера Трэсти, а уж тот возьмет на себя заботу постепенно подготовить дочь.

Герберт сам бы поехал вперед, но деликатность заставила его отказаться от этого, и к управляющему был послан Плутон.

Получив точные указания, слуга вскочил на коня и понесся со всей скоростью, какую допускала наступившая темнота. Остальные, выждав около часа, чтобы дать ему время доехать до места назначения, медленно продолжали путь. Кубина теперь шел пешком, ведя под уздцы лошадь Герберта.

Захваченных касадоров, которые были связаны между собой, конвоировал теперь один Квэко. Для него это было несложной задачей. Он обвязал вокруг шеи одного из пленников — того, кто был к нему поближе, — крепкую веревку, и, таким образом, ни один не мог скрыться, воспользовавшись темнотой. Впрочем, они и не делали попытки сбежать, опасаясь тяжелой дубины Квэко.

Через некоторое время кортеж снова остановился, на этот раз потому, что впереди послышался все приближающийся стук подков. Кто-то во весь опор скакал навстречу. Кто мог это быть?

Это не Плутон. Ему велено остаться в поместье. Тогда кто же?

Тем не менее, когда всадник подъехал ближе и на всем скаку осадил лошадь, они узнали в нем своего посланца.

Задыхаясь и заикаясь от волнения, Плутон сообщил, что на дом напали воры, грабители и убийцы, что они все растащили, убили мистера Смизи, стреляли из ружей и пистолетов во всех, кто находился в доме, и схватили молодую хозяйку, мисс Воган. Все это Плутон разузнал от слуг, бросивших дом и попрятавшихся кто куда. А мистера Трэсти он даже не видел. Перепуганный страшными рассказами и выстрелами, которые он слышал собственными ушами, Плутон почел за благоразумие скакать назад, чтобы поскорее подоспела помощь.

Все это Плутон передал кое-как, впопыхах, сбивчиво, то и дело ахая и восклицая, но главное было ясно. Ужасные вести поразили, как громом, Герберта и Кубину.

Воры, грабители, убийцы! Мистер Смизи погиб, мисс Кэт в руках негодяев... А где же Йола?

— Квэко! — крикнул Кубина своему помощнику. — Труби в рог, созывай наших! Зови всех! В Горном Приюте беда. Скорее, скорее!

— Ну, — сказал Квэко, бросив веревку, связывавшую пленников, и поднося к губам рог, — если они на Ямайке, то я заставлю их меня услышать. А вы смотрите! — пригрозил он касадорам. — Только шелохнитесь — и я выпущу в ваши подлые шкуры пару пуль! Так что берегитесь!

Марон дунул в рог с такой силой, что его можно было слышать на милях вокруг. По горам раскатилось оглушительное эхо — казалось, оно докатится до противоположного конца острова. Во всяком случае, те, кому сигнал предназначался, его услышали, ибо не успели замереть последние отголоски, как со всех сторон раздались шесть ответных сигналов.

Кубина больше не стал ждать.

— Их придет шестеро. Этого достаточно. Ты, Квэко, оставайся здесь, жди, пока подойдут товарищи, и с ними вместе немедленно отправляйся в Горный Приют. Только смотри, чтобы не удрали эти два негодяя!

— А может, сразу всадить в них по пуле, а? Так оно будет спокойнее, — простодушно предложил Квэко.

— Нет, Квэко, веди их с собой. Мы передадим преступников в руки правосудия.

И начальник маронов вскочил на коня, на котором прискакал Плутон.

Герберт уже был в седле, и оба они, не теряя слов, понеслись что было духу вперед.

Глава CIV

СТРАШНЫЕ ДОГАДКИ

Молодые люди молча неслись вперед. Мысли и чувства их были сходны. Они боялись задать друг другу роковой вопрос, каждый страшась за участь любимой. Они нетерпеливо понукали коней, стремясь как можно скорее добраться до Горного Приюта.

Что, если они опоздают? Что, если...

Они летели, как ветер.

* * *

Они уже приближались к цепи холмов, отделявших поместье Вогана от замка Монтегю. Лес кончился, и в то же мгновение у Кубины вырвался крик; за ним вскрикнул и Герберт. Оба на всем скаку остановили коней.

Над вершинами холмов разливалось алое зарево.

— Пожар! — крикнул Кубина. — Горит дом судьи!

— Неужели мы опоздали? — воскликнул Герберт.

Не произнося больше ни слова, побуждаемые одним стремлением, молодые люди вновь погнали коней, взбираясь вверх по склону. Еще минута — и они достигли вершины холма. Оттуда все было видно как на ладони. Да, сомнений не оставалось: дом был объят пламенем!

Треск горящих бревен оповестил их об этом еще до того, как они увидели огонь. Дома больше не существовало. На том месте, где он стоял, бушевало и ревело пламя, огромными языками поднимаясь высоко к небу и выбрасывая снопы искр и черные клубы дыма.

— Опоздали! — в отчаянии прошептали Герберт и Кубина.

Исполненные страшных предчувствий, они, не разбирая дороги, скакали сломя голову вниз по крутому склону. Еще несколько секунд — и они приблизились к пожарищу настолько, насколько можно было заставить подойти измученных, выбившихся из сил коней.

Соскочив наземь, держа ружья наперевес, молодые люди подошли еще ближе. Здесь не было ни души. Они обогнули угол дома. И там пусто. Не обнаружили они никого и в саду. Никто не подал голоса. Ничего, кроме рева и свиста пламени.

Они метались по саду, несколько раз обежали вокруг пылающего дома, обшарили каждый укромный уголок в

саду, каждый куст, где мог бы притаиться друг или недруг. Но, сколько они ни искали, сколько ни звали, никто не отозвался.

Они умолкли и стояли, не зная, что предпринять.

Пожар, как видно, начался давно. Верхний, деревянный этаж уже догорал. Оставалось только каменное основание — первый этаж, заваленный дымящимися обугленными бревнами.

Кубина и Герберт бросились к хозяйственным постройкам. Там никого не оказалось, но они были целы. Очевидно, здесь грабители не побывали; вокруг царила тишина, казавшаяся особенно зловещей после оглушительного гула бушующего пламени. Тогда они побежали к негритянским хижинам. Уж конечно, там они разыщут хоть кого-нибудь, не все же в панике удрали куда глаза глядят...

Едва молодые люди свернули на тропинку, ведущую к негритянским хижинам, как перед ними прямо из кустов вынырнула черная, как уголь, фигурка. Герберт узнал старого знакомого. Это был Квеша.

— Масса Герберт! — завопил мальчуган. — Дом в огне! Все сгорели!

— Это мы и без тебя знаем. Кто его поджег? Ну? — нетерпеливо допрашивал мальчугана Кубина.

— Ты видел тех, кто поджигал дом? — взволнованно спросил и Герберт.

— Да, масса, видел. Квеша видел, как они все кинулись на лестницу.

— Да говори же, говори, не тяни! Кто они, как они выглядели?

— Ох, масса, это примчались сами дьяволы! Черные и в масках! Наши говорят, будто это мароны, но Черная Бетти сказала, что нет, что мароны не грабят, а что это разбойники, которые прячутся в горах. Они пришли, чтобы утащить...

— Что? Кого?.. Мисс Кэт? Да? Ну, отвечай же! Где она? Герберт задыхался от волнения.

— Йола? Где Йола? Ее ты видел? — прибавил Кубина.

— Не видел ни молодой мисс, ни Йола. Обе они были в зале, а Квеша туда не ходил. Квеша боялся, что разбойники его убьют. Квеша остался внизу и видел, что мистер Смизи бежал по лестнице. Ох, как он бежал! Скакал сразу через пять ступенек! И потом побежал под лестницу. Там и спрятался, наверное. Тут Квеша бросился наутек со всеми оставшимися. И мы спрятались в кустах. Масса Томс и дру-

гие слуги — те убежали в лес, и никто оттуда не вернулся.

— Неужели все это правда? — воскликнул Герберт, трепеща от ужаса. — И ты не видел молодой хозяйки? — снова обратился он к негритенку.

— И ее служанки Йолы? — добавил Кубина, также потрясенный рассказом Квэши.

— Да нет же, нет!.. Ой! — завопил он вдруг, указывая туда, где пылал огромный костер. — Ой, ой! Смотрите! Разбойники! Они еще не ушли!

Герберт и Кубина обернулись в сторону пожара и действительно увидели несколько темных фигур, бродящих возле горящего дома. От них ложились гигантские черные тени. Ни секунды не колеблясь, не помышляя об опасности, Герберт и Кубина бросились туда, готовые мстить, если даже для этого понадобится расстаться с жизнью.

Глава CV

СМИЗИ ЦЕЛ И НЕВРЕДИМ

Держа ружья наперевес, готовые немедленно пустить их в ход, Герберт и Кубина помчались к дому... И вдруг до их слуха, как сладкая музыка, донесся звук рога. Кубина сейчас же узнал сигнал Квэко. Подойдя ближе, они увидели и его самого и еще шестерых маронов.

Квэко оставил носилки с телом Лофтуса Вогана и обоих пленников на попечении двоих товарищей, а сам во главе своего маленького отряда поспешил вперед, полагая, что Кубине и Герберту может немедленно понадобится помощь. Она оказалась бы весьма кстати, если бы они столкнулись с врагами, но где враги? Где те, кто ограбил и поджег дом? Где мисс Кэт? Где Йола? Успели они убежать вместе со слугами или...

Нет, об этом страшно было даже подумать. Но и у Кубины и у Герберта мелькнула одна и та же мысль: что, если обе они погибли в пламени?

Молодые люди стояли молча, беспомощно глядя на разбушевавшуюся огненную стихию, уже почти превратившую великолепное здание в бесформенные дымящиеся обломки.

И вдруг неожиданно из темного угла под каменной лестницей раздался не то крик, не то стон... Квэко, схватив горящую головню, бросился на голос. Герберт и Кубина немедленно последовали за ним. Размахивая головней, как факелом, Квэко осветил темные своды под лестницей. И

глазам всех троих представилось зрелище, в другое время вызвавшее бы у них взрыв веселого хохота.

В углу стояла большая кадка, накрытая тяжелой крышкой с вырезанным в ней квадратным отверстием, через которое можно было черпать из кадки, не снимая крышки. И вот из этого самого отверстия на них глянула физиономия с усиками и бачками. И, хотя она была сплошь измазана не то дегтем, не то патокой, все трое немедленно узнали изысканного Смизи.

— Мистер Смизи! — крикнул подбежавший в эту минуту Квеша. — Я же говорил...

— Это я, друзья мои, это я! — перебило его смехотворное существо, сидящее в кадке. Смизи тотчас узнал своего прежнего спасителя Квэко. — Я укрылся от ужасных разбойников. Прошу вас, окажите любезность, поднимите крышку и помогите мне выбраться отсюда! Я уж начал биться, что утону. Я сижу в патоке!

С трудом подавив смех, Квэко, не теряя времени, снял крышку и извлек страдальца из сладкого, но тем не менее не особенно приятного плена. В кадке, куда залез Смизи не помня себя от страха, и в самом деле оказалась патока, и, пока над его головой разыгрывалась трагедия, он сидел, погрузившись по горло в липкую жижу. Вымазанный патокой с ног до головы, гордый владелец замка Монтегю являл собой еще более комичную и жалкую фигуру, чем в тот раз, когда Квэко выудил его из дупла. Великан-марон, припомнив эту сцену, не выдержал и расхохотался во все горло. К нему присоединился Квеша. Им не о чем было горевать.

Но Герберту и Кубине было не до смеха. Они закидали Смизи вопросами. Тот рассказал все, как было, не утаив, что со страху дал тягу, но пытался выгородить себя, добавив, что бросился бежать лишь после того, как его сшибли с ног. Что же еще оставалось делать? Противником его оказался настоящий великан сверхъестественной силы.

— Настоящее чудовище! — заключил свой рассказ Смизи. — С длинными руками и горбом — прямо как у верблюда, честное слово...

— А Кэт? Где Кэт? — нетерпеливо прервал его Герберт, с презрением глядя на щеголя.

— Ах да! Кэт, моя бедная Кэт! Боюсь, что разбойники похитили ее. Я слышал, как она кричала, когда ее тащили из дома по лестнице.

— Слава богу! — воскликнул Герберт. — Она жива!

Кубина не стал дожидаться дальнейших рассказов Сми-

зи. Упоминание о горбатом чудовище сразу все ему объяснило. Он выбежал из-под лестницы и затрубил в рог.

Заслышав сигнал, мароны, разбредшиеся по саду, немедленно окружили своего предводителя.

— За мной, товарищи, по следу! Я знаю теперь, какой дикий кабан поднял всю эту кутерьму! Я знаю, где его логово! Не пройдет и часа, как я заставлю его заплатить жизнью за все его преступления!

Глава CVI ПО СЛЕДУ ЗЛОДЕЯ

Отдав приказ следовать за собой, Кубина кинулся в сторону Утеса Юмбо. Он уже подходил к садовой калитке, но вдруг остановился как вкопанный. Среди тоски и отчаяния блеснул вдруг луч света. И не одно лишь его сердце радостно забилося. Вместе с маронами, которые пришли с Квэко, находился и тот, кто страдал едва ли менее Герберта и Кубины. Он тоже потерял близкого и родного человека — свою сестру, ради которой переплыл безбрежный океан, попал в рабство, был ограблен, клеймен, жестоко избит плетьюми, претерпел все муки унижения. Да, здесь был и молодой фулах, несчастный принц Сингуес.

Что же так обрадовало Кубину и принца?

Читатель, наверно, уже догадался. Кубина увидел свою возлюбленную, а принц — сестру: через калитку навстречу им шла Йола. Через секунду они уже обнимали ее.

Затаив дыхание они выслушали ее страшный рассказ. У Герберта сердце разрывалось от муки. Как ни краток был этот рассказ, он едва мог дослушать его до конца. Его терзали страх за любимую и жажда мести.

Йола находилась в соседней комнате, когда грабители ворвались в зал. Не думая об опасности, она бросилась туда. Как и мистера Смизи, ее сбили с ног, и она несколько минут лежала без сознания. Придя в себя, Йола увидела, что молодой госпожи в зале нет, а разбойники поджигают дом. Вдруг она услышала крик и узнала голос мисс Кэт. Вскочив на ноги, Йола проскользнула в открытую дверь и сбежала вниз по лестнице. Разбойники были слишком поглощены своим делом: кто тащил награбленное добро, кто поджигал дом. Они не заметили Йолы или просто не сочли нужным с ней возиться. Выбравшись из дома, она увидела, что ее госпожу уносит огромный горбатый урод. На нем бы-

ла маска, но Йола узнала его: это он разговаривал тогда в лесу со старым Джесюроном.

Здравый смысл подсказал Йоле, что она ничем не может помочь своей госпоже. Она решила идти тайком вслед за похитителем, чтобы потом, вернувшись в Горный Приют, указать дорогу тем, кто отправится на розыски мисс Кэт. Йола кралась за разбойником, ни на секунду не теряя его из виду. Темнота ей благоприятствовала. Снизу хорошо была видна идущая в гору тропинка, сама же Йола оставалась незамеченной. Так она дошла до какого-то ущелья, и тут, к ее полнейшему изумлению, похититель вместе со своей ношей вдруг словно сквозь землю провалился.

Йолу охватил суеверный страх, но она все же приблизилась к месту, где только что находился горбун. Страхи ее несколько улеглись, когда она увидела, что стоит на краю обрыва, а глубоко на дне ущелья блестит вода. Как ни темно было вокруг, Йола все же разглядела на крутом склоне уступы и поняла, что ничего сверхъестественного в исчезновении горбуна не было.

Йола не пошла дальше. Теперь она знала дорогу и повернула обратно, торопясь за помощью. Она думала о своем дорогом Кубине, об отважных маронах. Как жаль, что их нет здесь! И вдруг при свете пожара она увидела как раз тех, кто занимал ее мысли...

Дослушав Йолу, Кубина и его товарищи, не теряя ни минуты, двинулись по крутой гористой дороге, а девушка осталась возле дома, куда отовсюду начали сходитьсь разбежавшиеся слуги.

Кубине не требовался проводник: он уже знал, кто всему виной и где надо искать злодея. Кто бы ни был зачинщиком преступления, исполнение его было делом рук колдуна Чакры.

Глава CVII ПОЗДНО!

Как гончие по свежему следу, нетерпеливо рвались вперед преследователи. Словами не опишешь те муки, которые разрывали сердце Герберта. Ему не приходилось встречаться с Чакрой, но Кубина накануне рассказал ему о колдуне все, что знал сам. Неудивительно, что у Герберта кровь стыла в жилах при мысли о том, что Кэт попала в лапы подобного чудовища.

Кубина, хотя и несколько успокоился после встречи с Йолой, тем не менее горячо стремился настигнуть преступника и расправиться с ним по заслугам. Это чувство разделяли с ним все его товарищи. Все они видели, что молодой англичанин — друг Кубины, все они поэтому готовы были принять участие в спасении несчастной молодой девушки, о которой все они слышали только хорошее.

Наверно, никто и никогда не шел по этой тропе с такой быстротой. По счастью, луна уже взошла и освещала им дорогу. И вот уже — края обрыва и внизу Ущелье Дьявола. Они заглянули в темную пропасть, где надеялись найти похитителя и его жертву. Не мешкая, один за другим они проворно спустились вниз. Первым спускался Кубина, за ним Герберт, затем все остальные. Опытные охотники сохраняли полное молчание. Только уже очутившись внизу, Кубина не удержался от возгласа разочарования.

— Лодка! — шепнул он, указывая на почти скрытый густыми ветвями челн.

— Вижу, — ответил Герберт. — Но почему это тебя беспокоит?

— Значит, их здесь уже нет.

— Боже! — проговорил Герберт еле слышно. — Мы опоздали!

— Терпение, друг, терпение! Может, уплыл один Чакра или кто-нибудь из разбойников, который ему помогал и который собирается снова вернуться. Во всяком случае, надо обыскать все ущелье... Вы садитесь в лодку — в одежде ведь не поплывешь. Кладите оружие в челн, а сами — в воду и плывите как можно тише. Чтоб не было слышно всплесков, понимаете? Держитесь поближе к скале, в тени, и плывите прямо к тому берегу.

Не мешкая, мароны сложили оружие в лодку, передавая его из рук в руки. Кубина и Герберт сели в утлое суденышко, и марон начал грести. Челн неслышно заскользил в тени утеса. Вслед за ним плыли, держа над водой лишь голову и стараясь не шуметь, остальные охотники. Вот челн коснулся берега. Кубина выпрыгнул на сушу, знаком предлагая Герберту последовать его примеру. Почти тут же вышли из воды и их товарищи. Взяв ружья, все они двинулись к верхнему водопаду, с трудом пробираясь сквозь сплошной кустарник. Но заблудиться они не боялись: дорогу им указывал шум водопада. Кубина помнил, что хижина колдуна в той стороне.

Кусты поредели, идти стало легче, и маленький отряд ускорил шаг.

Вот они у цели. Прямо перед ними хижина. Сквозь ее открытую дверь виден огонь. Отсвет его падает на землю, которую покрывает тень могучего дерева, и тянется дальше, туда, где уже нет тени и земля вся посеребрена луной. При виде этого огонька в сердце Герберта затеплилась надежда. Значит, там кто-то есть!

Сделав остальным знак не выходить из-под прикрытия деревьев, предводитель маронов и Герберт крадутись, под защитой тени, подобрались к хижине.

Крик отчаяния сорвался с их губ, едва они заглянули в нее. Она была пуста!

Глава CVIII ТРУП КЭТ ВОГАН

Да, в храме Оби никого не было. Только по стенам корчили grimасы безобразные африканские божки. Тем не менее Кубина и Герберт бросились внутрь хижины. Мгновенно окинув взглядом все вокруг, они заметили, что здесь только что кто-то был. Об этом свидетельствовал зажженный светильник. Кто, кроме Чакры, мог сделать это? А зажжен он недавно — жира выгорело еще совсем немного.

Естественно было прийти к заключению, что здесь только что находился Чакра с похищенной им девушкой. Но почему колдун внезапно покинул такое надежное убежище? И он сделал это второпях, даже не успев погасить светильник. Куда он скрылся? Об этом Герберт в тоске спрашивал Кубину, но тот ничего не мог ему ответить. Он и сам недоумевал, куда девался старый колдун. Неужели покинул ущелье? Это как будто подтверждалось и тем, что лодка оказалась на противоположном берегу. Но зачем колдуну понадобилось уходить отсюда? Заметил, что его выследили, увидел Йолу, скользившую за ним легкой тенью, и, боясь, что его найдут, решил укрыться подальше от места своего преступления? Но почему он скрылся так поспешно, не погасив светильника, не захватив своих идолов? Как знать... может быть, он еще тут поблизости, а на лодке переправился его сообщник... Может быть, Чакра заметил их отряд, схватил свою жертву и спрятался где-нибудь в темной чаще деревьев...

Такое предположение казалось вполне вероятным. Кубина бросился вон из хижины и, подзвав знаком товари-

щей, велел им приготовить факелы и обшарить весь лесок. Квэко было приказано вернуться к лодке и караулить ее, чтобы отрезать врагу путь к тому берегу.

Пока мароны изготовляли факелы, их предводитель вместе с Гербертом принялись обыскивать все вокруг.

У самой воды, где деревья росли реже, луна давала достаточно света, и, когда Кубина подошел поближе к водопаду, в глаза ему бросился предмет, заставивший его невольно вскрикнуть. Над пенистой, бурлящей водой нависли угрюмые скалы, и на одной из них лежал какой-то белый предмет. Герберт тоже заметил его, и оба бросились туда. Белый шарф! Смятый и изорванный, как будто он свалился с плеч во время отчаянной борьбы. Они не знали, чей это шарф, но разве мудро было догадаться, кому он принадлежит? Кому, как не той, кого они здесь так безуспешно ищут!

Кубину заинтересовал не столько сам шарф, сколько место, где его нашли. Он лежал почти у самого подножия утеса, там, где поток свергается вниз. За сплошной стеной рушащейся воды был узкий уступ, по которому можно было пройти под водопадом. Кубина знал о существовании этого уступа. Ему не раз приходилось проходить по нему, когда во время охоты он забирался в ущелье. Он знал также, что под водопадом в скале есть большой грот. Шарф лежал неподалеку от грота. Это навело Кубину на мысль, что именно тут и укрылся Чакра. Очевидно, они испугнули колдуна, и он решил спрятаться в гроте, где, как он, наверно, полагал, его невозможно обнаружить.

Все эти догадки заняли у Кубины не более двух секунд. Он опрометью кинулся к хижине, схватил приготовленный его товарищами факел и побежал обратно к водопаду. Затем, знаком предложив Герберту и двоим маронам следовать за собой, Кубина скользнул под завесу стремительно падающей воды. Он действовал с крайней осторожностью. В гроте, кроме Чакры, могли быть и его сообщники. А Кубина знал, что разбойники будут защищаться до конца — ведь плен для них означал смерть.

Держа в одной руке мачете, а в другой факел, Кубина бесшумно подкрался ко входу в грот. Герберт не отставал от марона. Он держал ружье наготове, чтобы немедленно выстрелить, если враг окажет сопротивление. Освещая себе путь факелом, Кубина ворвался в грот, за ним Герберт. Пламя факела заиграло тысячами отсветов в бесчисленных

сверкающих сталактитах, и в первый момент вошедшие ничего не могли разобрать.

Но вот глаза их освоились с этим ослепительным блеском, и тут оба — и Кубина и Герберт — застыли на месте. Из груди каждого вырвался сдавленный крик. Они взглянули друг на друга с невыразимым отчаянием. На земле, посреди грота, между двумя огромными сталагмитами, лежала женщина в белом платье. Она лежала на спине, вытянувшись во весь рост, и совершенно неподвижно. Не к чему было всматриваться при свете факела в застывшее, бледное, как полотно, лицо — она была мертва, и это была Кэт Воган!

Глава СІХ СОННОЕ ЗЕЛЬЕ

Но где же был Чакра?

Убедившись, что дом Вогана объят пламенем, колдун схватил потерявшую сознание Кэт и постарался скорее скрыться. Очутившись за калиткой сада, он на ходу договорился с Адамом, что тот отнесет награбленную добычу в тайник среди гор, куда он позже явится за своей долей сам. Сейчас ему было не до дележа.

Адам не возражал, и вся шайка, взвалив на плечи узлы, направилась к себе — в далекие горы Трелони. А Чакра, словно тигр, который, убив добычу, тащит ее в свое логово, понес несчастную девушку в Ущелье Дьявола. Она уже не кричала, не звала на помощь: ужас парализовал ее. Она впала в забытие, похожее на смерть.

На свое счастье, она так и не пришла в себя, пока горбун тащил ее по лесной тропе, спускался с крутого обрыва и переправлялся в челноке через темное озеро. Она ничего не ощущала с той минуты, когда страшный урод схватил ее и понес по дороге, освещенной пламенем, пожиравшим дом, в котором она родилась и выросла. Кэт очнулась в трехстенной лачуге, где тусклое пламя маленького светильника озаряло хорошо знакомое ей лицо — лицо колдуна Чакры, жреца Оби. Старик снял маску и предстал теперь перед Кэт во всем своем безобразии.

Пытаться разжалобить его, звать на помощь?

Кэт поняла, что все будет напрасно. Ее охватил неопиваемый ужас. Сознание еще не полностью вернулось к ней, но она уже понимала, что все это не бред, не кошмарный сон, но беспощадная явь. Перед ней стоит Чакра, она слы-

шит его хрипый, насмешливый и торжествующий голос. Кэт попыталась подняться с бамбукового настила, куда положил ее колдун, когда она была в обмороке. Девушка не осмелилась вскочить на ноги. Она только приподнялась и так оцепенела, скованная безумным страхом.

А Чакра? К ее удивлению, он не угрожал ей — наоборот. Она с ужасом слышала, что он шепчет признания в любви. О боже! Это было страшнее угроз. Помертвев, Кэт почти не слышала того, что бормотал колдун.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта сцена, но в эту минуту снаружи раздался пронзительный свист.

— Это старый Джесюрон! — злобно прошипел колдун. — Что ему понадобилось среди ночи? Все разыскивает счетовода? У меня он его не найдет.

Свист повторился еще, и еще, и еще...

— Четыре сигнала. Что-то неладно... Надо идти. А ты, Лили Квашеба, не тревожься. Я еще вернусь. Может, к тому времени ты станешь добрей. Иди-ка сюда... Здесь я тебя не оставлю. Нельзя, чтоб тебя увидели.

Схватив Кэт за руку, он хотел было вытащить ее из хижины.

— Нет! — остановился он вдруг. — Нет, не годится. И старый Джесюрон не должен знать, что она здесь. Чего доброго, она еще прибежит обратно в хижину. Нет, надо ее связать, заткнуть ей рот, чтобы не вздумала кричать.

Не выпуская руки Кэт, колдун огляделся, ища, чем бы связать несчастную пленницу.

— Ха! — Его осенила другая мысль. — Зачем связывать, когда есть средство надежнее! Немного сонного зелья — и все. Она и не пикнет.

Свободной рукой он пошарил под кровлей и вытащил узкий закупоренный пузырек с темной жидкостью.

— Ну, мисс Кэт, — проговорил колдун, вытащив зубами пробку из пузырька и поднося его к губам обезумевшей от страха девушке, — хлебни-ка. Не бойся, вреда тебе не будет. Даже лучше станет. Ну, пей!

Бедная девушка инстинктивно отпрянула назад, но колдун схватил ее за волосы и, накрутив на свои костлявые пальцы роскошные шелковистые пряди, откинул ее голову. Сунув Кэт в губы горлышко пузырька, Чакра разжал ей зубы и заставил выпить часть его содержимого. Кэт покорно проглотила напиток. Даже если бы она знала, что это смертельный яд, она и тогда не в силах была бы оказать ни малейшего сопротивления.

Но в узком пузырьке была не отравка, хотя действие напитка весьма походило на действие яда, ибо Чакра заставил Кэт выпить сок калалуэ, то есть дал ей сильнейшее снотворное средство.

Уже через несколько секунд по лицу девушки разлилась смертельная бледность, по телу прошла мелкая дрожь, мускулы расслабились, и Кэт упала бы на пол, если бы колдун вовремя не подхватил ее. Казалось, не сон, а смерть сковала тело несчастной.

— Так...— проговорил колдун.— Теперь, моя красавица, ты будешь мирно спать, пока я тебя не разбуду. Поспи-ка на свежем воздухе — там тебя Джесюрон не заметит, а то еще, чего доброго, старый разбойник сам на тебя позарится.

Чакра поднял Кэт на руки и вынес ее из хижины.

У входа он остановился и огляделся, как будто ища, куда положить свою ношу. Луна уже поднялась над горизонтом, и ее бледные лучи проникли в мрачное ущелье. Неподалеку от хижины росло несколько низких кустов. Туда и направился было Чакра, но, взглянув на водопад, передумал. Ему пришло в голову другое.

Он подошел к самому подножию утеса, с которого свергался водопад, и, крепче охватив безжизненное тело девушки, шмыгнул за пенящуюся водяную лавину.

Через несколько секунд страшный горбун снова появился на берегу, но уже один. Услышав новый сигнал, колдун направился туда, где был привязан челнок.

Глава СХ

ЧАКРЕ ДАЮТ НОВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Едва выбравшись из ущелья, Чакра тут же увидел Джесюрона. Работорговец был в состоянии сильнейшего злобного возбуждения. Он метался среди деревьев, то и дело стуча зонтом оземь, и непрерывно восклицал:

— Ах, черт возьми! Черт возьми!

Он был просто сам не свой.

— Что еще стряслось, масса Джек? — Колдун подошел к Джесюрону.— Я слышал, вы четыре сигнала дали.

— Да-да! Дела из рук вон плохи. Что ты там копался столько времени?

— Спал, масса Джек.

— Спал? А как же это ты услышал все четыре сигнала?

Чакра несколько смутился:

— Да первый-то мне послышался как бы во сне, а от второго я проснулся. Когда вы в третий раз свистнули, я вскочил с постели. А уж когда в четвертый раз...

Джесюрену было не до подробностей. Он нетерпеливо прервал Чакру:

— Ладно, теперь не время болтать. Слушай, дом Вога на горит. Тебе это, полагаю, известно? Нечего и спрашивать, кто его поджег... Адам? Я знаю, он там побывал.

— Надо полагать, Адам приложил к этому руку.

— Да, Адам и еще кое-кто. Скажешь, нет? Но это меня не касается, и не за тем я сюда пришел. Есть дела похуже.

— Что еще за дела, масса Джек? — с притворным, а может быть, и с подлинным удивлением спросил колдун. — Счетовод так и не вернулся?

— А, это все пустяки! Надвигается настоящая беда. Мне грозит опасность.

— Что же такое случилось, масса Джек?

— Сперва скажи, где Адам. Мне необходим он и вся его шайка.

— Они вернулись в горы.

— Давно?.. Ты не мог бы их догнать?

— Идут они не с пустыми руками — значит, далеко не ушли. А зачем вам понадобился Адам, масса Джек?

— Дело идет о жизни и смерти. Черный Дик побывал в Горном Приюте и узнал там страшные новости. Туда прискакал гонец, и от него стало известно, что оба мои касадора схвачены. Захватили их марон Кубина и этот неблагодарный негодяй, Герберт Воган. Касадоров обвиняют в убийстве Лофтуса Вогана.

— А вам-то чем это грозит, масса Джек? Что тут для вас опасно?

— Что опасного? Неужели сам не видишь? Думаешь, если касадоров начнут допрашивать, они станут держать язык за зубами? Как бы не так! Они меня выдадут, и тогда меня арестуют, я полагаю! Зачем только поручил я этим тупоголовым скотам такое дело!

— Да, что верно, то верно, масса Джек. Оба они дурни.

— Ну, теперь поздно сожалеть о том, чего не поправишь. Надо принимать меры, чтобы предотвратить еще худшее. Слушай, Чакра, ступай догони Адама. И сейчас же, немедленно!

— Ладно, масса Джек. Уж постараюсь для вас — догону. А что ему сказать?

— Ничего не говори. Приведи его на Утес Юмбо. Я бу-

ду ждать вас там. Скорее же, Чакра! Беги, не жалея ног. Если не успеешь вернуться до рассвета, все будет потеряно. Беги же!

— Будьте спокойны, масса Джек. Я зря ни минуты не потеряю. Далеко он не ушел — мигом нагоню.

И Чакра уже направился было к Утесу Юмбо, как Джесюрон окликнул его:

— Постой! Я пойду с тобой вместе до утеса. Там и дождусь твоего возвращения. Домой идти мне нет смысла: все равно не засну, пока все не уладится. Слушай... пожалуй, ты все-таки скажи Адаму, для чего он мне нужен. Пускай идет прямо к Горному Приюту, а оттуда по дороге навстречу тем, кто сопровождает тело судьи. Только чтобы его никто не видел! А тогда пусть как хочет выручает моих касадоров! И сам иди с Адамом и его молодчиками, а то они сдуру могут только все дело испортить. И чтоб все были как следует вооружены! Носилки с трупом несут негры с плантации Мирная Равнина. Это ничего не значит: они мигом все разбегутся, как только вас завидят. Но с другими будет не так просто. Там Кубина и этот негодяй, Герберт Воган. Да еще громадина Квэко. И Плутон... Как, Чакра, справитесь вы с ними?

— Справимся!

— Вам надо напасть на них из засады.

— А если мы кого-нибудь из них подстрелим?

— А почему бы их просто не укокошить? Ведь надо ж быть такими дураками, чтобы попасться! Нет, Чакра, убивать их не следует. Они мне еще пригодятся. Посули Адаму щедрую награду. Я не поскуплюсь, только бы обстрипали мне это дельце чистенько.

— Ладно, масса Джек, положитесь на нас с Адамом. Мы не оплошаем.

И с этими словами Чакра зашагал за Джесюроном к Утесу Юмбо.

Глава СХІ СМЕРТЬ ИЛИ СОН?

Увидев мертвую, как он решил, Кэт, Герберт Воган в порыве горя издал душераздирающий вопль, бросил ружье и опустился на колени перед телом. Приподняв голову девушки и глядя в ее дивное даже в смерти лицо, Герберт прижался к нему и не переставая целовал холодные, бесчувственные губы, как будто надеясь жаром любви вернуть

ей жизнь. Он забыл о стоявших рядом темнокожих охотниках. Они же, из уважения к его горю, хранили полное молчание. Никто не проронил ни слова, ни звука. Только у Кубины вырвалось рыдание. Он оплакивал трагическую кончину только что обретенной сестры.

Не скоро смог Герберт оторваться от любимого лица, долго еще осыпал он его нежными поцелуями. В первый и последний раз целовал он эти губы. Факел Кубины почти догорел. И только тут, заметив, как замелькало угасающее пламя, Герберт опомнился и бережно опустил на землю голову Кэт. Поднявшись на ноги и слабо махнув рукой товарищам, он понуро зашагал к выходу.

Осторожно подняв девушку, мароны понесли ее к хижине и там положили на бамбуковый настил. Сами они из чувства деликатности тотчас вышли. Остались лишь Герберт и Кубина. Некоторое время оба молчали.

— Я не могу понять,— сказал наконец Кубина хриплым от волнения голосом,— что ее убило... Может быть, она умерла от страха, увидев Чакру?

У Герберта вырвался стон: говорить он не мог.

— Ведь на ее теле нет ран, нет следов ударов... Бедняжка! У нее на губах что-то запеклось, но это не кровь...

— Боже! — воскликнул Герберт, охваченный новым приступом горя.— В один день погибли оба — и отец и дочь! И оба пали жертвами злодеяния.

— И жертвами одного злодея,— добавил Кубина.— Готов поручиться: кто подстроил убийство судьи, тот так или иначе погубил и дочь. Чакра — только послушное оружие. Задумано было все это другим — и вы знаете кем.

Герберт не успел ничего ответить: дверь заслонила громадная фигура. Это Квэко, узнав про беду, поспешил сюда, как только один из товарищей сменил его на страже у лодки. Подавленные горем, Герберт и Кубина почти не обратили на него внимания.

Не дожидаясь приглашения, Квэко вошел и некоторое время стоял у настила, печально глядя на прелестные, неподвижные черты Кэт. Но вдруг выражение его лица начало меняться. С каждой секундой оно становилось все веселее и веселее. Как ни были поглощены горем Герберт и Кубина, они это наконец заметили. Их охватило негодование.

— Послушай, Квэко, — с упреком обратился к нему Кубина,— сейчас не место и не время предаваться веселью! Как можешь ты улыбаться, когда рядом с тобой люди в таком горе?

— Да, право же, Кубина, — весело ответил Квэко, — я не знаю, с чего это вы вздумали печалиться? Ведь не по судье же проливать слезы? Мы его уже давно оплакали.

Такой шуточный, легкомысленный ответ поверг Герберта и Кубину в изумление. Они во все глаза смотрели на Квэко. Что с ним? Не сошел ли он с ума?

— В присутствии смерти, — сказал Кубина, бросая уничтожающий взгляд на своего помощника, — тебе следовало бы оставить свои неуместные шутки и дурачества. Не пристало тебе...

— Смерти, говоришь? А кто же здесь умер?

От удивления они не могли вымолвить ни слова и только смотрели на Квэко.

— Если вы это насчет мисс Кэт, — продолжал Квэко, — то готов биться об заклад, что она так же мертва, как мы с вами. Умерла? Да она просто спит!

Герберт и Кубина вздрогнули. У них вырвалось невольное восклицание, в котором слышалась нотка надежды.

— У кого есть с собой зеркало? — деловито осведомился Квэко. — А, вот как раз то, что нам нужно! — добавил он тут же, когда на глаза ему попался кое-как приткнутый к стене осколок.

Он снял его и протер тряпицей.

— Видите? — обратился он к присутствующим. — На нем нет ни пятнышка.

Те только молча кивнули.

— А теперь, — сказал Квэко, — смотрите!

Приложив зеркало к холодным устам девушки, Квэко держал его так с минуту. Затем он поднес к свету и внимательно осмотрел его поверхность.

— Ну, что я говорил! — воскликнул он торжествующе. — Видите? Оно затуманилось!

И он показал слегка потускневшее зеркало.

— Теперь понятно? Она не умерла — она спит. А то как же могла она дышать?

Герберт и Кубина от волнения не могли раскрыть рта.

— А, вот оно что! — Квэко отбросил зеркало и схватил только что замеченный им валявшийся на полу пузырек. — Посмотрим, что там.

Он вытащил зубами пробку и поднес к своим широким ноздрям.

— Сонное зелье! Так я и думал. От него-то она и спит так крепко. Ну что ж, есть средство разбудить ее, надо только его поискать. Ручаюсь, оно где-нибудь запрятано

у колдуна. Только бы найти его — и через десять минут ваша покойница заговорит!

С этими словами Квэко принялся обшаривать лачугу, заглядывая во все многочисленные щели стен и кровли.

Герберт и Кубина стояли как зачарованные, не двигаясь с места, ни словом, ни жестом не вмешиваясь в действия Квэко. Затаив дыхание, они ждали, что будет дальше.

Глава СХІІ

КВЭКО В РОЛИ ЗНАХАРЯ

Трудно описать состояние Герберта. Переход от глубокого горя к радостной надежде был слишком внезапен.

Сомнений не оставалось — Кэт дышит, она жива! Еще не понимая, что могло вызвать этот загадочный, подобный смерти сон, он уже начал находить в словах Квэко ключ к этой тайне. На Квэко можно было положиться: он уже доказал, что понимает кое-что в знахарстве. Он ведь не только был помощником Кубины, но и выполнял среди маронов обязанности врача. Поэтому он знал многие приемы знахарей и колдунов.

— Жрец Оби заставил ее выпить сонного зелья — вот и все,— говорил Квэко, продолжая поиски.— Надо найти средство от дурмана. Хотя, в конце концов, она и сама придет в себя... А вот и то, что нам нужно!

В руках у него блеснул небольшой пузырек.

Квэко тут же откупорил его и понюхал налитую в него жидкость:

— Ну, да, это самое. Через десять минут она очнется, будет жива и весела, как птичка. Ну, мистер Воган, подержите-ка ее голову — я волюю ей в рот одну-две капли.

Герберт радостно повиновался. Квэко со всей осторожностью, на какую только были способны его толстые, грубые пальцы, приоткрыл побелевшие губы девушки, поднес к ним пузырек и влил в рот спящей несколько капель снадобья. Затем он поднес открытый пузырек к ее ноздрям и подержал его так немного. Потом стал растирать холодные ручки Кэт в своих широких, шершавых ладонях. Сердце Герберта бешено билось. Он переводил тревожный взгляд с лица спящей на лицо Квэко. Он не мог скрыть безумного волнения. Уверенный тон Квэко внушал ему надежду, но что если все же...

Не прошло и пяти минут, показавшихся Герберту часом, как девушка чуть слышно вздохнула. Герберт был больше

не в силах сдерживаться. Обезумев от счастья, он с криком бросился к любимой, называя ее по имени, и припал губами к ее губам.

— Осторожнее, мистер Воган,— остановил его Квэко.— Так она только дольше не проснется. Запаситесь терпением: пусть снадобье сделает свое дело. Не так уж долго этого ждать.

Герберт послушался совета и молча отошел в сторону, не сводя глаз с прекрасного, постепенно начинающего оживать лица.

Квэко не ошибся: снадобье не замедлило оказать надлежащее действие. Грудь девушки начала прерывисто вздыматься: дыхание восстанавливалось. Время от времени с уст Кэт срывался вздох, теперь уже ясно различимый. Она дышала все ровнее, губы начали слабо шептать. Шепот становился все явственнее, и вот Герберт с неописуемым восторгом услышал свое имя!

Забыв благоразумные советы Квэко, не в силах больше сдерживать бурную радость, Герберт снова запечатлел пылкий поцелуй на губах возлюбленной, лепеча слова любви и ободрения.

Его голос как будто разрушил последние остатки колдовских чар. Дрогнули длинные, изогнутые ресницы, и Кэт открыла глаза.

Сперва взгляд их был затуманен, как будто они глядели, но не видели, не узнавали... Но вот выражение их изменилось, в них затеплилась искра сознания, все ярче, все веселее... Кэт окончательно пришла в себя. И тут же она увидела перед собой того, о ком грезила.

Он не отрывал от нее взгляда — именно такого, какой ей только что снился, каким смотрел на нее однажды и наяву в тот незабываемый миг... Но теперь в этом взгляде не было уже ничего неясного, недосказанного, ибо не помнящий себя от счастья Герберт шептал ей нежные, страстные признания.

— Герберт! — воскликнула Кэт, как только вновь обрела дар речи.— Неужели это вы?.. Где я? Хотя все равно, раз вы со мной.

— Да, дорогая кузина, я с вами! Говорите, говорите же! Скажите мне, что вы действительно живы!

— Жива? Вы решили, что я умерла?.. Ах, я все вспомнила! Где этот страшный урод?.. Его здесь нет?.. Неужели я спасена? Кузен, это вы спасли меня от участи страшнее самой смерти!

— Нет, дорогая кузина, это не моя заслуга. Вот мужественный человек, которому мы оба обязаны вашим спасением.

— Кубина?.. А где Йола? Где она? Удалось ли ей спастись? О, какой это был ужас!..

— Кэт, дорогая, Йола невредима, но не вспоминайте сейчас о том, что было. Главное, вы живы и все опасности позади.

— Бедный отец! Если бы он знал... Чакра, страшный злодей Чакра жив...

Герберт молчал. Кубина вышел из хижины отдать какие-то распоряжения охотникам.

— Скажите, кузен, что это у вас в петлице? — спросила вдруг Кэт.— Да ведь это лента от моего кошелька! — Она дотронулась рукой до шелкового лоскута.— И вы не расставались с ней все это время?

— Ни на миг с того мгновения, как вы мне ее дали... О Кэт, наконец-то я могу сказать вам, что я люблю, люблю вас! Но я слышал... Нет, скажите мне сами, я хочу слышать это из ваших уст. Скажите, любите ли вы меня?

— О Герберт! Люблю, люблю!

Герберт поцеловал уста, произнесшие сладостное признание, и этот поцелуй навеки соединил два любящих сердца.

Глава СХIII НАПАДЕНИЕ

Но вернемся к Джесюрону, который решил подождать у подножия Утеса Юмбо возвращения Чакры и разбойников. Еще не дойдя до утеса, он отказался от своего первоначального намерения. Почему бы в отсутствие Чакры — он едва ли вернется скоро — не отправиться в Горный Приют, самому посмотреть, что там делается? И он договорился с Чакрой, что будет ждать его за садовой оградой усадьбы.

Они разошлись каждый в свою сторону. Джесюрон, однако, пошел не по дороге, а прямо через лес. Наверное, уже приняты меры к розыску преступников, а Джесюрон не имел ни малейшего желания встретиться с теми, кто отправился в погоню. Лесом идти, конечно, труднее, зато значительно безопаснее.

Зарево догорающего пожара указывало ему путь. Добравшись до калитки, он осторожно заглянул в сад. Дома

не существовало. На его месте дымилась груда развалин, а неподалеку, возле грубо сколоченных носилок, стоящих прямо на земле, толпились люди. На носилках лежал человек. Стоило взглянуть на его белое, как мел, лицо, на которое падали багрово-красные блики, чтобы сразу понять, что это покойник. В одном из стоящих рядом с носилками Джесюрон узнал управляющего мистера Трэсти. Остальные были негры — слуги и рабы с плантации. Несколько поодаль Джесюрон заметил вторую, совсем небольшую группу людей. Двое лежали на траве, и руки у них были крепко связаны. Темно-оливковые физиономии этих двоих были отлично знакомы Джесюрону. Как было не узнать ему собственных касадоров Мануэля и Андреса!

Их стерегли три негра. Одежда, оружие, независимый вид всех троих, стоявших на страже, говорили о том, что это не забытые, бесправные рабы. Это были мароны, которых Квэко оставил стеречь пленников.

Разглядев все это, Джесюрон вернулся назад, к условленному месту, где вскоре не замедлил появиться и Чакра вместе с шайкой разбойников. Ему удалось без особого труда нагнать Адама и его молодцов, потому что те устроили привал неподалеку от Утеса Юмбо.

Джесюрон рассказал Чакре и разбойникам обо всем виденном, и они пошли к садовой ограде. Решено было действовать немедленно, пока не подоспел Кубина и остальные мароны, очевидно отправившиеся на поиски грабителей. Негры с плантации сдадутся без боя, а с тремя маронами, охраняющими связанных касадоров, справиться будет нетрудно.

Прячась за кустами, разбойники, и с ними Чакра, стали ползком пробираться в сад. Грянули выстрелы. Негры и мистер Трэсти обратились в бегство, два марона упали, сраженные пулями. Оставалось только развязать пленников и всем вместе скрыться в горах, что и было сделано без промедления.

Добежав до Утеса Юмбо, Адам со своей шайкой повернул в горы, а Чакра, Джесюрон, Мануэль и Андрес отправились к Ущелью Дьявола. Джесюрон рассудил, что его касадорам до поры до времени следует оставаться в этом надежном месте, пока не представится удобный случай переправить их с Ямайки обратно на Кубу. Согласие Чакры на это пока еще получено не было. Для переговоров с ним Джесюрон и отправлялся в ущелье — уже вторично в эту ночь.

Глава СХІV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Только после полуночи влюбленные покинули Ущелье Дьявола. Герберт медлил расстаться с ним по ряду причин. Прежде всего он боялся возвращения в усадьбу, где перед Кэт должны будут раскрыться все ужасные происшествия минувшего дня. Какой удар для юного сердца, только что познавшего величайшее счастье взаимной любви! Он понимал, что рано или поздно придется сказать ей правду. Ему хотелось только как можно больше оттянуть минуту, когда придется все раскрыть. Необходимо подождать хотя бы, пока девушка несколько оправится после пережитых потрясений.

Вместе с Кубиной они решили отвести Кэт в дом мистера Трэсти. О том, что большой дом сгорел, ей уже было известно. Когда похититель нес ее по горной тропе, Кэт, раньше чем потерять сознание, успела увидеть зарево пожара. Ей покажется вполне естественным искать временного приюта в доме управляющего.

Ни Герберт, ни Кубина еще не знали, успела ли похоронная процессия дойти до усадьбы. Второпях Квэко не отдал никаких распоряжений ни носильщикам, ни маронам, оставшимся сторожить касадоров. Возможно, они все еще на дороге, ждут возвращения начальника. Если так, то, может быть, удастся проводить Кэт прямо к домику управляющего, и никто не успеет сообщить ей печальную весть. А когда она уже будет под кровлей мистера Трэсти, легко будет предупредить всех, чтобы никто не проговорился. Пусть Кэт пока останется в полном неведении о трагической смерти отца.

Обдумав все, Герберт и Кубина начали приводить свой план в исполнение.

Вместе с Кэт они стали выбираться из ущелья, медленно карабкаться по скалам. Квэко с остальными маронами остался в хижине. Им было поручено захватить Чакру. Кубина также остался бы с ними, но ему не терпелось поскорее увидеться с Йолой. Впрочем, он вполне полагался на своего ловкого и находчивого помощника и на храбрость остальных товарищей. Они отлично справятся и без него.

Покидая хижину, он почти не сомневался, что к утру, а то и раньше, колдун будет в их руках.

Кубина шел впереди, чтобы в случае опасности успеть предупредить Герберта и Кэт. Идти было легко — лунный свет озарял тропинку. Но молодая пара не спешила. Юная креолка опиралась на руку Герберта. Он весь трепетал от прикосновения этой мягкой, нежной ручки. А Кэт порой сильнее опиралась на его руку — не от слабости, но от желания выразить ему любовь и нежность.

Силы почти полностью вернулись к девушке. Действие сонного зелья кончилось, она оправилась и душевно, чему в значительной степени способствовало присутствие Герберта. Пережитый кошмар сменился вдруг величайшим счастьем и душевным покоем. Герберт любит ее! В этом он успел заверить ее уже не один раз на протяжении последнего часа, и Кэт без утайки, без пустого кокетства, доверчиво и чистосердечно призналась ему в безграничной любви.

Но ведь она дала обещание другому! Герберт осторожно спросил ее: правда ли, что, как он слышал, она дала согласие на брак с мистером Смизи?

Опустив глаза, девушка некоторое время молчала. Пальчики, лежавшие на его руке, вздрогнули, выдавая мучительную внутреннюю борьбу. Но вот лицо ее приняло решительное выражение, и она ответила тихо, но твердо:

— Да, Герберт, я дала обещание. Его вырвали у меня в минуту глубокого отчаяния. Я думала, что ты меня не любишь... До меня дошли слухи, что ты собираешься жениться на другой... О, Герберт, я не по доброй воле дала это обещание, поверь мне! Меня вынудили угрозами и мольбами...

— В таком случае, данное тобой слово тебя не связывает! — с жаром прервал ее Герберт. — Ты не давала клятвы? Вы не обручены? Хотя и в этом случае...

Кровь прилила к щекам девушки, глаза ее сверкнули.

— Да, ты прав: даже и в этом случае! — воскликнула она пылко. — Я не давала клятв. Но как бы то ни было, после того, что произошло сегодня ночью, когда он покинул меня в минуту опасности, я считаю себя свободной. Нет-нет, я ни за что не выйду за него замуж! Никакая клятва не заставит меня стать женой труса! Пусть отец исполнит свою угрозу и лишит меня наследства, пусть! Конечно, он так и поступит, как только вернется домой. Но лучше умереть, чем навеки связать свою жизнь с жалким трусом!

Герберт молчал, не зная, что сказать. Ведь теперь Лофтус Воган уже не сможет привести в исполнение свои угрозы. Но как сказать ей правду? Сказать, что теперь она

сама полновластная хозяйка Горного Приюта? Нет, еще рано. Надо подождать.

Задумчивость и некоторое смущение Герберта навели Кэт на неприятные предположения.

— Скажи, Герберт, — спросила она, — ты сердишься на меня? Ты осуждаешь меня?

— Нет-нет, что ты! — с жаром заверил ее Герберт. — Поведение этого субъекта освобождает тебя от всяких обязательств по отношению к нему. Я не об этом сейчас думаю...

— О чем же, Герберт?

Она с тревогой заглянула ему в глаза. Герберт растерялся, не зная, что ответить. Его молчание вызвало у Кэт еще большее беспокойство. Ее мучили сомнения, и, не дождавись ответа, прерывающимся от волнения голосом она спросила:

— Может быть, ты сам связан обещанием?

— Я? Каким обещанием? Кому?

— Ах, Герберт, не вынуждай меня произносить ее имя! Ты знаешь, о ком я говорю.

Этот вопрос вывел Герберта из затруднения. Он рассмеялся:

— Кажется, я догадываюсь, кого ты имеешь в виду. Обещание ей? Уверяю тебя, я не давал решительно никаких обещаний. Хотя послушай, Кэт... Раз ты с полной откровенностью призналась мне во всем, я тоже не стану ничего утаивать о моих отношениях с той, которую ты не пожелала назвать по имени. Поверь, никакой любви тут не было — во всяком случае, с моей стороны. Но, должен признаться, уязвленный твоей холодностью и введенный в заблуждение слухами, которые, по счастью, оказались пустыми сплетнями, я чуть было не произнес слов, в которых потом, конечно, раскаивался бы всю жизнь. Благодарение богу, случайные обстоятельства спасли меня, спасли нас обоих! Правда, Кэт?

— Я так счастлива, Герберт! Значит, мы теперь никогда не расстанемся, мы будем вместе всю жизнь! — воскликнула Кэт.

— Кэт, дорогая, мое сердце бьется только для тебя! — ответил Герберт. — Но смею ли я предложить тебе руку? Ты богата, а я нищий, у которого нет даже крова над головой!

— Увы, Герберт, ты многого не знаешь. Будь я в десять раз богаче, я все равно дала бы тебе свое согласие. Но на

самом деле я, вероятно, так же бедна, как и ты. Я ничего от тебя не скрою. Знай же: моя мать была квартиронкой, и поэтому я не считаюсь белой и не имею права наследовать имущество отца иначе, как только по особому завещанию. И при этом еще необходима санкция судебной палаты. Именно для этого отец и отправился в Саванну и Кингстон. Но теперь все это не имеет для меня никакого значения. Ведь так или иначе он лишит меня наследства, потому что я ни за что не пойду замуж за человека, которого он избрал мне в мужья. Ни за что!

— Ах, Кэт,— сказал Герберт, глубоко растроганный ее твердым, непреклонным тоном, — если ты согласна стать моей женой, мне не нужны никакие богатства! Твое сердце — вот клад, которого я ищу. Пусть мы оба бедны. Я молод, я могу работать. Я буду стараться изо всех сил. У нас найдутся друзья, нам помогут. Да мы и без них справимся! Только скажи: ты моя?

— Твоя, Герберт, и на всю жизнь!

Глава СХV СИРОТА

Сердечные излияния влюбленных были внезапно прерваны. Тишину ночи нарушили тревожные крики. Путники уже подошли близко к усадьбе и сквозь листву растущих вдоль тропинки кустов давно уже видели багровые языки время от времени вспыхивающего пламени, слышали, как с треском рушатся обгоревшие бревна, различали отдаленный гул спокойных голосов... И вдруг — крики мужчин, отчаянные вопли женщин, выстрелы!

Кубина обернулся, во взгляде его была тревога.

— Что случилось? — с не меньшей тревогой спросил Герберт.

— Вернулись разбойники, но не понимаю почему... Я узнаю голос их главаря... А, черт бы его побрал! Сегодня же ночью заткну ему глотку!.. Но кто это еще так мерзко и пронзительно кричит? Клянусь, это Чакра, старый колдун!

— Но чего ради они вернулись! Ведь они забрали все ценное имущество. Ничего не осталось...

— Нет, осталось! — воскликнул вдруг Кубина. — Они вернулись за Йолой.

Он готов был уже броситься вперед, но какая-то мысль на мгновение удержала его.

— Мистер Воган! — воскликнул он умоляюще. — Я помог вам спасти ту, кто вам дорог. Теперь в опасности девушка, которую люблю я.

Герберта не надо было упрашивать: он уже стоял рядом с Кубиной, готовый на все.

— Герберт! — воскликнула перепуганная Кэт. — Не ходи, заклинаю тебя! Ведь это так опасно! Не покидай меня!

Кубина пожалел, что стал просить Герберта о помощи:

— В самом деле, пожалуй, вам лучше остаться здесь. — Он сказал это серьезно, без тени обиды. — Ваша жизнь теперь принадлежит не вам одному. Я сразу не подумал об этом, мистер Воган...

— Я был бы недостоин ее любви, если бы покинул товарища в беде. Нет, Кубина, я вас не оставляю... Кэт, дорогая, ведь Йоле, которой мы оба с тобой так многим обязаны, грозит опасность. Если бы не она, я не знал бы, что ты меня любишь, и тогда бы мы...

— Йоле грозит опасность? — Эта мысль заставила Кэт наполовину забыть свой страх за любимого. — Да, Герберт, иди, но только позволь и мне быть с тобой рядом. Я умру, если ты не вернешься! Да, я не переживу тебя! Герберт, прошу тебя, не оставляй меня здесь!

— Но ведь я сейчас же вернусь, Кэт! Очень, очень скоро! Не бойся. Кубина и я справимся с целым десятком этих негодяев. Ты не успеешь и до ста сосчитать, как мы вернемся. Спрячься пока в этих кустах и жди нас. Я тебя окликну. Здесь ты будешь в безопасности. Ради бога, молчи и не двигайся, пока не услышишь, что я тебя зову!

Герберт отвел девушку в чащу и, запечатлев на лбу любимой быстрый поцелуй, вместе с другом побежал туда, откуда доносились крики и выстрелы.

Через несколько секунд они очутились у ограды, вбежали в сад...

Но странно: крики, вопли, ружейные залпы — все вдруг прекратилось, как по мановению волшебной палочки.

Они добежали до пожарища. Никого!.. Но тут же при свете луны глазам их представилось леденящее кровь зрелище.

На земле стояли носилки с мертвым судьей, а возле лежало еще три мертвеца. Это были мароны, охранявшие пленников.

Но где же пленники?.. Убежали? Скрылись?

В мгновение ока Кубина понял все, понял, какая трагедия разыгралась здесь. Острый взгляд его тотчас заметил

валявшиеся в траве обрывки лиан. Разбойники вернулись, чтобы освободить касадоров.

Это сразу несколько успокоило Кубину. Значит, им была нужна не Йола.

Герберт и Кубина уже готовы были вернуться обратно к поджидавшей их в лесу Кэт... Но они еще не знали, какой смелой и даже безрассудной бывает подлинная любовь.

Едва они повернулись к лесу, как увидели на горе тонкую фигурку в белом. Она бежала так легко, что казалось, будто летит быстрокрылая чайка. Это Кэт покинула убежище в лесу и кинулась вперед, стремясь разделить опасность с тем, кто был ей дороже всех на свете.

Они не успели остановить ее — она вбежала в сад и радостно кинулась к ним, счастливая, что возлюбленный ее жив и невредим... И тут же из груди Кэт вырвался душераздирающий крик — она увидела на носилках неподвижное тело отца...

Глава СХVI

НЕЧАЯННОЕ САМОУБИЙСТВО

Кэт, не помня себя от горя, упала на колени перед трупом отца. Она целовала холодные, немые уста, она горько рыдала. Лицо покойного было открыто, но на тело был брошен камлотовый плащ: хотя и бескровные, раны были скрыты от взоров дочери. Она не доискивалась причины смерти отца. Изможденное, исхудалое лицо напоминало Кэт о тяжелой болезни, которой он последнее время страдал. «Она и убила его», — решила Кэт, и Герберт не пытался ее разубеждать. Сейчас не время было вдаваться в подробности. Самый тяжкий удар уже обрушился на Кэт: она узнала, что осиротела. К чему еще сильнее растравлять ее боль?

Не тратя слов на праздные и бесполезные утешения, Герберт обнял девушку за талию, бережно поднял ее с земли и отвел в сад.

Догоравшие бревна бросали все еще довольно сильный свет на дорожку к павильону и на самый павильон, который пламя пощадило. Сюда и повел Герберт убитую горем девушку. Он посадил ее на бамбуковый диванчик и сам сел рядом на стуле.

Вскоре в павильон вбежала Йола. Верная служанка устроилась у ног своей госпожи и смотрела на нее, не отрываясь, любящим и преданным взглядом. Кубина отправился на поиски управляющего и тех из домашней челяди, кто,

может быть, спрятался неподалеку. Ему следовало бы соблюдать большую осторожность, памятуя, как внезапно было вторичное нападение разбойников. Но он не боялся: он был уверен, что на этот раз они явились только затем, чтобы вызволить касадоров. Это им удалось, и уж больше они, конечно, не вернутся.

Казалось, кроме трех человек в павильоне, кругом не было ни души. Возвращение разбойников напугало всех еще сильнее, чем их первое появление. Все обитатели усадьбы, и белые и чернокожие, снова разбежались и попрятались. Белые — управляющий и надсмотрщики, — вообразив, что это восстание рабов, ускакали в Монтего-Бей. Среди этих объятых паникой беглецов — вернее, не среди, а впереди них — был недавний почетный гость Горного Приюта, неизвестный нам мистер Монтегю Смизи.

Когда те, кто обнаружил его в кадке с патокой, ушли и Смизи остался один, он со всех ног кинулся к конюшне и с помощью Квеша оседлал лошадь. Даже не смыв с себя налипшую патоку, наш герой вскочил на коня и понесся галопом в порт, чтобы с первым же отходящим кораблем вернуться в любезную его сердцу столицу. Нет, с него достаточно! Он сыт по горло Ямайкой, ее «прелестными креолочками» и в особенности «ужасными черномазыми»!

Кубина вернулся вместе с Квеша, единственным, кого ему удалось найти. Мальчишка, как и в тот раз, выскочил к нему навстречу откуда-то из-за кустов. От него он и узнал, что Смизи покинул Горный Приют. Кубина сообщил эту приятную весть остальным, но они не обратили на нее внимания. Когда-то богатый владелец замка Монтегю вызывал жгучую ревность в сердце Герберта Вогана и играл немаловажную роль в жизни Кэт, но сейчас о нем все уже забыли.

Но никто не подозревал, что неподалеку таится враг гораздо страшнее безобидного Смизи. Едва Кубина покинул павильон, — он пошел туда, где лежали его погибшие товарищи, — как в калитку проскользнула темная фигура. Осторожно крадучись, она стала пробираться к павильону. Несмотря на широкий плащ, легко было догадаться, что это женщина.

В ту минуту, как женщина в плаще приблизилась к павильону, от рухнувшего бревна на пожарище взвился снап искр, осветив не только внутренность павильона, но и порядочное пространство вокруг него. Огонь осветил лицо, кото-

рое было бы прекрасным, если бы его не искажала отвратительная ярость,— лицо Юдифи Джесюрон.

Стоит ли объяснять, как и почему она очутилась здесь! Пламя ревности сжигало ее сердце. Она украдкой заглянула в павильон. То, что она там увидела, не способствовало умиротворению ее мятущейся души. Она пришла в исступление и уже не помнила себя от бешенства.

Она увидела свою соперницу. Кэт сидела на диванчике, а подле, совсем рядом,— Герберт Воган. Он ласково обнимал кузину за талию.

Всякий, взглянувший на эту нежную пару, не усомнился бы, что их связывают узы нежной взаимной любви. Юдифи не потребовалось много времени, чтобы прийти к этому выводу, ей не нужны были никакие объяснения. Все было ясно. Даже не заметив Йолу, караулившую вход в павильон, Юдифь одним прыжком очутилась возле влюбленных.

— Предатель, изменник, негодяй! — вскричала она, кипя яростью и обидой.— Ты обманул меня...

— Неправда! — перебил ее Герберт. Он вскочил на ноги, опомнившись от неожиданности.— Неправда! Я никогда не имел ни малейших намерений...

— Ах, вот как! — Ярость Юдифи достигла предела.— Каких же намерений?

— Я не собирался жениться на вас, я не давал вам никаких обещаний.

— Ложь! — закричала Юдифь.— Но все равно — раз ты отверг меня, то и она тебе не достанется!

Обезумевшая от ревности женщина сунула руку под плащ и выхватила оттуда что-то блестящее, отливающее серебром. Это был небольшой пистолет с рукояткой из слоновой кости — небольшой, но вполне достаточный для того, чтобы с его помощью убить человека. Юдифь подняла пистолет и направила его... нет, не на Герберта Вогана, а на свою счастливую соперницу!

Грянул выстрел. Павильон наполнился дымом.

Когда дым рассеялся, то все увидели, что на полу в предсмертных судорогах лежит женщина.

Еще мгновение — и все было кончено. Она была убита наповал...

Но на полу лежала не Кэт Воган, а Юдифь Джесюрон.

Все случилось так благодаря вмешательству Йолы. Поняв, что госпоже ее грозит неминуемая гибель, Йола быстрее молнии кинулась к Юдифи Джесюрон и успела отвести ее руку, совершенно непреднамеренно направив дуло на ту,

кто замышлял убийство. Юдифь Джесюрон нечаянно покончила с собой.

Глава СХVII КВЭКО В ЗАСАДЕ

Покидая Ущелье Дьявола, начальник маронов отдал своему помощнику точные распоряжения относительно помимки Чакры. Теперь все уже были уверены, что колдуна в ущелье нет. Были осмотрены все кусты и даже деревья, куда мог бы забраться человек. Ничего. Чакры и след простыл. Но никто не знал, куда он скрылся. Искать его ночью в непролазных лесных зарослях было бы пустой тратой времени. Здравый смысл подсказывал другое. Надо устроить в ущелье засаду и ждать, пока колдун вернется.

Квэко и остальные мароны спрятались в надежных укрытиях. Кубина уже сообразил, что они допустили ошибку, обыскивая ущелье. Ведь Чакра все это время мог находиться наверху, на краю обрыва, и оттуда заметить свет их факелов. Если так, то нечего и думать, что он вернется этой ночью к себе, как бы ни жалел он об оставленной там добыче.

Кубина сильно сокрушался и считал, что поймать Чакру совершенно необходимо. В конце концов, Чакра мог не заметить факелов. Может быть, он все это время находился совсем в другом месте, далеко отсюда, и теперь скоро приползет к себе в нору. Разве мог он надолго оставить свою прекрасную пленницу!

Кубина сам разработал план засады. Квэко и несколько его товарищей спрятались за высоким деревом, к которому Чакра обыкновенно привязывал челн. Остальные забрались на самое дерево, чтобы оттуда прыгнуть на колдуна, как только тот приблизится к лодке. А лодку они опять переправили к скале и поставили точно так же, как ее оставил колдун, чтобы у него не возникло ни малейшего подозрения, что ее трогали в его отсутствие. Окончив все эти приготовления, мароны, и среди них Сингуес, не сводя глаз с обрыва, стали терпеливо ждать в своей засаде появления колдуна.

Все держали оружие наготове, но в их планы вовсе не входило убивать Чакру. Напротив, Кубина отдал распоряжение во что бы то ни стало захватить его живым. Пусть он преступник, но они не вправе сами вершить над ним суд. Кроме того, они были уверены, что Чакра все равно понесет наказание по заслугам и что ему не миновать смертного приговора. Но оружие могло им понадобится в том случае, если Чакра вернется не один, а с кем-нибудь из шай-

ки Адама. Тогда не избежать кровопролитной схватки.

Отряд охотников разделился надвое: половина сторожила, другие легли спать. Квэко также прилег отдохнуть. Вот уже двое суток, как он не смыкал глаз. Но он не успел улечься, как тут же уснул. Из широких ноздрей лесного охотника раздался такой могучий храп, что, если бы не заглушавший его рев водопада, он неминуемо выдал бы Чакре место засадки еще до того, как колдун подошел бы к лодке. По счастью, рев воды полностью заглушал трубные звуки храпа, и товарищи не тревожили Квэко, предоставив ему храпеть сколько душе угодно.

Глава СХVIII ПРИГОВОР СУДЬБЫ

Так, похрапывая, Квэко проспал почти до рассвета. Чакра все не появлялся. Но едва заря позолотила верхушки деревьев, как наверху, как раз над спуском к лодке, появилась темная фигура, а за ней другая, третья, четвертая. Все четверо некоторое время стояли совершенно неподвижно. Может быть, они переговаривались, но голоса их заглушал шум водопада. Но вот тот, кто появился первым, начал спускаться с утеса. За ним последовали другие.

Сингуес уже тряс за плечи спящего Квэко. Остальные мароны тоже были разбужены. Заметив многочисленность врага, все схватились за оружие. Уже забрезжил рассвет, но разглядеть тех, кто спускался в ущелье, было невозможно. Только когда двое, спустившиеся первыми, сели в лодку и поплыли, Квэко узнал, кто пробирается в убежище Чакры.

— Слушай,— шепнул он Сингуесу,— один из них сам Чакра, а вот кто другой? Если глаза меня не обманывают, это твой старый приятель, Джесюрон.

Но фулах уже узнал своего мучителя. Все издевательства и унижения, которые ему пришлось перенести, вспыхнули в его памяти с новой силой. Его охватила жгучая, неутолимая жажда мести. Прежде чем Квэко успел удержать его, фулах с пронзительным, гневным криком прицелился и выстрелил.

Молодой африканец был метким стрелком, и если бы не Квэко, успевший толкнуть ружье, Джекоб Джесюрон простился бы с жизнью. Впрочем, часы его и так были сочтены. Когда рассеялся дым, оказалось, что ни один из сидевших в лодке не ранен, но выстрел все же не пропал даром. Пуля

вышибла весло из рук Чакры, и оно быстро несло по воде, увлекаемое течением.

Чакра издал вопль ужаса. Он один понимал, какая им грозит опасность, он один знал, что водоворот неминуемо поглотит и челн и их обоих. Не медля ни секунды, он опустился на колени и, сильно перегнувшись вперед, стал ожесточенно грести огромными ладонями. Он пытался вывести лодку из течения.

Это продолжалось несколько минут. Лодка держалась на одном месте, не двигаясь ни назад, ни вперед. За это время успели спуститься вниз двое других пришельцев. Они бросились к берегу, очевидно привлеченные тем, что происходило на озере. И тут их узнал тот, кто давно хотел свести с ними счеты.

— Это негодяи-испанцы! — крикнул Квэко, увидев своих недавних пленников. — Они бежали! Стреляйте в них, друзья! Не дайте им удрать от нас вторично!

Громовой голос Квэко, покрывший все остальные звуки, сразу был услышан обоими касадорами. Они кинулись обратно к скале и стали карабкаться по ней проворно, как обезьяны. Но было поздно: они не достигли и середины склона, как щелкнуло сразу несколько курков, и тела преступников одно за другим с тяжелым всплеском рухнули в воду.

А Чакра все боролся с потоком — не на жизнь, а на смерть. Он силился повернуть лодку против течения, но ее относило к стремнине. Мароны перезаряжали ружья и на минуту забыли про колдуна, предоставив его собственной участи. Даже злейшие враги Чакры пожелали бы ему, чтобы поскорее кончилась эта безнадежная борьба. Но Чакра все не сдавался. А тот, кто сидел с ним рядом, оцепенел от страха, уже поняв, что его ждет.

Кто победит — железные мускулы Чакры или силы потока? Одно мгновение чаши весов колебались, но вот человек начал слабеть, а мощь воды не убывала. Победа должна была остаться за стихией. И Чакра понял это. Он бросил вокруг безумные, дикие взгляды. И вдруг он как будто что-то придумал... Ему померещилась надежда на спасение. Он бросил всякие попытки остановить лодку, а вместо этого внезапно обернулся и наклонился к Джесюрону, словно шепча ему что-то на ухо... Но нет, он задумал другое!

Быстрым движением схватил он Джесюрона. Длинные руки колдуна, словно гигантские паучьи лапы, обвились жертву. Невероятным напряжением мускулов Чакра поднял

Джесюрона высоко в воздух и швырнул его за борт. Громкий крик — и Джекоб Джесюрон исчез в темных водах озера. На поверхности его остались только зонт и шляпа старика, быстро увлекаемые потоком.

Голова Джесюрона показалась над водой, но спасения ждать было неоткуда. Единственным утешением ему могло послужить лишь то, что его вероломный сообщник не замедлит последовать за ним. Освободив челн от лишнего груза, Чакра надеялся выбраться из потока, но расчеты его не оправдались. Борясь с Джесюроном, он потерял драгоценное время. Лодка попала в водоворот. Теперь даже с помощью весел было бы невозможно из него выбраться. В несколько секунд лодка оказалась у самой стремнины и с быстротой стрелы понеслась вниз.

В последнем отчаянном усилии Чакра успел уцепиться за куст, росший у самого края водопада. Куст тут же вырвало с корнем, и в следующее мгновение и колдун и лодка вслед за Джесюроном сверглись с высоты в сто футов на черные острые скалы.

Глава СХІХ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот, кто взглянул бы на усаженную пальмами и тамириндами аллею на следующее утро после описанных трагических событий, увидел бы в конце ее груды черных, обугленных и еще дымящихся развалин. Но, если бы он оказался там ровно через год в такое же ясное утро, взору его представилось бы гораздо более отрадное зрелище. Он увидел бы опять сверкающие на солнце белые стены и веселые, зеленые жалюзи, как будто дом, словно феникс, вновь возник из пепла. Во всех своих деталях новый дом представлял собой точную копию прежнего. Снаружи все выглядело в точности так же, как когда-то. Но внутренние перемены были значительны. Сменились некоторые его обитатели. Вместо краснолицего и грубоватого сорокалетнего толстяка появился новый хозяин — очень еще молодой человек такой благородной наружности и столь же благородных манер, что он был вполне достоин владеть этим прекрасным домом.

А рядом с ним — о, всегда рядом с ним! — юная красавица. Это дочь прежнего и жена нового владельца. Она даже сохранила девичью фамилию, только теперь она уже не мисс, а миссис Воган.

В это утро молодая пара сидит в просторном зале, где

пол так навощен и гладок и где так блестит полированная мебель. Сейчас время завтрака, когда можно ожидать прибытия почты. Но никто не ждет почтальона. Какое дело счастливой влюбленной паре до того, что творится на белом свете! Что интересного может принести им почта? Но почтальону безразлично, ждут его или нет. Одинаково равнодушно идет он к мрачным и веселым, несет радость скорбящим или горе тем, кто только что пребывал в беспечной радости.

Молодые супруги нежно смотрят в глаза друг другу и не видят, что по длинной аллее к дому движется всадник. Впрочем, если бы они его заметили, то не выразили бы никакого удивления. Ведь это всего-навсего возвращался из города Квеша на своей кляче.

Читатель, может быть, уже насторожился, опасаясь, не везет ли Квеша в перекинутой через плечо сумке послание, содержащее черные вести. Опасения эти напрасны. Он действительно везет письмо, но в нем нет ничего, сулящего беды.

Вот письмо передано в руки адресата. Оно долго пролежало бы нераспечатанным, если бы не совсем обычный штемпель на конверте. Оно из Африки, из порта в устье Гамбии, и адресовано: «Герберту Вогану, эксвайру, Горный Приют, Ямайка». Герберт вскрывает конверт и быстро просматривает письмо.

— Это от твоего брата Кубины, дорогая,— говорит он жене.— Он пишет, что возвращается на Ямайку.

— Как я рада! Я так и думала, что Кубина не сможет жить там, хотя они и сделали его принцем... Но как же Йола?

— Разумеется, она едет с ним. Конечно, он ее там не оставит. Йола скучает по Ямайке, чему я несколько не удивлюсь. Если есть на свете благословенный уголок, где находят друг друга любящие сердца, то это наша Ямайка. Для меня она — земной рай!

— И для меня, милый мой Герберт!

— Послушай! — воскликнул он, прочитав письмо дальше.— Кубина спрашивает, не продадим ли мы ему участок земли за Утесом Юмбо. Деньги ему дал отец Йола. Кубина хочет разводить там кофе.

— Как это чудесно! Значит, мы будем соседями.

— Мы не позволим ему покупать участок, мы ему его подарим. У нас достаточно земли. Как ты считаешь, моя дорогая? Ведь это все твое, а не мое. Решай сама.

— Ну что ты, Герберт! — мягко упрекнула его жена. — Ты меня огорчаешь. Я невольно вспомнила о печальных событиях прошлого года. Ты же знаешь, я тогда хотела все отдать тебе, полагая, что я действительно полная хозяйка...

— Теперь ты меня огорчила, дорогая Кэт. По праву ты законная наследница. Если бы мы даже не поженились, я бы никогда в жизни не отнял у тебя твоих владений... Так скажи, Кэт, подарим мы Кубине участок?

— Ну конечно!.. Как хорошо все-таки, что он решил уехать оттуда! — добавила Кэт. — Нет, право, я буду счастлива, когда Кубина с Йолой снова поселятся здесь, на нашем чудесном острове. Ты рад этому, Герберт?

— Конечно, дорогая. Ведь мы им так многим обязаны.

— Да. Я часто думаю об этом. И, не верь я в судьбу, я бы, пожалуй, считала, что если бы не они...

— Ну, это уж пустяки, дорогая, — шутливо прервал ее муж. — Это все глупые суеверия. Ни судьбы, ни рока не существует. Не отнимай у Кубины и Йолы их заслуг. Скажи откровенно, моя прелесть, ведь, если бы не они, ты бы теперь была миссис Смизи, а я... я...

— Ах, Герберт, не будем вспоминать прошлое! Забудем его. Ведь мы теперь так счастливы.

— Согласен. Но все же, дорогая, не будем забывать, как мы обязаны Кубине и его жене. Поэтому я предлагаю не только подарить им земельный участок, но и построить на нем дом, чтобы по приезде сюда они сразу имели собственную крышу над головой.

— Вот будет для них сюрприз!

— Значит, решено, так мы и сделаем... Какое дивное утро, Кэт! Правда? — Герберт выглянул в открытое окно.

Утро было вполне обычное, но Кэт на все смотрела глазами Герберта, и оба они все видели в розовом свете.

— В самом деле, прекрасное утро, — сказала Кэт и вопросительно посмотрела на мужа.

— Не прогуляться ли нам немного, дорогая?

— С большим удовольствием, Герберт. Куда же ты предлагаешь пойти?

— Попробуй догадаться!

— Нет, скажи сам!

— Ты забыла, Кэт, что, по обычаю креолов, медовый месяц длится целый год и все это время распоряжается новобрачная. Приказывай же, куда нам пойти?

— Куда угодно, Герберт. С тобой мне везде хорошо. Решай ты.

— Ну, раз ты предоставляешь мне право выбора, я предлагаю пойти на Утес Юмбо. С его вершины отлично виден тот участок земли, который, я думаю, мы подарим твоему брату. Можно сразу выбрать и место, где поставить дом. Ты не возражаешь?

— Милый Герберт,— сказала Кэт, беря мужа под руку и глядя на него с любовью,— мне и самой хотелось бы побывать на утесе.

— Почему, Кэт? Скажи!

— Как тебе не стыдно! Неужели ты сам не догадываешься? Напомнить тебе? Ведь я тебе уже не раз говорила.

— Скажи еще. Мне так приятно слушать, как ты рассказываешь о том часе, когда...

— Часе! Это длилось всего одну минуту, но за эту минуту можно было отдать всю жизнь. Ведь именно тогда мне все открылось. Язык взглядов правдивее языка слов. Если бы не этот взгляд, я впала бы в полное отчаяние. Воспоминание о нем поддерживало меня в дни невзгод. Наперекор всему я все-таки надеялась...

— Да-да, моя дорогая! То же было и со мной. Так пойдем же туда!

* * *

Час спустя они стояли на священном для них утесе. Герберт, казалось, забыл о своем намерении выбрать участок и место для дома Кубины, забыв обо всем на свете. Тяжелое прошлое осталось позади, в памяти сохранилась лишь та мимолетная встреча. Только о ней могли они думать и говорить.

— И ты уже тогда любила меня?

Вопрос был задан только для того, чтобы еще раз насладиться ответом, в котором Герберт был заранее уверен.

— Разве могла я тебя не любить? У тебя были такие дивные глаза...

— Были? А теперь разве нет?

— Ты дразнишь меня. Теперь они во сто раз прекраснее. Тогда я смотрела в них, почти не смея надеяться, а теперь я уверена, что они мои. Тогда радость моя продолжалась одну минуту, а теперь вся моя жизнь — беспредельное счастье!

И это было правдой. Взаимная любовь Герберта и Кэт была безгранична, и это доказывает, что даже в нашей печальной земной юдоли существует райское блаженство!

